

РОБ ДЖ. ХАЙЕС

МСТИТЕЛЬНЫЕ
ДУХИ

Он умрет столько раз, сколько потребуется.

Империя Ипия была когда-то землей, где были рады драконам и духам, но сто лет войны и кровопролития заставили их исчезнуть. Теперь потерянное возвращается, собрались онрё. Пять легендарных духов с загадочной силой, желающих освободить древнее зло, которое уничтожит человечество.

Харуто отдал душу богу смерти ради шанса отыскать мстительного духа своей жены. Он стал оммедзи, так что обязан охотиться на монстров и злобных духов. Но он знает, что не все духи злые, как и не все заслуживают покоя от его меча.

Кира — ученица Хэйвы, академии для детей с опасными техниками. Но у нее есть тайна, она отличается от других учеников. Когда на школу нападают, она убегает с наставницей, которая хочет спрятать их от тех, кто может ее убить, и от тех, кто может ее использовать.

Духи терзают землю, онрё оставляют для Харуто кровавый след. Но кто на кого охотится?

Роб Дж. Хайе

Мстительные духи

(Смертные техники — 3)

Перевод: Kuromiya Ren

*Когда-то могучий, дважды сломленный, проклят охотник мертвых.
За гранью, в поисках, на службе до могилы. Бой, забытый даже временем.*

*Значение слов не все слова могут передать. Нерушимая клятва перед богом.
Запятнанная красными чернилами греха, цель куда гуще воды.*

*Отраженное лицо раскрывает правду разбитого зеркала.
Узы семьи, любовь матери, месть за тех, кого не спасти.*

*Все угли умирают, оставляя пепел, но мертвые искры можно разжечь.
Сердце передано, плоти нет для связи. Боги и монстры ожидают.*

*Однажды убитый, дважды потерянный, остаток без оков и укрощения.
Кожа из мести, цель вместо души, мимолетное воспоминание того, что отняли.*

Пролог

Школа горела. Конихаши, Пятый Мудрец под Небесами, шагал по залам, полным дыма и огня. Его любимую академию уже не спасти. Огонь распространялся слишком быстро,

неестественно. Его ученики кричали о жутких фигурах во дворе, его товарищи-учителя — о змее в черном огне. Онрё пришли за ним. Все было его виной, и он должен был остановить это.

Пятый Мудрец под Небесами вышел из огня его горячей школы на холодный воздух ночи. Снег и пепел падали бело-черные во дворе, накрывая землю серым хлюпающим слоем. В дюжине шагов от него по мокрой земле и снегу его ждали онрё. Их было четверо, каждый был монстром.

— Он такой древний, — сказала огромная женщина, сев на корточки, ее ханфу натянул. Две сегментированные паучьи лапы торчали над ее плечами, каждая трогала воздух, словно струны невидимого кота. Она улыбнулась ему, и Конихаши увидел клыки с зазубринами за рубиновыми губами. — Старые всегда на вкус как пыль и лимоны.

Высокий мужчина рядом с ней застонал.

— Тебе нужно всегда говорить о еде? — его ухоженная красота не вязалась с хаосом вокруг, на нем было женское кимоно. Его длинные волосы развевались вокруг головы и плеч, словно он был под водой, каждая коса была с металлическим кончиком.

— Тихо! — сказал уродливый мужчина, садясь на корточки. Огонь вылетал из его рта, как слюна, когда он говорил, и он оскалился, глядя на Конихаши выпирающими глазами. Он был лысым и низким даже в высоких деревянных сабо, и его круглый живот торчал из одежды. Огонь стекал из уголка его рта, как слюна, топил снег у его ног, делал землю черной. — Это мудрец, за которым мы пришли, — он взглянул на последнюю фигуру.

Последний онрё был в белом кимоно, он молчал. Темный дым от горячей академии несся к нему со снегом, собирался под его одеждой, вылетал из рукавов. Капюшон был поднят, и внутри была только пустота.

— Где ваш хозяин? — сказал Конихаши. Если его ждал бой с онрё, он будет биться со всеми сразу. Он одолеет их раз и навсегда, заставит их заплатить за их зверства.

Конихаши сделал несколько шагов к ним. Его годы давили на него, его тело болело от усталости, какую знали только древние кости. Его кимоно было в саже, опаленное огнем, его трость почернела от огня. Несмотря на возраст, его ци ревела в нем, как адский огонь, рядом с которым пожар в академии казался угасающим угольком.

Фигура в белом одеянии прошла плавно ближе по покрывалу из дыма. Золотые завитки ветра и облаков тянулись по кимоно.

— Скажи, где последняя темница, Мудрец, — женский голос донесся из тьмы капюшона с хрипом.

— Ни за что! — только он остался из тех, кто знал о местоположении последней темницы. Вековой Клинок был мертв. Позолоченная Карга погибла. Тикающие Часы был хуже, чем мертв. Если Пятый Мудрец под Небесами присоединится к ним, так тому и быть. Он унесет тайну в могилу, как и все они.

Толстая женщина рассмеялась, ее огромное тело дрожало, еще две паучьи лапы появились из-за нее, тянули за нити шелка.

— Я могу заставить его говорить, — сказала она.

Красивый мужчина вздохнул.

— Прошу, не надо, Сифэнь. Ты всегда оставляешь ужасный бардак.

Низкий мужчина встал во весь рост, скалясь на женщину в белом одеянии.

— Он поставил тебя во главу на этой миссии, Ворона, — огонь вылетал из его рта с каждым словом. — Как хочешь сыграть?

Дым летел от женщины, растекался по двору, обвивал ноги ее спутников и делал снег грязно-серым.

— Не все твои ученики сбежали, Мудрец, — сказала она. Щупальце из дыма вытащило из-за них брыкающегося мальчика. Юный кохранец. Дорже. Пепел и сажа покрыли его форму. Его ладони, ступни и рот были обмотаны шелковой паутиной. Щупальце дыма подняло его за запястья, он висел перед женщиной в белом одеянии, а потом его бросил к распухшим ступням Сифэнь. — Скажи, где темница, или моя сестра проглотит мальчика.

Конишаши вздохнул. Они не оставили ему выбора. Он знал, что онрё придут за ним, но надеялся, что они не втянут в это его учеников. Это было глупой надеждой старика. Он всех их подвел.

— Посмотри на меня, Дорже, — мальчик посмотрел на Мудреца глазами, полными слез. В них был звериный страх. — Прости.

Конишаши поднял ладонь и толкнул падающую снежинку пальцем. Снежинка полетела к Дорже и пропала, пронзив его грудь и сердце, как стрела. Мальчик напрягся и расслабился, красное пятно уже пропитало жижу под ним. Конишаши ненавидел это, но у него не было выбора. Жизнь мальчика была ничем, по сравнению с хаосом, который онрё обрушат на мир, если он не остановит их.

— Ах, это было подло, — сказала мягко Сифэнь, темные паучьи глаза смотрели на Конишаши. — Они куда слаще, когда живые, — ее паучьи лапы уже трогали тело Дорже, шелковистые нити сияли в свете огня, она обвивала труп коконом.

Конишаши сделал еще шаг вперед, ноги хрустели снегом под ним. Он встал во весь рост, старые кости хрустели от напряжения, мышцы болели от усилий. Они считали его слабым, потому что он был старым. Считали его дряхлым, потому что он горбился. Вскоре они узнают, что Пятый Мудрец под Небесами был все еще непревзойденной силой.

— Я никогда не выдам темницу. Не монстрам, как вы, — он выпустил течение ци. Снег и пепел отлетали, носились вокруг него, подхваченные невидимыми потоками его силы.

Темные крылья трепетали над Конишаши, и что-то тяжелое упало на землю за ним. Он оглянулся и скривился. Хозяин онрё прибыл за ним.

Глава 1

Харуто толкнул дверь таверны и увидел пеструю коллекцию враждебных взглядов, преувеличенной дрожи, а бородатый мужчина застыл с напитком на пути ко рту. Он сделал шаг в таверну и стряхнул с сандалий снег. Он посмотрел на каждого посетителя с ладонью на катане. Все были мужчинами, некоторые были в кимоно, другие — в рабочей одежде.

Хозяин суетился над глиняной чашкой, вытирая ее с пылом. Снег влетал за Харуто и падал на пол.

— С дороги, старик, — прорычал Гуан, толкая Харуто в спину и заставляя его пройти, спотыкаясь, в таверну. — Там холоднее, чем на плече снеговика.

Гуан Мен ворвался внутрь и захлопнул за собой дверь, стряхнул снег с тяжелой меховой накидки, повесил ее на крючок у двери. Миг прошел, таверна ожила. Разговоры продолжились, и о двоих прибывших почти забыли. У Гуана была чудесная привычка расслаблять окружающих, хотя он даже не пытался.

Они нашли пустой стол в углу, так близко к огню, как только удалось, и Харуто сел на колени перед ним. Он вытащил пять ритуальных посохов из держателя на спине и прислонил их к стене за собой. А потом вытащил из-за пояса катану в ножнах, опустил на пол рядом с собой. Всегда под рукой. Шинтей не мог быть без меча, хотя он уже не был шинтеем. Не был так долго, что почти забыл ритуалы. Гуан рухнул на подушку у стола, устроился удобнее. Он вытянул ноги и потер хрустящие колени.

— Я говорил, что ненавижу Ипию? — тихо спросил Гуан, пытаюсь устроиться удобно. Он был маленьким мужчиной, который носил свой возраст как старый потрепанный плащ, любил достаточно, чтобы сохранить, но от него воняло плесенью, и кусочки держались вместе на нитях и надежде.

— Раз или два, — сказал Харуто с улыбкой. — Сегодня. Ты был довольно сдержанным.

— Стулья — это так тяжело? — сказал Гуан, стряхивая лед с неровной бороды. Он давно потерял волосы, но любил свою неудавшуюся попытку отрастить бороду. Он заявлял, что это согревало его лицо, хотя все еще жаловался на холод.

— Если бы у нас были стулья, ты не смог бы доставать до стола, — отметил Харуто.

Гуан заворчал, ерзая на подушке, сгибая одну ногу под собой, потом пробуя согнуть другую.

— Морковка! — выругался он. — Хотя бы дайте подушку побольше.

— Ненавижу твою клятву, — сказал Харуто. Он провел рукой по длинным волосам, стряхивая с них снег. Он поежился, кусочек льда скользнул по его спине.

— Мне плевать на то, что ты ненавидишь, старик, — сказал Гуан и рассмеялся.

Хозяин прибыл и поклонился им. Высокий мужчина с ангельским лицом и добрыми глазами, он взглянул на ритуальные посохи у стены, его брови подпрыгнули, как бобы на барабане.

— Чего желаете?

— Мы начнем с двух бутылок вина, — сказал Гуан, отыскав среди ворчания немного веселья.

— Три бутылки, — исправил друга Харуто. — У нас скоро будет компания.

— Она тут? — спросил Гуан, озираясь. — Я ее не вижу, старик, — хозяин взглянул на них по очереди с вопросом на губах.

Харуто пожал плечами.

— И немного еды, что-то особенное, — он махнул в сторону Гуана.

Гуан порывлся в кошельке, вытащил пять льен и вручил хозяину, подмигнув.

— Я храню деньги, иначе старик их потеряет.

— Старик? — хозяин снова взглянул на них. Он указал на Харуто. — Он не выглядит старым, но вы... — он замолк, увидев хмурый взгляд Гуана. — Прошу прощения, — хозяин низко поклонился.

Харуто вытащил маленькую деревянную императорскую печать из рукава кимоно и поднял ее.

— Если сможете повесить это перед баром, пока я тут, я буду благодарен.

Глаза хозяина загорелись, как солнце.

— У нас есть для вас работа, мастер оммедзи. Ждите тут, я принесу еду, — мужчина поклонился с уважением, схватил печать и ушел.

— Работа, работа, работа, — бормотал Гуан. — Я многое отдал бы за выходной.

Харуто фыркнул.

— Один из нас должен зарабатывать.

— Ха! — воскликнул Гуан. — Я очень популярен в Хосе, кстати.

— Вот и нет.

— Властные люди посылали мне подарки, чтобы я написал их истории.

Харуто закатил глаза. Они повторяли этот разговор каждый день с тех пор, как покинули Бан Пинь.

— Это не так.

— Женщины в восторге от моих слов.

— То было двадцать лет назад.

Гуан прищурился, глядя на Харуто.

— *С жестокими словами вонзается кинжал. Лед треснет, а под ним найдется чистая вода.*

Харуто рассмеялся.

— Ты — ужасный поэт.

Гуан почесал ладонью бороду и кивнул.

— Признаю, это было не лучшее мое творение.

Хозяин принес им три бутылки вина и чашки. Харуто налил себе чашку, другую отставил. Через какое-то время черепашка выползла из кухни, прошла к столу. Она остановилась рядом с Гуаном, посмотрела на стареющего поэта и постучала по столу коренастой лапкой.

Гуан взглянул на черепашку.

— Сделай сама.

Черепашка еще раз попыталась поднять лапу достаточно высоко, чтобы забраться на стол, посмотрела снова на Гуана. А потом открыла рот и свистнула.

Гуан вздохнул и поднял черепашку с пола, перевернул ее и опустил на стол панцирем вниз. Черепашка болтала лапками в воздухе.

— Это немного подло, — сказал Харуто.

Гуан фыркнул.

— Она сможет перевернуться, если захочет. Просто ей нравится изображать беспомощность, — он склонился и смотрел на черепашку, ткнул ее пальцем, и она закрутилась.

С хлопком темный комок шерсти размером с котенка вылетел из черепашки. Она выглядела как большой комок пыли с огромными глазами и тонкими волосатыми ногами. Она прошла по краю стола, пока черепаха махала лапками в воздухе. Шики была игривым маленьким духом, который любил захватывать зверей, но она редко думала, в каком положении оставляла их, когда покидала. Она смотрела на Гуана огромными мерцающими глазами, вытащила из пушистого тела тонкую руку и погрозила ему, тихо чирикавая.

— Что она говорит? — спросил старый поэт.

Харуто улыбнулся.

— Что ты — грубый нахал.

Гуан поставил черепашку на лапы и опустил на пол.

— Я не должен был спрашивать, — черепашка повернулась и ушла к кухне.

Шики закончила тираду и прошла к третьей чашке вина. Ее тонкие ноги казались достаточно сильными, чтобы поддерживать ее вес, и она всегда казалась неуклюжей в своем естественном облике. Наверное, потому она часто захватывала зверей. Она села на столе перед чашкой вина, ее ноги пропали, словно и не существовали, черные лапки с дрожью подняли чашку. Широкий рот открылся в глубинах ее шерсти, и она проглотила вино одним махом. Она облизнула губы, и ее рот пропал, словно его там и не было. Она была спутником-духом Харуто, сколько он помнил, но ее причуды всегда вызывали у него улыбку.

— Чудесно, — сказал Гуан.

Харуто пожал плечами.

— Нет-нет-нет, — сказал хозяин, когда принес две миски горячего бульона. — Никаких... кхм, зверей? Они пугают мою черепаху.

Шики взглянула на хозяина, моргнула, а потом посмотрела на Харуто и чирикнула.

— Шики — не зверь, — сказал Харуто. Он вел этот разговор с каждым хозяином таверн в Хосе, Ипии и Нэш. Может, не Нэш, но тем было плевать, даже если ты брал с собой в таверну лошадь. — Она — дух.

Хозяин таверны пялился миг то на Шики, то на ритуальные посохи у стены.

— Ёкай? Это хуже.

— Она — не ёкай, — возразил Харуто. — Она — дух-спутник. Мой дух-спутник.

Гуан фыркнул.

— Ёкаи устраивают проблемы. Она устраивает проблемы. В чем разница? — Шики хмуро посмотрела на него.

— Ты не помогаешь, Гуан.

Хозяин таверны стоял с красным лицом, держал их еду.

— Шики, — Харуто кивнул ей. Она встала, закружилась на месте, запрыгнула на плечо Харуто, долгий миг смотрела на хозяина, моргнула и исчезла. Харуто все еще ощущал ее пушистый хвостик, щекочущий его шею. Он заплатит за это позже. Шики ненавидела быть невидимой.

— Я думал, вы убиваете ёкаев? — сказал хозяин, опуская миски на стол.

Харуто скривился.

— Я — оммедзи, — сказал он. — Мы не убиваем духов. Точнее, убиваем, но злых. В основном, ёкаев. Шики — не ёкай.

Гуан сделал глоток вина и вытер лицо рукавом.

— Я написал пару стихотворений о его деяниях. Например, «Бой двух мостов»? Как там? *Два моста пересекали реку Шо, но видно было лишь один. Другой в неизведанное вел...*

— Гуан, — Харуто покачал головой. Стихотворение было ужасным и не показывало их в хорошем свете.

Хозяин таверны нахмурился и поманил одного из посетителей. Приземистый мужчина с растрепанными волосами и фартуком в старой крови с поля боя встал из-за людного стола и подошел.

— Нобу, — хозяин указал на Харуто. — Расскажи им.

— Уверены? — спросил мужчина в фартуке.

Хозяин кивнул.

— Он — оммедзи, даже с императорской печатью, — он указал на деревянную печать, которую Харуто попросил повесить на баре.

Нобу взглянул на печать, потом на ритуальные посохи, а потом на Харуто.

— Вы слышали о Воющей Женщине?

Гуан рассмеялся и сделал еще глоток вина.

— Слышали ли мы о Воющей Женщине? — он скрестил ноги, опустил ладони на колени и склонился над столом. Он собирался рассказать им историю. — А вы?

* * *

Давным-давно, еще до десяти воюющих королей Хосы и Кровавых двигателей Кохрана, мир был спокойнее. Хара Чинами, девушка с глазами сокола и уверенными, как скала, руками любила рисовать, создавала лучшие картины во всей Ипии. Ее умением так восторгались, что Исэ Кацуо, император Ипии, несмотря на ее скромное происхождение, захотел даровать ей часть нарисовать его. Сделать его бессмертным ее кистью. Но Хара взглянула на императора, и ее пронизательный взгляд увидел, что было за поверхностью мужчины, ведь это было ее истинной техникой — не умение смешать краски, не мазки кистью, а умение видеть правду всего. Она отказала императору Исэ, заявив, что рисовала только пейзажи. Долины, такие красивые, что на них нельзя было смотреть без слез, реки, такие похожие на настоящие, что потоки мазков уносили смотрящих.

Император Исэ не обрадовался. Он ведь был императором, а никто не отказывал императору. Он пришел к ней снова на следующий день, потребовал, чтобы она сделала его бессмертным, нарисовала его таким ярким, чтобы все, кто видел картину, рыдал. Она снова отказала, Хара была крепкой, как деревья конара на горе Сока. Ее не мог запугать даже император. Он был не первым властным человеком, который требовал что-то от нее.

Император Исэ в ярости послал солдат в дом Хары. Они забрали бедную Хару Чинами в цепях, сожгли ее дом и все ее картины. На землях замка стоял колодец, давно засохший до пыли и грязи, и они бросили в его черные глубины Хару. Исэ Кацуо накрыл колодец крышкой, чтобы свет не проникал туда. Пока Хара не согласится нарисовать его со своим талантом, она не увидит ни света, ни красок, ни красоты природы, которая так ее вдохновляла. Она нарисует его, даже если ему придется сначала сломать ее.

Хара плакала. Она пыталась пощадить императора от боли из-за взгляда на истинного себя, на то, что раскрывала ее кисть. Но отказом она привлекала его.

На десятый день плена Хары Чинами император Исэ сдвинул крышку на колодце и посмотрел на нее, потребовал нарисовать его. Конечно, она отказалась, зная, что рисунок только сильнее его разозлит. Когда людей, как император Исэ Кацуо, заставляют смотреть на их истинных я, они всегда обвиняют других. Исэ приказал вернуть крышку на место и оставил Хару во тьме.

На пятидесятый день ее плена — Хара уже перестала считать — император снова пришёл к ней. Он снова потребовал нарисовать его. Она снова отказалась. Она верила, что он выпустит ее. Хоть она видела в нем монстра, она не собиралась слушаться, и он должен был понять, что ее не сломать.

Хара ошиблась. Император Исэ вернул крышку и отправился на поиски другого художника, который мог нарисовать его так же талантливо.

Прошли три года, и триста художников не смогли изобразить императора Исэ во всей

красе, как он считал. По сравнению с божественным умением Хары Чинами, другие были любителями. Он пошел к колодцу, уверенный, что после трех лет тьмы и изоляции Харе придется согласиться на его требования. Но, когда он убрал крышку и заглянул во тьму, там было пусто. Он отправил мужчин в глубины на поиски Хары, но они не нашли ни следа, ни туннеля, ни останков. Будто женщины там и не было.

Той ночью жуткий вой разбудил всех в замке. Он звучал от стен, от пола. Он поднимался от фундамента и разносился эхом до звезд. Никто не мог найти источник страшных воплей, но все знали голос. Все слышали, как Хара плакала в колодце. Они три года слышали крики художницы.

На следующее утро солдаты открыли покои императора, но там было пусто. Исэ пропал. Над кроватью императора висела новая картина. Исэ Кацуо был нарисован в оттенках красного. С холста текла кровь.

Никто не видел Хару Чинами или Исэ Кацуо. Но Исэ Кацуо навсегда запомнили Алым императором. И до сих пор посреди ночи, если прислушаться, слышно жуткий вой Хары из колодца.

* * *

Вся таверна притихла и слушала, как Гуан рассказывал о Воющей Женщине, некоторые были в ужасе.

Многие деревенские истории о ёкаях были выдумкой, но Харуто задумался, была ли правда в этой. Хотя он потерял счет несоответствиям в истории Гуана, он узнал за много лет, которые они были вместе, что поэту не стоило мешать рассказывать истории. Не было способа лучше поднять цену за спасение от ёкая, чем жуткая история.

— Это не может быть Хара Чинами, — сказал хозяин таверны.

— В академии есть колодец, — сказал мужчина с носом-картошкой в красных венах.

— Она воет только ночью, — сказал мужчина с заячьей губой. — Мы все ее слышали.

— Так я был прав? — сказал Нобу, сцепив ладони. Харуто принял его за городского судью, несмотря на фартук в крови, растрепанные волосы и мешки под глазами. Поселение Сачи не казалось благополучным, а в отдаленных городах судьи часто выполняли и другую работу. — Это ёкай? Мстительный дух в ответе за сгоревшую академию?

Гуан поднялся на ноги, колени хрустели.

— Академия Хэйва сгорела? — он сжал руку Нобу.

Нобу попытался вырваться, но Гуан крепко держал.

— Эм, да. Две недели назад. Ученики и учителя пропали, и никто не пойдет их искать, раз в развалинах есть Воющая Женщина.

Шики свистнула в ухо Харуто. Она говорила ему, что поблизости был ёкай. Его мучала боль, сводило с ума желание мести. Мстительные духи мертвых принимали разные облики, и его работой было прогонять их.

— Вопрос насчет оплаты, — сказал Харуто. — Оммедзи не работают бесплатно. Сто льен, и я разберусь с вашим ёкаем.

Нобу кашлянул и устался на Харуто.

— Сто льен? — он взглянул на других посетителей. Многие отвели взгляды. — Мы не отыщем столько. Вы должны понять, мастер оммедзи, что почти весь доход Сачи был от академии. Без нее нам будет тяжело платить многим ремесленникам, переехавшим сюда. Я могу собрать пятьдесят льен.

Харуто вытащил трубку из кимоно и стал набивать ее листьями. Она состояла из

простой деревянной трубочки, чаши из меди в форме колокола. Не лучшая его трубка, но у него была печальная привычка терять их. Он взглянул на Гуана.

Гуан кашлянул.

— Хара Чинами — очень опасный ёкай, — сказал старый поэт, не дрогнув. — Чем старше они, тем опаснее, уверен, вы это знаете. И если почти весь ваш доход был от Хэйвы, вы точно хотите, чтобы место перестало быть опасным поскорее, чтобы подать императрице Исэ Рьоко петицию о восстановлении. Нам жаль вас, но нужно учесть опасность. И закон гласит, что оммедзи не работают бесплатно. Это закон императора.

Судья посмотрел на хозяина таверны с детским лицом, тот кивнул.

— Шестидесят льен, выше мы не можем позволить.

Харуто закончил набивать трубку и сунул ее в рот. Шики появилась с хлопком и прыгнула в лампу на стене за Харуто, захватила огонь. Она полетела к ним, глаза были как полные луны, хитрые, внутри огня. Она зажгла листья в трубке. Харуто растопил трубку и кивнул. Шики вернулась в облик духа, ее огонь угас. Она села на плечо кимоно Харуто.

— Шестидесяти льен хватит, — сказал он, выдыхая дым. — Мы разберемся с вашим ёкаем, как только я доем суп.

Глава 2

Обгоревшие кости академии Хэйва тянулись перед ними. В тусклом мраке ночи сломанные балки и черные доски выглядели как темные когти, вырывающиеся из земли, тянущиеся к облакам на небе. Два здания поменьше еще стояли, но пожар уничтожил главное строение Хэйвы, сжег пол, стены и крышу. Оставшееся рухнуло, окрасив снег в черный сажей.

Разрушение было огромным. Место было громадным, полным какофонии детей. Это было так давно, что Харуто даже не помнил свое детство. Он был уверен, что его много раз бил его старший брат, но это не вспомнили бы даже историк. Сколько умерло в ночь пожара? И кто из них стал ёкаем?

Ступня Харуто опустилась на что-то твердое, скрытое снегом. Он смахнул снег и увидел бронзовую табличку «Академия Хэйва». Уголок согнулся, словно его сорвали с низкой стены вокруг земель академии. Шики тихо свистнула, сидя на плече Харуто. Маленький дух была права. Это сделал не огонь. Это было жестоким действием.

Гуан был удивительно тихим. Он кутался в плащ с меховым подбоем, капюшон скрывал голову в пятнах, иней покрыл седую неровную бороду. Он смотрел на останки сгоревшей школы. Харуто еще не видел его таким напряженным. Натянутая тетива. Она или порвется, или совершит ужасный удар. Харуто не мог этого допустить.

— Пора тебе сказать, зачем мы пришли сюда, — сказал он другу.

Гуан поежился и посмотрел на него рассеянно. А потом задрожал и отвел взгляд на обгоревшие кости школы.

— Хэйва была основана Пятым Мудрецом под Небесами после того, как он перестал служить Вековому Клинку. Это... была школа, посвященная обучению детей, у которых были

опасные техники. Этим детям было некуда идти. Или порой это были дети, которым родители могли обеспечить лучшее образование, — Гуан покачал головой. — Каждый учитель тут был мастером, каждый ученик — будущим героем. Кто мог такое сделать? Зачем?

Пронзительный вой рассек тишину ночи, разнесся эхом над развалинами школы, обещая кровь.

Шики с дрожью свистнула, шерсть на ее спине встала дыбом и посинела. Она спряталась за плечом Харуто, впиалась в его кимоно.

— Какой трусливый дух, — сказал Харуто, потянулся за плечо, поймал ее за шкурку и вернул на свое плечо. Она смотрела на него такими большими глазами, что были только зрачки, свистнула на ухо Харуто. — Уверена? — спросил Харуто.

— Что она сказала?

Харуто вздохнул и прошел мимо низкой каменной стены на земли академии.

— Что нас ждет бой.

— Тебя, — фыркнул Гуан, часть его обычного юмора вернулась в голос.

— Ну, да, конечно. Можешь посмотреть и написать эпическую поэму о моей победе.

— Мне напомнить тебе о Базане из деревни Торото?

— Не стоит.

Гуан рассмеялся, хотя и сдавленно.

— Он чуть не оторвал тебе руку, чтобы избить тебя ею.

Харуто хотел спорить, но Гуан не ошибался.

— Я все еще одолел его.

Гуан хмыкнул.

— Только потому, что он растерялся, когда ты не умер.

— Как говорил старый философ? Победа — это победа?

— Победа заслуживает любой цены. Поражение — монета без ценности, — сказал Гуан.

— Я был близко, — сказал Харуто, снег хрустел под ногами.

Еще вой рассек ночь, крик боли, страха и горя, смешанных в одно, изданный с такой силой, что даже Харуто замер. Это был не слабый ёкай. Этот был юным, но сильным. Его аура была массой смятения, он пытался выманить их состраданием, человеческим желанием утешить его ненасытное горе, но и пытался отогнать их парализующим ужасом.

— Откуда ты знаешь об этом месте? — спросил Харуто, когда вопль утих. Он мог бороться с аурой, годы обучения сопротивлению закалили его, он выдерживал чужие эмоции, давящие на него. Но Гуан был поэтом, а не оммедзи, и отвлечь его от ауры можно было разговором.

Гуан буркнул без слов. Этот звук он издавал, когда пытался собраться с мыслями.

— Мой сын тут учился, — сказал он, они увидели первые тела в снегу.

Харуто опустился на снег у тела.

— Шики.

Шики глубоко вдохнула, стала в три раза больше, чем обычно, а потом выдохнула, и порыв воздуха сдул снег с трупа. Она закончила с радостным чириканьем. Две ручки появились из пушистого тела, она потерла их, ведь справилась с работой, и руки пропали. Там был замерзший юноша в школьной форме, его кожа была белой, как снег, глаза большими, а рот — раскрытым. Снег под ним был красным, алый цветок был на груди. У

него было ожерелье из шестеренок, пружин и гаек, так что Харуто решил, что он был из Кохрана далеко на севере. Его ладони были связаны шелковистой веревкой. Тонкие нити тянулись от его одежды, и когда Харуто коснулся их, они треснули, замерзшие.

— Я не видел сына годами, — продолжил Гуан, снова болтливый. — Он злился на меня за то, что я отдал меч. Всегда думал, что я должен был учить тут, а не... — он издал горький смешок, — *тратить жизнь, записывая ложь о бесполезном шарлатане.*

Харуто рассмеялся и вдруг замолк.

— Так я — бесполезный шарлатан?

Гуан просто смотрел на него.

Харуто отвернулся.

— Звал меня шарлатаном? Сколько жизней *он* спас? — он остановился и погрозил холодным пальцем старому другу. Он хотел оскорбить сына мужчины, но понял, что и он мог быть где-то в снегу.

Гуан похлопал Харуто по плечу.

— Знаю. Знаю. Он злился не на тебя, старик.

Ближе к главному зданию земля была во вмятинах, построения были разбитыми, десятки орудий на земле были как изо льда. Ёкай завопил снова, и Шики пискнула и спряталась в складки кимоно Харуто. Ее шерсть щекотала его кожу, но, когда он пытался дотянуться до нее, она уклонялась. Духи делали, что хотели, а Шики всегда была ловкой.

Они нашли больше тел на дороге, укрытой снегом, вокруг главного здания. Некоторые были учениками, другие напоминали учителей. Они сгорели, были разорваны и пронзены. Многие умерли с оружием в руке, но заточенная сталь не помогла им, как и техники, которым учили в академии. Это была резня.

У задней части главного здания академии они заметили ёкая, шагающего среди развалин. Он рылся в обломках черными когтями. Пятна лунного света падали на темную кожу. Его волосы были обгоревшей щетиной, на нем были разорванные хакама, но выше пояса он был голым. Спина была в мелких ранах, из некоторых еще текла кровь. Черные тонкие вены тянулись из пары колотых ран на шее ёкая. Это была не Воющая Женщина, не Хара Чинами. Она была просто страшной историей. Это существо было настоящим мстительным духом, появившимся из одного из учителей или учеников Хэйвы, когда академия сгорела. Харуто смотрел, как ёкай вытащил из развалин замерзшую руку. Мстительный дух снова завыл, боль была такой сильной, что падающий снег стал кружиться. Харуто скривился, повернулся и увидел, что Гуан в ужасе глядел на мстительного духа.

— Это он? — спросил Харуто. — Твой сын?

Гуан дрожал. Он кивнул и отвернулся. Всхлип сотряс его, старый поэт сжался.

— Мне жаль, Гуан, — сказал Харуто. Он опустил ладонь на плечо друга, и Гуан рухнул на колени в снегу, дрожа.

Ёкай повернулся и пошел дальше в развалины балок, обгоревших стен, пепла и снега. Он раздвигал куски когтями, словно что-то искал. Они разглядели его. Он был высоким и худым. Он был сильным в жизни, но в смерти был призраком в мелких ранах, откуда темными струйками текла кровь. Его глаза были черными, без цвета, и его губы были испорчены порезами, неровные зубы торчали из десен. Он был теперь хассяку, ёкаем, который похищал детей и питался их кровью. Сын Гуана был учителем, защищал и тренировал детей, но его жестокая смерть исказила все, чем он был в жизни. Он был юным сильным ёкаем, появившимся не из одной смерти, а из общей трагедии учеников и учителей,

умерших в Хэйве.

Гуан шмыгнул носом, поднявшись на ноги. Он вытер глаза ладонью в чернилах.

— Ты можешь... — он умолк. Гуан ходил с Харуто почти пятнадцать лет. Он видел достаточно ёкаев, чтобы знать, что с ними можно было сделать, а что — нет. — Я не имею права просить, но ты можешь помочь ему перейти?

Харуто сжал плечо друга.

— Не нужно даже просить, — сказал он. Было много способов разобраться с ёкаем, одни более мирные, чем другие, одни добрее других. — Как его звали?

Гуан всхлипнул.

— Тянь Мен, — его голос оборвался.

Харуто вытащил из-за спины огненный посох, четыре фута металла с кругом размером с его кулак на конце, там был оранжевый огонек, который горел без топлива. Без слов он шагнул вперед в развалины Хэйвы и пошел среди обломков к сыну Гуана.

— Проклятье! — обгоревшая балка треснула под ногой Харуто, и он отшатнулся к обломкам, покрытым снегом. Что-то вонзилось в его ногу, вспыхнула агония. Он прокатился, ощущая боль, покрытый сажей, оказался у ног ёкая, на которого охотился.

Хассяку смотрел на него злобными черными глазами. Он пошевелил когтями, слюна текла с его клыков. Хассяку родился из горя, от того, как член семьи или ученик умер на его глазах перед тем, как он умер.

— Не лучшее мое появление, — Харуто поднялся на ноги и стряхнул с кимоно пепел и снег. Обгоревшая заноза торчала из его левого бедра, хотя назвать это занозой было как назвать коня пони. Он сжал кусок ладонью и вырвал ее с брызгами крови, от боли его чуть не стошнило. Хуже, он выронил огненный посох.

Хассяку не дал оправиться. Он закричал и прыгнул на Харуто, ладони с когтями тянулись к нему. Харуто бросился в сторону, врезался в груды балок и пепла, поднял облако сажи и снега. Он вскочил на ноги, увидел, как хассяку прыгнул на него снова. Он уклонился от когтя, но следующий удар порвал его накидку и кимоно, плоть под ними. Шишки запищала и заползла глубже под его кимоно.

Харуто отшатнулся, держась за грудь, ощущая, как кровь текла из раны, пропитывая порванное кимоно. Он потянулся к катане, но замер, только задел рукоять ладонью. Он не мог просто убить этого ёкая. Нужно было его упокоить. Освободить. Он опустился на колени и стал рыться среди обгоревших обломков в поисках огненного посоха, но увидел его среди мусора за хассяку. Ёкай вдохнул, издал оглушительный вопль и бросился на Харуто.

Ёкай был быстрым и ловким, а Харуто уже шатался от боли. Он бросился на духа, и они столкнулись, рухнули на пепел на земле. Харуто ощутил, как когти впились в его бок. Он откатился и вскочил на ноги, пошатнулся и вытащил огненный посох из развалин.

— Хорошо, — прорычал он сквозь зубы, повернулся снов к хассяку. — Теперь мы сделаем это правильно, — чтобы поймать ёкая, нужно было выстроить посохи в идеальном порядке и форме. Пять посохов на концах звезды, и каждый должен был пустить кровь перед тем, как устанавливать его.

Хассяку закричал и напал на него. Когти сверкнули в свете луны. Харуто развернул посох, отбил когти, повернулся и вонзил наконечник посоха в лицо ёкая так сильно, что потекла кровь, он отшатнулся.

— Вот так, — Харуто вонзил посох в землю. — Огонь, — огонек на конце посоха вспыхнул, окутал посох.

Он вытащил из-за плеча посох земли. На конце посоха парил камешек в круге. Он шагнул в сторону, крутя посох, глядя на хассяку. Тот оправился и повернулся к нему.

— Тебе больно, знаю, — сказал Харуто.

Хассяку поднял руку с горстью пепла, метнул ее в Харуто. Харуто уклонился и взмахнул посохом, когда ёкай потянулся к нему. Он ударил набалдашником по раненой груди духа, по лицу, снова пустив темную маслянистую кровь. Он вонзил посох в землю.

— Земля, — почва поднялась вокруг посоха, заточила его в камне и земле.

Харуто взял металлический посох, в круге парил кусочек железной руды. Хассяку бросился, сжал посох, который держал Харуто. Они боролись за него, шагая среди обломков. Ёкай завопил в лицо Харуто, в ушах Харуто хлопнуло, голова ощущалась так, словно внутри крутился кунай, но он все еще сжимал посох, отчаянно боролся. Екай дернулся к нему, чудовищные зубы щелкнули перед его лицом. Харуто с большим рывком отскочил, хассяку с ним. Его спина ударилась об землю, осколки дерева впились в его плоть, но он ударил ёкай ногами, сбросил его с себя, и он рухнул на расстоянии ладони. Харуто вскочил на ноги, повернулся и ударил посохом по лицу ёкай еще раз. Он возил третий посох в землю.

— Металл, — почерневшие гвозди, брошенные ножи и кусочки металла прилетели к посоху и прилипли к нему.

Посох воды был с шариком воды в круге. Харуто отпрянул от хассяку, пока тот метался, поднимаясь на ноги.

— Я не буду больше мягким с тобой, — прорычал он ёкаю, сел на корточки, готовый напасть. Проблема с такими ёкаями была в том, что они не уставали, и раны на теле не останавливали их. Убийство тела только отправит их на поиски нового недавно умершего тела. Его нужно было упокоить.

Хассяку снова напал, и в этот раз Харуто шагнул к нему, нанес удары посохом, каждый раз отталкивая духа, брызги крови падали на снег. Он вонзил посох в землю.

— Вода, — сфера воды на конце посоха стала больше, капли потекли по металлическому посоху и замерзли на снегу на земле.

Харуто вытащил последний посох, этот был с кусочком коры в круге.

Хассяку шагнул к нему, мотая головой, сплевывая кровь. Харуто нырнул, развернул посох и ударил им по виску хассяку, ёкай покатился по снегу и пеплу, оказался в центре других четырех посохов.

— Дерево, — сказал он, отпрянул на шаг и вонзил посох в землю, такой уставший, что чуть не промазал. Корни потянулись из дерева ближайших балок, обвили посох, поднялись по нему.

Харуто отшатнулся и рухнул на обгоревшую балку, застонал, кривясь от боли.

— Это задержит тебя на пару минут, — сказал он. Харуто глубоко вдохнул и выдохнул. Он посмотрел на ноющую руку и вытащил кривой ноготь из кровотокающей раны.

Хассяку медленно встал и бросился на него, врезался в невидимый барьер, созданный пятью ритуальными посохами, отлетел и рухнул на землю, покрытую пеплом и снега. Он поднялся снова и убежал от Харуто, врезался в барьер снова и рухнул на спину. Харуто сел на кусок балки и смотрел, как ёкай отлетает от барьера несколько раз, пока он не перестал пытаться сбежать и потянулся к посоху земли. Полетели искры, и он отдернул когти, воя от боли.

Он знал, что был в ловушке. Такие ёкаи не были глупыми. В них почти ничего не осталось от изначальных людей, да, но все же немного было. Где-то глубоко во всех ёкаях

были люди, какими они были раньше. Хассяку были типом мононоке, несчастными ёкаями. Харуто упрекнул себя за мысль. Нет, не несчастными. Трагичными. Они заслуживали сострадания, не жалости.

Хассяку ходил в невидимой клетке, рыча, как зверь, сотня ран на груди, спине и руках сочилась кровью. Черные вены на его шее пульсировали. Шелк клочками свисал с его плеч, тянулся из хакама. Харуто смотрел и готовился к грядущему. К тому, что ему нужно было сделать.

Шики выбралась из его порванного кимоно и села на его плече. Она чирикнула, как птица. Глаза были большими и белыми, как вареный рис.

— Я готовлюсь, — сказал Харуто.

Шики чирикнула.

— Да, конечно, я ленюсь, — Харуто вскинул руки. — Хочешь сделать это?

Шики чирикнула.

— Не думаю, — Харуто вздохнул, склонился и вскочил на ноги. — Лучше покончить с этим, пока благословения не рассеялись.

Он подошел к барьеру.

— Оморецу, — сказал он, произнося имя своего покровителя-шинигами. — Я служу от твоего имени. Я служу вместо тебя. С твоим благословением я несу покой умершим.

Харуто глубоко вдохнул.

— Будет больно, — он прошел сквозь барьер в клетку хассяку.

Ёкай бросился к нему, и Харуто прошел без оружия к нему. Ёкай врезался, впился когтями в его плоть, в его грудь. Дух кричал так громко, что кровь текла из ушей Харуто. Харуто стиснул зубы, зарычал и прижал ладонь ко лбу хассяку, а другую — над его сердцем. А потом прокричал в лицо духа:

— Я именую тебя Тянь Мен.

Хассяку запнулся, убрал когти из плоти Харуто и опустил руки по бокам. Он все еще кричал, открыв рот невозможно широко, из губ текла кровь, зубы торчали изо рта.

— Я именую тебя Тянь Мен, — повторил Харуто, шипя от боли. — Сын Гуан Мена. Учитель в академии Хэйва, — он закашлялся, ощутил кровь. — Я именую тебя Тянь Мен, горящий, убитый, — он вдохнул и закричал в пасть воющего духа. — Я именую тебя Тянь Мен!

Крик утих, рот хассяку медленно закрылся. Он отшатнулся на шаг, и Харуто рухнул на колени перед хассяку. Его кимоно было изорвано, в крови. Ему было плохо от боли, но он встал на ноги и повернулся к ёкаю. Глаза хассяку медленно прояснились, тьма сменилась темно-карими, как у Гуана, глазами человека.

Тянь медленно поднял ладони, посмотрел на черные когти. Он коснулся своего пострадавшего рта, жутких зубов, торчащих из десен. Он посмотрел на кровоточащие раны на своей груди, раны, которые убили его. А потом посмотрел на Харуто.

— Знаю, — сказал Харуто. Он шагнул вперед и опустил ладонь на сердце Тяня. — Больно, знаю. Желание мести — горящий хлыст, который гонит тебя к жестокости. Отпусти его. Я понесу его. Я возьму твою боль, понесу бремя твоего горя. Отдай его мне, Тянь, и я понесу твою месть к ее источнику. Отпусти ее, я понесу ее за тебя. Прошу, прими покой.

Тянь пошатнулся. Глаза снова затуманились тьмой на миг, снова прояснились, и он открыл рот. Его кривые зубы вонзались в потрескавшиеся губы, раненый язык скользнул по ним, оставил кровь, но он смог произнести одно слово:

— Онрё.

Харуто ощутил, как гнев затопил его, стер и утопил. Жажда мести была такой сильной, что затмила мысли, сделала небо маленьким, а солнце — холодным. Он принял это, и месть опустилась в его живот, обвила его сердце. Еще одна боль, которую придется нести.

Он был на коленях, но не помнил, как упал. Он охнул, встал и осмотрел на Тяна.

— Я понесу это за тебя, — сказал Харуто. — А ты можешь отдыхать. Именем Оморецу я дарю тебе покой, Тян Мен, — хассяку чуть склонил голову.

Харуто вытащил катану, направил ее в сторону.

— Шики, — дух прыгнул с его тела в меч с хлопком, и клинок стал алым. — Отдыхай, — Харуто сжал Шики обеими руками и вонзил ее в сердце Тяна.

Глава 3

Ослепительный свет нового утра появился на востоке, когда Харуто вышел из обгоревших обломков академии Хэйва. Он нес тело Тяна, оторвал кусок своего кимоно, чтобы накрыть голову мужчины. Он не хотел, чтобы Гуан видел, как лицо его сына стало чудовищной маской хассяку. Старый поэт ждал, укутавшись в плащ, огонь трещал, отгоняя снег и холод. Он молчал, пока Харуто приближался, но глаза были красными и опухшими.

Харуто опустил тело на снег у костра, прошел вперед и рухнул у огня. Шики покачивалась на его плече, темная шерсть щекотала его щеку. Она свистела, прыгнула в огонь с хлопком, захватила пламя. Харуто хотел бы ощутить ее радость от такого простого действия, но знал лишь гнев и горе Тяна. Буря эмоций в нем терзала его, и он обещал себе не срываться на горящем отце. Они сидели в тишине пару минут, никто не хотел говорить первым.

— Было больно, — сказал Гуан. Он взял кусок доски с земли и ткнул им костер. Глаза Шики в огне стали большими, и огонь поймал доску и забрал из рук Гуана.

Харуто рассмеялся.

— Мне нужно новое кимоно, — он потянул за изорванную ткань в крови. Кимоно едва держалось на плече, неровное и рваное, кровь засыхала. И от него начинало вонять.

Старый поэт улыбнулся от этого.

— Ты меняешь их быстрее куртизанки.

— Думаю, им веселее.

Они погрузились в неловкую тишину, а потом Гуан спросил:

— Как раны?

Харуто пожал плечами.

— Какие раны? — он сдвинул обрывки кимоно, показал гладкую кожу без ран. Только засохшая кровь показывала, что прошел бой. — Они быстро зажили. Ёкай не был достаточно старым, чтобы проклясть раны. Так могут редкие.

Они молчали, и Харуто стал искать трубку. Он похлопал по кимоно, проверил землю у костра, но не нашел ее. Он посмотрел на небо.

— Как не стыдно, Нацуко, — укорил он богиню потерянных вещей. — Четвертая за год.

Гуан улыбнулся и стал рыться в сумке.

— Еще одну потерял? — он вытащил трубку, покрутил ее и отдал Харуто. — Я спрятал эту, но... видимо, для этого момента.

Трубка была красивой. Белое дерево, вырезанная из одной ветки. Она была короче, чем любил Харуто, но чаша была вырезана с узором из когтя дракона. Он провел пальцем по чешуе и когтю. Изысканная трубка, было даже почти обидно использовать ее. Почти.

— Это будет стоить мне состояние, — сказал Харуто, стал набивать трубку листьями.

Гуан рассмеялся.

— Уверяю тебя, твои деньги были хорошо потрачены.

Гуан сидел в тишине, пока Харуто курил. Они не хотели начинать разговор, но оба знали, что это должно было произойти. Харуто взглянул на Гуана, увидел, что он глядел на огонь, а белые глаза Шики смотрели на него. Старый поэт поднял взгляд, и Харуто быстро отвернулся к участку снега. Когда он повернул голову, Гуан все еще смотрел. Они оба рассмеялись, но сдавленно.

— Хорошо, хватит уклоняться, старик, — сказал Гуан. — Ты это сделал?

— Да, — Харуто выдохнул дым. — Тянь свободен. Я забрал его бремя и отправил его в Оморецу.

Гуан хмыкнул, рассеянно ковырял пальцем холодную землю, а потом сказал:

— Хорошо. Хорошо, — он встал и обошел костер. Когда он дошел до трупа Тяня, он склонился над ним и застонал. Сотни мелких ран покрывали его грудь, каждая застыла от крови. Черные вены тянулись по шее и плечу, по щеке. Плечи Гуана дрожали, слезы катились по щекам, капали на грудь Тяня. Харуто отвернулся и выдохнул дым.

— Месть, да? — спросил сдавленно Гуан.

Харуто бросил еще обломок доски в огонь, смотрел, как Шики бросилась на него, как волк на добычу.

— Да.

— Сколько у тебя времени?

Об этом Харуто не хотел говорить. Он забрал бремя Тяня и отправил его к Оморецу. Он освободил Тяня, но не отправил его дальше. Если Харуто сможет вовремя завершить мечь Тяня, Оморецу направит Тяня дальше, и он переродится в новой жизни. Если Харуто не сможет отомстить вовремя, Тянь вернется на землю и к Харуто. Тянь захватит Харуто и выгонит его из тела или поглотит его дух. Все это будет неприятно и убьет его.

— Сложно сказать, — сказал Харуто. — Пару недель, наверное. Он был юным. Сильным, но юным.

— Тогда рассказывай, — рявкнул Гуан. — Кто это сделал? На кого мы охотимся? Кто убил моего сына?

— Мы не охотимся, — сказал Харуто. — Я взял его бремя, Гуан. Оно теперь мое. Ты не обязан...

— Замолчи! — Гуан протянул руку, замер, а потом коснулся Тяня. — Он был моим сыном, старик. Моим сыном! Кто бы это ни был, они забрали у меня сына. Не смей говорить мне, что это не моя мечь. Не смей говорить мне, что я не могу помочь с бременем моего сына. Не. Смей! — он оглянулся, красные глаза были гневными и полными горя.

Харуто выдохнул дым. Шики выбралась из огня в облике духа, забралась на колени Харуто. Она закрыла глаза и тут же уснула. Гуан был прав, конечно. Харуто надеялся пощадить старого друга от бремени призрака его сына. Не настоящего призрака — они были более редкими, чем ёкай, и порой опаснее. Но Гуан знал, что означало для Харуто взять бремя ёкая, его неоконченное дело. Харуто не мог отдыхать. Чужие гнев и горе будут его мучить. Этой частью бремени он не мог поделиться.

Гуан вернулся к огню и сел, его колени хрустнули.

— Так кто это?

Харуто обдумывал это, затягиваясь из трубки.

— Онрё, — повторил он единственное слово Тяна.

— А? Я знаю это слово. Это... кхм... тип ёкая.

— Самый редкий, — сказал Харуто. Онрё часто были и самыми сильными, но он решил это не упоминать. — Тянь сказал только это. Онрё.

— Все они?

Харуто вздохнул.

— Надеюсь, нет, — такое бремя мести будет ему не по силам, всем не по силам.

* * *

Когда солнце достигло пика, они похоронили тело Тяна. Копать замерзшую землю было тяжело, но это того стоило. Его душа пока что была упокоена, Харуто постарался, но Гуану нужно было похоронить сына. Ему нужно было попрощаться. Поздним утром они вышли с земель академии, уставшие и потные, хотя воздух был по-зимнему холодным. Харуто гадал, восстановит ли императрица Исэ Рьёко школу, или она позволит ей и деревне Сачи угаснуть, как многие другие в последние годы. Ее война с императором Идо Танакой перешла от жестокости к скрытым уловкам, но все еще пожирала почти все ее ресурсы, а строительство академии требовало затрат. Но это была не его проблема.

Они нашли еще тело в броске камнем от ворот, когда уходили. Это был старик, бледный и замерзший. У него было несколько ран: от меча, от огня и, похоже, от зубов. Кто-то умер жестокой смертью. Они не остановились, чтобы похоронить его.

Гуан первым прошел в таверну, потирая руки от холода. Снег усилился, и холод проникал сквозь их плащи с мехом. Харуто едва ощущал это, но он вырос во Впадине Неба, Сачи казалась ему тропическим раем. В таверне больше никого не было, жители явно еще были на работе. Он пошел за старым поэтом внутрь, опустил свои пустые ритуальные посохи у стены. Он рухнул перед столом у двери и сгорбился, как его старые мастера пытались выбить из него, сколько он себя помнил.

— Вино и еду, — сказал Гуан, устраиваясь у камина, вытягивая руки к огню.

Хозяин таверны с детским лицом поспешил к ним.

— Готово?

Харуто не стал отвечать. Он сжался сильнее, улегся на пол, закрыв глаза.

Отдыха не было.

Что-то легкое и пушистое стукнуло его по лицу. Харуто открыл глаза, увидел Шики на своей груди, она нежно шлепала его пушистой рукой. Он застонал и сел, поднял духа за шкирку и опустил ее на ближайший столик.

— Зверь! — упрекнул он. Она хихикала.

— Готово? — снова спросил хозяин таверны.

— Ясное дело! — рявкнул Харуто. — Я разобрался с вашим гадким ёкаем. Теперь принесите нам еды.

Мужчина быстро и тихо ушел в таверну. Харуто надеялся, что он накормит их, и быстро. Гуан смотрел на него задумчиво.

— Я извинюсь, когда он вернется, — сказал Харуто и лег.

Но отдых не приходил. Он ненадолго задремал, но это не успокоило его. Жуткие бесформенные картинки мелькали в его разуме.

Они поели, и вернулся Нобу, судья. Харуто ощущал себя уже немного лучше после еды, но гнев все еще кипел под поверхностью, словно гейзер, готовый вырваться. Но это был не его гнев. Это был гнев Тяна. Это был гнев мстительного духа, крутился в его груди, впивался когтями изнутри, и ему было все равно, кому вредить.

Нобу бросил кошелек на стол и низко поклонился на четвереньках. Он побывал в Хэйве и подтвердил, что вой прекратился, а Хары Чинами нигде не было видно. Харуто решил, что не было смысла исправлять дурака.

— У вас есть кимоно? — спросил Харуто. — Я свое испортил.

Судья снова поклонился.

— У нас есть мужчины вашего размера в деревне. Вам принесут кимоно немедленно, мастер оммедзи.

Чье-то кимоно было лучше, чем ничего. Он надеялся, что у прошлого хозяина не было вшей.

— А храм? В Сачи есть храм?

— Конечно, — сказал Нобу. — Дальше по главной дороге, слева храм звезд. Он маленький, — он виновато развел руками.

Харуто закатил глаза.

— Мне нужен настоящий храм. Храм богам.

Нобу скривился.

— У Таки храм Нацуко в его доме.

Этого было мало. Ему нужен был правильный храм, чтобы благословить ритуальные посохи, или они будут бесполезными в следующую встречу с ёкаем. Он вздохнул и зажал переносицу.

— Где ближайший храм богов? — спросил Гуан. Он устроился за столом с Харуто, выглядел намного лучше после еды. Его щеки уже стали румяными, а в голосе стал проступать привычный юмор.

Нобу еще раз поклонился.

— Миназури в паре дней на юг. Думаю, там есть храм.

Хозяин таверны согласно хмыкнул.

Харуто постучал пальцем по столу. Шики дремала, сжавшись в пушистый комок, но она развернулась от звука и прыгнула на его ладонь, осторожно укусила его за палец.

— Кто-то видел незнакомцев в городе во время пожара в Хэйве? — спросил Харуто.

Хозяин таверны открыл рот, но Нобу заставил его замолчать взглядом.

— Говорите, — рявкнул Харуто. Ему не нравилось напряжение в его голосе.

Нобу вдохнул.

— Вдова Мезу говорила, что видела фигуры в капюшонах на дороге на юге, но она склонна к... фальшивым видениям.

— Тогда Миназури, — сказал Харуто, играя с Шики, переворачивая ее на спину. Ножки и ручки появились из ее пушистого тела, она отбивалась от его пальцев. Юг ощущался правильно. Месть Тяна вела его туда. Они охотились на онрё.

Глава 4

Первым признаком Миназури были глубокие следы в снегу, проложенные тут достаточно часто, чтобы лед под ногами стал твердым, как камень. Они шли три дня на юг от Сачи, и снег и холод были беспощадными демонами, Гуан был как в аду. Казалось, ад замерз, и они брели по нему, как дураки. Харуто заявлял, что дело было в высоте, что они поднимались по склону. В этом был смысл, признавал Гуан, но теория с адом была более приятной.

— *Среди белых покровов*

Время теряет смысл, теряет значение.

Дорога отклоняется.

— Это твое худшее стихотворение, — сказал Харуто, пробиваясь сквозь снегопад.

— Слишком холодно, чтобы думать, — сказал Гуан, зубы стучали. — Словам тяжело приходиться.

Порой снегопад и тучи пропадали, и они видели вокруг глубокие долины, замерзшие озера и леса, лишённые красок. Иней покрыл его бороду, проник под плащ, снег прилип к одежде. Хуже было то, что Харуто выглядел так, словно ничего этого не чувствовал. Он был только в синем кимоно с белыми звездами, зимнем плаще, но даже не дрожал. Он говорил, что рос неподалеку, в месте, где снег не переставал падать даже посреди лета, но Гуан ему не верил. Даже люди, которые жили тут, кутались из-за холода. Харуто не чувствовал этого. Может, он ничего не чувствовал.

— *Он был так сломлен, проклятьем объят. Он не искал искупления,* — Гуан улыбнулся и решил это запомнить. Было слишком холодно, чтобы записать это, и его чернила точно замерзли. Он не знал, было это стихотворение о Харуто или о нем, но это не имело значения.

Следы в снегу стали бороздами от колес. И вдруг в снежном воздухе впереди появились высокие стены и открытые врата. Пара скучающих стражей смотрела на них со стены. За вратами слой снега был меньше, и Гуан видел, что два человека убирали его лопатами с главной улицы.

Стражи спросили об их делах. Харуто поднял деревянную печать оммедзи, разрешенного императором. Технически они были на территории императрицы, но это была Ипия. Никто не хотел злить оммедзи, несмотря на то, кто санкционировал его, иначе они могли наслать духов.

Немного позже полудня, и город гудел, народ носил корзинки с едой и охапки хвороста. Женщина прошла мимо с детьми, которые старались ловить снежинки языками, не слушая ее. Пара солдат в кожаной броне и шлемах стояли и болтали у жаровни, их дыхание вылетало в воздух паром. Поверх брони у них были шкуры, они держали копья, но не обращали внимания на что-нибудь вокруг себя. Город тянулся вокруг них, низкие деревянные дома прижимались к двухэтажным постоянным дворам и складам с острыми крышами, покрытыми черепицей. Это место было во много раз больше Сачи, может, даже больше Кайчи, старого дома Гуана в Хосе. Казалось невозможным, что город, покрытый снегом, был куда больше поселения, которое окружали зеленые поля, а река текла, а не была замерзшей.

— Как это место выживает, когда вокруг только снег? — спросил Гуан, пока они шли.

Харуто рассмеялся.

— Так только зимой. Полгода снега нет... почти полностью. Долины по бокам с лесами, оттуда бревна и шкуры, а в озерах — рыба. На юго-восточной стороне горы даже есть поля, где они выращивают овощи и рис. Были, по крайней мере. Думаю, они еще там, — он пожал плечами.

Шики ехала в складке кимоно Харуто. Она заметила черного кота в переулке возле мясника и с восторгом свистнула. Гуан не знал, что говорил маленький дух, но Харуто покачал головой. Через миг Шики прыгнула с его кимоно и прокатилась по снегу, как комок волос, подхваченный ветром. Она ворвалась в переулок, и Гуан услышал, как кот завопил.

Гуан буркнул и шел за Харуто по шумным улицам, обошел мужчину, который пытался

заставить осла двигаться.

— Хорошо бы в теплую таверну.

— Сначала храм, — сказал Харуто. — А потом можно и в таверну.

Гуан снова заворчал.

— Вот бы в таверне была купальня. И горячая еда. И кровать. Ненавижу спать на природе.

— И как ты за все это заплатишь?

Гуан обошел старушку, которая спешила мимо них с корзиной рыбы на спине. Судя по запаху, рыба была свежепойманной, и он гадал, как жители рыбачили в замерзшем пейзаже. Он попытался догнать Харуто, проклиная его широкие шаги.

— У тебя шестьдесят льен с прошлой работы. Этого хватит.

— Тридцать льен, — исправил Харуто, виновато улыбнувшись поверх плеча.

— Что случилось с еще тридцатью? — Гуан уже знал, можно было не спрашивать.

Харуто стряхнул снег с плеч.

— Думаю, я потерял их в Сачи.

Гуан застонал.

— Конечно, мы бедные. Ты слишком добрый, хоть и старик.

В храме хотя бы было тепло. Гуан прошел внутрь, чуть не забыл разуться, так спешил к жаровне, был готов прижать огонь к груди. Он плохо переносил холод, он будто проникал в суставы, вызывая в них боль. Его колени ощущались как пестик, движущийся в ступе от каждого шага, даже в теплые дни. Служительница храма улынулась ему с пониманием и пошла к Харуто.

— Вас направить к определенному храму? — спросила она. Она была высокой женщиной в черно-белом кимоно, ее волосы были короткими, но их можно было убрать за уши. Родинка на щеке придавала ей вид, будто она плакала.

Харуто вытащил из кимоно печать оммедзи.

— Я взял свое. Мне просто нужно пространство.

Служительница взглянула на посохи на спине Харуто и быстро поклонилась.

— Конечно, мастер оммедзи. У нас есть пустой храм тут. Сюда редко приходят оммедзи. Думаю, вы первый за... кхм, долгое время. Охотитесь на конкретного духа? — она воодушевленно болтала с Харуто, а Гуан разглядывал храм. Он был скоплением храмов на уровнях. На первом этаже были храмы тянцзюн, владыки небес, а потом бога войны, бога погоды и бога жизни. Если пройти в сторону и подняться на несколько ступенек, можно было попасть на следующий уровень, где были храмы богу игры, богу огня, богу гнева и дюжина меньших храмов на деревянных досках. Гуан насчитал не меньше шести уровней, но они могли тянуться еще вглубь храма. Лестница вела на следующий этаж пагоды, и он задумался, было ли на каждом такое гнездо храмов. Некоторые храмы были посвящены конкретным богам, некоторые — звездам, а порой были храмы, как этот, для половины пантеона. Но Харуто не мог найти храм, который ему был нужен, куда бы ни пришел. Он молился скрытному шинигами, повелителю смерти, жнецу, и он носил храм с собой.

Гуан отделился от жаровни, согрелся лишь немного, но пошел искать свое божество. Чампа, бог смеха, был на четвертом уровне. Изображения не было, только маленькая табличка с именем и ниша для даров. Кто-то поместил в нишу грубый рисунок лошади, пинающей мужчину в пах, и Гуан посмеялся над этим. Видимо, в том и был смысл.

Он опустил на колени перед храмом.

— Давно не виделись, господин Чампа, — сказал он. — В последнее время было мало поводов для смеха. Присмотрите за моим сыном, если можете. Тянь. Так его зовут. Не дайте тем шинигами странно поступить с ним. Он был хорошим мальчиком. Хорошим мужчиной. Он не очень меня любил, но, может, вы сможете посмеяться над этим вместе, — он притих, слова кончились, и он пытался найти в себе силы сделать подношение. — Я все еще храню клятвы, — он порылся в сумке и опустил перед храмом четыре свитка. — Храню их, как я и, кхм, поклялся.

* * *

Харуто опустил на коврик в молитве перед пустым храмом. Такие были почти во всех крупных храмах на случай, если посетители поклонялись скрытым божествам. Он опустил ритуальные посохи на пол перед собой. Маленький черный кот вошел, сел рядом с ним и стал чистить лапы. Он взглянул на кота. Тот смотрел на Харуто, прижав уши, лениво мяукнул.

— Вылезь оттуда, — сказал Харуто.

Шики с хлопком выпрыгнула из кота и прокатилась по полу, дрожа от смеха, выглядя как комок пыли с глазами и улыбающимся ртом. Кот убежал.

Служительница храма охнула.

— Ёкай!

— Не ёкай, — сказал Харуто. — Ее зовут Шики. Она — мой дух-спутник. И небольшая заноза.

Шики склонила пушистую голову, глядя на женщину, вытянула руки и зевнула, а потом забралась на храм и села перед дверцами. Ее руки пропали в теле.

— Я вызову его, — сказал Харуто.

Шики прищурилась и встряхнулась, ее темная шерсть позеленела. Хоть Оморецу дал ее Харуто, она не любила шинигами. Харуто не винил ее.

Из глубины храма донесся хохот мужчины. Гуан делал подношение Чампе. Харуто вытащил катану из-за пояса и опустил рядом со своими ритуальными посохами. На конце рукояти была намотана нить, на которой висел маленький амулет. Это была деревянная статуэтка старика, приземистая фигура с чересчур морщинистым лицом, пухлым животом и босыми ногами. Харуто размотал нить и снял статуэтку.

— Тебе стоит уйти, — сказал он женщине. — Не стоит привлекать внимание владыки смерти.

Она низко поклонилась и поспешила прочь.

Харуто опустил статуэтку на храм рядом с Шики. Статуэтка странно глядела на него, словно глаза были настоящими и следили за ним, нервируя вниманием.

— Оморецу, — сказал Харуто.

Свет потускнел, жаровни стали углями, свечи потухли. Едкий запах горящего можжевельника наполнил воздух. Новый смех разнесся во мраке, сразу древний хрип и детское хихиканье. Харуто ощутил присутствие над плечом, глядящее на него свысока. Его покровитель всегда так появлялся.

— Здравствуй, Харуто, — сказал детский голос. Харуто оглянулся и увидел юношу, глядящего на него. На нем был черный погребальный наряд, алый шарф и бледные, как снег, глаза. Сколько бы раз Харуто ни встречал Оморецу, тот взгляд нервировал его больше, чем у тысячи монстров, которых он убил. — Спасибо, что послал ко мне хассяку. Это было вкусно.

Оморецу подошел и опустил на колени рядом с Харуто. Он был холоднее зимнего

ветра. Ветер исходил от него, тянул тепло из мира. Харуто поежился.

— Его зовут Тянь, — сказал Харуто. — Я взял его бремя, чтобы освободить. Тебе с ним не играть, ками.

Оморецу рассмеялся, звук был как у змеи, скользящих по песку.

— Ты еще не выполнил его предсмертное желание, Харуто, — сказал голос мальчика. — Ты знаешь правила. Ты взял его бремя, но это все еще его бремя. И пока ты не совершишь его мечь... — Оморецу посмотрел бледными глазами на Харуто, и его голос стал низким и хриплым, как у чего-то древнего. — Он мой! — он рассмеялся и сделал голос как у мальчика. — Как и ты.

Шинигами был прав, конечно. Харуто мог сказать Гуану, что его сын был свободен для загробной жизни, но это было не так. Он был в ловушке, игрушка шинигами, пока Харуто не исполнит его бремя. Но Гуану не нужно было это знать. Лучше для него думать, что его сын ждал в раю.

Оморецу погладил Шики. Маленький дух задрожала, шерсть встала дыбом, она испуганно засвистела. Оморецу зашипел, и Шики с неохотой забралась на колени шинигами. Напоминание, что, хоть Шики была спутницей Харуто, проводником и другом, она была созданием Оморецу.

— Так, мой проклятый оммедзи, зачем я тут? — спросил Оморецу, его голос был игривым.

Харуто указал на ритуальные посохи.

— Их нужно благословить.

Шинигами фыркнул, но пять стихий появились на посохах. Огонь, земля, металл, вода и дерево. Пять ритуальных посохов были благословлены владыкой смерти.

— Это все? — спросил Оморецу с ноткой злобы в голосе.

— Нет. Что ты знаешь об онрё?

Оморецу молчал миг, ледяной ветер трепал огоньки свеч. Шики заворчала и спрыгнула с колен Оморецу, забралась на Харуто и зарылась в его кимоно.

Шинигами встал.

— Онрё не служат шинигами. Они свободны делать, что хотят.

— Ты знаешь, где они? — спросил Харуто. Он оглянулся, мальчик смотрел на него с бушующим океаном эмоций на лице.

— Близко, — прорычал он. — Два неподалеку, — он отвернулся от Харуто. — Защитит ли тебя от них проклятие? — и он пропал вместе с тьмой, холодом и запахом горящего можжевельника.

Харуто вздохнул и покачал головой.

— Мое проклятие, — с горечью сказал он. — Это твое гадкое проклятие!

Глава 5

Они нашли самую большую гостиницу в Миназури и устроились там. Харуто вручил свою императорскую печать хозяину, который повесил ее снаружи. Весть разнеслась быстрее, чем долгоносики в рисе. К концу дня Гуан был с двумя свитками потенциальной работы. Отчеты о ёкаях росли последние десять лет, потому что духи возвращались в мир постоянно. Конечно, многие не могли отличить хассяку от отороши, так что всех описывали как ёкаев, умоляли оммедзи убрать их. Многие оммедзи были рады подчиниться, пока им платили.

Ночь давно наступила, принесла затишье в потоке людей, которых задела мстительные духи. Гостиница была полной путников и местных жителей, которым нужно было расслабиться с бутылкой сакэ. Гостиница была с низкими столиками Ипии и высокими столами со стульями для гостей из Хосы. Гуан настоял, и они сели за столик в стиле Хосы.

— Хорошо, приступим, — сказал Харуто. Он выдохнул дым кольцом, Шики заворковала, прыгнула с его плеча и рассеяла дым.

— Это поможет нам найти онрё? — спросил Гуан, разворачивая свиток и пустой бутылкой вина придавливая его к столу.

— Может, — сказал Харуто. — Онрё странные. Духов может тянуть к ним, как пыль к ветру.

— Почти поэтично, — сказал Гуан с улыбкой.

Харуто пожал плечами.

— Может, мне стоит бросить посохи и стать бродячим поэтом. Я слышал, это довольно просто, особенно, если расскажешь стихотворения кому-то полезному.

Гуан мудро кивнул.

— Точно. Хотя нужно быть осторожным. Слишком просто наткнуться на дурака, который считает изумрудный зеленым, — он потягивал вино, вытащил из сумки древние очки и устроил их на своем носу. Левая линза была с трещинами в трех местах, проволока была изогнута не один раз, напоминала неровную горную тропу. — Я завидую твоему проклятию, — буркнул он, глядя на свиток перед собой. — Отчеты об огнях, горящих на

могилах недавно умерших на кладбище Йокаши, — он поднял взгляд.

Харуто задумался. Духи, но не ёкаи. Может, хаканохи. Они были безвредными духами, питались остатками воспоминаний мертвых. Как только они накапливали воспоминания, они возвращались на небо и добавляли воспоминания в Библиотеку Ничего. Он взмахнул рукой.

— Дальше, — Шики повторила его жест и пискнула.

Гуан хмыкнул и посмотрел на свиток.

— Рыбак на замерзшем озере доложил, что видел что-то большое, похожее на змею, плывущее подо льдом. Один видел четче в проруби, что тело белое, а лицо — детское. Звучит многообещающе.

— Звучит как нинген, — Харуто почесал задумчиво подбородок. — Они появляются из детей, утонувших в холодной воде. Они пытаются утащить других в воду. Наверное, не связано с онрё, но если есть награда...

Гуан покачал головой.

— Пока ничего. Только видели мельком. Ты знаешь, как это работает — пока кто-то не умрет, или пока ёкай не съест всю рыбу, никто не заплатит нам за устранение слуха.

Харуто выпустил дым носом. Шики сделала рот и дула на узоры дыма.

Гуан прочел еще несколько отчетов о духах, но они не были ёкаями, и тем более — онрё.

— Женщина видела красные ладони, висящие с дерева у деревни Тиото, — Гуан простонал. — Они никогда не видели, чтобы на дереве задержались листья зимой?

— Погоди, — сказал Харуто. — Что еще?

— А?

— Были другие отчеты из Тиото?

Гуан посмотрел на свиток сквозь очки, вытащил второй свиток и проверил его.

— Мужчина, работающий у замерзших озер, заявлял, что красивая женщина заманила его к дереву и усыпила. Его жена не была рада, сказала, что это сон дурака, — Гуан рассмеялся. — Учитывая размеры ее рук, я надеюсь, что это был его сон. Я видел кузнецов, у которых мышц меньше.

Харуто посмотрел на Шики, маленький дух глядела на него, уже не играла с дымом. Она обычно захватывала зверей перед тем, как войти в гостиницу, наверное, потому что люди кормили котов и бросали тяжелые предметы в духов, но она была в своей естественной форме, ее жесткая шерсть чуть покраснела на кончиках.

— Акатеко порой принимает облик женщин, отдыхающих под деревьями с красными листьями. Они высасывают души, заманивают несведущих и забирают их ци. Многие просыпаются через пару часов, слабые и уставшие, но и приятно онемевшие, — Харуто протер уставшие глаза. — Что-то еще из Тиото?

— Один мужчина говорил, что местные жаловались, что маленький волосатый мужчина воровал фрукты, — сказал Гуан. — Звучит как, кхм, отороши, с которым мы разбирались в прошлом году. С тем, который сидел на храме в Сечан и бросал в нас улиток. Раздражающая мелочь! — он продолжил, разглядывая свиток. — Женщина потеряла ребенка за пару месяцев до срока, но были жалобы, что ребенок плакал в ее доме, — он застонал. — Мне не нравится, как это звучит, старик.

— Никому не нравится. Потому они жалуются, — Харуто улыбнулся. Гуан не поднял головы.

— Есть еще три отчета из Тиото. Призрачные огни у дорог в ночи. Одноглазая женщина, которую никто не знает. Старый житель деревни найден мертвым. Его левая рука была разодрана, но все остальное было в порядке.

Харуто поманил хозяина гостиницы. Он был высоким с короткими волосами на части головы, говорил гнусаво.

— Еще вина, мастер оммедзи? — сказал хозяин с поклоном.

— Нет, — сказал Харуто.

— Да, — сказал Гуан.

— Ладно. Да. Но сначала расскажите, что вы знаете о Тиото?

Хозяин пригладил усы, поджал губы, делая вид, что размышлял.

— Не так и много. До нее полдня пути вверх по горе. Там несколько деревьев и немного коз. Камни. Ручьи текут в озеро, но сейчас они замерзшие.

— А деревня? — спросил Харуто.

— Фермеры и рыбаки. Человек сто, а то и меньше. Старуха.

— Старуха?

Хозяин фыркнул.

— Мудрая, как она говорит. Некоторые ходят туда задать вопросы, но ученые говорят, что она безумна.

Он отмахнулся от мужчины и улыбнулся Гуану.

— Тогда Тиото.

* * *

Следующим утром они отправились в Тиото. Снегопад чуть ослабел, снежинки летели плавно, а не бушевали вокруг них. Гуан все еще крепко сжимал плащ, дрожал и ворчал. Но солнце сияло за облаками, чуть приободряя Харуто. Шики играла в снегу. Она захватила пушистого коричневого тануки и прыгала в сугробах, зарывалась и выпрыгивала в других местах, покрытая снегом и льдом. Маленький дух была порой сгустком радости.

Они нашли дерево недалеко от деревни, первые дома было видно дальше по склону. День близился к концу, солнце пропало за тучами, и мир накрыла зловещая тень. Дерево было маленьким с темно-коричневым стволом и красными листьями в форме детских ладоней. Внизу отдыхала женщина в белом кимоно. Ее темные волосы ниспадали по спине и обрамляли ее лицо с рубиновыми губами, она пела тихо колыбельную.

— Выглядит как хорошее место для отдыха, — сказал Гуан, делая шаг с заснеженной тропы.

Харуто поднял ладонь перед ним, но Гуан будто не заметил. Он прошел мимо, побрел по снегу, глядя на женщину и мягкий участок снега рядом с ней. Ее голос поднимался манящей мелодией.

— Посиди со мной. Полежи со мной.

Найди со мной утешение, я заберу твои горести.

Харуто поспешил вперед, сжал плечо Гуана. Старый поэт освободился, сделал еще шаг вперед. Улыбка женщины манила, как теплая кровать, но было что-то хищное в ее темных глазах. Ее голос поднимался и опускался, как порывы ветра.

— *Я вижу твою боль, твоё желание,*

Ты тоже это ощущаешь.

Посиди со мной. Полежи со мной.

Заберем горести друг друга.

Харуто не спорил, она умела завлекать. Ему даже хотелось посмотреть, что она могла сделать для его страданий. Но он уже знал правду: только те, кто был под ее чарами, наслаждались ее утехами. Он встал перед Гуаном.

— Прости, старый друг, — он прижал ладонь к груди поэта, ногу — за ним и толкнул. Гуан рухнул на холодную землю, подняв снег. Он посмотрел на Харуто, глаза были остекленевшими. А потом он моргнул и очнулся.

Гуан метался, снег летел всюду, он пытался встать на ноги. Харуто был уверен, что услышал, как хрустнули колени друга, помог ему встать.

— И за что это было, смеющийся лук?

— Твою ци могли вот-вот высосать, старый дурак, — сказал Харуто.

— Кого ты назвал старым? — буркнул Гуан. И не зря. — Я был просто... кхм... Что я делал?

Харуто отошел в сторону и указал на женщину. Она уже не пела. Она стояла под деревом с красными листьями, смотрела на них, склонив голову, улыбка обещала неземное тепло и утешение.

— Ох, — сказал Гуан. — Она потрясающая.

Харуто рассмеялся.

— И поет как богиня, — он сделал еще пару шагов вперед к женщине, увидел, что она напряглась. Она держала по красному листу в руках. Вокруг дерева воздух мерцал. Харуто едва заметил сам, а он был обучен. Под опавшими листьями и голыми изогнутыми ветками дерева были ее владения, и если он войдет туда, вряд ли выйдет. Шики выглянула из снега у его ног, рявкнула предупреждение, выскочила из тануки и забралась по кимоно Харуто к его плечу. Тануки миг смотрел на Харуто, гавкнул и убежал.

— Ты старше меня, — сказал Харуто. Женщина глядела на него. Она хотела, чтобы он прошел на ее землю, встретился с ней. Не для отдыха или утешения, а для боя. И бой был бы чудесным. О таком бое поэты писали бы поколениями. Она спела бы песнь о его поражении, а он поклонялся бы ей за это.

— Эй! — Гуан ударил Харуто с силой по руке. — Кто теперь из нас как дурак?

Харуто опустил взгляд, его ступня замерла над краем ее владений. Она смотрела на него, склонив голову, алые губы скромно улыбались. Харуто отшатнулся.

— Идем, — Гуан потянул Харуто за руку, оттаскивая его. — Никто не заплатит за нее, а Тиото впереди. Я вижу здания отсюда.

Они брели по снегу, притоптанному на тропе. Харуто оглянулся. Женщина пожала плечами и села у своего дерева. Гуан был прав. Никто не заплатит за то, что они избавятся от нее. Пока что.

Глава 6

Тиото был парой дюжин домов вокруг маленького замерзшего озера. Деревня была высоко на горе, и ветер пронзал шкуры Гуана, как зубы. Некоторые здания были чуть накрены, что доказывало, что ветер порой дул с силой стада буйволов. Крыши были скошенными, покрытыми снегом. Слова проникли в разум Гуана, начало стихотворения.

— *Место чудесное.*

Белое, мирное и далекое.

Но что-то гадкое скрывается.

Харуто скривился, качая головой, глядя на Гуана.

— Да, не лучшее. Они тут? Онрё?

Шики зарычала.

— Что она сказала? — спросил Гуан.

Харуто понюхал холодный воздух.

— Она сказала, что твое стихотворение ужасное. Где все? — они стояли на краю деревни, солнце было все еще высоко над горой, но никого не было видно. Серый дым лениво поднимался от здания вдали, ветер уносил его.

Гуан увидел брошенную удочку на озере, конец все еще был в проруби во льду. Он смотрел, леска дернулась, и ее потянуло в дыру.

— Сон с милой дамой под деревом уже не кажется плохим, — сказал он, выдавив смешок.

Ветер подул на них. Шики понюхала воздух и забралась в кимоно Харуто, скуля.

— Она чувствует кровь в воздухе, — сказал Харуто. — Оставайся за мной, Гуан.

— Не спорю, старик, — но он не собирался идти в опасность без защиты. Он снял сумку, вытащил длинный свиток пергамента, кисть и чернила в баночке. Чернила замерзли. — Шики, дашь немного жара? — дух пискнула и осталась в кимоно Харуто. Маленькое создание слушалось только Харуто.

Харуто пошел впереди Гуана. Снег тут был глубоким, и следы на нем выглядели свежими. Его ноги погружались в белую пыль, но другие следы выглядели так, словно кто-то скользил по снегу, едва касаясь его. Харуто вытащил огненный посох и поднял его наготове. Они прошли к ближайшему дому, хижина склонялась над тропой. Они поднялись на крыльцо, доски скрипели. Харуто прижался ухом к двери. Гуан подошел к закрытому окну и попытался заглянуть в щель. Внутри была лишь тьма.

Харуто подергал дверь. Было не заперто. Он быстро открыл дверь. Он издал звук отвращения и отпрянул. Гуан поспешил к двери, чтобы посмотреть. Тело лежало на полу, женщина в плотных шкурах, ее глаза застыли открытыми в ужасе. Гуан прошёл в дом, сел на корточки у тела. Его колени хрустели, как хлопушки, но это были пустяки. Это было ничем, по сравнению с болью, когда он вставал. Одним делом было стареть в Хосе — там было хорошо и тепло. Но стареть в Ипии было другим делом. Холод проникал внутрь и вонзался в его суставы маленькими кинжалами.

Женщина заоченела, кожа была бледной, в инее. Гуан не видел на ней ран, но то, что убило ее, сначала напугало ее. Гуан поднялся, упираясь в деревянный сундук у стены, его колени скрипели, как ржавые петли. Он обошел домик, попал в спальню, в кладовую. Больше никого не было. Бедная женщина умерла одна, перепуганная.

Он прошел наружу, Харуто проверял следующий дом вдоль дороги. Оммедзи хватило одного взгляда внутрь. Он закрыл за собой дверь, вышел на снег и пошел по склону к дальнему зданию, откуда тянулся дым. Оно стояло чуть выше, ледяная верхушка горы поднималась далеко за ним.

Гуан с трудом шел за другом.

— Это онрё?

Харуто крутил в руках огненный посох.

— Близко. Шики ощущает присутствие.

— Те люди были мертвы какое-то время, старик.

Они подошли к последнему дому, его дверь открылась, и две женщины встретили их. Одна была старше, с волевым подбородком и длинными черными волосами с сединой,

плотно заплетенными. На ней была кожаная жилетка, на которую была нашита выцветшая зеленая чешуя. Она несла копье с длинным наконечником и прочным древком. Другая была девушкой шестнадцати лет, у нее были темные глаза, черные волосы были неровно обрезаны у плеч. Она была в черных хаори и хакама, на обоих был узор из желтых птиц. Старшая женщина вытянула копье перед младшей, что-то шепнула ей.

Харуто застыл посреди дороги, держал посох наготове. Гуан догнал его и быстро ткнул старого друга локтем.

— Это они? Онрё?

Шики поднялась на плечо Харуто, что-то залепетала ему на ухо, маленькие волосатые ручки появились из ее шерсти, дико указывали на двух женщин. Харуто склонил голову, слушал, а потом пожал плечами.

— Младшая — онрё. Старушка... просто старушка.

Гуан ворчал. Ёкай часто путешествовали с людьми. Порой люди знали, кем они были, иногда не знали. Харуто говорил, что онрё были особенными, хотя Гуана раздражало, что его друг не уточнил, как.

— Хочешь взять? — Харуто вытащил катану из-за пояса и протянул ее.

Гуан посмотрел не меч, все внутри сжалось. Харуто знал, что он не мог коснуться оружия. Он пятнадцать лет не держал оружие и не собирался начинать, даже ради мести за смерть сына.

— Даже не смешно, старик, — сказал сухо Гуан. — Я отвлеку старушку.

Харуто улыбнулся ему и убрал катану за пояс.

— У нее большая нагината, а твои чернила высохли.

— Я что-нибудь придумаю.

— Не умри! — сказал бодро Харуто.

— В этом мы согласны, старик, — Гуан отошел, оставив Харуто, решил подойти к ним с другого угла.

Старушка сошла на снег.

— Мы не убивали этих людей, — сказала она, в голосе была хрипотца.

Харуто сделал пару шагов вперед, вытащил из-под кимоно императорскую печать. Он бросил ее на снег к ногам онрё.

Старушка посмотрела на печать, ее глаза расширились.

— За меня, Кира.

— Нет! — сказала онрё. Она прыгнула с крыльца к старушке, стояла на снегу, будто ничего не весила. — Я тоже могу сражаться, — у нее в руке был блестящий кинжал, отражающий угасающий свет дня.

— Это не игра, Кира, — рявкнула старушка. — Он — оммедзи.

Сомнения мелькнули на лице онрё, но пропали, оставив только хищную решимость.

— Хорошо!

Онрё повернула ладонь, свет вспыхнул на ее маленьком кинжале. Харуто резко повернулся, крутя посохом, но сзади ничего не было. Онрё бросила в него кинжал. Он попал по плечу Харуто, оттолкнув его.

— Попала! — закричала весело онрё. Она подпрыгнула и захлопала в ладоши.

— Сосредоточься, Кира, — сказала старушка.

— О, конечно. Прости, — онрё стерла улыбку с лица и нахмурилась.

Харуто хмыкнул, вытащил кинжал из плеча. Он разбился в его ладони, тысяча

зеркальных осколков мерцала вокруг него. Онрё побежала по снегу, еще один маленький кинжал уже был в ее руке. Старушка закричала, чтобы она остановилась, но без толку. Она шагала по колено в снегу за онрё, крутила нагинату, готовая ударить.

Онрё быстро пересекла расстояние и ударила Харуто по груди. Он остановил удар посохом. Она ударила его по левой руке, и он допустил это, закричал от боли, но взмахнул правой рукой с посохом, ударил онрё по лицу. Она рухнула в сугроб возле ближайшего дома.

— Огонь! — прорычал он и вонзил первый ритуальный посох в замёрзшую землю, вытащил второй.

— Харуто! — закричал Гуан, старушка приближалась к нему.

Харуто повернулся вовремя, отразил копье женщины. Они оба были по колено в снегу, обменивались ударами. Посох и копье кружились так близко, что старые глаза Гуана не могли уследить. Стало ясно, что у женщины было преимущество. Она была седой и с морщинами, может, ее суставы болели, как у Гуана, но она была хороша. Она взмахнула копьем, поднимая снег, и отбила посох Харуто. Пока он пытался вернуть равновесие, она отвела ногу, уперлась другой, склонилась и вонзила кончик нагинаты в его бок, оставила его там.

Харуто закричал, красное пятно быстро появилось на его кимоно.

— Хорошо, хватит, — прорычал Харуто. Он схватил клинок, торчащий в его боку, и вытащил его, стиснув зубы и шипя.

Старушка отпрянула, уверенная, что бой был окончен. Онрё вскочила на ноги с зеркальными кинжалами в руках.

Харуто стал двигаться, прыгнул, ударил старушку по груди левой ступней, развернулся в воздухе и ударил ее по голове правой. Она пролетела по воздуху и рухнула в снег у ног Гуана. Она застонала и пошевелилась, но не могла быстро встать.

Глаза онрё расширились, она шагнула вперед.

— Ян...

Харуто толкнул девушку.

— Гуан, отвлеки женщину. Я разберусь с онрё, — он повернулся к девушке, ползущей к нему. — Забавный трюк — толкнуть ци в ноги, чтобы распределить вес и не погрязать в снегу, — он усмехнулся и запрыгнул на снег. — Именем Тяна я убью тебя, онрё.

Лицо девушки исказилось. Она склонила голову и окинула его взглядом.

— А?

Гуан не мог дальше смотреть. Старушка выхватила копье из снега и поднималась на ноги. Она выдыхала пар, но не выглядела сильно раненой.

— Я буду твоим противником, — сказал Гуан с уверенностью, которую он не ощущал.

Старушка посмотрела на него, щурясь, и снова пошла к Харуто. Он обменивался молниеносными ударами с онрё, посох и кинжалы крутились так быстро, что Гуану пришлось отвести взгляд.

— Эй! — прорычал Гуан, зашагав за женщиной. — Не игнорируй меня, — старушка направила копье к его горлу, и он отклонился вовремя, не стал кровавым месивом на снегу.

— Не мешай, старый дурак.

— Кого ты назвала старым, карга? — прорычал Гуан. Он вытянул из сумки бумагу, прокусил большой палец до крови. Его чернила замерзли, но он мог использовать эту технику иначе. Старушка замерла, глядя то на него, то на бой, а потом решила, что Гуану нужно было убить первым. Она пошла сквозь снег к нему, крутя нагинатой. Она сделала

Глава 7

Гуан успел начертить кровью одно слово на бумаге. *Щит*. Бумага стала прямоугольником шириной с его тело, удлинилась, получила ручки на внутренней стороне, и слово, которое он написал, гордо пылало между ними темно-красным. Гуан шагнул к женщине, сжимая щит обеими руками. Она взмахнула копьем, и он остановил удар, шатаясь от силы.

Гуан смог устоять на ногах, осмелился выглянуть поверх щита. Старушка хмуро посмотрела на него. Он улыбнулся ей.

— Не ожидала этого, да? Может, сойдемся на том, что мы слишком старые, чтобы драться, и посидим? Я напишу стихотворение о твоей ярости.

Старушка взглянула на Харуто и онрё. Харуто вонзил в землю посох земли, они обменивались ударами. Гуан отметил, что они яростно улыбались.

Старушка зарычала и пошла на Гуана, направляя удар по щиту с разворота, отгоняя ему. Это ощущалось как удар молотом по щиту, и клинок царапал бумагу. Старушка пыталась прорезать его защиту, но если она поймет, что лучше бить по Гуану, ему конец. Он снова отступал, следя за клинком. Ему не нужно было атаковать. Он не мог сравниться с навыками женщины, но это было не все. Он поклялся не брать оружие. Щит не считался, но это могло измениться, если он попробует ударить ее им. Гуану нужно было только отвлекать ее, пока Харуто не закончит с ёкаем.

Женщина села на корточки, вытянула перед собой ногу, развернула копье и оттолкнулась, уперлась концом оружия в щит Гуана, сбивая его с ног, отправляя его на спину. Она стояла и смотрела на него, кривясь от боли.

Гуан застонал. Прошли годы, он давно не участвовал в бою. Он держался от них подальше по многим причинам в эти дни, и одной из них была боль. Он встал на четвереньки, кровь текла из большого пальца, текла струйкой по снегу под ним. Он попытался встать, поскользнулся, упал на колени и закричал. Он уже был не на снегу, это был лед. Она толкнула его на замерзшее озеро. В дюжине шагов за ним была брошенная удочка, стульчик стоял рядом с ней. Гуану хотелось сдаться и проверить тот стул. Он не хотел больше биться.

Старушка пошла вперед, остановилась на льду. Она отыскала равновесие, улыбнулась и стала скользить к Гуану по льду.

— Может, ничья? — Гуан пятился. Лед стонал под ним, и он надеялся, что ему показалось, что где-то под ним лед трещал.

— Если нужно убить тебя, чтобы помочь Кире, я это сделаю, — сказала старушка. — Я не дам вам забрать ее, — она нахмурилась, морщины стали глубже. — У меня есть только она.

Гуан оглянулся на Харуто, пока пятился. Посох воды был в земле, но Гуан был далеко, уже не слышал боя, и снег скрывал их из виду, снова падая.

— Тогда ей не стоило убивать моего сына, — сказал Гуан. Слова ощущались неправильно в его рту. Лед снова застонал под ним.

— Я сказала, мы не убивали тех людей.

— Плевать на них, — прорычал Гуан. Это было правдой. Он знал, что должен был переживать, но после потери сына они ничего не означали. — Я говорю о своем сыне, Тяне.

Старушка остановилась на расстоянии удара. Стул рыбака был рядом с Гуаном, лед скрипел от каждого шага. Он сжал бумажный щит и ждал удара.

— Тян Мен? — спросила старушка. — Ты — отец Тяна?

Гуан опустил щит и посмотрел на женщину.

— Да. Ты его не убивала, да? — слова звучали правильно.

Тень мелькнула под Гуаном так быстро, что он подумал, что ему показалось.

— Тян был моим другом, — сказала старушка. — Мы учили вместе в Хэйве, — она перестал хмуриться и охнула. — Вы думаете, что Кира уничтожила Хэйву? Нет. Она там училась.

Гуан выругался. Им нужно было остановить Харуто, пока он не очистил не того ёкая. Он посмотрел за старушку, но снег усилился, и Харуто не было видно, Гуан плохо видел без этого. Лед снова затрещал, и белая неровная линия побежала между ног Гуана, треща, как гром. Тень извивалась под поверхностью между ним и старушкой.

— Ах, капуста! — выругался Гуан.

Лед треснул, и белая змея вырвалась из глубин, куски льда полетели в стороны.

Трещины тянулись по замерзшему озеру, словно молнии, и лед раскололся на плавающие участки, каждый кружился, покачивался. Часть уплыла во тьму воды, другие раскалывались дальше. Гуан шатался на своем куске льда, отчаянно искал равновесие. Змей поднялся над ним, белый, как замерзшая плоть, на спине торчал гребень. У него было человеческое лицо, детское, рычащее, клыки торчали вместо зубов, а глаза были рыбьими. Две пухлые ручки торчали из-под головы, детские пальцы сжимались и разжимались.

Змей бросился на Гуана, и он поднял щит. Монстр ударился головой об затвердевшую бумагу, сбил Гуана на спину на его куске льда. Холодная вода накрыла его, промолив его одежду. Клыки бил по бумажному щиту. Гуан зарычал, сжал щит обеими руками, пытался удержаться, пока змей толкал его к воде. Две ладошки сжали его щит и дернули, пытались вырвать его из хватки, но Гуан сжимал, змей поднялся и бросил его над разбитым льдом, как детскую куклу. Он рухнул на другой кусок льда, дыша с хрипом. Лед уже накренился, грозил сбросить его в воду, и он знал, что, если упадет, его утянет на глубину, он не увидит больше поверхности. Его ноги скользили на льду, пытались удержаться, погрузились в воду. Он услышал стук.

Старушка прыгнула на кусок льда рядом с его. Он был больше и ровнее. Она нашла равновесие, потом направила в него древко копья. Он вздрогнул, закрыл глаза и... ничего. Он открыл глаз и посмотрел. Она протягивала к нему копьё. Он схватился, другой рукой еще сжимая бумажный щит. Она потянула и вытащила его из воды на новый кусок льда. Он качался под ним.

— Не двигайся! — закричала она.

— И не собирался! — сказал он.

Они застыли на куске льда, он медленно остановился.

— Спасибо! — сказал Гуан.

— Не за что, — старушка тяжело дышала, глядя на змея, щурясь.

Змей завопил и скрылся под поверхностью, послал по воде рябь, которая сотрясала куски льда.

Старушка широко расставила ноги и озиралась, пытаясь увидеть змея под водой.

— Что это такое?

Гуан пытался вспомнить.

— Как это назвал Харуто? Вроде нинген. Ёкай, созданный из утонувшего в ледяной воде ребенка.

— Как нам его убить?

Гуан буркнул, держа рядом бумажный щит. Пока что он не пустил воду к крови, но если надпись будет повреждена, его щит станет просто бумажкой для туалета.

— Не знаю. Харуто — оммедзи. Я — просто поэт.

Старушка прищурилась, а потом отвела взгляд.

— Если его рассечь, это сработает?

Гуан покачал головой.

— Есть лишь один способ узнать. Я постараюсь остановить его, а ты его режь и коли.

Рябь снова покачнула кусок льда. Гуан и старушка прыгнули в стороны, змей вырвался из глубин, разбил кусок льда, осколки полетели в стороны. Гуан попал на маленький обломок льда, женщина — на другой, нинген был между ними. Он смотрел на Гуана рыбьими глазами, потом повернул голову к старушке и поплыл к ней. Он был умнее, чем думал Гуан.

— Ну же, старые колени. Пора быть ловкими, — крикнул себе Гуан и прыгнул на другой кусок льда, побежал по нему, потом прыгнул еще и еще раз.

Нинген бросился на старушку, и она шагнула на смежный кусок льда. Детские бледные ладони впились в кусок льда, где она стояла, и бросили его в другой участок льда. Старушка остановилась, и Гуан прыгнул на тот же кусок льда, накрыл их обоих щитом.

Змеи повернулся и напал на него. Гуан взмахнул щитом, отгоняя открытый рот. Он уперся ногами, насколько позволял скользкий лед, и приготовился, змей бросился снова. Искривленное детское лицо врезалось в затвердевшую бумагу, бледные ладони тянулись к нему. Старушка сделала выпад копьем поверх плеча Гуана. Клинок проехал по белой чешуе существа, рассек между ней, вызывая горячие брызги крови. Нинген взвыл, метался, он отпрянул и пропал под черной водой.

Старушка пыталась перевести дыхание.

— Это работает.

Гуан огляделся. Он развернулся, в снегу теперь не знал, в какой стороне была деревня.

— Нужно вернуться к Харуто и твоей девочке, — сказал он. — Если у тебя нет поразительной техники, которая может убить это одним ударом, оно погубит нас, а я слишком стар для этого.

— У тебя есть огонь? — спросила старушка.

Что-то подтолкнуло лед, на котором они стояли.

— У меня есть кремень, — сказал Гуан, вытащил его из внутреннего кармана. Он промок, не мог высечь искру.

— Сойдет, — старушка забрала это у него, змей вырвался из воды, устремился к ним. Его тело проехало по плавающему льду. Гуан взмахнул щитом, ударил по голове змея,

отталкивая ее. Змей рухнул в воду возле их льда, все его бледное тело проехало по его щиту, чуть не перевернув их ледяной плот. — Мне нужна минутка.

— Я дам тебе, сколько смогу.

Змей поднялся снова рядом с ними, ледяная вода полетела к Гуану. Змей ударил ручками по щиту Гуана, а потом бросился на старушку. Гуан шагнул и поднял щит в сторону его лица. Удар сотряс щит и его руки, но змей отступил. Его клыки впились в щит, руки терзали края. Вода потекла по щиту, устремилась к кровавой надписи.

— Скорее! — крикнул Гуан.

Колени Гуана дрожали, боль пронзила ноги. Он не подходил для боя. С каких пор поэзия стала такой опасной? Он оглянулся на старушку. Она убрала копье за спину, держала кремь в руках. Она чиркнула им раз, но без толку, второй раз — и искра тут же утихла.

— Янмей, старая дурочка, — рычала она себе. — Быстрее.

— Да! — сказал Гуан, упав на левое колено. — Прощу, быстрее.

Старушка чиркнула кремнем еще раз, и искра вспыхнула, ее рука загорелась. Выглядело больно. Она глубоко и с хрипом вдохнула. В ее глазах Гуан увидел нечто жуткое — смирение. Он видел это раньше много раз. Так выглядели люди, когда понимали, что умрут, и принимали это.

— Громкое Дыхание, — прорычала старушка, вдохнула, втягивая огонь с руки в грудь. Она задержала дыхание на миг, глядя на Гуана с паникой. Он понял, что мешался, бросился вниз со своим щитом, на мокрый лед. Старушка выдохнула огонь в рычащее лицо нинген.

Чешуйчатая плоть сползла с головы змея и нижней челюсти. Его ладони сгорели, став обрубками, а глаза на лице растаяли. Змей закричал в агонии, метался, а потом рухнул в воду с такой силой, что лед, на котором были Гуан и женщина, содрогнулся.

Старушка выдохнула остатки огня и рухнула на Гуана. Она дышала прерывисто, не могла восстановить дыхание, держалась за грудь. Ей было больно, суда по виду, и ее глаза дико метались, пока не встретились взглядом с его глазам.

— Я не хочу ждать, чтобы понять, убила ли ты его, — сказал Гуан. Он стал подниматься, понял, что щит под ним стал размякшей кашицей. Но он помог. Гуан поднялся, хотя гвозди впивались в колени, закинул руку старушки на плечи. Они прыгнули вместе на следующий кусок льда, потом еще. Они добрались до берега и ступили на рыхлый снег. Деревня была выше по склону от края озера, и Харуто с девочкой еще бились.

Гуан пошел по склону со старушкой. Харуто ударил девушку по лицу посохом дерева, вонзил его в землю и прокричал:

— Дерево! — Харуто отпрянул от завершеного барьера. — Это конец, онрё.

Глава 8

Харуто вытащил катану, держал ее сбоку.

— Шики, — сказал он. Ничего не произошло. Он кашлянул и попробовал снова. — Шики! — дух щебетала в его кимоно, но не выходила.

Онрё встала на ноги в барьере из ритуальных посохов. Он не продержится вечно, ему нужно было убить ее, пока он действовал, иначе ее не уничтожить полностью. Без силы посохов она не будет отправлена к Оморецу. Неочищенный ёкая мог всегда найти путь с небес на землю.

Ее зеркальные ножи были проблемой. Когда он смотрел на них, он видел иллюзии, монстров за ним, готовых напасть, Гуана, которого убивала старуха, сотни онрё вокруг него. Это все было ложью, картинками в отражениях. Конечно, было сложно бороться с ней, когда он не мог смотреть на ее оружие.

Харуто приоткрыл кимоно, холод проник туда.

— Шики, комок пыли, выходи, — дух щебетала, глядя на него, но не двигалась.

— Что ты делаешь? — спросила онрё. Она шагнула ближе, глядя на него с любопытной улыбкой.

— Зараза! — Харуто отпустил кимоно и сжал катану обеими руками. Будет сложнее убить ёкая без духовного клинка, но это все еще было возможно. — Именем Оморецу я...

— Нет! — взвыла онрё. — Нет-нет-нет-нет, — она бросила ножи и побежала, миновала два ритуальных посоха, игнорируя барьер. Она остановилась у края замерзшего озера. Гуан был там, тащил старую женщину. Она хрипела, держалась за грудь свободной рукой. Другая ладонь была красной, раздраженной, из ран что-то текло. Ее губы потрескались и обгорели. — Нет-нет-нет, — говорила онрё, забрала старушку у Гуана и помогла ей сесть на снег. — Янмей, так нельзя! Ты не можешь больше так делать.

Харуто коснулся ближайшего посоха. Посох металла. Он был прочно вонзен в землю, и барьер был активен, тихо гудел, как напряжение в миг перед поцелуем, но онрё прошла сквозь него. Он оставил посохи в земле и прошел к краю озера.

— Что случилось? — спросил он.

Гуан кутался в плащ, дрожал, его лицо было бледным.

— Этот, кхм, нинген, — сказал старый поэт, его зубы стучали. — Змей. Напал на нас. Она подожгла его.

— Ты не можешь, — закричала онрё в почерневшее лицо женщины. — Мудрец говорил, что та техника убивает тебя, Янмей. Больше нельзя ее использовать. Прощу. Нельзя. Нельзя...

Старушка слабо улыбнулась онрё губами в трещинах, подняла дрожащую ладонь к лицу онрё.

— Выбора не было. Змей пытался убить нас.

— Нужно было скормить ему старика и бежать.

— Эй! — сказал Гуан.

— Я учила тебя лучше, Кира, — сказала старушка.

Онрё дулась миг, а потом повернулась к Гуану и низко поклонилась.

— Простите.

Харуто взглянул на ритуальные посохи, все еще вонзенные в снег. Девушка была ёкаем. Она была онрё, Шики подтвердила это. Но что-то было не так. Она прошла легко барьер, а теперь переживала за старушку, может, ее бабушку. Извинилась перед Гуаном за оскорбление.

— Мы его убили? — спросил Гуан. — Нинген.

Харуто покачал головой.

— Огнем вы его просто ранили. Он будет отдыхать на дне озера, восстановится. Если он никого не съест, ему может не хватить энергии, и он угаснет, вернется на небо. Если он поест, он исцелится, — он повернулся к старушке и онрё. Девушка сидела между ними и ей. — Думаю, нам нужно поговорить.

— Внутри, — сказал Гуан, дрожа. — У огня.

— Карга живет в последнем здании, — сказала старушка, онрё помогла ей встать на ноги. — Она заваривает чудесный чай.

* * *

Хижина Карги смогла уместить их всех на коленях вокруг стола в центре гостиной. Гуан устроился у огня, горбясь, протянул к теплу дрожащие руки. Его губы были голубыми, вода капала с одежды на пол. Харуто не нравилось, что его друг чуть не умер в бою с ёкаем, а он не мог защитить его. Он пообещал себе не дать такому повториться.

— О, вы вернулись, — сказала Карга, вышла с кухоньки в конце домика. Она была древней, морщинистой, белые волосы напоминали солому. Она ходила с тростью, стучала перед каждым шагом, и у нее была странная пустая улыбка. — Я так рада. А это, видимо,

твой муж, Янмей, — она указала тростью на Гуана. Она прошла к огню и опустила ладонь на его плечо. Гуан вздрогнул, глядя на Каргу дикими глазами. — Твоя дочь — хорошая девочка.

Онрë улыбнулась от этого.

— Мне помочь вам с чаем, бабушка?

— Такая хорошая девочка! — она прошла на кухню, стала там шуметь. Онрë поспешила на помощь, провела ладонью по спутанным волосам, чтобы вытряхнуть снег.

Харуто смотрел, как Карга двигалась, через дверной проем. Он узнал ее, но не мог найти воспоминание. Она была намного младше. Полная жизни.

— Твоя мама? — спросил Гуан у камина.

Янмей покачала головой. Несмотря на раны, затрудненное дыхание и обожженные ладонь и губы, ее спина была прямой. Она сидела на коленях, взгляд был пронизательным. Было ясно, что она была непоколебима.

— Вы говорите, что вы не виноваты в смертях в деревне, пожаре в академии, но почему я должен верить? — спросил Харуто. — Вы укрываете онрë, — гнев Тяна еще кипел в нем, как река, вышедшая из берегов, но не был направлен на девушку.

Янмей чуть склонила голову к камину.

— А ты — оммедзи, путешествующий с бандитом Кровавым Танцором. Если взвешивать грехи, Кира лучше нас всех.

Харуто взглянул на Гуана, поэт печально покачал головой.

— Она права, старик.

— Как далеко нужно уйти, чтобы тебя перестали узнавать? — спросил Харуто.

Старый поэт отвернулся от огня и рассмеялся.

— Дальше звезд? Мою известность не купить, — веселье пропало из него. — А если бы можно было, ты захотел бы ее вернуть.

— Даже мой отец считал тебя бешеной собакой, которую нужно усыпить, — сказала напряженно Янмей.

Гуан кивнул.

— Не могу спорить. Кто твой отец?

— Пылающий Кулак, — сказала Янмей. Это имя люди помнили почти с той же злостью, что и Кровавого Танцора. Пылающий Кулак был легендарным бандитом, который проложил огнем свой путь через половину Хосы, когда первый Император Десяти Королей объединял империю. Он был известен техникой поджигания своих ладоней. А еще убийствами и грабежом.

— Ах, — Гуан повернулся к огню. — Капуста!

— Не будешь извиняться за смерть моего брата? — спросила Янмей.

Гуан просто смотрел на огонь.

— Мое извинение ничего не будет означать.

Янмей фыркнула и повернулась к Харуто, онрë и Карга вышли из кухни. Онрë стала двигаться вокруг, не замечая напряжение в комнате. Она опустила поднос с чайником и пятью чашками на стол.

— Какая хорошая девочка, — сказала Карга, села и похлопала ладонь онрë своими кривыми пальцами.

Шики пискнула, учуяв чай. Она пробежала вокруг пояса Харуто, забралась на его плечо.

Онрë охнула.

— Она... такая милая! — она оббежала стол и встала рядом с Харуто, словно они не

пытались убить друг друга минуты назад. Шики прыгнула на другое плечо, посмотрела на девушку, вытянула руку и коснулась пальца девушки. Она радостно чирикнула, прыгнула на руку девушки и поднялась. Онрё хихикала и кружилась с духом на плече.

— Предательница, — буркнул Харуто, но духу было все равно.

Гуан оглянулся, сидя у огня.

— Ха. Я думал, что крохе нравился только ты, старик.

Янмей вздохнула, Шики и онрё плясали, смеясь и щебеча.

— Кира, — сказала она не резко, но строго. — Они пришли убить тебя. Эта ситуация требует серьезности.

Онрё застыла, и Шики с ней. Она прошла к столу и села рядом с Янмей.

— Прости, — шепнула она, а потом коснулась Шики пальцем и улыбнулась, дух драматично напрягся и упал с ее плеча, притворяясь мертвым.

Карга вздрогнула.

— Откуда ты, малышка? — она медленно встала и пошла, шаркая, к кухне. — Думаю, ты любишь рыбу. У меня есть тут немного, — Шики прыгнула со стола и последовала за Каргой.

— Кому-то из нас нужно начать, — сказал Харуто. — Онрё уничтожил академию Хэйва и убил сына Гуана, Тянь Мена. Мы пришли сюда в поисках преступника, шли по следу духов, которые всегда остаются за онрё — деревня, полная мертвых, — он указал на девушку. — Она появилась. Остальное вы знаете. Но я хочу знать, как ты прошла сквозь духовный барьер.

Девушка улыбнулась и пожала плечами.

— Духовный барьер? Вы про посохи, которыми меня били? Может, вы не так их расставили?

— Нет.

Янмей стала наливать чай в четыре чашки.

— Кира не в ответе за Хэйву. Она училась там почти десять лет. Я была учителем, — она сделала паузу, попробовала чай, хотя от него еще поднимался пар.

— Янмей! Не надо, — сказала девочка.

Янмей вздрогнула и опустила чашку на стол.

— Прости. Я не хотела.

— Если дальше использовать технику, она убьет тебя, — в глазах девушки были слезы. — Ты не можешь меня бросить. Я не могу тебя потерять. Я не... — слезы полились по ее щекам, и она тяжело дышала. Харуто услышал звук, похожий на треск стекла.

Янмей сжала ладонь девушки.

— Я никуда не денусь, Мирай, — спокойно сказала она. — Видишь, я даю ему остыть.

Онрё кивнула и вытерла глаза. Когда она подняла голову, она улыбалась.

— Не один онрё уничтожил Хэйву, — продолжила Янмей, сжимая ладонь девушки. — Их было пятеро. Они пришли ночью, устроили пожар, убили учеников и учителей. Я смогла спасти только Киру, — она вздохнула и посмотрела на Гуана у камина. — Тянь был с нами какое-то время, но пошел искать других. Мне жаль, что он не выбрался.

Гуан буркнул, но не отвернулся от огня.

— Глупой лучок всегда хотел быть героем. Сказал, что загладит вину за всю боль, которую я причинил, — в голосе поэта была печаль, которую Харуто не привык слушать. Он ощущал, как внутри закипал гнев, такой горячий, что весь снег на горе мог растаять от его

ярости. Он скрипнул зубами, подавил гнев, зная, что это был гнев Тяна. Гнев ёкая передался ему и требовал мести. Он взглянул на девушку. Она была онрё. Он ощущал ее энергию, это точно была ци духа. Но гнев Тяна не был направлен на нее. Янмей говорила правду, эта девушка, Кира, не была онрё, на которых они охотились.

Карга прошла в комнату, стуча тростью. Шики следовала, гордо держа в ручках рыбу, словно сама ее поймала. Карга села на колени рядом с Кирой, и девушка налила ей чаю.

— Как вы оказались тут? — спросил Харуто. — Вы тоже охотитесь на них?

Янмей покачала головой.

— Мудрец...

— Конихаши? — спросила Карга. — Он придет? О, я была бы рада увидеть его снова. Вы знали, что мы когда-то... — она утихла, хмурясь, озиралась, будто искала то, что не могла найти.

— Он не идет, — сказала Янмей. — Конихаши не придет, — она похлопала Каргу по кривой ладони и посмотрела на Харуто. — Я готовилась покинуть Хэйву. Моя техника вредит мне. Я уже не могу помешать огню обжигать меня. Конихаши был известен как Пятый Мудрец под Небесами. Он знал много техник, но не был целителем.

Карга кивнула и улыбнулась.

— Он сказал Янмей поискать Четвертого Мудреца под Небесами, — сказала Кира. Она сделала глоток чая и скривилась, словно попробовала лимон. — Он должен был помочь ей.

Янмей вздохнула и покачала головой.

— Он сказал, что Карга в Тиото может знать, где искать. Я хотела пойти одна, проникнуть посреди ночи.

Кира фыркнула.

— Ты не уйдешь без меня, — она и Янмей смотрели друг на друга, стиснув зубы с похожей решимостью

Янмей отвела взгляд и продолжила рассказывать им о случившемся:

— Онрё напали и сожгли Хэйву дотла. Мы пришли сюда к Карге, но онрё уже побывали тут. Древняя — их преступление, не наше, — она взяла чашку и подула на чай.

Харуто ощущал, что чего-то не хватало. Он застонал. Он ненавидел загадки, думал, что был достаточно старым, чтобы их не осталось. Но жизнь не была такой простой, как бы долго она ни тянулась.

— Кто она? — он кивнул на Каргу. — Кто ты, что онрё пришли и оставил тебя в живых?

Древняя женщина улыбнулась ему.

— Она — Позолоченная Карга, — сказал Гуан. Он встал и прошел к столу.

* * *

Поколения назад, задолго до объединения Хосы и войны, поглотившей четыре народа, империя Нэш была процветающим местом. Лошади ходили по долинам большими стадами, и народ Нэш двигался с ними. Они были кочевниками, ходили по земле сотнями разных кланов. То было время процветания, разрешенное богами, и великий варган Нэш, лорд всех кланов, решил, что некоторые из его народа должны жить в одном месте. Он хотел подражать успеху Ипии и Хосы, создав великие города для своего народа и столицу, какой не видел мир. И он выбрал место — близко к океану для рыбалки и торговли, но и рядом с долинами, чтобы его народ не забыл, откуда они были. Там он построил величественный город из пыли и называл его Дракан.

Но были те, кто не слушал богов. Их не связывали законы урожая, созданные тянцзюн,

владыкой небес, и они видели большой город как сочный плод, который нужно сорвать. Мы зовем их Морским народом, они — хищная раса, высокая, светлая и жестокая. Им важно только сражение, их корабли и рабы. Они нацелились на Дракан, приплыли к берегу ночью тысячами и разгромили город.

Мужчины, женщины и дети умерли в огнях, устроенных Морским народом, от их топоров и копий. Жителей Нэша загнали на корабли Морского народа, их больше никто не видел. Никто не мог их остановить. Никто не был готов. Воины Нэша всю жизнь тренировались для боя, но их побеждали, как детей. Они были всадниками, лучше всего бились в седле. В тесных улицах нового города они лишились преимущества.

Морской народ ударил так глубоко по Дракану, что они добрались до Лучших Конюшен. Огромное здание по приказу варгана Нэш построили, чтобы разводить лучших его лошадей, таких нигде не было. Морской народ увидел в этом награду, ведь на их землях не было лошадей, все грузы таскали рабы. Они могли получить не только рабов, но и кое-что более ценное.

Но там против Морского народа выступила одна женщина. Она была высокой и сильной, как многие в Нэш. Ее кожа сияла, как золото, а волосы были темными, как уголь. Морской народ смеялся. Одна женщина против орды? Они напали на нее по одному и по двое, она убила их. Они напали десятками и двадцатками, она рассекла их. Они напали на нее несметным полчищем, и она одолела их.

Один из богов Морского народа прошел к ней. Их божества не смотрели на них с небес, но ходили среди них. Он был великаном с руками, покрытыми мышками, и поясом, полным стали. Он напал изо всех сил, с яростью и со всем оружием. Но его оружие затупилось, пока он взмахивал им. Его броня заржавела и упала с его тела от ее прикосновения, и он остался перед ней голым. Он забрал оружие павших людей, но они тоже рассыпались. Но оружие женщины становилось сильнее, его было все больше, и все, чего она касалась, становилось золотым, острым, как свет звезд.

Они сталкивались снова и снова, и она наносила ему такие раны, что доказывала, что даже боги могли пасть от мощи смертных. Те из его народа, которые выжили от ее гнева, утащили его, побитого бога в крови, калеку, а не божество. Женщина не погналась. Она вернулась на пост, приглядывала за конюшнями, это было ее долгом.

Когда варган Нэш прибыл и увидел свой роскошный город в дыму и руинах, он был в ярости, безутешный. Пока не вошел в конюшню. Там он увидел ее, женщину из золота, единственную выжившую в городе. И его горе утихло при виде его лошадей, только это выжило в худшем нападении Морского народа.

Никто не знал имя женщины, она его не назвала. Варган умолял, требовал, угрожал и просил, но она скрыла свою личность. И он назвал ее Позолоченной Каргой, вечным конюхом, убийцей чужих богов, величайшим героем Нэш.

* * *

Карга рассмеялась, когда Гуан закончил историю. Она потягивала чай, смотрела на рябь на нем стеклянными глазами.

— Это делает ее... древней, — сказал Харуто.

Гуан фыркнул.

— Кто бы говорил, старик.

Харуто игнорировал его.

— Почему Пятый Мудрец послал...

— Конихаши? — спросила Карга. — Он идет?

Янмей покачала головой и хлопнула по ладони Карги.

— О, — печально сказала Карга. — Я хотела бы увидеть старого друга снова.

— Почему онрѐ пришли сюда искать ее? — спросил Харуто, стуча пальцами по столу. — Они ищут всех Мудрецов?

— Не знаю, — сказала Янмей. — И вряд ли она знает. Возраст забрал у нее то, что не смогли враги.

— Что тут произошло, Карга? — спросил Харуто. — Как умерли жители Тиото?

Карга прищурилась, глядя на него.

— Жители? Я... — она нахмурилась и смотрела миг на чай, а потом ее лицо снова расслабилось. Она улыбнулась и посмотрела на Янмей. — Кажется, все мои дети хотят меня нынче навестить, — она будто считала Янмей своей дочерью. — Твой брат заглядывал недавно. Он... спрашивал о темнице. Думаю, он был в беде. Снова и снова о темнице. Он был очень требовательным, не тронул чай, говорил, что он был слишком холодным. Я говорила ему, что из темниц знала только о Небесной Лощине, и он ушел. Так и не выпил чаю. Наверное, потому он стал таким уродливым. Чай дает нам гладкую кожу и добрые глаза, — она сделала глоток чая.

Гуан глядел на него.

— Небесная Лощина, — сказал старый поэт, словно Харуто не слышал. Харуто не смотрел в глаза друга.

— Звучит восхитительно, — сказала Кира. — Что это?

Янмей налила себе еще чаю.

— Крепость, где тренируются воины-шинтей Ипии. Говорят, только шинтей знают, где она.

Харуто покрутил чашку, не глядя никому в глаза.

Гуан почесал бороду и посмотрел на Харуто.

— Старик?

Харуто молчал.

— Он знает, где это, — сказал Гуан.

Харуто холодно посмотрел на своего друга.

— Можешь сверлить меня взглядом, сколько хочешь, старик. Ты несешь бремя Тяна.

Шики жалобно пискнула.

— Не начинай, — рявкнул Харуто на духа, ненавидя гнев в своем голосе. — Да, я знаю, где Небесная Лощина.

Янмей улыбнулась.

— Тогда мы отправимся утром.

— А? — Харуто покачал головой. — Я не говорил, что возьму вас.

— Мы увидим крепость? — спросила онрѐ, хлопнув в ладоши. — После десяти лет в академии я думаю, ее разрушение — лучшее, что со мной случилось, — она нахмурилась. — Это неправильно, да?

Янмей кивнула.

— Многие умерли, включая твоих друзей.

Девушка фыркнула.

— Друзей. Будто они у меня были, — она молчала пару секунд, тряхнула головой и шлепнула себя по щекам. — Я должна печалиться? Должна горевать по ним.

Янмей слабо кивнула.

— Хотя они ненавидели меня?

Янмей сжала ладонь девушки.

С девушкой было что-то не так. Ей нужно было, чтобы Янмей говорила ей, как нужно было себя чувствовать. Харуто отогнал эту мысль в сторону, чтобы разобраться позже. Если они хотели идти с ним в Небесную Лощину, пускай. Шинтей клялись не раскрывать ее место, но его эти клятвы не сковывали. И было неплохо оставить девушку близко. Может, ему придется отправить ее к Оморецу, пока она никому не навредила.

— Мы уходим завтра, — согласился Харуто. — Мы можем остаться на ночь, Карга?

— О, чудесно. Пара юношей, как вы? Мне нужно сделать много работы.

Гуан рассмеялся и пожал плечами, когда Харуто посмотрел на него.

— Что? Она назвала тебя юным.

Глава 9

Все спали, когда Харуто вышел из дома Позолоченной Карги. Ночь, и хоть снег перестал падать, было холоднее, чем неодобрение монаха в Тиото. Харуто редко ощущал холод, но даже он кутался в снова испорченное кимоно сильнее, хотел себе такой плотный плащ, как у Гуана. Его плащ не пропускал снег, но не спасал от холода. Он шел по деревне, как призрак, прошлые обитатели лежали мертвыми в их домах, убитые онрё, которые что-то искали. Темница? Мудрец? Что-то в Небесной Лощине. Но там были только шинтей. Ёкай должны быть безумны, чтобы напасть на то место.

Он забрал свою печать и ритуальные посохи в свете луны. Он все еще не знал, пошло ли что-то не так с благословением Оморецу на них, или что-то было с девушкой. Онрё был редкими и сильными, и за долгие годы он встретил тут первую. Если посохи не могли сдержать одну онрё, то ему нужно было что-то еще, чтобы сдерживать духов, которые уничтожили Хэйву и убили Тяна.

Харуто прошел по горной тропе и покинул деревню Тиото. Он не шел далеко, ему нужно было сделать это, пока другие спали. Они не поняли бы.

Он остановился, увидев дерево. Его краски были приглушенными в свете луны, красные листья стали рыже-коричневыми, но он видел фигуру под ветками. Хоть на небе были тучи серым покрывалом, ёкай и ее дерево сияли, словно в ярком свете луны.

Он попытался изобразить Гуана, сказал себе:

— Хватит медлить, старик.

Он услышал предупреждающий свист. Шики стало видно, она следовала за ним по снегу в своем облике, снег лип к ее жесткой шерсти. Она села рядом с Харуто, с укором посмотрела на него и снова свистнула.

— Я знаю, что это опасно, но я не могу просто бросить ее тут.

Шики поднялась по его ноге, добралась до плеча. Ее шерсть отливала желтизной, задевала щетину на его щеке.

— Я буду в порядке. Можешь вернуться, если боишься.

Шики хмыкнула и угасла. Она все еще была близко, смотрела за ним на случай, если она

ему понадобится. Не понадобится. Ему не нужен был духовный клинок для этого ёкая.

Он подходил, ёкай посмотрела на него. Листья над ней зашуршали, хотя ветра не было. Она грациозно поднялась на ноги. Харуто замер на краю ее владений. Снег был другим под деревом, нетронутый ветром. Это было ее царство.

— Акатеко, — сказал Харуто вместо приветствия.

— Мастер оммедзи, — сказала акатеко с насмешливым поклоном, который открыл бледное декольте, в котором мужчина мог затеряться. Харуто оторвал взгляд. Она облизнула губы и склонила голову, глядя на него. Несколько прядей темных волос выбились, придавая ей потрепанный вид. — Хочешь, я спою для тебя? Приходи. Посиди со мной, и мой голос прогонит тревоги.

Так работала акатеко. Соблазн, красивый мужчина или женщина предлагали дать то, что тебе было нужно, если посидишь с ними немного. Они прогоняли тревоги и боли, согревали душу. Все это время они забирали у тебя ци, чтобы поддерживать свои жизни. Не так много, чтобы убить, хотя они могли, если хотели, но достаточно, чтобы на время сил стало меньше. Даже с его тренировками и годами опыта Харуто ощущал, как его влекло к ней.

— Ты не можешь оставаться тут, акатеко.

— У меня раньше было имя, — акатеко смотрела на красные листья, водила тонкой ладонью по белой щеке. Изящный палец задел рубиновую губу и чуть потянул за нее. — Я его уже не помню. В последнее время я зову себя Снег. Подходит, да? — она прикусила губу и посмотрела на Харуто. Ее глаза были большими, манящими, требующими, тоскующим и темными, как пустота между звездами. — У тебя есть имя, мастер оммедзи?

— Харуто, — сказал он, не думая.

— Харуто, — она поиграла его именем на языке, пробуя его вкус. Она все еще глядела на него, а он не мог отвести взгляда, не хотел отводить взгляд. Он знал, что это было техникой, соблазнением акатеко, но ему было все равно. — Харуто, — проурчала она, хмурясь, от этого противостоять ей было еще сложнее. — Нет. У тебя есть иное имя.

Шики появилась перед Харуто и зашипела на акатеко, ее шерсть торчала. Харуто вырвался из техники ёкая. Акатеко зарычала на Шики, обнажив зубы и сделав ногти когтями.

— Хватит! — Харуто услышал усталость в своем голосе. Ему нужно было поспать, но он знал, что не мог. Сон плохо ему давался с тех пор, как он заключил сделку с Оморецу давным-давно. Теперь он нес бремя Тяна, и отдых давался еще сложнее. Он взял Шики со снега и усадил на свое плечо. Она зарычала, грозно помахала рукой ёкаю. Акатеко отошла к своему дереву, провела ладонью по складке кимоно, намекая на утехи. — Ты не можешь тут оставаться, акатеко. Прости, Снег.

Ёкай застонала и снова улыбнулась ему.

— Почему? — она надулась. — Мне тут нравится. Холод мне идет. Краски идеально мне подходят. И глупые мужчины, которые заходят сюда, вкусные. Кто знал, что в таких холодных условиях такая пылающая ци? — она глубоко вдохнула и выдохнула шумно, с наслаждением.

— Потому что все жители Тиото мертвы, — сказал Харуто.

Она пожала плечами, кимоно легко съехало с плеча.

— Это была не я, — она улыбнулась и медленно поправила кимоно.

— Народу Миназури будет все равно, Снег. Они не поверят. Как только они узнают, что

люди тут мертвы, они обвинят тебя. Это не просто соблазнение старика на пару часов от его жены. Они обвинят тебя, наймут оммедзи, чтобы убить тебя.

— Ты хочешь боя, мастер оммедзи? — спросила акатеко. Она отошла от дерева и заняла боевую позу, глаза мерцали желанием. Ее ногти снова стали когтями, и снег у ее ног зашевелился, его задевала ее ци.

— Нет! — рявкнул Харуто. — Я не пытаюсь с тобой биться. Я пытаюсь тебя спасти.

Шики пискнула. Акатеко встала со смятением на лице. Все попытки соблазнения пропали, и она моргнула, уголок рта приподнялся.

— Почему? Ты — оммедзи. Ты вредишь моему виду.

Харуто пожал плечами.

— Потому что ты никому не вредишь. Не прямо. Ты берешь немного ци, оставляешь их уставшими на день-два. Но они получают пару часов покоя. Ты даешь им то, чего им не хватает. Они, наверное, даже не понимают, что нуждаются в этом, но ты даешь им это. Я делал это достаточно долго, чтобы знать, что не все ёкаи злые, как и не все люди хорошие. Если останешься тут, они наймут кого-то убить тебя. Это буду не я, но кто-то придет. Не все оммедзи разборчивые, как я.

— Пускай, — хрипло сказала Снег. — Я притяну их к своей груди и осушу.

— Придет другой. И еще, — Харуто покачал головой. — Потерянное возвращается в мир, Снег. Духи, давно забытые техники. Оммедзи этого не потерпят. Они будут тебя изгонять снова и снова.

Она широко улыбнулась, зубы стали клыками.

— Ты не знаешь, насколько ты прав, — она прислонилась к дереву, вытянула руки, чтобы поиграть с листьями, выгнула спину. Харуто старался не смотреть на ее грудь, и она показала взглядом, что знала об этом. — Ладно. Я уйду.

— Спасибо, Снег, — Харуто поклонился. — Я не хочу видеть, как такой великий дух, как ты, пропадет из мира.

— Я великая? — она прикусила губу. — Я уйду утром, — она отошла от дерева, прошла к границам своих владений, Харуто мог теперь ее коснуться. Она раскрыла руки для него. — Хочешь, я спою для тебя, мастер оммедзи? Хочешь, я помогу тебе отдохнуть?

Харуто кивнул, его плечи опустились. Он пересек черту.

Глава 10

Они снова были в пути, шли вниз по горной тропе к Миназури, Кира была в восторге. Она бегала по снегу вприпрыжку, используя простую технику, которой ее научил Пятый Мудрец, порой убирая технику и падая в сугроб. Она была в восторге от шанса снова посмотреть на мир с Янмей.

Она любила Хэйву. Учителя были интересным, хотя на уроках Кире всегда было сложно. Нужно было сидеть и учиться, а она была в этом плоха. Ее часто ругали за то, что она смотрела в пространство и не слушала, потому что увидела на полу ползущего жука. Это

было намного интереснее, чем то, когда и какой король занял трон.

Но были другие ученики. Многие игнорировали ее, что было лучше, чем когда ее замечали. Некоторые обзывали ее, бросались в нее вещами, жестоко издевались и пронзали ее резким смехом. Ей всегда было сложно жить в Хэйве. Другие ученики были людьми, и она... нет. Она была сильнее них, другая. Они часто шутили, и она не понимала этого. Когда она была младше, она пыталась играть с другими учениками, но что-то нашло на нее и... были раны. Никто не умер, но она ранил людей, а это было плохо. Янмей очень... не злилась. Даже не расстроилась. Но она была какой-то. Кира не могла это понять. Люди были странными и сложными.

И десять лет в академии после восьмидесяти лет в плену зеркала были ужасно скучными. Хотя она не помнила время в зеркале. Только размытую тьму и музыку, кошмары о монстрах и боли. Но все это теперь закончилось. Она была свободна и смотрела на мир с Янмей.

— Ты выглядишь утомленно, — сказала Кира Харуто, он пробивался сквозь снег. Он сошел с тропы и был по колено в снегу, его взгляд был далеким и стеклянным. Маленький дух сидел на его плече, махал ей черной пушистой ручкой. Кира помахала в ответ. Дух был таким милым, что она захотела обнять его. А почему нет? Кира протянула руку к духу.

— Эй! — рявкнул Харуто, пошатнулся в снегу и решительно отошел от нее. Дух на его плече свистнул ему на ухо. — Что ты знаешь? — сказал оммедзи духу.

— Кира, — твердо сказала Янмей.

— Я не пыталась ему навредить, — Кира покачала головой. — Я просто... хотела... — она притихла. Люди были сложными. Многим не нравилось касаться или делиться. Янмей звала это границами. Границы были важны для людей. Она думала, что должна была помнить такое. Она была когда-то человеком. Но все это было мутными вспышками в ее разуме, как сны, угасающие, когда она пыталась вспомнить их. — Прости.

Они шли какое-то время в тишине. Оммедзи поглядывал на нее и немного отстранялся, и Кира пробежала по снегу и зашагала с другой стороны от него. Старый поэт был чуть дальше, Янмей — за ним. Кира надеялась, что будет больше разговоров и смеха, может, интересные истории о местах, которые она никогда не видела. Она надеялась, что взрослые не будут вести себя как дети в Хэйве, что они будут относиться к ней иначе.

Хотя бы снегопад закончился. Снег еще лежал густо на земле, скрывая все, но теперь Кира видела долину и деревья с белыми верхушками, и это потрясло. Она слышала разные истории о лесах и том, что пряталось в них, что-то на интересных уроках, порой — он других учеников, когда она пряталась от них и подслушивала их разговоры. Они всегда утихали, увидев ее.

— Так вы знаете все о духах? — спросила Кира у оммедзи после паузы. Тишина нервировала ее всегда. Напоминала ей о зеркале и воспоминаниях, к счастью, стали размытыми.

Харуто взглянул на нее и пожал плечами.

— Это моя работа.

— Оммедзи, — сказала Кира, радуясь, что он ответил. — Охотник на духов.

— Нет, — буркнул он. — Я не охочусь на духов. Я... разбираюсь с ними.

— Хм, — Кира прошла несколько шагов, пританцовывая, развернулась, пошла спиной вперед поверх снега. — Янмей всегда говорила, что оммедзи охотились и убивали духов, как я.

— Тогда Янмей знает так же мало, как и остальной мир.

— Это не так! — Кира прищурилась, подумывала, стоило ли поискать для него отражение. Так она преподаст ему урок, что оскорблять Янмей нельзя.

Оммедзи посмотрел на нее, и маленький дух на его плече свистнул снова.

— Серьезно? — утомленно спросил он. Он выглядел уставшим. Темные мешки под глазами, волочащиеся ноги. Кира спала, как убитая, этот термин всегда ее забавлял, ведь она *была* мертва. Или убита. Она не знала, как это работало, но она точно умерла, хоть не помнила, когда.

— Мы — оммедзи — не охотники на духов. Мы — оккультисты. Мы отыскиваем ёкаев, но не убиваем их. Мы не можем их убить. Мы говорим с ними, узнаем, что они хотят. И отсылаем. Так должно быть.

Кира задумалась на миг. Она убрала технику из ног, погрузилась в снег и пошла рядом с оммедзи.

— Ты не пытался говорить со мной вчера. Ты бил меня посохами, а это было больно.

— Прости.

Она провела рукой по волосам, потревожив немного льда на них.

— Все хорошо. Я атаковала первой. Хотя ты не переживал из-за удара. Эй, почему ты не мертв?

Старый поэт рассмеялся.

— Да, почему ты не мертв, старик?

Харуто убийственно посмотрел поверх плеча.

— Я не могу умереть. Но это не значит, что удар не причинил боль.

Этот ответ вызвал у Киры еще больше вопросов.

— Прости, что ранила. Но почему ты не можешь умереть? — она думала, что все могли умереть, если их достаточно раз уколоть острыми предметам. Этому ее учили в Хэйве. Хотя Мудрец казался бессмертным... пока не умер.

— Сколько тебе? — спросила Янмей, догнав их. — Ты говоришь, что не можешь умереть, а Кровавый Танцор зовет тебя «стариком».

— Я бы хотел, чтобы меня звали Гуаном, — сказал поэт. — Или как-то еще, но не по... прозвищу.

Кира хотела узнать, почему его звали Кровавым Танцором, и почему он ненавидел это прозвище. Но она хотела и знать, почему Харуто не мог умереть. Люди восхищались.

— Так сколько тебе лет, Харуто? — повторила Янмей.

Харуто пожал плечами.

— Достаточно старый, чтобы быть притчей.

Кира подумала об этом, но не знала, что он имел в виду.

Они поднялись на небольшой холм, и стало видно Миназури внизу. Город был укрыт от худшей погоды у основания двух гор, полный домов и людей, там было много всего, что Кира никогда не видела. Высокие деревянные стены окружали город, и люди суетились там, как муравьи. Кира и Янмей обошли город на пути в Тиото. Ее не пропустили, но она хотела увидеть город. Она хотела узнать, как ощущалось, когда вокруг было так много людей и духов. Выглядело восхитительно.

— Что-то не так, — сказал Харуто.

— Э? — Гуан щурился.

Янмей прикрыла глаза рукой, но ее зрение стало хуже за последнюю пару лет. Она

пыталась это скрыть, но Кира заметила. Она пропускала вещи, ей было сложно читать, особенно мелкие буквы.

— Там всюду духи, — сказал Харуто, Кира не могла объяснить напряжение в его голосе. Она посмотрела на Янмей, желая привычной подсказки, но она глядела на город.

— Это не нормально? — спросила Кира. Она заметила их сразу же: две обезьяны на стенах. Они были ярко-оранжевыми, с черными пятнами на боках, полосой синей шерсти на спинах и крыльями из кожи между передними и задними лапами. Они жевали стены, сплевывали кусочки дерева. Страж в шкуре замахнулся копьем на монстрика, но оно прошло сквозь него. Маленький дух рассмеялся и сплюнул дерево в мужчину. Кира захихикала от их забав.

Над городом висела туча, хотя небо было ясным. Туча бушевала. Кира, казалось, заметила смеющееся лицо. На стене люди отчаянно пытались зажечь лампы из-за тени, которую бросала туча, но каждый раз, когда загорался фитиль, появлялась женщина-призрак и задувала огонь. Вокруг был хаос, люди кричали и гонялись за духами, которые бегали, играли и смеялись над ними. Выглядело весело.

— Я еще не видел, чтобы духи вели себя так нагло, — сказал Харуто. Шики чирикнула, ерзая на его плечах. Она была взволнована, и Кира почти могла ее понять.

— Это как-то связано с онрё? — Гуан взглянул на Киру. — Я про других онрё, — она улыbnулась ему, но он покачал головой.

— Есть лишь один способ узнать, — Харуто ускорился на тропе у городу.

Когда они дошли до стен, их быстро окружили стражи, которые не были им рады. Многие стражи держали копья или мечи, некоторые даже направили оружие на них. Янмей оставалась спокойной, и Кира решила подражать ей. Она всегда лучше Киры понимала, как действовать. Люди лучше понимали других людей.

— Ты! — закричала женщина со стены. У нее было пухлое красное лицо. Похожее на помидор, у которого выросли глаза и волосы, и его это злило. Она направила палец на Харуто, а потом пропала со стены и через пару секунд вышла из ворот с двумя стражами за ее спиной. — Ты это сделал! — закричала она на Харуто.

Оммедзи поднял руку.

— Я даже не знаю, что.

— О, знаешь, — злой помидор остановилась перед Харуто и направила палец на его грудь. Кира отчасти ожидала, что он схватит ее за палец и сломает его, но он стоял и терпел атаку.

Стражи шагнули ближе, и грудь Киры сдавило, она искала путь побега. Это было как с Минато и его бандой, когда они нашли ее одну в Хэйве. Они много раз гонялись за ней и окружали ее. Они звали ее нечеловком, плевали на нее, угрожали побить ее палками и деревянными мечами. Она тряхнула запястьем и сжала кинжал, появившийся в ее ладони. А потом она услышала тихий треск, словно трещина потянулась по стеклу, что-то сдвинулось внутри.

Пухлая женщина визжала в лицо Харуто:

— Я должна поверить, что это совпадение, что оммедзи приходит, не обнаруживает оплачиваемой работы и уходит. А потом эти... ёкаи начинают появляться... ВСЮДУ! Мой город в осаде. И через два дня приходишь ты. Ты это сделал! Ты послал ёкаев на нас, чтобы нам пришлось заплатить тебе. Ты... шарлатан.

— Уверяю вас, я с этим не связан, — сказал Харуто. — Мы были в Тиото. Все жители

там...

— Не уходи от темы. Я уже имела дело с твоим видом. Обманщики, которые изображают оммедзи, а сами заодно с ёкаями. Покажи императорскую печать.

Харуто вздохнул и потянулся в испорченное кимоно.

— Это не ёкаи. Просто духи. Многие из них — просто духи.

— А? — женщина выхватила печать из его ладони и посмотрела на нее. — Духи, ёкаи — один кошмар. Помеха, а то и опасность. Их всех нужно уничтожить, — Кира гадала, касалось ли это и ее. Поняла, что касалось. — Чья это печать? Императора Исэ Акето? Наша императрица — Исэ Рьоко.

— В Ипии сейчас два королевских рода, — сказал Гуан.

— Думаешь, я не знаю? — женщина махнула деревянной печатью, глядя на поэта, как на грязь, которую принесли незваные гости. — Я — судья Миназури. Я знаю оба королевских рода лучше вас. Это территория императрицы Исэ Рьоко, а не императора Идо Танаки. И я никогда не слышала об Исэ Акето. Это — она махнула печатью Харуто, — фальшивка! — она сжала печать обеими руками и хотела ее сломать, но Харуто вытянул руку и забрал печать у нее. Кира гадала, почему кусочек дерева был так важен.

Стражи приготовили оружие. Они держали оружие как Минато и его банда.

Кира подняла нож и повернула его, страж напротив нее взглянул на отражение в клинке. В отражении большой темный медведь с двумя головами, зубами как мечи и когтями, сияющими огнем, поднялся за ним. Его глаза расширились, он закричал. Он развернулся, запнулся об свои ноги и чуть не пронзил удивленного солдата за ним. Кира напряглась, сжала нож, готовая вонзить его в шею стража. Она услышала треск стекла, покалывание побежало по коже ее руки. А потом ладонь на плече оттянула ее. Янмей.

— Нет, Кира! — закричала Янмей.

— Но... — Кира огляделась. Больше стражи шло к ним, все были вооружены, грозные, приближались, как тьма к угасающему огню. Было как с Минато в Хэйва. В ее ушах трещало стекло. Она посмотрела на свою ладонь, увидела трещину на коже на ладони. Она поежилась, услышала, как вокруг разбивалось зеркало, осколки стекла падали с нее в снег. Трещина на ее ладони пропала. Она посмотрела на Янмей, ее глаза были полными тревоги. — Но они нападают на нас, да? — спросила Кира.

Янмей сжала ее за плечи и чуть согнула, чтобы они были лицом к лицу. Кира посмотрела в ее глаза и отвела взгляд, стыдясь. Она знала этот взгляд. Она снова сделала что-то не так. Лицо Янмей было морщинистым и строгим, седые пряди в волосах выделялись среди черных волос. Но было в ее глазах что-то еще, отчаяние, которое Кира не привыкла видеть. Словно что-то изменилось. Может, из-за сгоревшей Хэйва. Она не понимала.

— Они напали на нас. Я думала... что нужно защитить нас. Защитить тебя, — сказала Кира. Она лепетала. Она всегда лепетала, когда была растеряна. Наставники академии думали, что она была такой. Они перебивали ее, словно она не могла их понять. Как бы она ни старалась на скучных уроках, какой бы сильной ни была на тренировках, они считали ее глупой и медленной. Все, кроме Янмей. Может, Янмей и Мудреца, но он был мертв. Все они были теперь мертвы. Все учителя и ученики. Разум кипел, сотня мыслей атаковала ее, не желала замедлиться.

— Кира Мирай, посмотри на меня, — сказала Янмей. Но Кира смотрела куда угодно — на снег, на стражей с копьями за ними, на белые облака у горы, на темную тучу над

городом. — Посмотри на меня, — ее голос был спокойным, не злым. Янмей никогда не злилась на нее. Она даже не разочаровывалась. Было что-то... странное, что Кира не могла понять. Она взглянула на Янмей в ответ на просьбу, застряла в глубинах ее глаз. Они были бледнее, чем раньше, теряли цвет, как ее волосы.

Кира не знала, как долго Янмей держала ее, но ее разум перестал лепетать, и приятное спокойствие опустилось на нее, как тяжелое одеяло.

— Они не нападают на нас, — сказала Янмей. Она оглянулась, повысила голос и твердо спросила. — Верно?

Пухлая женщина смотрела на нее, уперев руки в бока.

— Я еще не решила.

Харуто шагнул вперед, копьё уперлось в его грудь, покрытый снегом страж на другом конце почти дрожал от страха. Ему Кира показала монстра. Харуто медленно сдвинул копьё.

— Дайте посмотреть, что я могу сделать с вашей проблемой с духами.

Женщина задумалась на миг, ее щеки двигались от каждого выдоха паром.

— Ладно! Но мы не заплатим ни льена. Это все твоя вина... как-то.

Харуто пожал плечами.

— И вы будете под стражей, — она махнула вооруженным стражам вокруг себя. — Приглядывайте за ними, не давайте никому из них бродить.

Янмей сжала руку Киры и подошла к оммедзи.

— Думаю, мы вместе еще на какое-то время.

Туча над Миназури загудела, для Киры звук был похож на хохот.

Глава 11

Миназури был в осаде. Харуто был оммедзи больше лет, чем дурак мог сосчитать, но не видел, чтобы духи так собирались. Они бегали по крышам, играли в снегу и мучили жителей. Некоторые были просто шалунами: фури и инугами захватили животных и радовались, что были на земле. Но другие, как джинменкен и кьокоцу были опаснее и злобнее.

Стражи вели их по городу, и Харуто стал подозревать, что не только присутствие онрё притягивало духов к Миназури. Они были всюду. Некоторые жители заперли свои дома, отчаянно пытались защититься от духов. Другие собирались в группы, вооружались, пытались преуспеть, где не справились стражи. Они тоже не справятся. Некоторых духов можно было убить оружием смертных, но только тело умрет. Дух просто найдет нового носителя. Их нужно было очистить и отослать ритуалом.

Кира суетилась, ее волнение заставляло Харуто нервничать. То, что нашло на нее до этого, угасло, она прыгала с одной стороны улицы на другую, заглядывала в окна, радуясь тому, что видела. Порой она останавливалась и говорила с духами, даже если они не могли или не хотели отвечать. Она тридцать секунд вела односторонний разговор с зонтиком, который хлопал и летал сам, пока старушка не прогнала каса-обакэ метлой. Кира захихикала, глядя, как дух улетает. Стражи пытались удержать ее, но когда ловили ее взгляд, отшатывались, пугаясь того, что видел там. Харуто все еще не знал, кем она была. Онрё, которая прошла сквозь его ритуальный барьер? Ёкай, но более человечный, чем он знал? Он мог оставить ее в этом мире? Она была опасной, это было ясно, но Янмей управляла ею.

— *Творит хаос*

Буря злых духов.

Гуан постучал по подбородку, обдумывая последнюю строчку.

— *Мой друг — спаситель?*

— Ужасно, — сказал Харуто.

Гуан печально кивнул.

— Точно. Прости за этот раз.

— С чего вообще начать? — спросила Янмей, маленький инугами, похожий на собаку с десятью лапами, пронесся мимо, сжимая в пасти оторванную ногу лошади. Кровь тянулась по снегу за ним, трое мужчин бежали следом, каждый нес старый меч или копье, которые не смогли бы прорезать даже набитый соломой матрац.

Один из мужчин, гонящихся за инугами, остановился перед Харуто.

— Мастер оммедзи? — спросил он и, не дожидаясь ответа, закричал. — Оммедзи вернулся! — он упал на четвереньки на окровавленном снегу и склонил лысую голову. — Прощу, мастер оммедзи, помогите нам. Эти ёкаи уже убили двух моих коней, — двое других мужчин упали на колени рядом с лысым и поклонились.

— Простите, что оскорбили, мастер, — сказал младший из трех, юноша, у которого только появилась щетина на выпирающем подбородке.

Стражи, ведущие Харуто и его товарищей, выглядели неловко. Харуто ощущал себя почти так же.

— Уберите их, и мы заплатим, обещаю, — сказал лысый, все еще стоя на коленях.

Гуан буркнул и ткнул Харуто локтем.

— Они думают, что это все сделал ты.

Харуто повернулся и мрачно посмотрел на старого поэта.

— Это не так!

— Я знаю это, — согласился Гуан. — Но ты выглядишь хмуро.

— Есть разница между хмурым видом и призывом полчищ духов в город.

Гуан поднял руки в поражении и попятился, улыбаясь.

Янмей помогла старшему из трёх мужчин, старику с кривой спиной, встать.

— Оммедзи поможет, — сказала она ему. — Он согласился избавить город от проблемы.

— Бесплатно! — сказал один из стражей, женщина с выпирающим подбородком и бородой чуть гуще, чем у Гуана.

Харуто вздохнул и прошел мимо сцены. Они могли думать, что это было его виной, если хотели. Он уже знал страх и ненависть других. Впереди взорвалось здание, обломки упали на заснеженную улицу. Люди кричали, некоторые выбегали из домов с детьми или вещами, бежали к Харуто. Другие стояли вокруг, пытаясь понять, что случилось. Никто из них не мог видеть. Даже Харуто видел только мерцающее пятно, но он видел шаги. Сотни отпечаток копыт на снегу. Женщина побежала к разрушенному зданию, может, знала людей внутри. Харуто позвал, но было поздно. Невидимое существо бросилось, поймало ее в пасть и порвало женщину пополам, кровь залила существо, на миг стало видно кошмарную многоножку.

Солдаты охнули в ужасе. Женщина с дырой между зубов, слишком храбрая для своего блага, поравнялась с Харуто, держа копье наготове.

— Поразительно! Что это? — спросила Кира.

Янмей взглянула на нее.

— Кто-то только что умер, Кира.

— О, — юная онрё понизила голос. — Простите. Что это?

— Омукадэ, — сказал Гуан. — Это твое, старик.

Омукадэ сжался и прыгнул в другое здание, пробил его бронированной головой. Мужчина закричал, омукадэ отпрянул, обвинил невидимым телом беднягу и сдвинул его, забрызгивая себя кровью. Женщина за ними завывала и упала на колени в снегу.

Харуто вытащил катану.

— Шики, — дух прыгнула в меч, клинок стал алым. Харуто опустился на корточки и напрягся, омукадэ повернул кровавую голову к нему.

Он бросился. Харуто побежал навстречу. Большая голова шелкнула пастью. Харуто отшатнулся от сильных челюстей и вонзил Шики в экзоскелет монстра. Клинок легко рассек броню, и он открыл большую рану в его боку.

Омукадэ застыл, тряхнул окровавленной головой и оскалил огромные клыки. Харуто опустился на корточки и приготовился вонзить клинок снова, но ноги духа не выдержали, он рухнул кучей, от которой поднимался пар. Он скоро угаснет, его связь с землей была разрезана. Через минуты он станет воспоминаниями и болью тех, кто горевал по его жертвам. Он не отправил омукадэ к Оморецу, но убил его Шики, так что он вернется на небеса, а не останется на земле в поисках нового тела. Он вытер Шики об снег, убирая кровь.

— Это было невероятно! — закричала Кира, тормозя на снегу рядом с Харуто. Она глядела на омукадэ, почти дрожала от восторга. — Я думала, он тебя схватит, когда он бросился, но ты скользнул в сторону.

Он взглянул на девушку.

— Ты можешь его видеть?

— Конечно, — сказала Кира. — А ты — нет?

Янмей и Гуан подошли к ним. Старый поэт был с красным лицом, держался на расстоянии от омукадэ, но тоже был в восторге.

— Как только я найду слова, поэма будет потрясающей.

Янмей держалась лучше. Она сжимала нагинату наготове.

— Мы можем помочь?

Харуто покачал головой.

— Если только в том оружии не прячется дух-спутник, — он прошел мимо угасающего тела омукадэ, посмотрел на небо и тучу там. — Мне нужно найти источник всего этого. Омукадэ не приходят в города. Они предпочитают пещеры, где могут ждать в засаде. Что-то манит духов в Миназури, и пока я не найду и остановлю это, они будут приходить.

Стражи подошли ближе, остерегаясь мертвого ёкая и оставленных им тел, но следя за Харуто и другими. Харуто даже удивило то, что они больше боялись судьбы, чем невидимую многоножку, пожирающую людей.

— Что дальше? — спросил Гуан.

Харуто указал Шики на небо.

— Я верну свет в город, — он улыбнулся и шагнул вперед. — Я называю тебя акашита, — крикнул он туче. Молния затрещала в темных складках, на миг появилось искаженное лицо, большое и злое. А потом туча стала двигаться, вихрь тьмы опустился к земле.

* * *

Туча пульсировала, бурлила, толкая все больше массы к земле. Она затопила улицы чернильной тьмой, поглотила большой труп омукадэ. Окна в ближайших домах разбились от

давления, деревья сорвало с петель, земля дрожала. Большая фигура вышла из тучи. Гуан жалел, что чернил не было под рукой, ведь этот монстр был достоин рисунка. Он был в облике человека, но выше двухэтажных домов на улице. Его тело было бушующей тучей в облике мужчины, но пыталось вырваться из этой формы. Его ладони с когтями волочили по земле, оставляя вмятины. Его лицо было наполовину человеческим, наполовину чудовищным, с выпирающим волосатым подбородком, плоским носом и большими глазами, почти белым, кроме крохотных темных зрачков. Он провел толстым красным языком по острым зубам, молния трещала глубоко внутри.

— Зараза, — сказал Харуто. Шики вылетела из клинка и скрылась в рукаве его кимоно. Он потянулся поверх плеча за посохом огня.

— Это источник скопления духов? — спросил Гуан.

Его старый друг повернулся с муками на лице, этого ответа ему хватило.

Гуан почесал неровную бороду.

— Ясно.

— Это ёкай, — сказал Харуто. — Сильный, но он не мог притянуть сюда других духов.

— Я могу помочь, — сказала Кира. Она улыбалась и подпрыгивала в восторге.

— Нет! — Харуто крутил в руке посох огня. — Ты будешь мешаться. Всем отойти.

Кира перестала подпрыгивать, надулась и сжала кулаки. Янмей опустила ладонь на плечо девушки.

— Это опасно, Кира.

Девушка вздохнула, выглядя как щенок, у которого забрали любимую кость.

— И я такая.

— Ты готова? — спросил Харуто. Шики свистнула с дрожью. — И я, — и он побежал к акашите, уже крутя посох для первого удара.

Акашита взмахнул ладонью с когтями в сторону Харуто, и Харуто отскочил в сторону. Он махнул посохом в сторону ноги акашиты, но посох прошел сквозь нее, тьма почти не дрогнула. Харуто разогнался и пронёсся вперед. Акашита ударил ладонью по боку Харуто, отбросил его в ближайшее здание, его ремень посохов порвался от удара об деревянную стену. Гуан скривился, старик упал на заснеженную брусчатку, перекатился и остановился. Он быстро поднялся, но явно был ранен. Его спина была в крови, плащ порвался, едва держался на шее, а кимоно было разорвано выше пояса. Харуто вонзил первый посох в землю и крикнул:

— Огонь, — а потом схватил посох земли и бросился вперед, полоски плаща и кимоно трепетали за ним.

Худшими моментами для Гуана было, когда он смотрел, как его друг бился с ёкаем, и знал, что не мог помочь. Он знал, что Харуто не умрет, ведь не мог. Гуан много раз видел доказательство, но он знал, что каждая рана будет болеть. И всегда был шанс, хоть и мелкий, что бессмертие Харуто подведет его. Гуан не понимал тайны богов и духов, и кто знал, когда и почему шинигами уберет проклятие Харуто?

Харуто провел посохом земли по руке акашиты, потревожив его облачный облик, вонзил посох в землю и крикнул:

— Земля, — он потянулся за следующим, но его не было на его спине. Остальные остались в снегу, где порвался ремешок. В миг его смятения ёкай взмахнул большой ногой с когтями, сбил Харуто с ног и придавил его к земле. Харуто закричал, но вопль оборвался, воздух в легких кончился. Гром раздался в темных тучах сверху, молния сверкала в груди и

лице существа.

Огонь вспыхнул рядом с Гуаном, Янмей пробежала мимо. Клинок ее нагинаты пылал.

— Янмей, нет! — закричала Кира, бросилась вперед, зеркальные кинжалы сверкнули в ее руках.

— Оставайся там, Кира, — крикнула Янмей, не оглядываясь. Она рассекла ноги акашиты, пробегая мимо. Ее клинок прошел сквозь ёкая, но огонь отгонял тучу, темный пар шипел от жара. Она развернула оружие и ударила по ноге, прижимающей Харуто к земле. Облако задрожало, и Харуто откатился и вскочил рядом с Янмей.

Кира топнула ногой по снегу.

— Она не должна использовать технику. Это опасно для нее.

Гуан посмотрел на нее и почесал бороду.

— Ты еще узнаешь, что родители готовы рисковать всем, чтобы защитить свое дитя.

Кира взглянула на него, стиснув зубы, хмурясь, а потом отвела взгляд.

— Меня не нужно защищать. Она должна дать мне помочь, — Гуан думал, что слышал, как трещит стекло.

Возраст беспощадно забирал силы Янмей. Она боролась, тяжело дыша, замедляясь. Харуто вонзил посох металла, откатился от ёкая и схватил посох воды со снега. Янмей отвлекла акашиту, ее пылающая нагината была опаснее для духа, чем посохи Харуто.

— Сложно сидеть и ничего не делать, — вздохнул Гуан. — Но порой мы можем только так помочь, — он взглянул на Киру, но девочка пропала. — О, капуста!

Харуто ударил посохом воды, на миг развеял тучу, а потом вонзил его в землю.

— Вода, — он огляделся в поисках последнего посоха.

— Вот, — крикнула Кира. Она обошла бой и стояла у здания, где был последний посох Харуто. Она склонилась, чтобы поднять его.

— Нет! — взревел Харуто. Но было слишком поздно.

Кира подняла посох со снега. Дерево в центре набалдашника рассыпалось пеплом. Она смотрела в смятении, не замечала, что акашита повернулся к ней. Он склонился и зарычал на нее. Молния вылетела из его рта с острыми зубами, залп отбросил девушку в окно здания за ней, осколки стекла сыпались на нее.

Янмей завизжала. Огонь поднялся по древку нагинаты и ее рукам. Она прыгнула на ёкая, стала отрезать куски темной тучи от его груди и живота, поднимался пар. Акашита пошатнулся от атаки. Янмей продолжила терзать его, ее гнев выражался огнем.

— Корчился в огне... — отметил Гуан. — Красиво, — стихотворение хотело быть записанным.

Харуто нашел посох дерева в снегу, где его выронила Кира, но он был бесполезен. Деревянное ядро пропало, как и благословление Оморецу.

— Шики, — громко позвал Харуто. Кимоно сверху было изорвано, дух липла к его ногам. Она поднялась по его боку и прыгнула в его катану. Клинок стал снова красным. Он замер на миг. Его волосы выбились из косы, порезы на спине и боку почти зажили. Он выглядел как герой. Гуану боролся со словами, чтобы описать эту сцену. — Акашита, — закричал Харуто на темную бушующую тучу. Ёкай отшатнулся от пылающего клинка Янмей и направил ладонь с когтями к небу, его тело уже улетало к тучам сверху. — Нет! — закричал Харуто. — Именем Оморецу я отсекаю тебя от этого тела! — он сделал два шага и прыгнул в воздух. Он отскочил от ладони с когтями, ударил снова Шики и рухнул на снег на другой стороне акашиты. Голова ёкая упала на землю за ним и растаяла, тело и туча сверху

медленно рассеивались.

Глава 12

Янмей выронила нагинату, сунула горящие ладони в снег, чтобы потушить огонь. Ее лицо исказила агония, слезы шипели и испарялись, катясь по ее щекам.

— Кира, ты в порядке? — крикнула она, голос дрожал в панике.

Харуто убрал катану в ножны, согнулся, уперев ладони в колени, радуясь, что мог перевести дыхание. Шики вылетела из клинка и прошла по снегу к зданию, куда отлетела Кира. Она запрыгнула в разбитую дверь, посмотрела внутрь. Она радостно пискнула.

— Кира в порядке, — сказал с горечью Харуто, подошел туда, где был вонзен посох огня. Благословение пропало. — Просто жалеет о некоторых своих решениях.

Янмей вытащила дрожащие красные ладони из снега, прошла к зданию, шатаясь, Кира выбралась из обломков, прошла в разбитую дверь на улицу. Янмей обвила девушку руками, обняла ее с дрожью. Шики поднялась по опаленному кимоно Киры, обняла шею девушки.

— Это прошло хорошо, старик, — сказал Гуан. — Один очищенный акашита, но потеряно еще одно кимоно, — Гуан взял обрывок ткани из волос Харуто. Старый поэт слишком много улыбался, но его не било огромное облако. И все же он не ошибался, могло быть куда хуже. Но ёкай не был очищен. Харуто убил тело, но не отправил его к Оморецу. Он вернется на землю. Но это была проблема другого дня. Было еще много ёкаев в городе, с которыми нужно было разобраться.

Харуто посмотрел на себя и пожал плечами. Его хаори была лохмотьями, часть порвалась, другая — сгорела, но его хакама были почти целыми, хоть и в крови. Его грудь ничто не покрывало, и он понял, что немного замерзал.

— Посоху дерева конец, — сказал он. — А его заменить будет тяжело.

Гуан кивнул.

— Я помню.

Харуто вздохнул и похлопал по груди, посмотрел на развалины улицы.

— И трубка.

— Еще одна? — Гуан нахмурился. — Я не могу покупать новые трубки в каждом городе.

Харуто закатил глаза.

— Ты тратишь мои деньги.

Гуан хмыкнул.

— Я заслуживаю свою долю неопенимой службой.

— Ясное дело, — Харуто хлопнул друга по плечу. — Каждому оммедзи нужна поддержка голодного поэта. Если бы не ты, кто носил бы мои посохи в эти тяжелые времена? — он оторвал от края хакама тонкую полоску, обмотал ею посохи и связал их, передал Гуану. — Вот. Почти так же хорош, как мул, и пахнет похоже.

— Я тут, чтобы сделать тебя бессмертным в словах, а не вкусно пахнуть, старик.

Харуто рассмеялся от этого.

— Я уже бессмертный. Зачем мне твои слова? И мулы не жалуются, так что тшш.

— Я покажу тебе мула, — Гуан пнул Харуто по голени.

— Ай! — Харуто изобразил боль и стал прыгать на одной ноге перед Янмей и девушкой.

— Ты не исцеляешь ожоги, — девушка сжала потрескавшиеся ладони Янмей. Шики спустилась по руке Киры, посмотрела на раны Янмей.

— Я в порядке, — Янмей скривилась и попыталась убрать дрожащие ладони, но Кира держала.

Янмей хорошо помогала, но Кира... девчонка просто мешалась.

— Я говорил тебе не лезть и позволить мне разобраться, — рявкнул Харуто.

Кира не посмотрела в его злые глаза. Она отпустила ладони Янмей, смотрела на интересный участок снега.

— Я просто пыталась помочь.

— Из-за твоей *помощи* акашита может найти новое тело и устроить хаос где-то еще. И мне нужно заменить посох дерева.

— Я не знала, что он сломается.

Шики забралась на плечо Киры и запищала.

Янмей смотрела на Харуто, стиснув зубы, ее ладони дрожали.

— А я? Моя помощь тоже была ненужной?

— Ты права, — Харуто знал, что он врал. — Когда я говорю не лезть, я серьезно. Я бессмертен, вы — нет, — он увидел, как она открыла рот для спора, но прервал ее, указав на Киру. — А тебе нельзя трогать мои посохи, — он повернулся и пошел к центру города.

— Ты их трогаешь, — сказала Кира Гуану. Она была права, конечно. Она не могла знать, что будет. Она не была виновата, что посохи были уже настроены на акашиту, а она была еще одним ёкаем. И все же Харуто злился. Гнев кипел в нем, требовал быть выпущенным, покрыть все, что он сказал, презрением. Ему это не нравилось. И ощущение не нравилось.

Шики прошла по пыльной улице, посмотрела на Харуто и свистнула.

— Идти за его гневом? — рявкнул Харуто. — Что это означает, Шики? — еще свист. Шики прыгнула на его хакама и поднялась до пояса. Он подхватил ее за шкурку и опустил на свое плечо, шагнул дальше. — В этом есть смысл.

Шики была права. Харуто ощущал гнев Тяна, его месть толкала Харуто действовать. Найти его убийцу и исполнить его бремя.

Харуто замер посреди улицы, закрыл глаза и глубоко вдохнул. Шум города мешал сосредоточиться. Дети вопили, мужчины кричали, духи крушили дома, начинали пожары, дразнили людей. Он закрылся от этого. Ветер выл на улицах, поднимал снег и мешал дышать. Он закрылся и от этого. Энергия духов окружала их. Некоторые были игривыми, приходили пошалить и провести время на земле. Они не были важны. Другие были ёкаем, их что-то привлекло в Миназури. Нарушение равновесия в городе.

Шики щebetала в его ухо. Он неправильно это делал. Он полагал, что осада духов была связана с онрё. Если он хотел найти их, нужно было идти туда, куда его вел Тян. Он опустил на колени на снежной улице, закрыл глаза, выровнял дыхание и отыскал гнев. Он нашел пульсирующую сферу напряжения в животе, она давила на его внутренности, жар вспыхивал, давление в конечностях росло, только бой мог его освободить. Гнев Тяна устроился внутри него, обвинил его дух, рвал нити его души.

Харуто встал и открыл глаза. В стороне на улице солдат с заячьей губой прижимал к себе руку и что-то кричал ему. Харуто игнорировал дурака, шел за гневом, ускорился до бега. Гнев становился горячее в его груди, впился когтями в его сердце и легкие, болел в животе. И вдруг высокая пагода появилась над обломками города, храм, где он встретил Оморецу

день назад. Харуто знал, что нашел источник гнева Тяна.

— Старик, — крикнул Гуан. — Помедленнее, — старый поэт тяжело дышал, гнался за ним с Янмей и Кирой. Несколько стражей спешили за ними. Гуан согнулся, упер ладони в колени, хватая ртом холодный воздух. Янмей тоже тяжело дышала. Кира, казалось, могла бежать весь день, но ее восторг пропал, мрачный вид прилип к ней плащом. Харуто гадал, видел о ёкая или девушку.

Вокруг храма было пусто и почти тихо. Харуто заметил странного духа, но никто не шел близко к храму, и людей там не было. Шум и хаос города поднимались между зданий и в переулках, но на землях храма все было неподвижным и тихим.

— Скройся, Шики, — сказал Харуто. Дух склонила голову, свистнула и угасла. Харуто ощущал ее на своем плече. — Остальные — не ходите сюда, — он посмотрел на Киру, она глядела на него, не дрогнув.

— Это источник всего этого? — спросил Гуан между вдохами.

Харуто кивнул, нервно двигал ладонями.

— Да. И ты не хочешь туда идти.

Старый поэт рассмеялся.

— Как мне написать поэму о твоих подвигах, если ты не даёшь мне смотреть?

Харуто пожал плечами.

— Придумай. Так делают все хорошие поэты.

Янмей потянулась дрожащей ладонью в волдырях, чтобы вытащить нагинату.

— Я могу помочь.

Харуто покачал головой и стиснул зубы, гнев кипел в нем.

— Еще раз — я бессмертный. Один порыв ветра — и тебе конец. Там вы будете мне только мешать.

Старый воин вздохнул, но она не спорила.

* * *

Харуто открыл скрипящую дверь храма и прошел во мрак. Жаровни горели в последний раз, но теперь погасли, и все было погружено во тьму. Он убрал паутину с дороги, пока шел к уровням алтарей, нити липли к его лицу. Что-то пробежало по полу.

Храмы были грозными силуэтами во мраке, становились тьмой вдали. Паутина прилипла ко всему, висела между храмами, тянулась по стенам, закрыла жаровни, свисала с высокого потолка тонкими нитями, которые покачивались, когда он проходил, пытаясь поймать его. Он поднял взгляд и увидел комья паутины недалеко от потолка, большие коконы свисали с паутины толщиной с веревки, десятки. Он вдруг понял, с чем имел дело.

— Зараза, — прошептал он. А потом услышал женский мелодичный смех, словно стеклянные бусины звенели в мраморной чаше.

Харуто вытащил катану из ножен, держал оружие наготове сбоку. Он тихо шагал по полу храма, вглядываясь в тени. Было слишком темно, чтобы что-то разглядеть. Храм был просторным вокруг алтарей.

Что-то потянуло его за меч. Десятки тонких нитей паутины липли к металлу.

Толстая женщина приземлилась на пол перед ним, ее ханфу чуть не лопнуло, но она двигалась грациозно. Четыре жутко сегментированные лапы торчали над ее плечами, вокруг ее тела, и волосы были тонкой жирной массой, торчащей из ее головы под сотней разных углов. Она прошла к Харуто. Ее глаза были двумя черными сферами, в них не было ни капли человечности.

— Здравствуй, мушка, — сказала она, рот был полным блестящих клыков. Она направила две паучьи лапы к Харуто. Одна пробила его плечо, другая — бок. Он взвыл от боли. Он потянул катану, но оружие застряло в паутине. Он пытался от ёкая, держась за раны, катана висела в воздухе между ними. Нити прилипли к его спине, рукам и ногам, и он отшатнулся в огромную паутину.

Хрипло хохоча, женщина опустилась на паучьи лапы и прыгнула во тьму. Харуто пытался вырваться из паутины, но липкие нити падали на него, некоторые были тонкими, как волосы, другие — толстыми и блестящими в тусклом свете. Через пару моментов он был скован, не мог пошевелиться. Но боль от ран утихала, его бессмертие уже исцеляло их. Он часто гадал, как далеко тянулось его бессмертие. Если ёкай поймал его в кокон, сколько он выживет, замотанный, как муха? Вечность? Такая вечность не казалась забавной.

Харуто размахивал руками и ногами, но паутина была слишком прочной, ее было слишком много. Вдруг его подняли к потолку, под ним были двадцать футов. Храм пола пропал. Под потолком нитей паутины было больше, они тянулись от одной стены до другой. Он насчитал восемь коконов, пока поднимался, ощущая людей внутри. Когда он перестал подниматься, ёкай сидела напротив него на троне из шелка.

— Я давно не видела оммедзи, — сказала женщина, шепелявя. — Меня зовут Сифэнь, мушка. А тебя?

Харуто огляделся в поисках того, что могло помочь сбежать. Конечно, ничего не было. Он был связан, ладони были у груди, их удерживала паутина, задержавшая его. Гнев Тяна кипел в его груди, ледяной гнев угрожал проглотить разум. Харуто хотел метаться, кричать, задушить онрё голыми руками, но не мог двигаться. Он скрипнул зубами и подавил гнев.

— Ты — йорогумо, да? — спросил он. Его мастер всегда говорил: «Если не можешь пробить путь силой, пробуй слова. Если это не помогает, начинай молиться».

— Да! — сказала ёкай, хлопая человеческими ладонями. Лапы паука над ее плечами трогали воздух, постоянно двигались.

Он еще не встречал йорогумо, но знал о них. Это были люди, которые умерли от паучьих укусов. Они были с сильной волей, незаконченными делами, часто были убитыми. Ядовитого паука могли подложить в кровать человеку, пока он спал. Жертву могли заманить в гнездо пауков и оставить умирать. Но это была не обычная йорогумо, она как-то стала онрё — наполовину ёкаем, наполовину человеком. С такой опасностью он еще не сталкивался.

— Знаешь, что я сделала с последним оммедзи, мушка? — спросила йорогумо, склоняясь ближе на шелковом троне. Паучьи лапы трогали воздух, и она усмехнулась, показывая острые, как ножи, клыки за своими губами.

Харуто пожал плечами. Попытался. Паутина этого не позволила.

— Ты его съела, да?

Она хищно улыбнулась, клыки за губами подрагивали от восторга. Он снова задумался о своем бессмертии. Он сомневался, что мог выжить, если его съедят, и он не хотел.

Харуто боролся, пинался, толкал нити локтями. Это было бессмысленно. Он не мог двигаться вовсе. Йорогумо смотрела, как он бился, ее темные глаза сияли.

Сердце Харуто гремело в ушах. Пот капал со лба, жалил глаза. Борьба ему не поможет, нужно было думать. Он вспомнил слова Карги — онрё искали темницу.

— Ты была в Хэйве? — спросил Харуто. — Ты убила Тяна?

Йорогумо отклонилась на шелковом троне, ее паучьи лапы подрагивали над плечами.

— Кого?

— Учителя в академии, которую ты уничтожила, — гнев поднялся, как огонь, внутри Харуто. — У него были следы укусов. Колотые раны. Нити шелка на одежде.

— Я убила многих в школе, — йорогумо чуть склонила голову. Она не моргала. Глаза были темными сферами, лишёнными света. — Учителей. Учеников. Но Мастер не дал мне поеть.

— Мастер? — сказал Харуто. — Кто твой мастер? — а если это был бог или другой шинигами, который был против Оморецу? Это объяснило бы то, как она могла осквернять храм.

Ёкай не ответила, смотрела на него, ее паучьи глаза ничего не выдавали.

— Зачем вам Небесная Лощина? — спросил Харуто, пробуя другой подход

— А ты хитрая мушка, да? — сказала йорогумо. — Откуда ты знаешь о третьей тюрьме? С кем ты говорил? — она скривилась, что-то тёмное и блестящее капало с уголка ее рта. — Это точно был Шин. Он любит звук своего голоса.

Харуто знал Небесную Лощину, тренировался там больше десяти лет, но никогда не слышал о темнице там. Но он не видел то место больше века.

— Не важно, — сказала йорогумо, ее улыбка растянула ее губы, клыки блестели ядом. — Ты сейчас умрешь, мушка, — она пошла по паутине к нему.

Когда она была на расстоянии руки, Харуто услышал тихий треск над ними. Йорогумо тоже это услышала. Они оба посмотрели на потолок. Звук повторился, и кусочки стекла полетели на них. Некоторые упали на пол, другие отскочили от паутины и застряли в нитях шелка. Харуто смотрел, как они мерцали в тусклом свете, понял, что это было не стекло, а осколки зеркала, каждый отражал горящий храм.

Йорогумо стала суетиться, завопила:

— Пожар. Пожар! — она молотила лапами, паутина тряслась, пока она озиралась. Но огня не было. — Что это за странности? — прорычала она.

Кинжал вылетел из тьмы сверху и попал в лицо йорогумо, вонзился глубоко в левый глаз. Йорогумо завизжала, ее паучьи лапы сжались вокруг нее, она рухнула назад, улетела во тьму внизу.

— Я говорил ждать снаружи, — прорычал Харуто.

Кира прыгнула и легко приземлилась на толстую нить паутины, почти не потревожив ее. Она вытянула руки и пошла по ней, как по канату.

— Так ты говоришь: «Спасибо, что спасла меня от большого паука?» — спросила она, замерла на нити, склонилась и посмотрела на Харуто. — Или, может, «прошу, освободи меня из липкой ловушки»? — она махнула ладонью, новый кинжал появился в ее руке, она стала пилить им нити паутины, сковывающие Харуто.

— Меня не нужно было спасать, — буркнул Харуто. — Я говорил с ней. Нельзя перебивать врага, когда он говорит. Никогда не знаешь, что он раскроет.

Кира выпрямилась и скрестила руки.

— Так мне уйти? Дать ей съесть тебя?

— Немного поздно для этого.

Крик пронзил храм, отражался от стен. Йорогумо поднималась на нити шелка.

— Мой глаз! — выла она. — Как ты могла? КАК ТЫ МОГЛА?

Кира отшатнулась от ёкай и споткнулась. Она опустил взгляд, Харуто увидел, что ее нога застряла в паутине. Он вздохнул. Йорогумо поднималась, ее передние лапы были готовы для удара, но она замерла, увидев девушку.

— Сестра? Что ты делаешь с ним?

— А? — сказала Кира.

Йорогумо посмотрела на Харуто здоровым глазом. Она вытащила кинжал из другого, оттуда текла кровь. Она повернула голову к Кире, громко зашипела и прыгнула, устремилась с нити на нить и пробила окно на вершине храма.

Харуто смотрел во тьму, пытаясь все осознать.

— Она просто убежала? — спросила Кира.

Харуто смог высвободить ладонь из липкой тюрьмы, стал рвать паутину на себе. Она была прочной, противно липла к нему, но казалась слабее без онрё рядом. Может, ее присутствие и ее ци усиливали нити. Он вырвался из паутины и упал на пол. Приземление пронзило шокот ноги, и что-то порвалось. Боль пронзила бедро. Он вскрикнул, стал хромать, пока его бессмертие не исцелило ущерб.

Кира закричала сверху. Харуто поднял взгляд, она висела за ногу с паутины, на которой стояла. Она ударила по паутине кинжалом, но нога оставалась прилипшей, и Кира стала раскачиваться, но нити липли к ней, пока не обмотали ее. Она застыла в паре футов от пола, покачивалась вниз головой, заточенная в паутину, как был он.

— Эм, поможешь?

Харуто вздохнул.

— Так ты говоришь: «Прошу, освободи меня из липкой ловушки»? — он толкнул ее кокон, она закружилась, раскачиваясь.

— Эй! Хватит! — заорала она. — Я пыталась помочь.

— И?

— И, кхм, прости, что помешала?

Шики появилась на плече Харуто, прыгнула на кокон Киры, свистя, повисла на плече Киры вниз головой.

— Да, я застряла, — сказала Кира.

Харуто игнорировал ее, пошёл среди нитей шелка в поисках своей катаны. Она висела в воздухе в паутине. Он схватил рукоять и повернул, стал пилить нити.

Шики запищала снова.

Кира вздохнула.

— Я думала, если помогу, он не будет считать меня бесполезной. И Янмей поймет, что меня не нужно все время защищать.

Шики жалобно свистела мелодию.

— Да, — сказала Кира. — Я не справилась.

Харуто перестал пилить паутину и посмотрел на них.

— погоди. Ты понимаешь ее?

Шики пискнула, все еще катаясь на плече Киры, пока та раскачивалась в коконе.

— Не ты. Кира, ты понимаешь Шики?

Кира кивнула, ее короткие черные волосы покачивались в паре футов над пыльным полом.

Харуто закончил высвобождать катану, подошёл и сел на корточки перед Кирой.

— Почему йорогумо назвала тебя сестрой? — спросил он, прижав кончик катаны к кокону Киры, чтобы она не крутилась. Он мог убить ее одним толчком, пока она не стала опасной.

— Не знаю, — сказала она. — Я не видела ее до этого. Она была онрё?

Харуто разглядывал девушку мгновение. Он не мог решить, говорила ли она правду.

Шики спрыгнула с кокона Киры на пол и повернулась к Харуто, прищурилась и скрестила волосатые ручки. Она тихо фыркнула.

— Ты доверяешь ей? — спросил Харуто у духа.

Шики кивнула, руки все еще были скрещены, она шурилась.

Харуто встал и застонал. Он провел рукой по растрепанным волосам, размышляя. Маленький дух всегда хорошо судила окружающих. Она убедила Харуто спасти Гуана годы назад. Он направил катану на Шики.

— Заходи, — Шики радостно свистнула и прыгнула в меч, делая клинок алым. Харуто смотрел на Киру, висящую в паутине, дуюсь. Может, шанса убить ее лучше не будет. Может, стоило избавить мир от потенциально опасного ёкая. — Попробуй не двигаться, — Харуто направил Катану, Шики рассекла паутину, как огонь — снег.

Кира выпала из кокона и неловко растянулась на полу храма. Она быстро села и потеряла голову.

— Прости за... — она умолкла, вздохнула и встала на четвереньки, опустила голову к полу. — Я пыталась помочь.

Харуто пытался придумать совет. Гуан знал бы, что сказать. Старые философские слова, которые передавались поколениями, или стихотворение о великом герое с высокими ценностями. К сожалению, он не был Гуаном.

— Просто не мешайся в следующий раз, — сказал он и отвернулся. Он прошел к кокону размером с человека, прилепленному к стене в углу комнаты.

— В следующий раз? — сказала Кира.

Харуто застонал, поняв свою ошибку. Теперь он не избежит от девушки. Он осторожно рассек Шики кокон. Гнилая плоть и кости в крови упали на пол. Запах ударил Харуто, как кулак по животу, он отшатнулся от кокона. Он понял, что выживших не было. Все в коконах были мертвы.

— Отвратительно, — сказала Кира, закрывая нос рукавом кимоно. — Что это за запах?

— Смерть, — сказал Харуто.

Шики вылетела из катаны и закрыла ручкой глаза, словно зажимала нос. В ее нынешнем облике у нее не было носа, но от ее поведения Кира рассмеялась.

— Пора идти, — сказал Харуто. Храм был осквернен, и он не хотел быть рядом, если бог явится кого-нибудь наказать.

Глава 13

Ворона летала по комнате, лаская то, что находила, лозам дыма. Они были в поместье лорда Изучи в половине дня от Миназури. Мастер пришел сюда, чтобы подождать остальных, и лорд Изучи щедро позволил им остаться. По крайней мере, когда его сына взяли в заложники. Люди переживали за своих детей. Они словно не понимали, что могли сделать еще.

Леди Изучи стояла, дрожа, у шоджи, разделяющих главную комнату. Это была ее

комната. Но она молчала, как хорошая пленница, и ждала, если Вороне потребуется помощь. Но Вороне ничего не нужно было. Она многого хотела, но не могла получить. Но нуждаться? Она не помнила, когда последний раз в чем-то нуждалась. Было ли такое когда-то? Может, когда она была человеком, когда была живой.

Она обвила щупальцем из дыма маленький гребень с костяной ручкой. Темные пряди волос все еще обвивали зубья. Она подняла гребень и присмотрелась. У нее не было глаз или лица под капюшоном, но было удобно подражать манерам человека. Она осторожно вытащила одну волосинку, убрала в белый плащ, чтобы изучить позже. Она услышала, как леди Изучи охнула, но игнорировала ее. Ворона помнила, что у нее когда-то были волосы. Были же? Она не помнила свое имя, лицо, свою жизнь, но знала, что была когда-то человеком. Некоторые вещи вызывали картинки, чувства, но не совсем воспоминания. Она опустила гребень на столик. Он почернел от сажи, остатков ее дыма, но так было со всем, чего касалась Ворона.

Она убрала щупальца дыма в свою белую накидку и продолжила парить по комнате, оставляя след сажи на отполированном дереве пола. Многие вещи в комнате леди Изучи вызывали эти не совсем воспоминания. Ворона гадала, была ли у нее когда-то такая комната. Может, она была леди. Может, у нее были духи, пудра, гребни и красивые платья. Может, она смотрела в зеркало и видела лицо, а не облако сажи и дыма. Она встала перед зеркалом леди Изучи и посмотрела на дым. Бурлящая масса ничего.

— Иди сюда, — резко сказала Ворона.

Леди Изучи медлила миг, а потом вдохнула и пошла к Вороне, стараясь держаться подальше, отклоняясь от нее, но не осмеливаясь послушаться. Ворона чуть подвинулась, чтобы леди Изучи оказалась перед зеркалом.

— Встань тут и дай посмотреть на тебя.

Леди Изучи подавила всхлип. Она была милой, даже красивой. Ее пудра была мастерски нанесена, подчеркивала щеки и губы. У нее было немного морщин, возраст стал портить ее гладкие черты. Ворона изучала каждую линию, каждый изгиб и контур. Фору глаз, длину носа, шрамик на подбородке. Все черты, из которых состояло идеально красивое лицо леди Изучи. А потом Ворона создала копию из дыма внутри капюшона.

Леди Изучи отпрянула, охнув, закрыла рот ладонью, увидев себя из дыма с сажей. Ворона ощущала это. У нее снова было лицо. У нее был нос, и она почти помнила запахи, как вишневые духи, какие могли сейчас быть на леди. У нее были глаза, и она могла притвориться, что использовала их, чтобы видеть. У нее был рот, она растянула его в улыбке.

Леди Изучи вдруг пискнула и отшатнулась, споткнулась об подушку и упала на пол. Ворона повернулась к зеркалу, чтобы посмотреть, кем она стала, но было уже поздно. Одна щека обвисла, надулась и взорвалась, вылетел дым. Ее нос просто отвалился, упал на пол кучкой сажи. Глаза разделились, их стало больше, а потом они пропали, оставив в капюшоне темный дым. Потому что это не было ее лицо. Она могла подражать, пока смотрела на другое лицо, но оно не оставалось, ведь не было ее лицом. Так что было бесполезно подражать. Так было всегда. Сколько бы раз она ни искала свое лицо, конец был одним. Ворона вылетела из комнаты, игнорируя леди Изучи, сжавшуюся в углу.

В поместье лорда Изучи был додзе, как у многих богатых лордов, и Ворона надеялась найти там Мастера. Путь был близким по снегу. Она открыла дверь додзе щупальцем сажи, влетела внутрь. Мастер сидел на коленях в центре комнаты, его перья лежали на плечах, словно плащ, его шляпа-тэнгай — большая и похожая на ведро из сухого бамбука — стояла

на полу рядом с ним. Лорд Изучи стоял в углу, как его жена стояла для Вороны. Среди людей он был властным. Не просто богатым, но и воином, известным навыками с мечом. Его звали Ледяное Сердце, и он совершил много подвигов. Но тут он был ничем. Его деньги ничего не значили. Его сила и навыки ничего не значили. Его имя ничего не значило. Он был просто еще одной жизнью, ждущей, когда ее заберут онрё. Мастер любил преподавать такой урок тем, кто считал себя сильным.

— Все еще ищешь, Ворона? — спросил Мастер, его голос был как шорох старого пергамента. Его черно-белые перья трепетали, пока он говорил.

— Всегда, — Ворона влетела глубже в додзе, закрыла за собой дверь. Лорд Изучи взглянул на сажу, которую она оставляла, но быстро отвел взгляд и промолчал. Она покроет все, что у него было, своей сажей, лишь потом уйдет. Пусть ощутит ее мучения.

Мастер пожал плечами.

— Лицо леди Изучи тебе не понравилось?

Ворона кипела внутри, темный дым вырывался из-под ее плаща, поднимался вокруг нее, как гнездо мечущихся змей.

— Это было не мое лицо.

— Моя жена... — сказал лорд Изучи, от паники его голос дрожал.

Ворона повернулась к нему, и он побледнел.

— В порядке.

— Ты не убила ее? — спросил Мастер.

Ворона подплыла к стене, где висела дюжина родовых мечей давно мертвых Изучи.

— А зачем? — спросила она. — Женщина ничего плохого не делала. У нее просто неправильное лицо, — Ворона провела щупальцем из дыма по стене мечей, пятная стену сажей. Одного меча на стене не было. Катана, которая принадлежала шинтею Изучи, если табличка была верной. Он лежал перед Мастером на полу, клинок все еще был в ножнах.

Дверь додзе снова открылась, и Шин стоял там, приподняв бровь, глядя на след сажи от Вороны. Он недовольно скривил губы, обошел след. Его волосы парили за ним длинными толстыми косами, каждая была острым оружием, которым он мог управлять. На нем было новое кимоно, женское, синее, как летнее небо, с узором белых треугольников. Он завязал пояс слишком низко, и кимоно открывало его грудь и изящное плечо. Такое гордое существо, но одержимое своей внешностью. Ворона завидовала ему. Не его красоте, а тому, что у него было свое лицо.

— Сифэнь вернулась, — сказал едко Шин. Он отошел и скривился, их сестра протиснулась в дверь.

Сифэнь была ранена. Ее лапы обвивали ее, защищая, один глаз был испорчен и кровоточил. Над ним появился паучий глаз, пробил ее кожу. Она была одной из старших из них, изменившейся больше всех. Кроме Вороны, другие были больше похожи на людей.

— Там оммедзи, — Сифэнь прошла в додзе. Она всегда была неуклюжей на людских ногах, но быстрая и ловкая на паучьих лапах.

— Где ты была, Сифэнь? — прохрипел Мастер.

— В городе, — ответила Сифэнь. Она замерла за Мастером, раскрыла паучьи лапы, чтобы поддерживать тело. Ворона видела, как лорд Изучи сжался от отвращения. Она не винила его. Другие онрё говорили, что Сифэнь всегда воняла. Шин описывал вонь как запах потного нижнего белья, брошенного в углу гнить. Ворона хотела ощутить этот аромат.

— Зачем? — спросил Мастер. Вес слова опустился на комнату, как надгробный камень.

Сифэнь открыла рот, чтобы ответить. Ворона видела, как терлись ее клыки, шорох вызвал у нее почти воспоминания, от которых было... не по себе? Любопытство? Она не была уверена.

— Я... — Сифэнь нервно ерзала, ее паучьи лапы шуршали по деревянному полу. — Я думала, что хаос прикроет наши следы.

Мастер смотрел на Сифэнь поверх пернатого плеча. Его лицо было массой складок и морщин, нос был длинным клювом, а глаза — кружащимся вихрем красок. Сифэнь попятилась на пару шагов.

— Ты хотела поесть, — медленно и грозно сказал Мастер. — Ты хотела заставить людей страдать. И теперь ты навлекла оммедзи охотиться на нас.

Сифэнь нервничала, паучьи лапы царапали дерево пола. Она посмотрела на Ворону, но та не поддержал ее. Она сказала:

— Он был лишь один. Он был слабый. Я... почти убила его, но появилась другая онрё. Она сделала это, — Сифэнь указала на испорченный глаз. — Она ранила меня!

— Новая сестра? — спросил Шин. — О, я хотел бы найти... чистую хоть раз.

Сифэнь повернулась и зашипела на Шина. Его волосы поднялись над головой, готовые ударить.

— Времени мало, — сказал Мастер, продолжил размышлять, глядя на катану, снятую со стены. Он вытащил ее из ножен. — Если один оммедзи нашел нас, другие могут последовать. Мы не можем ждать возвращения Зена. Шин, ты и Ворона отправитесь в Небесную Лощину сейчас же. Найдите третью темницу и выпустите пленника.

Шин бросил взгляд на Ворону.

— Ей нужно идти со мной? Она такая грязная.

— А лучше Сифэнь? — спросил Мастер.

— Нет, — сказал он это так медленно, что слову уже никто не был рад.

— Сифэнь, — продолжил Мастер. — Мы с тобой найдем последнюю темницу.

Сифэнь заворчала. Что-то черное и гадкое капало с ее губ.

— Как?

— Навестив императрицу Исэ Рьоко, — Мастер взглянул на лорда Изучи. — Ты слышал слишком много, — он махнул запястьем, и катана полетела. Она попала в грудь лорда, прибив его к стене додзе. Он уставился на Мастера, кровь кипела во рту, он коснулся меча в грудь, словно тело еще не понимало, что было мертвым. А потом его руки опустились, колени подкосились, и он рухнул на пол, как кукла с обрезанными нитями.

Мастер медленно встал, его перья поднялись, окружая его. Он поднял свою шляпу и опустил на голову, скрыл себя выше плеч. С его лица было видно только зелено-золотые глаза, краски кружились. Он повернулся к Сифэнь.

— Повеселись, сестра. Убей их всех. Всех в доме.

Глава 14

Оммедзи почти весь день убирал самых опасных ёкаев в Миназури, хотя отказывал очищать духов, которые были игривыми, а не жестокими. Кира ходила за ним, ей было интересно. Ее восхищал мир, который открылся ей. Она могла многое узнать из книг и историй, а жизнь в академии Хэйва другого не давала. Она почти ничего не знала о духах, хотя была такой... хотя бы отчасти. Она не знала пока детали, но надеялась найти время и задать вопрос оммедзи. Он знал все о духах, какой бы вид они ни встречали. Он не давал ей биться с ёкаями, каждый раз говорил держаться подальше, и после ее поражения в храме она не осмеливалась послушаться его.

Янмей отставала. Ей было больно. Ее техника убивала ее. Каждый раз, когда она использовала ее, огонь ранил ее больше, и раны заживали дольше. Кира слышала, как Пятый Мудрец сказал ей перестать использовать ее. Янмей была сильной, сказал он, но огонь нельзя было сдержать. Он был воплощением разрушения. Он горел, пока не уничтожил все. Им нужно было найти Четвертого Мудреца под Небесами, чтобы исцелить Янмей. До этого Кире нужно было следить, чтобы Янмей не использовала свою технику, что бы ни случилось. Она защитит Янмей любой ценой.

Старый поэт шагал рядом с Янмей, то жалуясь на холод, то на колени. Кире он нравился, ведь он не злился на нее за то, что она пыталась спасти жизнь Харуто. Она не понимала и это. Она думала, что Янмей обрадуется, что она пыталась помочь, будет гордиться. Но Янмей смотрела с упреком. И каждый раз, когда Харуто сталкивался с ёкаем, он смотрел на нее и говорил ей не лезть, словно она была плохо обученным щенком. А потом он уходил, и его били. Он должен быть покрытым ранами, но они быстро заживали.

Когда наступила ночь, она стояла на крыльце гостиницы с оммедзи, который сидел на ступеньки, засыпая. Его глаза слипались, голова склонялась. А потом он вздрагивал и ворчал что-то под нос. Кира не знала, почему была с ним, но он злился на нее, и она хотела загладить вину.

Гуан появился с новым кимоно на руке, тускло-желтым с вышитыми осенними листьями. Он накинул хаори на плечи Харуто, чтобы не беспокоить его, но оммедзи даже не дрогнул. А потом старый поэт ушел искать им еду.

— Что? — спросил Харуто. Он не поднял головы, просто сидел на крыльце, горбясь. Люди двигались по улице перед гостиницей, некоторые помогали раненым или тушили огонь, другие старались жить, несмотря на вторжение духов. Стражи тоже были там, четверо следили за Харуто, как и приказала судья. — Ты стоишь и смотришь на меня. Почему?

Кира села рядом с Харуто. Она даже не думала, что он заметил ее.

— Что такое онрё? — спросила она.

Он приподнял голову и взглянул на нее краем глаза. А потом он вздохнул.

— Это ты.

Кира теребила хакама, сжимала темную ткань пальцами. Она вряд ли получила бы прямой ответ. Она ощущала, что было важно знать, кто она.

— Ты не знаешь, кто ты? — спросил он у нее. А потом посмотрел на Янмей, которая точила клинок нагинаты. Шики стояла на улице перед Янмей, ее мохнатое тельце было в снегу, она смотрела, как Янмей двигала клинком по камню.

— Она — унгайкьо, — сказала Янмей. — Я спасла ее из зеркала десять лет назад.

Харуто прищурился, глядя на нее.

— Унгайкьо — ёкай, который появляется, когда кого-то убили, пока он смотрел в зеркало, — он посмотрел на Киру, словно это должно было что-то значить, но ничего не было. Она слабо помнила жизнь до плена в зеркале. До ее убийства, видимо. А потом размытый период в зеркале, чувства одиночества и гнева, а потом десять лет свободы после того, как ее выпустила Янмей.

Она помнила время в Хэйве с Янмей. Как она цеплялась за ее хакама, пока Янмей представляла ее другим ученикам. Кира боялась, ходила за Янмей в ее комнату, а не спала с другими учениками. Она две недели спала в кровати Янмей комочком, прижавшись к ней. Но Мудрец остановил это, приказав Кире спать в общежитие. В ту ночь над ней стали издеваться.

Даже когда Кире запретили спать в комнате Янмей, Кира ходила за ней. Она смотрела, как Янмей тренируется с нагинатой, ее потрясло то, как она крутила оружие в руках, двигалась по траве в снегу во дворе академии, плавно переходя из одной позы в другую. Однажды Кира сбежала с урока политики, истории или чего-то еще скучного, увидела тренировку Янмей. Она смотрела какое-то время, потом нашла себе метлу. Когда она вернулась, она стала повторять движения Янмей на снегу. Она не смогла, у нее не было такой грации. Но Янмей не ругала ее за пропущенный урок, не смеялась над ее неудачами. Она просто замедлила движения, порой исправляла то, как Кира держала метлу. Кира не помнила время до Янмей, не помнила старую жизнь и плен в зеркале, но даже если бы она могла все это вспомнить, время, проведенное за тренировками с Янмей, точно осталось бы ее любимым воспоминанием.

Шики прошла к Харуто, забралась на его колени и закрыла глаза. Она стала тихо посапывать через мгновения.

— Онрё — ёкаи, которые вернули что-то из своей человечности, — сказал Харуто. — Порой — оставшись после совершенной мести, порой — другим методом.

— Каким? — спросила Кира.

Харуто вздохнул и посмотрел на нее утомленными глазами.

— Не знаю, — он поднял руку, не дав ей задать еще вопрос. У нее были десятки вопросов в голове, молящих быть озвученными. — Я знаю только то, чему меня учил старый наставник, когда я становился оммедзи, а он знал мало. Никто из оммедзи не видел онрё и выжил, чтобы рассказать об этом, — он почесал шерсть Шики. — Онрё — наполовину ёкаи, наполовину люди. Меня учили, что это делает их сильнее, и...

— Почему? — спросила Кира. — Или как? — ей нужно было знать, было важно понять себя.

Харуто взглянул на нее, опустил взгляд и вздохнул.

— Думаю, дело в ци. Люди создают свою ци. Она питает нас, дает нам силы. Для духа нужна ци, чтобы существовать на земле. Но духи не могут создавать себе ци на земле. Когда многие духи приходят сюда, они могут существовать, пока у них есть ци, а потом они угасают и возвращаются на небеса. Некоторые, как инугами, питаются от шалостей. Так они получают энергию, чтобы остаться тут. Другие, как ёкаи, забирают ци у людей. Некоторые — пугая их, другие — убивая их. Редко ци передают по доброй воле. А есть духи-спутники, как этот комок шерсти, — он постучал Шики по голове, она перестала храпеть, открыла глаза и попыталась игриво укусить его палец. — Она берет мою ци. Пока я жив, у нее есть энергия, чтобы оставаться на земле. И когда я, наконец...

Шики перестала кусать его палец и запищала.

— Верно, — сказал Харуто. — Если я, наконец, умру, она угаснет и вернется на небеса.

Кира нахмурилась. Учителя в Хэйве пытались рассказать ей о ци, но она никогда не понимала их слова.

— Как отличаются онрё? — спросила Янмей, все еще водя клинком нагинаты по точильному камню.

Харуто пожал плечами.

— Онрё создают свою ци, как люди. Им не нужно питаться людьми. Они почти всегда не привязаны к шинигами или богам. И, как вы уже поняли, у них странные техники.

— Как у паучихи? — спросила Кира. — Эм, Сифэнь. Она сказала, что ее зовут Сифэнь.

Харуто кивнул.

— Она была йорогумо. Когда-то была. Убита пауками, явно подлым образом. Обычно йорогумо выглядят как большой паук с лицом человека, их настоящим лицом, на животе. Или тело паука и торс человека. Но эта обрела часть своей человечности и... кхм, ты видела, какой она стала.

Кира поежилась. Ей не нравилась паучиха. Белая, как личинки, плоть, лапы и бездонные черные глаза... Она ощутила холод и обняла себя.

— Я тоже была другой? Когда была унгайкьо?

Харуто пожал плечами и посмотрел на Янмей, словно у нее был ответ. Ладони Янмей дрогнули, клинок замер на камне.

— Нужно спросить того, кто видел тебя до того, как ты освободилась из зеркала, — сказал Харуто.

— Я была другой? — спросила снова Кира. Она помнила о времени в зеркале только то, что оно казалось вечностью и ощущалось как ловушка. Она помнила гнев, отчаяние и одиночество. И порой надежду, смешанную с... Она не могла вспомнить. Все ускользало от нее, когда она пыталась, что-то внутри поглощало это. Что-то ждало внутри. Черная яма, которая зияла и поглощала все.

Янмей посмотрела на нее печально, отвела взгляд, ее клинок снова двигался по камню.

— Это не важно.

Шея Киры чесалась, словно насекомое ползало по ее коже. Она слышала треск стекла, и вдали звучала тихая песня, она не могла даже различить мелодию.

— Ты! — толстая судья неслась по дороге к ним, вооруженные стражи следовали за ней. Кира снова слышала хруст стекла, трещина поползла по ее щеке. Она улыбнулась. Пора было поиграть. Она трянула запястьями, сжала зеркальные кинжалы в руках. Она повернула их к приближающимся солдатам, заставила их увидеть новых монстров, вылезающих из разбитых зданий, когти были в крови, тянулись к ним. Пара солдат вырвалась из строя и взмахнула

копьями, целясь в пустоту.

— Кира, нет! — сказала Янмей. Она вскочила на ноги и встала перед Кирой, преградив ей вид.

— Но они хотят нам навредить, — сказала Кира. Она не понимала. Они были вооружены и агрессивны. Было лучше напасть первой.

— Мы не нападаем на людей без причины, — сказала Янмей. — Никогда. Посмотри на меня, Мирай.

Кира взглянула на Янмей, на тревогу на ее лице, и она разбилась, осколки зеркала упали вокруг нее, звякая об пол крыльца. Она хотела напасть на них, но зуд под ее кожей пропал. Она опустила взгляд и разбила кинжалы, кусочки упали на снег с другими ее осколками. Она вздохнула, от усталости тело казалось сделанным из камня.

— Прости. Я не понимаю.

— Это их дом, — тихо сказала Янмей, опустила на щеку Киры дрожащую ладонь. — И они боятся.

— Меня?

— Да, — сказала Янмей. — Они не понимают тебя, и ты намного сильнее, чем они, — это ощущалось как Хэйва. Янмей всегда говорила, что другие ученики боялись, потому обзывали ее, и они перестали бы, как только узнали ее. Они не перестали.

Толстая судья подошла к ним, и Кира подавила желание показать свой истинный гнев в окнах гостиницы за ней. Они были не так хороши, как зеркала, но любое отражение подошло бы.

— Как это понимать, оммедзи? — спросила судья у Харуто. Ее ладони были сжаты в кулаки, она дрожала от гнева.

Харуто не встал. Он поднял голову, посмотрел на женщину, но промолчал.

— Ты сказал, что разберешься с проблемой духов, — прокричала судья.

— Я сказал, что разберусь с ёкаями, — тихо сказал Харуто.

— В моем городе все еще есть монстры.

Харуто пожал плечами.

— Духи. Не ёкаи. Не монстры. Просто духи.

— Так избавься от них!

— Я такое не делаю, — Харуто сохранял как-то спокойствие, хотя женщина кричала в его лицо. Кира была уверена, что уже заколола бы ее, или хотя бы показала бы что-то такое жуткое, что она обмочилась бы. Это было бы веселее. — Духи тут, потому что ёкай сделал храм своим домом. Боги такое не любят. Если хотите, чтобы духи ушли, нужно очистить храм.

— Так сделай это, — завизжала судья.

Харуто вздохнул.

— Я — оммедзи. Вам нужен монах. И много благовоний. И советую проветривать помещение несколько дней.

Старый поэт поспешил по улице, тяжело дыша от усилий.

— Что тут происходит? — спросил он, остановившись рядом с Харуто, защищая его.

— Как обычно, — Харуто утомленно улыбнулся другу. — Меня обвиняют во всем зле мира.

— Я хочу, чтобы вы ушли из моего города, — закричала судья.

Гуан поднял руки, думая, что этим успокаивал.

— Эй. Мы сделали, что вы...

— Мой город все еще полон ёкаев.

— Духов, — сказал Гуан. — Мы убрали ёкаев. Да, старик?

Харуто медленно встал, покачнулся и опустил ладонь на плечо Гуана, чтобы не упасть.

Он пошел с крыльца гостиницы мимо судьи на улицу.

— Правильно! — оскалилась толстая женщина. — Уходите. Все вы, — она махнула на них, включая и Янмей с Кирой.

Кира шагнула вперед, сжав кулаки, но Янмей схватила ее за руку и оттащила. Она чуть не вырвалась. Янмей устала, ее сила угасала. Но она не стала бороться с Янмей. Кира знала что ей было сложно понять людей и ситуации. Янмей всегда знала, как лучше.

— Вам не будут рады в Миназури. Уходите и никогда не возвращайтесь, — прокричала судья. Несколько стражей скалились. Собрались и местные, кричали им уходить, судья раззадоривала их.

Кира стиснула зубы и искала взглядом отражения, чтобы использовать против них.

— Это не их вина, — тихо сказала Янмей. Она еще сжимала руку Кире. — Они просто боятся.

— Но мы им помогли! — сказала Кира. Она не понимала. Почему эти люди кричали на них, когда они помогали им?

— Это не важно, — сказала Янмей. — Им нужно на кого-то злиться, и судья сделала нас мишенью. Или мы уйдем сейчас, или придется биться с городом.

— И? Мы можем победить!

Янмей печально покачала головой. Она повела Киру за Харуто по улице.

— До Небесной Лощины пять дней, — сказал он, не оглядываясь на них. — Шинтей примут нас лучше, — он понизил голос до шепота. — Надеюсь.

Они остановились и ждали старого поэта, который еще стоял и смотрел на толстую женщину.

— *Снег скрыл красоту,*

Скрыл старую гниль, грязь и желчь.

Глаза открыты правде.

Гуан пошел по снегу за ними.

— Это было твое лучшее, Гуан, — сказал Харуто, когда поэт догнал их.

Стены Миназури наполнились стражей и духами над ними. За ними собирались жители города, обзывались и бросались камнями, хотя еще ни один не попал в них.

— Хмм, — буркнул поэт. — Жаль, тему не стоит запоминать.

Глава 15

После Миназури были тяжелые несколько дней. Янмей и Кира почти не несли ничего, у Харуто и Гуана было еще меньше вещей. Но они справлялись. Харуто ел меньше других, не ощущал холод. Янмей знала это чувство. Огонь внутри нее никогда не угасал полностью, и он помогал отгонять холод. Но зима была жестокой, снег не переставал падать. Когда сугробы становились высотой по бедра, даже она дрожала и куталась в плащ.

Харуто вел их. Только он знал, где найти Небесную Лощину. Янмей не знала, зачем они шли в скрытую крепость шинтей, но Карга звала ее темницей. Янмей и Кира искали Четвертого Мудреца под Небесами, но не знали, где искать, и если оммедзи искал

справедливости для Тяна и Хэйвы, это было достойным делом. Многие друзья и ученики Янмей умерли в академии. Она носила вину внутри, не могла ее озвучить. Когда начался пожар, и крики звенели в залах, она думала только о спасении Киры. Она должна была вернуться за другими. Должна была попытаться их спасти.

Кира почти все время проводила с Харуто впереди, плясала на снегу или играла с маленьким духом, Шики. У нее всегда была заразительная энергия. Многие дети в Хэйве боялись ее, но Кира не давала этому подавить ее дух.

— Ты улыбаешься, — крикнул старый бандит поверх воя ветра, шагая рядом с ней. — Я знаю эту улыбку, — они шли вместе по широкой горной тропе, справа был утес, слева — серое небо и опасная пропасть. Было опасно идти тут, когда на тропе было так много снега.

Янмей хмуро посмотрела на него.

— Да, Кровавый Танцор? — они шли вверх по склону какое-то время, и ее ноги болели от напряжения.

— Прошу, не зови меня так. Это было... тридцать лет назад.

— Думаешь, твои преступления давно простили? — Янмей не могла не уколоть мужчину. Бандиты были чумой мира. Они были монстрами, не хуже ёкаев. А, может, хуже. Ёкаи делали то, что было их природой, мстили жестокому миру. У бандитов был шанс стать лучше. Выбор не убивать и забирать, не оставлять одни руины.

— Простили? — Кровавый Танцор с горечью рассмеялся. — Капуста! Нет. Никогда. Я надеялся, что их забыли. Ты знаешь, как это, ты пережила такое.

Янмей покачала головой и замерла, ветер бросил снег ей в лицо.

— Я родилась в этом. Выросла в этом. Я это не выбирала, — ее отец был Пылающим Кулаком, одним из самых жутких бандитов империи Хоса. Мужчины шли к нему, их влекла его сила, непоколебимая воля и его техника: он поджигал в бою ладони. Но их на самом деле влекло оправдание быть не людьми, а монстрами, жаждущими жестокости и крови, захваченного богатства. Он давал это им. Ее отец был злодеем, который заражал всех вокруг него своим злом.

— Но ты от него не ушла, да? — крикнул Кровавый Танцор поверх ветра.

— Я пыталась, — буркнула Янмей.

— Что? — крикнул Кровавый Танцор.

— Я пыталась! — крикнула она. — Каждый раз, когда я убегала, он находил меня и возвращал.

— Когда ты была младше, да, — Кровавый Танцор провел бледной морщинистой ладонью по бороде, покрытой снегом. — Это оправдание может кого-то обмануть, но как долго ты оставалась с ним, когда стала сильнее него?

— Он был моим отцом, — сказала Янмей. Это было слабым оправданием.

Старый бандит подул на ладони и потер их.

— Тянь хотя бы ушел, когда понял, какой я.

Он был прав. Когда она была младше, еще девочкой, она пыталась убежать. Она влюбилась в одного из бандитов ее отца, Чжихао, и они попытались убежать. Но ее отец нашел ее. Он находил ее каждый раз. Когда она спряталась в гостинице, он убил всех внутри, показывая пример. Когда она попросила у города укрытия, он устроил осаду, сжег город и утащил ее в лагерь. От него нельзя было скрыться, сбежать. Когда Чжихао пропал, Янмей перестала пытаться убежать. Даже когда она стала сильнее отца, она не убежала. Она придумывала оправдания. Он был не таким плохим, как некоторые другие военачальники, у

него были правила и принципы. Он не грабил таверну у дороги и не убивал фермеров. Он давал деньги приютам. Но даже это все было ложью. Пылающий Кулак не воровал в придорожной таверне и не убивал фермеров, потому что выгоднее было красть у них понемногу и позволять им жить. Он давал деньги приютам, чтобы приходиться туда, забирать многообещающих детей и делать из них бандитов. Янмей всегда знала правду. Она была не лучше бандитов, которых она ненавидела. Она была не лучше своего отца.

— Я пятнадцать лет пыталась загладить вину за все зло, которое он заставил меня сделать, — заявила она, зная, что пыталась убедить себя, а не его. Эти же аргументы она использовала годами, хотя они звучали как ложь. — Таких детей, каких он делал бандитами, я забирала в Хэйву.

Старый бандит запнулся об камень под снегом и упал, его ладони погрузились в снег, чтобы не рухнуть лицом.

— Ах, редька!

— Ты можешь такое сказать, Кровавый Танцор? — прорычала Янмей. — Ты пытался загладить вину?

— Нет, — сказал он. Он выпрямился, потер ноги и пошел дальше с трудом. — Не все могут искупить грехи. То, что они делали... что я делал... я не заслуживаю прощения. Я не прошу его, никто его и не даст. Так что осталось для старых бандитов, как я? Выдать себя? Они могут меня казнить. Или им может быть все равно. Мои преступления старше многих героев, которые нынче бродят по империи. Они могут бросить меня за решетку и забыть обо мне. Это никому не поможет. Я иду за Харуто, помогаю ему нести немного добра в мир. Помогаю ему держаться на пути. Дело не в искуплении. Просто этот вариант лучше.

— А деньги, которые получает оммедзи? — спросила Янмей.

Кровавый Танцор рассмеялся. Кира, еще шагающая с Харуто, повернулась и улыбнулась, и Янмей заставила себя улыбнуться в ответ.

— Деньги, конечно, — сказал Кровавый Танцор. — Ты видишь, что у нас мешки льен? Тот старый дурак мало просит, а потом всегда теряет половину оплаты. Я не могу сосчитать количество хозяев таверн, которые платили нам за избавление от ёкая, но находили мешок монет на столе после того, как мы уходили. Ты видела, чтобы он получил деньги в Миназури?

Янмей не обдумала это. Все знали, что оммедзи не работали бесплатно. Закон империи требовал, чтобы им платили за услуги.

— А твоя доля?

Кровавый Танцор зачерпнул горсть снега и потер щеки, чтобы смыть пот.

— Я немного трачу на припасы. Кто-то должен нас кормить. Остальное я трачу на него, потому что он не будет тратиться на себя. Тот лук тратит кимоно и трубки, как никто другой.

Янмей смотрела на старого бандита и гадала, не ошиблась ли. Кровавый Танцор убил ее брата, но то было очень давно, и Дайзен всегда был мелким психопатом, который напоминал отца слишком сильно и обожал мучить свою младшую сестру.

— Что? — сказал Кровавый Танцор, не глядя на нее. — Говори.

Янмей скрипнула зубами так сильно, что они захрустели, как деревья на ветру.

— Я просто думала о своем брате.

— О, — старый бандит сдвинул капюшон и провел тонкой ладонью по лысине. — Я не жалею, что убил его.

— И я, — сказала Янмей. Кровавый Танцор приподнял заснеженные брови, и она ответила хищной улыбкой. — Дайзен был на десять лет старше меня. Ребенком я уважала его, почти как отца. Я ходила за ним по лагерю, подражала его походке и манере речи. Я слушала каждое его слово, словно это была мудрость на века. В ответ на мое почитание Дайзен ненавидел меня. Не проходило и дня, чтобы я не получала кулаком за то, что стояла слишком близко. Если я спотыкалась, он пинал меня. Один раз я сломала палец, потому что пыталась взять его за руку. Я боялась чего-то — не помню, чего — и я хотела утешения старшего брата. Он закричал, что я обожгла его, а потом выкрутил мой палец так сильно, что он хрустнул, — Янмей сглотнула. Она долго не думала о Дайзене, быстро поняла, что боль еще была глубокой. — Если другие бандиты пытались мне помочь, он угрожал им. Если они смеялись с ним, он давал им подарки. Они быстро возненавидели меня.

Кровавый Танцор покачал головой, бледное лицо было повернуто к снегопаду.

— Разве твой отец не остановил его?

Янмей фыркнула и вытерла слезу с глаза.

— Дайзен был умен. Он останавливался, когда отец был близко, вдруг становился заботливым братом. Мои раны объяснялись как неуклюжесть маленькой девочки.

— И ты ничего не говорила, потому что так не делается.

Янмей поняла, что не закончила. Словам, как выпущенной стреле, нужно было закончить свой полет.

— Он был моим братом. Я ощущала с ним связь. И пытки нашего отца были куда хуже. Он обжигал меня, — она скрывала шрамы даже сейчас, но была покрыта ими. Руки, грудь, ноги, спина. — Он обжигал меня снова и снова, и каждый раз говорил, что это для моей защиты, чтобы я стала сильнее, чтобы пробудить его жуткую технику во мне. И худшим было то, что это... сработало, — она взглянула на Кровавого Танцора, не смогла понять эмоции на его лице и быстро отвела взгляд.

Они шли вверх по склону по колено в снегу. Янмей хотелось использовать технику, растопить снег впереди, чтобы идти было проще, но Пятый Мудрец предупреждал, что это убьет ее. Лучше было сохранять технику и ци тихими, пока они не найдут Четвертого Мудреца.

Ветер чуть утих, и идти стало немного легче, но снега в лицо летело меньше, и было сложнее игнорировать сочувствующий взгляд старого бандита. Чтобы сменить тему, она сделала голос вежливым и спросила:

— Почему ты ушел?

— Из бандитов?

— Да, — Янмей зачерпнула горсть снега, чтобы потереть щеки, но он быстро растаял в ее руках. — Даже мой отец не знал, что с тобой случилось. Кровавый Танцор просто пропал однажды. Некоторые твои бандиты ушли к Пылающему Кулаку, другие — своим путем. Что случилось?

Старый бандит плотнее укутался в плащ.

— Ты, наверное, ищешь большую романтическую причину, хм? — он рассмеялся. — Нет, я не нашел любви или что-то великое. Это был Тянь. Я пришел однажды домой в крови, — Кровавый Танцор притих на миг, взгляд был далеким, на лице проступила боль. А потом он продолжил. — Он смотрел на меня, как на незнакомца, маньяка в крови, который пришел навредить ему и его матери, — он покачал головой. — Я не хотел, чтобы мой мальчик так на меня смотрел. Но вред был нанесен. Он больше не видел во мне отца. Всегда был замкнут,

насторожен, испуган. Даже в последние разы, когда я его видел, когда он был взрослым, достаточно сильным, чтобы надрать мне зад, он все еще смотрел на меня со страхом в глазах.

Они шли какое-то время в тишине. Янмей выпустила боль, но легче не стало. Это было не все, конечно. Всегда было больше. Она давно поняла, что детская травма осталась с ней навсегда. Даже если она принимала это, ее всегда ждало больше боли.

Кровавый Танцор открывал рот, словно хотел что-то сказать, и закрывал его. Он не мог подобрать слова, а Янмей не хотела ему помогать.

Они шли по горной тропе, держались скалы слева. Поднялся ветер, бросал в них снег, тучи скрывали почти весь свет солнца. Впереди появилась тень снежной вершины, виднелась вдали за снегопадом. Янмей думала, что они уже были достаточно высоко, но гора впереди тянулась к небу. Харуто остановился и помахал им. Комок шерсти, который он звал своим духом-спутником, прыгнул с его плеча к Кире. Кира захихикала, зачерпнула снег и высыпала на голову Харуто, пока он не смотрел. Кира убежала по снегу, смеясь, дух счастливо свистел на ее плече.

— Пик Дракона, — крикнул Харуто поверх ветра, комья снега падал с его головы и катились по плащу. — Наверху Небесная Лощина, — он показал за плечо.

— Как далеко? — спросила Янмей. Она, Харуто и Кровавый Танцор отвернулись от ветра, чтобы лучше слышать друг друга.

— Два дня до укрытой долины, — сказал Харуто. Он протянул руки к Янмей, грелся об ее естественное тепло. Даже с крепкой хваткой на ее технике она была теплее многих людей. — Небесная Лощина почти на вершине. Место почти невозможно найти, если не знать, что оно там.

Ветер снова поднялся, выл вокруг них, усыпая их снегом. Кира подошла к ним, хмурясь и обнимая себя. Она обняла Янмей. Она могла делать это для тепла, но Янмей все равно обрадовалась. Она обвила рукой плечи Кире, поняла, что вскоре не сможет этого делать. Они уже были почти одного роста.

Кровавый Танцор подул на руки.

— Хотя бы скажи, тропа по горе укрыта от ветра?

Харуто улыбнулся.

— Нет. Снега будет больше.

Они все застонали, только Кира все еще хихикала с Шики.

— Есть другой путь наверх, — сказал Харуто, — если его не забросили. Он на день короче, но мы можем обнаружить на середине, что он покрыт льдом. Тогда придется возвращаться.

— Но он укрыт? — спросил Кровавый Танцор?

Харуто стряхнул снег с плеч.

— По большей части.

— Я за, старик.

Янмей кивнула, и Кира присоединилась.

— Уже поздно спрашивать, — завопил Кровавый Танцор, стряхивая снег с лица, — но шинтей точно будут рады тебя видеть, старик?

— Конечно. То есть... наверное.

Старый бандит не был убежден.

— Надеюсь, — крикнул Харуто поверх бури. — Они не запрещали мне вернуться. Не

прямо.

— Что ты сделал? — крикнула Янмей. Она едва слышала себя среди ветра.

Харуто взглянул на нее, на Кровавого Танцора. Он повернулся и зашагал снова.

— Сюда. Нужно дойти до лестницы к ночи.

Глава 16

Ворона парила над снегом, оставляя темный след сажи за собой. Шин шел на шаг впереди нее, его ноги едва касались поверхности замерзшей горной тропы. Ворона порой слышала, как он бормотал, каким шикарным был. Когда он оглядывался на нее, он скалился из-за следа, который она оставляла на горе, словно она портила красоту своим существованием.

Она гадала, как он не ощущал холода. У Вороны не было тела, ощущения температуры, запаха или вкуса, и ей было интересно, как ощущались холод или жара. Как ощущался хруст снега под ногами, ветер на лице. Она видела, как ветер трепал ее накидку, но не чувствовала этого. Она видела и слышала, могла касаться своим дымом, но полагалась на ощущение вещей вокруг себя, знание, где все было, без зрения, слышала без ушей. Но у Шина было тело. Он носил кимоно так свободно, что снег и ветер проникали под него. Пояс давно развязался и трепался за ним на ветру. Его длинные острые косы парили вокруг головы, не реагируя на бушующий ветер, и он был без обуви, парил над снежной землей с босыми ногами.

Она склонилась против ветра и полетела чуть быстрее, догнала Шина и полетела рядом с ним. Он взглянул на нее, приподнял бровь и тряхнул головой, повернулся к снегопаду.

Вороне было сложно помешать ветру уносить ее дым, разрывать ее на части и забирать с собой, но Мастер дал ей плащ, чтобы сдерживать ее, якорь, за который она могла держаться, даже пока рев мира пытался порвать ее. Ведь не важно, был ветер или нет, мир, смертное царство, не хотел ее тут, и ей приходилось держаться за якорь, чтобы мир не получил свое. Потому она завидовала Шину и Сифэнь, всем другим ёкаям и людям. У них были тела. Они не знали, как сложно было существовать без тела.

— Ты помнишь, как ты умер? — спросила Ворона у Шина, пока парила рядом с ним.

— Что? — отозвался Шин. Он разговаривал, растягивая слова, словно смаковал то, каким гениальным он был. — Ясное дело, — он улыбнулся, кинжалы скрывались за шелком. — Ты все еще не помнишь?

Ворона покачала капюшоном. Это было похоже на то, как люди качали головой, но без тела она не могла изобразить это правильно.

— Я не помню свою жизнь или смерть. Я даже не помню свое время ёкая до становления онрё. Я... — она чуть не сказала больше, но вспомнила, с кем говорила. Шину

нельзя было доверять. Они были родней, как все онрё, но Ворона не сомневалась, что Шин использует все, что она скажет ему, против нее при первой возможности. Когда она больше ничего не сказала, он вздохнул драматично и повернулся к снегопаду и пути.

После затянувшейся тишины он сказал:

— Я был когда-то куртизанкой, когда был человеком.

— Куртизанкой? Проституткой?

— Если хочешь выбрать грубое определение, то да, — сказал Шин. Он улыбнулся, его губы стали идеальным полумесяцем. — Я жил в провинции Ву в Хосе. В больших владениях с моими покоями и гардеробными. Три гардеробные, полные чудесной одежды. Всех фасонов и цветов. Мужчины приходили ко мне издалека. Они звали меня красивой, усыпали дорогими подарками. Духи и помада, одежда и кольца, зеркала и кисти. Всякие мелочи. Они любили звать это ухаживанием, соблазнением, — его улыбка быстро угасла. — В конце они платили госпоже и брали меня в постель, а потом уходили. Богатые мужчины, властные мужчины отовсюду, — он утих, глядя вдаль бледными глазами. — Но самые сильные из моих... ухажеров не приходили во владения. Он посылал за мной. Его не должны были увидеть в том доме, хотя визит юноши можно было объяснить множеством причин. Он послал за мной слугу. Он был принцем провинции Шин, как мне сказали, богатым и властным. Ты бы поверила? Я — да. Я была дурочкой, — он сделал паузу. Ворона увидела, как мышцы на его челюсти напряглись, он стиснул зубы. А потом продолжил. — Они напали на меня из засады на дороге, побили моего телохранителя, утащили меня. Они были мужчинами, просто мужчинами, как другие. В них не было ничего особенного, кроме ненависти, которую они носили в их сердцах, — Шин сделал паузу. Когда он заговорил снова, его голос был холодным и отстранённым. — Они били меня кулаками и ногами, звали меня «нечистой», «неправильной». Они обвили мои запястья веревкой и потащили меня по земле, крича на меня, называя меня «болезнью». Он сказали, что помогали миру, спасая детей от моего зла, а потом запихали мою голову в озеро. Я смотрел, как мои волосы парили вокруг меня, моя кровь плавала в мутной воде, они держали меня и били, раздели и утопили.

Ворона молчала, дым бушевал внутри ее плаща. Гнев. Она все еще что-то могла чувствовать. Он кипел в ней, буря желала жестокости.

— Ты удивлена, сестра? — сказал Шин. Корона поняла, что он смотрел на нее, его губы изогнулись в еще более идеальном полумесяце, но в этот раз он был полон острых зубов. — Мы же ёкаи. Мстительные духи. Думала, я умер мирно? Мы все умерли ужасно, раньше времени, убитые, и наши мечты не сбылись, — он снова от нее отвернулся. — И все мы знаем, кого винить в этом. Смертных. Людей. Этих жалких созданий. Но как красиво они умирают!

Они шли сквозь снежную бурю, поднялись выше нее и попали в долину высоко на горе, внизу были только серое облако и странные обрывки белого мира. Перед ними лежал каменистый простор, который выглядел как вершина горы, которую придавила огромная сила. Может, бог пришел сюда и ступил на гору, придавил ее и ушел, не заметив, какое чудо создал. И, как люди всегда делал, они назвали этот поступок божественным и захватили это место, как черви, спешащие к поверхности после ливня.

Тут черви построили деревушку, приземистые каменные дома усеивали плато, открытая площадь была между ними, мужчины и женщины тренировались там с мечами. Некоторые воины выглядели как ветераны, но многие были юными, чуть старше детей. За зданиями и плато поднимался вход в большую пещеру, и в той пасти расположилась Небесная Лощина.

Легендарная крепость погружалась глубоко в сердце горы. Говорили, крепость Небесная Лощина была неприступной, и величайшие воины Ипии тренировались тут. Могучие шинтеи.

— О, нас встречают, — сказал Шин с раздражающим смехом. Четверо мужчин и две женщины приближались, еще десятки — за ними.

Два онрё замерли и смотрели на приветствие воинов.

— Как вы нашли это место? — спросила мускулистая женщина. Как другие, она была в просторных хакама и подпоясанной хаори. Ножны за ее поясом обещали острую катану внутри. Ее ладонь замерла над рукоятью, и другие стояли за ней близко и наготове.

Шин шагнул вперед, сцепив ладони перед собой.

— Мы простые путники, — сказал он с искренностью сокола, говорящего мышке, что он просто смотрел. Он сделал еще шаг вперед, его волосы развевались вокруг его головы. — Мы попали сюда случайно и были бы рады месту для отдыха на день. Может, за вашими чудесными стенами. О, они такие высокие и безопасные. Уверен, никто еще их не ломал, — он дьявольски улыбнулся.

— Развернитесь и уходите, или мне придется ударить, — сказала шинтей. Она заняла боевую позу с ладонью на рукояти. Она смотрела на Шина так пристально, что Ворона думала, что он загорится. Она не была милой женщиной, челюсть сильно выпирала, нос был кривым. Но ее глаза были глубокими. Ворона сделала из своего дыма черты женщины под капюшоном. Не милая, но запоминающаяся. Черты соскользнули, едва она создала их, и она была рада, что никто не мог видеть их во тьме ее капюшона.

— Тогда дуэль? — Шин сделал еще шаг вперед. — Как чудесно. Кто из нас ударит первым? Кто из нас быстрее? — он сделал еще шаг, идеально изобразил боевую позу женщины, встав на носочки, ноги были широко расставлены, одна чуть впереди другой. Его ладони замерли у пояса, хотя катаны там не было.

Шин и шинтей стояли неподвижно, смотрели друг на друга. Его волосы парили вокруг него сотней острых кос, и шинтей посмотрела на них, а потом на лицо Шина. Он улыбнулся. Шинтей бросилась со скоростью кобры. Ее катана не покинула ножны. Шин сделал шаг, и дюжина его кос устремилась вперед, пронзая руки шинтей, грудь и шею.

Шинтей замерла на миг, покачиваясь, пока осознавала, что уже умерла. Шин не дал ей шанса.

— Чудесно! — сказал он. Он встал с корточек, опустил ладонь на шею женщины, другую — на ее подбородок и оторвал ее голову. Кровь хлынула на снег, забрызгала камни, и тело рухнуло на землю. Он бросил голову в снег у ног других шинтей.

Другие пятеро шинтеев смотрели на кровавую голову мгновение. Ворона могла уважать их за это, но не было смысла уважать мертвых. А потом они бросились вместе на Шина. Младшие, которые тренировались во дворе, устремились к ним. Храбрость была похвальной, но их всех ждала смерть.

— Да! Больше! — вопил Шин, направился к шинтеям. Они окружили его, и Шин охотничьи ступил в их круг.

Шинтей с нависающим лбом напал первым. Он остановился в двух шагах от Шина, взмахнул мечом и отпрянул, превращая движение в финт. За Шином еще два шинтея — долговязая женщина с одним глазом и мужчина со шрамами на щеке, напали. Шин рассмеялся, бросился вперед, к Нависающему Лбу. Он атаковал волосами, пять кос обвили ведущую руку шинтея, концы вонзились в плоть. Шин отвернулся от шинтея, волосы

сдавили. Он вырвал руку Нависающего Лба, бросил кровавую конечность в одноглазую женщину, а потом напал на них, уже пьяный от кровожадности.

Ворона видела, как Шин менялся в бою. Его руки, ноги и грудь покрылись огромными мышцами. Его кожа натянулась, едва сдерживала то, каким большим он стал.

— Вызов, — ревел Шин. — Вызов. Бросьте мне вызов, — он скользнул мимо выпада женщины, схватил ее руку огромными ладонями и сломал в локте. Она открыла рот для крика, но Шин ударил ее кулаком так, что голова отдернулась, лицо было разбитым, шея — сломана. Еще одна женщина и мужчина с волосатой грудью и шеей, напали, пока Шин был спиной к ним. Женщина ударила высоко, а Волосатая Грудь — низко. Волосы Шина остановили оба меча, словно они ударили по камню.

Женщина с седыми волосами и морщинами перепрыгнула тело долговязой женщины, ее меч был нацелен на голову Шина с яростью молнии. Шин поймал ее в воздухе, его огромные ладони сжали ладони старушки. Он сломал ее пальцы, раздавил их. Она визжала, а Шин смеялся. Косы Шина пронзали грудь старой шинтей снова и снова. Пять раз, дюжина, двадцать, пятьдесят, каждый удар был таким быстрым, что даже Ворона едва могла уследить. Кровь залила лицо Шина, он хохотал. Он бросил труп, повернулся к женщине и Волосатой Грудь, они напали на него по бокам. Шин отбил удар женщины косой, схватил голову ладонью и раздавил череп с легкостью. Волосатая Грудь нашел брешь в защите Шина и рассек его натянутое кимоно и кожу под ним. Шин захихикал, как девушка, его лицо в крови было безумным. Он ударил Волосатую Грудь по лицу так, что мужчина потерял сознание. Шин схватил его за грудь, поднял в воздух и ударил об землю раз, два, еще и еще.

Ворона вздохнула и отвернулась. Она полетела мимо резни, юные шинтеи бросались на Шина и умирали.

— И ты звал меня грязной, — с горечью сказала она. Она оставляла за собой след сажи, но Шин покрывал плато кровью, кусками плоти и костей. А он становился все больше, хохотал в экстазе.

Один из учеников, юноша с лысой головой и одним ухом, побежал к стенам большой крепости, явно хотел предупредить шинтеев внутри. Шин был занят резней и не заметил. Ворона, трепеща плащом, устремила за юношей, летя как призрак, оставляя за собой след из дыма. Она пролетела мимо шинтеев, бегущих в бой, пронеслась мимо так быстро, что никто не успел ее задеть. Она полетела между домов и построек, над низкой стеной, так близко к одному из учеников, что на нем осталась сажа.

Юноша перед ней был в сотне шагов от крепости, когда Ворона поймала его. Она обвила дымом его ноги, остановила его, другим щупальцем поймала его рук, прижала к бокам. Она прилипла к нему, окутала своим дымом. Он открыл рот для крика, и она направила дым в его горло, вытянула воздух, наполняя его легкие сажей. Ворона бросила его тело на каменистую землю, его бледная плоть почернела от сажи.

Шин присоединился к ней спустя время, его огромное тело сотрясало землю каждым шагом. С него капала кровь, и все шинтеи за ним были кровавым месивом. Она взглянула на него, он безумно улыбался, глаза на крепость перед ними. Он был огромным монстром.

— Думаешь, они уже знают? — спросил он, голос остался методичным, словно он не понимал, что его тело изменилось.

Конечно, они знали. Ворона убила свою добычу тихо, но Шин мог разбудить шумом мертвых. От этой мысли Ворона улыбнулась бы, будь у нее лицо.

— Говорят, врата Небесной Лощины нельзя сломать, — Ворона посмотрела на Шина,

возвышающегося рядом с ней. — Проверишь?

— О, да. О, да! — он побежал к воротам. Если шинтеи еще не поняли, что на них напали, они скоро поймут. И Шин будет полезным отвлечением. Он повеселится, может, что-то и оставит после себя, но Ворона сомневалась в этом.

Ворона полетела к стенам, поднялась выше и проникла в окошко. Она попала в Небесную Лощину, и ей нужно было найти темницу.

Глава 17

Ступени были на другой стороне горы, снега тут было меньше, но ветер бил их с силой. Ступени тянулись по почти отвесной скале. Порой они погружались в гору, то скрываясь в пещерах, то были вырезаны из камня руками. Ступени создали тысячу лет назад. С тех пор снег, ветер и время хорошо постарались, чтобы сгладить их. Раньше двое могли подниматься там бок о бок. Сейчас даже одному местами было почти невозможно удержаться.

Каждый год всех учеников-шинтеев отправляли на склон горы чистить ступени ото

льда, молотками и долотом делать их безопаснее. Во время Харуто там веревка тянулась сквозь железные кольца, вбитые в склон горы, но, хоть кольца еще были там, в замёрзшем камне, веревка давно пропала. Да и ступени явно давно не чинили, и он подозревал, что со временем традиция делать путь безопаснее потерялась.

Они устроили привал в пещере у основания ступеней, радуясь, что укрылись от снега. Харуто хорошо помнил пещеру. Он и Торо оставались тут ночью, сбив лед со ступеней. Солнце село, пока они работали, и подниматься по горе уже не было времени. Пещера почти не изменилась, хотя прошло много лет. Она воняла затхлостью и старым пометом зверей. В углу был глиняный горшок, давно треснувший, содержимое давно высохло.

Гуан развел небольшой костер, растопил немного снега в горшке, добавил оставшиеся ингредиенты. Суп был не сытным, но уже был чем-то. Гуан смотрел на горшок, вдруг стал кричать о летучих мышах. Харуто и Янмей посмотрели на потолок пещеры. Янмей почти вскочила на ноги, но там ничего не было. Кира засмеялась, и Янмей быстро сказала девочке замолкнуть.

Харуто смотрел на девочку. С Кирой что-то было не так, что-то, помимо того, что она была не совсем человеком. В ней была жестокость, но Кира сдерживалась, когда ее одергивала Янмей. Она будто не понимала, когда делала что-то вредящее. Может, это было жестокостью всех детей. Харуто не был примером морали, когда был младше, но Кира казалась злобной. И все же она нравилась Шики, и Харуто считал это хорошим знаком. Маленький дух никого не любила, или она это сильно скрывала.

Утром они продолжили путь. С первыми лучами света начался подъем по ступеням. Сначала было относительно просто, но к середине утра их темп замедлился. Ступени были хрупкими, часть обсыпалась, другая была в скользком льду. Даже Кира поднималась осторожно, прижимаясь к склону горы. Каждый раз, когда ветер поднимался и выл, они липли к ледяному камню, как ракушки на лодку, иначе упали бы и погибли. Харуто подозревал, что пережил бы падение, но не хотел провести бессмертную вечность кусочками под снегом.

— Чьей это было идеей? — закричал Гуан поверх вера, пока они отдыхали в небольшой пещере на склоне, искали силы идти дальше.

— Твоей, — крикнул Харуто. — Месть за Тяна.

Во время Харуто пещера была набита припасами, но шинтеи забыли и об этом. Из пещеры они видели долину Синсен и озеро, где, несмотря на холод, плавали несколько рыбацких лодок. Озеро питали подземные горячие источники, и даже посреди жестокой зимы оно не замерзало. Говорили, в озере хватило бы воды, чтобы утопить всю Ипию, если вода из горы вырвется.

— Капуста! — закричал Гуан. — Мальчик всегда был редиской, давай лучше поищем таверну.

Харуто вздохнул и прислонился к стене из грубого камня, почесал спину.

— Хотел бы я, чтобы ты просто порвал глупую клятву.

Кира сидела на каменном полу пещеры, дрожа, обнимая колени.

— Что за клятва?

— Моя четвертая клятва, — сказал Гуан, — никогда не ругаться. И я не могу ее порвать. Я не попаду в рай, если нарушу хоть одну клятву.

Харуто застонал. Они уже спорили об этом.

— Но это глупо. Без ругательств ты лучше не станешь. Это делает тебя лицемером. И ты

ругаешься. Просто используешь не важные слова. Но важно — намерение. Если заменить ругательства овощами, это не будет означать, что ты не ругаешься.

— Ошибаешься, — закричал Гуан, хотя ветер на миг утих. — Во всем. Я знаю, потому что у меня есть доказательство.

— Какое?

— Ты — лук с лицом морковки! — Гуан улыбнулся. — Видишь? Доказательство. Будь ты прав, клятва не дала бы мне это сказать.

Харуто пожал плечами, но не стал спорить.

— И это делает меня лучше, — продолжил Гуан. — В этом случае дело не в клятве, а в том, что она означает. Это доказательство, что я становлюсь лучше. И это делает меня лучше.

— Только это нужно, чтобы быть хорошей? — спросила Кира. — Хотеть этого?

Янмей покачала головой. Из них всех только ей не было холодно. Просто сидя рядом с ней, Харуто ощущал ее жар, словно сидел у остывающего камина.

— Желание — это начало, — сказала Янмей. — Но нужно и действовать. Пытаться. Иначе это лишь пустые обещания.

Кира нахмурилась и придвинулась ближе к Янмей.

— Ты используешь свою технику.

Янмей улыбнулась девушке.

— Холодно.

Харуто обвил себя руками, но ветер, который снова выл, все равно находили бреши в его кимоно. Шики забралась глубже, устроилась у его поясницы и щекотала шерстью.

— Небесная Лощина удивительно теплая, — крикнул он. — Шинтей вырыли ее глубоко, получают тепло горы. И там есть купальня.

Гуан буркнул.

— Что такое шинтей? — спросила Кира. Ее глаза были огромными, она дрожала, сжимая ладони, как бледные когти, но все равно улыбалась.

— Воины, — сказал Харуто. — Элитные воины Ипии. Их учат быть едиными с мечом, и они клянутся хранить честь и идти по пути клятв.

— Путь клятв?

У девушки никогда не заканчивались вопросы.

— Когда шинтей дает клятву что-то сделать, он оставляет прядь волос тому, кому дал клятву. Когда шинтей завершает задание, получивший волосы сжигает их, чтобы боги и звезды знали, что клятва исполнена. Когда шинтей умирает, его успехи и поражения взвешивают. Если он вел хорошую жизнь, исполнял клятвы, он перерождается дальше. Если нет, его прогоняют на землю демоном. Тэнгу.

— Звучит поразительно, — Кира захлопала. — Я хочу дать клятву.

Харуто посмотрел на онрё. Она была порой искренней, порой — злобной, но сейчас казалась восхищенной идеей.

— Клятвы нужно принимать всерьез. В обещании есть сила, какую не опишешь словами. Они связывают наши души с целью, и поражение может рассечь человека надвое, как меч.

— А если это правильное дело?

Харуто заметил улыбку Янмей, она смотрела на ребенка.

— Тогда клятву стоит дать. Но нужно убедиться, что поступок правильный, —

правильное часто могло оказаться неправильным в красивом наряде.

Они отдыхали еще несколько минут, а потом продолжили подъем.

Солнце стало спускаться к горизонту, они добрались до части склона, которая откололась, забрав с собой десять ступеней. Это было не так и много, другая сторона бреши была близко. Но это могло все оборвать.

Харуто стоял на краю и смотрел на пропасть.

— Нужно вернуться, — крикнул он поверх ветра. Обойти брешь не выйдет. Дыра тянулась до вершины за облаками.

— Я справлюсь, — Кира протиснулась мимо Гуана, чуть не столкнув его со ступеней. Она встала рядом с Харуто, прижалась между ним и склоном. — Я смогу, — сказала она увереннее. А потом опустила на корточки, готовая прыгнуть.

Харуто сжал ее руку и оттащил от края. Она хмуро посмотрела на него, зеркальный кинжал вспыхнул в ее ладони. Он медленно отпустил ее руку.

— Никто не будет прыгать. Смотри, — он медленно вытянул руку над брешью. Ветер сдул рукав его кимоно, стал трепать ткань. — Ветер унесет тебя, едва ты прыгнешь, и больше мы тебя не увидим.

Кира надулась, кинжал в ее ладони разбился, мерцающие осколки унес ветер.

Харуто повернулся к Янмей и Гуану.

— Возвращаемся, пойдем к Небесную Лощину главным путем.

— Еще три дня? — спросил Гуан. — Я закоченею, старик.

Янмей покачала головой, ветер трепал ее волосы.

— У нас не хватит припасов. В такую погоду мы умрем от голода, но не дойдем до шинтеев.

Гуан что-то буркнул о коленях, повернул сумку и стал рыться внутри.

— И снова всех спасает поэт. Вы, чудесные воины, должны стыдиться. Не всегда нужно пронзать людей или биться с монстрами. Вот, — он протянул свою чернильницу Янмей. Она взяла ее с вопросом на лице. — Нагрей это для меня.

Янмей рассмеялась.

— Два старых бандита. Один поклялся биться только словами. Другая стала переносным костром.

Гуан обдумал это. А потом тоже рассмеялся.

— Лучшее использование для нас, — он взял свиток бумаги, крепко держал его, защищая от ветра, пока проходил мимо Янмей. Он сказал Кире отойти. Она встала с Янмей, а он — возле Харуто, посмотрел на пропасть. — Я упоминал, что ненавижу высоту?

Харуто улыбнулся и опустил ладонь на плечо Гуана, чтобы ветер не столкнул старого поэта.

— Я добавлю это в список, — сказал он.

— Не стоит использовать технику, — крикнула Кира, пока Янмей нагревала чернила.

— У меня нет выбора, — Янмей прислонилась к девушке. Харуто думал, что она выглядел утомленной, старой. Ее бой с холодом сказывался на ней. Она вручила чернильницу Гуану и прижалась к склону рядом с Кирой.

— Спасибо, — сказал Гуан. Он вдохнул, развернул бумагу перед собой. Ветер тут же попытался выхватить ее из рук Гуана, но старый поэт держал крепко, кисть носилась по пергаменту. Он написал одно слово, МОСТ, и бумага стала плоской и твердой, хотя ветер выл. Дальний конец коснулся ступеней напротив них, и он быстро опустил свой конец и

встал на него, чтобы закрепить.

— Легко, — сказал Гуан, закрыл чернильницу. Он обвил кисть тканью и убрал все в сумку.

Харуто улыбнулся.

— Если это просто, почему ты потеешь?

Гуан посмотрел на него.

— Тут слишком тепло. Я говорил, что ненавижу жар?

— Нам нужно пройти по этому? — спросила Кира. — Это бумага.

Гуан улыбнулся.

— Уверен, наш храбрый оммедзи, герой множества поэм, попробует первым.

Харуто пожал плечам.

— Это твой мост. После тебя, — он опустился на колени на бумаге, чтобы закрепить ее вместо Гуана.

— Капуста, старик. Я знал, что ты это скажешь, — Гуан посмотрел на Киру. — Если он выдержит мой обвисший зад, выдержит и тебя, — он шагнул на бумажный мост.

Ветер трепал его, хватался за его одежду и плащ, пытаясь сорвать его. Он быстро опустился на четвереньки, его жалобы уносил ветер, но Гуан полз вперед, рука за рукой. Он продвигался ужасно медленно. Когда он добрался до другой стороны, он слез с моста, прижался к склону и отдыхал там пару секунд, зажмурившись, пытаясь перевести дыхание. Старый поэт развернулся и схватил другой конец моста.

— Следующий! — сказал он, едва слышный из-за ветра.

Кира прыгнула вперед и пробежала мимо Харуто.

— Осторожно! — крикнула Янмей.

Девушка забралась на мост, ветер ударил по ней, отталкивая ее. Ее ноги скользили по бумаге. Она шаталась на краю мгновение, размахивая руками, а потом быстро опустилась на четвереньки. Она ползла дальше тихо, добралась до дальнего края, развернулась, ее лицо было бледным, как молоко, волосы слиплись от пота.

— Твоя девочка чуть не погибла, пытаясь проявить себя, — сказал Харуто, пока Янмей проходила мимо него.

Она опустилась на четвереньки раньше, чем добралась до бумажного моста, и оглянулась на Харуто.

— Она пытается впечатлить тебя, — и она поползла по мосту. Даже с ветром Янмей окружал пар из-за ее жара. Он гадал, могла ли она прекратить это, или техника была ее частью, как его бессмертие. Она добралась до другого конца, встала и быстро обняла Киру. Та обвила ее руками.

Наступил черед Харуто. Он отпустил мост и поднял голову.

— Держишь? — крикнул он.

— Да, — Гуан сжал другой конец моста крепко, хмурясь сосредоточенно.

— Уверен?

— Да, старик.

— Потому что я знаю, как у тебя нынче дрожат руки.

— Просто шевелись, раздражающий лук.

Харуто рассмеялся, пополз по бумажному мосту.

— Глупее клятвы я не знаю, — мост прогибался сильнее, чем надеялся Харуто, ведь один конец уже не был закреплен.

Гуан смотрел на свои ладони, сжимающие его сторону.

— Угомонись, старик. Это мои клятвы, я могу делать себя лучше тем образом, каким хочу.

Мост прогнулся под Харуто, он оглянулся и увидел, что незакрепленный конец подвинулся близко к краю. Он опустил взгляд, это было плохой идеей. Мир уходил спиралью вниз, облака были серой бушующей массой над участками снега и камня. Его чуть не стошнило. Его ладони застыли на мосту, не хотели двигаться. Падение будет серьезным. Даже если его бессмертие сохранит его в живых, он будет лужей. Боль будет сильнее всего, что он чувствовал. Он тряхнул головой, отчаянно пытался прогнать мысли.

— Скорее, старик!

Мост снова прогнулся. Харуто встал на ноги и побежал вперед, ветер подхватил другой конец и вырвал его из хватки Гуана, унес в пустоту. Харуто рухнул на каменные ступени, искал, за что ухватиться, чтобы не рухнуть в облака внизу. Ладони сжали его руки, и он увидел над собой Гуана, лицо было красным, он кряхтел от напряжения. Пот капал с его носа на лоб Харуто.

— Вытаскивай меня! — закричал Харуто, упираясь ногами в камень, ветер безжалостно окружал его.

— А я чай завариваю? — выдавил Гуан.

— Тяни сильнее! — закричал Харуто. Шики пиццала в его кимоно, поднялась на его плечо, огляделась и зарылась в его вещи.

Над ним появилось морщинистое лицо Янмей, она протянула руку. Харуто отпустил камень и схватил ее за руку, а другой рукой сжал Гуана. Он карабкался, ноги летали над пустотой, два старых бандита вытаскивали его, камни царапали его грудь, а потом он рухнул на ступени. Они легли кучей потных конечностей и дрожащего страха.

Кира стояла на пару ступеней выше них, смотрела, прыгая с ноги на ногу в тревоге. Когда другие поднялись на ноги, она выдохнула с облегчением, подбежала и обняла каждого по очереди. Она отпустила и попятилась, и Гуан крепко обнял Харуто. Харуто обвил поэта руками, и они стояли так пару мгновений, дышали пар в лица друг друга и улыбались.

А потом они отодвинулись, и Харуто кивнул благодарно Янмей.

— Уже недалеко, — крикнул он поверх ветра, слыша дрожь в своем голосе. — Должны дойти до ночи, — он дрожал, ему все еще было не по себе от страха. Он не мог показывать это, нужно было выглядеть сильным, бессмертным. Но он не мог отогнать чувство, что гора не хотела, чтобы он вернулся в Небесную Лощину. Это был знак.

Глава 18

Они все почти замерзли, когда дошли до вершины лестницы. Они попали в туннель, ведущий в гору от обрыва и ветра. Кира слышала, как ветер выл вне пещеры, словно зверь, лишенный добычи. Внутри ветра почти не было, и воздух был теплее, поднимался от земли. Все дрожали, кроме Янмей.

— Эта гора — вулкан? — спросила Янмей, прижимая ладонь к каменному полу пещеры. Кира повторила за ней, вызвала улыбку, но ощутила только холодный камень.

— Нет, — сказал Харуто. Он что-то искал у стен.

— Камень теплый, — сказала Янмей. — Где-то внизу источник тепла.

Харуто пожал плечами.

— Небесная Лощина всегда была теплее, чем должна быть, — он отвернулся и посмотрел на нее. — Но не такой теплой. Шики, дай немного света.

Маленький дух выбралась из его одежды и недовольно пискнула. Кира рассмеялась.

— Я знаю, что ты не факел, — сказал Харуто. — Ты — ворчливый фонарик.

Шики пискнула снова.

— Пожалуйста, — сказала Кира.

Шики повернулась и посмотрела на Киру глазами, которые были слишком большими для ее маленького пушистого тела. Она открыла широко рот, глубоко вдохнула и стала вдвое больше обычного, став при этом яркой, а потом издала хлопок и вспыхнула оранжевым своём, как огонь, который не мерцал. От духа не исходило тепло, но света хватило, чтобы Кира видела пещеру внутри. Она слетела с плеча Харуто, ножки двигались в воздухе, словно она пыталась плыть.

— Спасибо, — сказала Кира, поклонившись духу. Она повернулась и взглянула на

Янмей, та улыбнулась ей, и Кира обрадовалась, что хоть раз поступила правильно.

Гуан присвистнул и пошел по пещере, глядя на стены, озаренные светом Шики. Пещера открывалась в длинный коридор с высоким потолком и стенами, покрытыми записями, и коридор пропадал во мраке в глубинах горы.

— Как далеко он тянется? — спросил поэт.

— Далеко, — сказал Харуто. — Вверх и вниз. Крепость сверху, на укрытом плато, но Небесная Лощина размером с небольшой город, — он покачал головой. — Там извилистые туннели и комнаты-пещеры. Не могу сказать, сколько раз я терялся в этом огромном муравейнике. Помню, раньше там было полно людей. Мы набивались в пещеры, как булочки в печи. Мастера вели классы с сотнями учеников, — он с тоской улыбнулся. — Как-то раз мы с Торо нарисовали на холсте валун. Выглядело ужасно, но в тусклых коридорах было похоже на правду, особенно, для учеников, которые всегда спешат. Мы пошли рано на урок к наставнику Шибе, повесили холст на входе в коридор. Когда остальные пришли, они сказали, что коридор заблокирован, и им пришлось искать другой путь. Весь класс опоздал, кроме меня и Торо. Мастер Шиба ненавидел опоздания, приказал всему классу бегать туда-сюда по ступеням, — он остановился и вздохнул, покачал головой. — Тут где-то должны быть факелы.

Янмей посмотрела на буквы на стене рядом с Кирой.

— Что за записи на стенах? Не могу прочесть.

— Это старый ипийский, — сказал Гуан, подойдя к ней. — Его уже толком не используют. Многие говорят и читают нынче на хосанском. Все принимают это как распространенный язык. Но пару сотен лет назад ипианцы говорили на своем языке, а жители Нэш... хмыкали и ругались, в основном.

— Это предупреждения, — сказал Харуто. — Истории о шинтеях, которые заблудились или нарушили клятвы. Часть долгой традиции записывать поражения ордена на стенах. Они наносили записи тут, на пути к ступеням, потому что ученики постоянно тут ходили, так что им постоянно напоминали бы о поражениях других, и как нельзя себя вести шинтеям. Вот, — он нашел петлю на стене, в которой висели забытые холодные факелы. Он взял их и несколько мгновений зажигал кремнем Гуана, а потом вручил один Гуану, а другой — Янмей. Он не дал факел Кире, словно не доверял ей огонь. Она хотела сказать что-то оммедзи, но не стала, Шики стала нормального размера, ее свет угас, она упала на пол. Она схватилась ручкой за кимоно Киры. Кира подняла маленького духа, и она забралась на ее плечо.

— Эй, старик, — Гуан указал на запись на стене. — Ты видел это?

Харуто подошел к старому поэту и застонал.

— Что там? — спросила Кира. Она присоединилась к ним, встала на носочки, чтобы посмотреть поверх плеча Гуана. Слова на стене почти имели смысл для нее. Она словно когда-то знала, что они значили, но забыла.

Гуан рассмеялся и взглянул на Харуто.

— Где все? — спросил Харуто, отвернувшись от стены и пошел прочь. — Тут должны быть люди. Ученики, шинтеи, мастера. Мы должны был уже их слышать.

Гуан не отошел от стены, и Кира тоже осталась там, смотрела поверх его плеча, думая, что, может, слова обретут смысл. Янмей подошла к ним. Она устала от подъёма, лицо осунулось, было в морщинах. Кира обняла ее, могла утешить только так, и Янмей улыбнулась и обняла ее в ответе.

Харуто перестал идти и оглянулся на них.

Гуан приподнял брови.

Харуто пожал плечами.

— Ладно. Но ты уже знаешь это, так что рассказывай, пока мы идем.

* * *

Давным-давно, сотни лет назад, был юноша, которого звали Ночной Песнью. Ему было четырнадцать, но он уже заслужил себе титул героя. Гений с мечом, он снова и снова бился с местными бандитами, прогонял их из своего города. Люди любили его. И никого не удивило, что, когда он подрос, родители отослали его в Небесную Лощину, чтобы он стал шинтеем. В Ипии не было чести больше для семьи, чем отдать ребенка шинтеям.

Уже известный воин, Ночная Песнь был создан для величия. Он показал такой уровень умений, что император Ипии прибыл в Небесную Лощину, чтобы увидеть его тренировку. Это было неслыханно, и устроили большой праздник с пиром и состязаниями меча и поэзии. Император Исэ смотрел, как Ночная Песнь побеждает товарищей-учеников в дуэлях. Никто не мог выстоять против него, и император смотрел только на него.

Против Ночной Песни вышел биться темноволосый юноша по имени Тошинака Хейру. Он был в Небесной Лощине дольше Ночной Песни. Он тренировался усерднее, терпел тяжелый график, чтобы стать сильнее. Никто из учеников не старался так, как Тошинака, никто не бился так яростно. Но Ночная Песнь легко одолел его. Три раза Тошинака нападал на Ночную Песнь в их дуэли, и три раза Ночная Песнь наносил удар, который стал бы фатальным в настоящем бою. Тошинака хотел биться дальше, но мастера увели его. Он вскоре был забыт в тени Ночной Песни.

Император Исэ был так впечатлен, что дал Ночной Песни землю и владения раньше, чем он стал шинтеем. Император даже отдал ему в жены далекую кузину, Исо Изуми, соединив Ночную Песнь и его подвиги с тронном. Еще никто такого скромного происхождения не получал такую честь... и так больше никогда не рисковали.

Через годы после визита императора Ночная Песнь стал шинтеем. Он дал клятвы, получил мечи. Орден шинтеев, уже известный, стал популярнее, и Небесная Лощина получила больше учеников, чем обычно. Юноши хотели того, что показал им Ночная Песнь: силу, власть, богатство, славу, близость к правящей семье.

Ночная Песнь дал пару клятв, выполнил их. Его звали непобедимым, воином, какому не было равных, величайшим шинтеем. Но — конечно, было но — он бился только в тех сражениях, которые он выбирал, решая, что там победит. Он не рисковал, предпочитая купаться в роскоши своей славы.

Вспомним Тошинаку Хейру. Его жизнь сильно отличалась от Ночной Песни. Ему не дали привилегий, особых наград. Он трудился за каждую победу, даже против товарищей. Во времена героев он был забыт. Его сделали шинтеем, но не за его величие. Но у него было то, чего не было у Ночной Песни, горящее желание преуспеть, стать сильнее.

Покинув Небесную Лощину, Тошинака бродил по Ипии, сражался везде, где мон. Он редко побеждал. В Хицу он подрался в таверне с бандитами, чтобы защитить хозяина. Он разобрался с двумя, но другие прыгнули на него, и Тошинака упал на пол среди бури кулаков. Хозяина таверны тоже побили, и прядь волос Тошинаки не была сожжена, он не выполнил клятву.

Возле Акаро Тошинака сразился в дуэли против лорда бандитов, Горестного Копья. Он был в меньшинстве с самого начала, но он дал клятву, и народ Акаро полагался на него.

Тошинака получил такую страшную рану, что звезды звали его, и только его упрямая воля не дала ему умереть. Народ Акаро пострадал из-за его поражения, проклял его имя, и еще одна клятва Тошинаки осталась незавершенной.

На Горящих Пиках, где рассвет поджигать камни, его лишил сознания Змей Джун. В Сансо он один бился с убийцей Теневым Жаворонком, за это получил отравленным ножом в спину. Лорд, которого он обещал защитить, был убит, а Тошинака смотрел, парализованный. Деревня Йоконора сгорела, ведь Тошинака не смог ее защитить. Покрытый кровью, он смотрел, как огонь поглощал деревню, оставляя только дымящиеся тела. Больше незавершенных клятв. Больше несожженных волос.

Но Тошинака не переставал биться. Он брал любую клятву. Бился во всех боях, какие мог найти. Он бился в дуэли со всеми, у кого был меч и известное имя. Он не останавливался.

Годы спустя Тошинака увидел славу и богатство Ночной Песни и ощутил в себе ненависть. Ненависть к такому умелому мужчине, который так мало сделал. Мужчина звал себя непобедимым, но его никогда не проверяли. Тошинака понял, что всегда ненавидел Ночную Песнь, а с каждым поражением, каждой раной и невыполненной клятвой ненависть росла.

Раз в пятьдесят лет в Ипии проходил традиционный великий турнир, Проявление Чемпионов. Победитель мог выбрать одну награду, в разумных пределах, конечно, и император давал ее. Ночная Песнь не участвовал. Ему не нужно было проявлять себя, все знали, что его навыки были несравненными, воину не было равных. Но другие собрались сотнями, и один среди них выделялся. Великан с острым подбородком, носом, как клюв попугая, распушенными черными волосами, не собранными в косу воина. Годы изменили Тошинаку, и никто, кто знал его в Небесной Лощине, не узнал бы его теперь.

Участники турнира были яростными, многие герои погибли. Но Тошинака уцелел. Поражения сделали его сильнее. Как только его последний противник пал, Тошинака прошел вперед и потребовал награду у императора — дуэль с величайшим героем Ипии, с Ночной Песнью, чтобы доказать, кто лучше. Император согласился и приказал Ночной Песни выйти на поле.

Два воина бились. Два шинтея, обученных в Небесной Лощине, проживших разные жизни. Они сталкивались снова и снова, катаны высекали искры в свете луны, и каждый раз Ночную Песнь отталкивали. Тошинака был в ярости, избивал Ночную Песнь большей силой, лучшими навыками и опытом того, кто бился, проигрывал и снова бился. Ночная Песнь стал ленивым, и Тошинака уничтожил его на глазах императора и всей Ипии.

Ночная Песнь лежал, избитый, в крови на полу арены, его семья и друзья, как и император Ипии не могли понять, как такое было возможно. Как чемпион смог победить лучшего? Как его мог одолеть тот, кто уже устал от множества боев? Неужели мастера Небесной Лощины выбрали не того?

Тошинака вонзил меч в землю рядом с головой Ночной Песни. Он отвернулся и ушел. Он не объяснял свою ненависть к Ночной Песни, и как он смог победить того, кто когда-то был намного сильнее него, который должен быть сильнее всех. Но шинтеи, которые смотрели, знали.

Ночная Песнь проиграл, потому что он выбирал биться только с теми, кого мог одолеть. Он научился побеждать, а не биться.

* * *

— Ну как, старик? — спросил Гуан.

Харуто пожал плечами.

— Ты растянул историю.

— Поэту можно.

Кира хотела больше. Стены, мимо которых они шли, были покрыты похожими записями, и она гадала, сколько интересных историй тут скрывалось.

— И, — продолжил Харуто, голос был острым, как клинок. — Каждый раз, когда я слышу Историю о Ночной Песни, остальной истории не хватает. Ее всегда выдают как предупреждение не почивать на лаврах, не лениться. Ночную Песнь изображают дураком, а Тошинаку — трудолюбивым героем, — он фыркнул. — Расскажи остальное. Расскажи, как Ночная Песнь хотел жить мирно вдали от жестокости постоянных боев. Расскажи, как Тошинака сделал его врагом, думал о гневе. Расскажи им. И как Тошинака не смог отпустить свою ненависть. Как унижительного разгрома для Ночной Песни не хватило. Как Ночная Песнь вернулся домой, оправившись, и увидел, что его дом сгорел, а жену убили, — Харуто остановился и ударил ладонью по стене. — Они всегда упускают эту часть истории Ночной Песни и Тошинаки.

Харуто звучал печально, и Кира хотела помочь ему, но ни Янмей, ни Гуан ничего не сказали. Они, наверное, знали лучше. Они понимали людей лучше, чем она. Но ему было больно, и она не хотела, чтобы он страдал. Янмей говорила, что хорошие помогали другим, даже если они не понимали, что нуждались в помощи.

Кира ускорила шаг и зашагала рядом с Харуто. Она выждала, и он посмотрел на нее. Она улыбнулась.

— Мне жаль, что так случилось с твоей женой.

— Видимо, я сам открылся, — сказал он. Его боль будто ускользнула. Он ответил ей пустой улыбкой. — Я хочу, чтобы история Ночной Песни заканчивалась, как на стене, но это не все. Есть куда больше.

Все притихли, и Кира искала, что сказать.

— Ты хотя бы это помнишь, — сказала она, уже подозревая, что это неправильно говорить. — Я не помню ничего до того, как Янмей спасла меня из зеркала. Думаю, там... Думаю, я вредила людям.

Харуто фыркнул.

— Радуйся, что ты не помнишь. Ты была ёкаем, монстром. Мстительным духом, который мог только нести другим боль.

Кира не ощущала себя монстром. Даже в смутных воспоминаниях из зеркала она не считала себя монстром. Она не хотела быть монстром. Она ощутила на плече ладонь Янмей, поняла, что замедлилась, Харуто уже шагал впереди нее.

— Он не хотел этого, — тихо сказала Янмей, обняла Киру, не сбавляя шагов. Хотя это ощущалось естественно, когда Кира была меньше, это было немного неловко теперь, когда они были почти одного роста. — Некоторые могут справиться с болью, только передав ее другим. Это не правильно, но некоторые могут только так. Он не хотел тебя задеть, он просто пытался справиться со своей болью.

— Что я могу сделать? — спросила Кира.

Янмей молчала мгновение. Кира расслабилась в ее объятиях, наслаждаясь ее знакомым теплом.

— Тебе нужно решить, говорил ли человек всерьез. Если он хотел просто передать боль,

ты ничего не можешь поделать. Если он не хотел, то нужно дать время, быть рядом, когда ты будешь нужна.

Кира вздохнула.

— Быть хорошей тяжело. Быть плохой проще?

Янмей прикусила губу. Она всегда так делала, когда Кира задавала трудные вопросы.

— Нет. Не проще. Там просто другие проблемы.

— Впереди додзе, — сказал Харуто поверх плеча. — Мы сможем срезать и найти лестницу наверх, в крепость, если там не идет урок.

Гуан догнал его.

— Разве тут не тихо, старик?

Кира увидела, как Харуто кивнул, но он молчал.

Когда они дошли до додзе, стало ясно, почему было так тихо. Тела лежали на полу. Некоторые были почти целым, другие были изорваны, словно их растерзали, кровь пропитала вытопанную солому. Оружие лежало тут, быстро вытащенное из подставок у стен додзе. Судя по виду, оружие не помогло. Кира еще не видела такой резни. Многие мертвецы были юными, почти ее возраста. Это было как в Хэйва. Ученики мастера бились вместе и умерли вместе, их кровь смешалась, текла по неровному полу и собиралась лужей у дальней стены.

Харуто медленно шел между телами, смотрел на каждое, словно запоминал лица. Гуан обошел резню, держась близко к стене, не подходя к крови.

Янмей опустилась на колени у почти целого трупа.

— Тут еще есть тепло. Мало, но... это произошло недавно. Пару часов назад.

Харуто смотрел на нее. Его лицо было мрачным, таким его Кира еще не видела. Огонь от его факела бросал на лицо резкие тени.

— Тогда они еще тут, — прорычал он. Кира узнала в нем гнев, ненависть, удушающую жажду мести. Это задело что-то внутри нее, и она услышала треск стекла, ощутила зуд под кожей. Оммедзи плюнул на пол и выбежал из додзе.

Глава 19

Ворона пронеслась между двух шинтеев. Они ударили по ней, но клинки прошли безвредно сквозь ее дым. Она тушила факелы, пролетая, комната погрузилась во тьму. Два шинтея встали ближе друг к другу, инстинктивно понимали, где был другой. Даже в темноте они были дисциплинированными. Ворона уважала это. Но это было не важно.

Побочный эффект черно-белого мира был в том, что ей нужно было мало света, чтобы видеть. Она не понимала, как видела без глаз, но мир был нарисован множеством оттенков серого. Даже в глубоких темных пещерах она видела все в серых тонах.

— Ты не доберешься до темницы, демон! — закричал ей шинтей. Мужчина с обвисшей кожей и свисающими усами, его ладони уверенно держали катану.

Ворона какое-то время летела по нижним уровням Небесной Лощины. Она слышала Шина далеко наверху, он радовался резне. Оставит ли он хоть кого-то из шинтеев в живых? Вряд ли. Как только Шин разошелся, его нельзя было остановить. Он был сильнее их всех физически, и его сила росла от кровожадности, а теперь он был ненасытным. Конечно, он будет потом возмущаться из-за бардака, который устроил, когда успокоится, но сейчас он был готов уничтожить всех живых в Небесной Лощине. Ворона предпочитала не убивать. Она избегала многих шинтеев, скрываясь, и они проходили мимо нее. Преимущество тела из дыма было в том, что она могла парить под потолком, не только над полом.

Хотели они или нет, шинтеи подтвердили, что Ворона была в верном месте. Двое сторожили большую деревянную дверь. Она дала им бродить в темноте, пока она исследовала. Дверь была заперта. Прочная. Закреплена в камне вокруг. Она попробовала дверь, послала дым между швами и в замок, вокруг краёв. Она сжала край двери и вырвала ее из камня, отбросила в сторону.

— Стой! — закричал шинтей с обвисшей кожей. Он прошел вперед и взмахнул мечом, но Ворона уже улетела от него в просторную пещеру за дверью.

Там было много места, и только большой круг металла с узорами облаков, огня и деревьев был закреплен в дальней стене из камня.

— Зажгли факел, — сказал шинтей с обвисшей кожей, все еще суется у разбитой двери за ней.

Ворона пересекла комнату и посмотрела на круг металла. Он был встроен в стену пещеры, почти как резной рельеф, символы на нем были на непонятном языке. Круг занимал почти всю стену, смесь шестеренок, поршней и замысловатой резьбы. Мастер говорил ей ожидать такого. Это был кохранский прибор. Кохранцы были народом без техник и ци, но они были гениями. От летающих топтеров до Кровавых Двигателей, которые делали человека сильнее и быстрее. Их приборы использовались по-разному, включая, видимо,

замки для титанов.

Ворона направила дым по поверхности прибора, исследуя его внимательно, как возлюбленного. Когда она закончила, она знала все его изгибы. Заметного замка не было, но две дыры были на противоположных концах прибора. Каждая тянулась неглубоко в прибор и содержала много острых предметов.

Шинтеи за ней зажгли факелы и ворвались в пещеру.

— Больше ни шагу, демон! — кричал шинтей с обвисшей кожей.

Ворона повернулась и подлетела к шинтею.

— Ты знаешь, что за этой стеной? — спросила она. — Ты знаешь, что сторожишь?

Старый шинтей опустил факел в петлю на стене и взял катану обеими руками.

— Шинтеи Небесной Лощины поклялись Пятому Мудрецу под Небесами защищать эту темницу. Нет задания важнее.

— Я понимаю. Но вы знаете, почему? — мир был полон людей, которые выполняли задания, которые не понимали. Они все были дураками. Они не знали, что защищали, или почему это было тут.

Два шинтея разделились и стали двигаться, чтобы напасть на Ворону с двух сторон, старик со свисающими усами с одной стороны, юный дурак с оскалом на милом лице — с другой. Она дала им думать, что у них был шанс.

— Эта дверь — кохранский прибор. Как ее открыть? — сказала Ворона, пока они приближались. Она говорила будто с собой. — Вы знали, что кохранские приборы работают на крови? Жаль, но у меня нет крови. Спасибо, что отдадите свою.

Они напали, и Ворона улыбнулась бы, будь у нее рот. Она не могла пока что убить их. Они были нужны ей живыми.

* * *

Харуто несся по лестницам мимо остывающих трупов и красных ручьев. Это была онрё. Точно. Может, не паучиха — паутины и коконов не было, а тела были разорваны — но онрё была в Небесной Лощине. Жажда мести Тяна горела в его груди. Он слышал шаги других за ним, они звали его. Он игнорировал их.

Крик сверху, боевой клич в оскверненных залах. А потом вопль агонии.

Харуто ворвался в зал храма, тяжело дыша от быстрого бега. Тут все было, как он помнил: высокий потолок, пять каменных колонн, каждая представляла одно из пяти великих созвездий. Лампы на стенах озаряли пространство, желтый свет мерцал, дыра в крыше впускала луч света, который озарял возвышение в дальнем конце. Там стоял храм тянцзюна, владыки небес. В его время тянцзюном была Мира, богиня урожая, но она теперь была мертва, и богиня утерянных возможностей сидела на Нефритовом троне. Скамьи и тела валялись вокруг. Десятки шинтеев, старых и молодых, были убиты в месте, которое должно быть священным.

Среди резни стоял мужчина, высокий, мускулистый, его одежда порвалась, свободные хакама свисали с пояса. Его кожа была бледной, как мел, и он был покрыт кровью. Его волосы развевались вокруг головы сотней толстых кос, каждая была длиной с хлыст, извивалась, как змея. Несмотря на навыки и техники, шинтеи лежали на полу, изорванные, а на нем не было ни единой раны. Он держал тело девушки. Она, скорее всего, только стала шинтей. Ее голова свисала, шея была сломана. Он бросил ее тело на пол.

— Среди них нет вызова, — сказал бодро мужчина. — И они натворили такой бардак, — он махнул ладонью, и кровь брызнула на скамью у стены.

— Хватит! — взревел Харуто. Он бросил факел и прошел в комнату к мужчине. Он слышал, что другие догоняли его, услышал, как Кира охнула из-за резни.

— Хмм? — онрё посмотрел за Харуто. — Вас еще много? — он вздохнул. — Мне скучно вас убивать. Можешь идти, — он лениво махнул на двери храма в дальнем конце зала. Хоть они были в три раза выше взрослого мужчины, двери висели криво, снесенные с петель.

— Я именую тебя харионаго, — сказал Харуто. Харионаго были жестокими ёкаями, появляющимися, когда человека топили, часто из тех, кого связали веревкой или водорослями. Обычно они бродили по дорогам между городами и деревнями, обманывали людей своей красотой и наказывали тех, кто пытался проявить к ним доброту. Они были жестокими, но не самыми опасными духами. Но этот как-то стал онрё, и его сила выросла. Он убил так много шинтеев... Харуто еще не видел такого сильного ёкая. Он шагнул вперед, переступив разорванного шинтея.

— О, — окровавленное лицо онрё озарила улыбка. — А ты — оммедзи, от которого убежала Сифэнь. Я еще ни разу не встречал оммедзи. Скажи, — улыбка стала опасным оскалом, похоть пробралась в голос, — ты станешь для меня вызовом? Ты дашь мне то, что не смогли дать эти слабаки? Надеюсь.

Харуто сделал еще шаг вперед.

— Харионаго...

— Прошу, — сказал онрё со сладкой улыбкой. — Зови меня Шин. Мы станем очень близки.

— Именем Оморецу я уничтожу тебя.

Харуто услышал Янмей и Киру позади себя.

— Назад. Этот онрё опаснее, чем вы думаете.

— Хмм? — онрё посмотрел на Киру. — Это одна из моих сестер? Ты не на той стороне, девочка.

Кира встала перед Харуто и посмотрела на тела вокруг.

— Как по мне, я на правильной стороне. На хорошей стороне.

Харионаго рассмеялся.

— Добро и зло — понятия людей. Ты выше этого, — он протянул к ней руку. — Идем со мной, и Мастер откроет тебе глаза на правду.

Кира оглянулась на Янмей. Старушка покачала головой. Девушка посмотрела на харионаго и прокричала:

— Ни за что!

— Что ж, еще один труп, — харионаго шагнул вперед, широко раскрыл руки и поднял голову к потолку. — Давай. Я дам тебе шанс напасть первой.

Кира дернулась вперед, но Харуто схватил ее за плечо и оттащил. Он услышал треск стекла. Зеркальный кинжал сверкнул в ее ладони и уткнулся в его грудь. Она моргнула, охнула и отодвинула кинжал.

— Плохо. Прости. Прости. Прости.

— Я сказал — назад, — рывкнул Харуто. Этот онрё был слишком опасен. Доказательство было вокруг них. Он один был в безопасности. Только он был бессмертным.

Он вытащил катану из ножен и выставил перед собой.

— Шики, — дух выбралась из его кимоно и прыгнула в клинок, сделав его алым. Харуто сжал ее обеими руками перед собой, поправил стойку. — В Небесной Лощине остался еще

один шинтей, и он сразится с тобой, онрё. За всех, кого ты убил, за все страдания, которые ты причинил, именем Оморецу я убью тебя! — он бросился к харионаго.

Глава 20

Харуто бросился, пока онрё смотрел на потолок. Он поднял Шики двумя руками, этот удар должен был рассечь человека надвое. Онрё увернулся в последний момент. Клинок Шики задел кожу его груди, оставив тонкую красную линию. Харуто отпрянул и поднял Шики для защиты. Он перешагивал тела и обломки скамеек. Онрё улыбнулся ему, волосы развевались вокруг его головы, пока он тер порез на груди. Рана уже закрывалась, но харионаго поднял пальцы к губам и облизнул кровь на них.

— Ты медленный, — сказал онрё. — Я дал тебе шанс ударить, и ты потратил его на такую ленивую атаку. Моя очередь! — он бросился к Харуто. Две косы с шипами на концах из металла в крови устремились к лицу Харуто. Харуто отбил первую косу клинком, а потом отпрянул на шаг и опустил Шики, попал по другой косе, вызвав дождь искр. Он ощутил дрожь, она пробежала по Шики и его руке. Харуто отпрянул. Шики должна была рассечь волосы онрё, но коса отдёрнулась к другим вокруг его головы. — Медленный и слабый, — улыбка пропала с лица онрё. — А я надеялся на вызов. Давай я упрощу для тебя ситуацию. Я не буду даже использовать ладони, — он сцепил ладони за спиной.

Харуто не хотел упускать шанс. Самоуверенность часто губила наглецов. Он прыгнул

вперед, сделал финт влево. Пять кос вылетели из-за онрё к его лицу и груди. Харуто скользнул вправо, ударил Шики по боку харионаго. Одна коса взметнулась и пробила его плечо, вызвав вспышку боли, но клинок Шики тоже задел плоть. Небольшое сопротивление, и она пробилась.

Харуто выдохнул и встал. Самоуверенность онрё была тем, что ему было нужно.

Онрё рассмеялся и послал дюжину острых кос к голове Харуто. Харуто прыгнул в сторону, перекатился через безголовое тело и врезался в перевернутую скамью. Он прижался к ней спиной и вскочил с Шики наготове. Онрё истекал кровью из большого пореза ниже ребер слева, но это не остановило его и даже не замедлило. Ладони все еще были за его спиной, он побежал к Харуто, сократил расстояние между ними за два легких шага. Харуто отскочил, откатился за скамью, закрываясь ею.

Онрё дергался влево и вправо, вел головой, острые косы атаковали Харуто. Харуто отбивался и парировал, на пару секунд его жизнь стала размытым пятном отчаяния. Онрё отбросил скамью, косы зашипели в воздухе, устремились к лицу Харуто. Харуто отбил одну косу, но еще две летели к нему с другой стороны. Он снова отступал, его спина врезалась в камень — одну из колонн храма. Он юркнул за нее, четыре острые косы врезались в камень, выломали куски.

Онрё рассмеялся за колонной.

— Сифэнь слаба, раз ей пришлось бежать от тебя.

Харуто попятился на пару шагов, чуть не запнулся об оторванную руку, попытался успокоиться. Онрё все еще ждал на другой стороне колонны, вне поля зрения. Харуто знал, что не победит, защищаясь. У онрё было много кос, и каждая двигалась и атаковала независимо. Ему нужно было закончить бой одним решительным ударом. Будет больно. Он отпрянул еще на шаг, поднял перед собой Шики в защите. Пол за ним был чистым. Ему нужно было то пространство. И ему нужно было, чтобы онрё пришёл к нему.

— Что такое, харионаго? Боишься? — Харуто старался говорить ядовито. — Так шумел, а теперь прячешься за колонной?

— Прячусь? Я? — онрё рассмеялся. — Никогда. Я наслаждаюсь моментом, — он скользнул в сторону, все еще сжимая руки за спиной, волосы извивались, как угри. А потом он бросился в Харуто, безумно хохоча.

Харуто стоял с Шики наготове. Онрё приблизился. Шесть кос полетели к нему. Он взмахивал мечом вправо и влево, отбивая их. Одна задела его, огонь вспыхнул на его руке. Он отскочил и опустился на корточки, держа Шики горизонтально у плеча, готовый сделать выпад. Онрё прыгнул, и Харуто бросился к нему, направляя Шики к его животу, дюжина острых кос пронзила руки, грудь и шею Харуто.

Харуто стиснул зубы так сильно, что они могли рассыпаться. Боль пылала в его теле, словно в венах кипело масло. Но он такое ожидал.

— Ты попался, ёкай, — сказал он, сплевывая кровь на обломки у своих ног. Он поправил хватку на Шики и стал поднимать ее, клинок рассекал грудь онрё, будто он был рыбой.

Онрё охнул от боли. Он взмахнул руками, одна сжала ладони Харуто, останавливая его меч, другая легла на его шею. Его ладони казались огромными. Онрё был огромным, словно вырос, пока они бились. Его кожа натянулась неестественно на его лице. Мышцы напряглись, из-за них кожа могла треснуть.

— Серьезно? — он широко улыбнулся, как жаба.

Харуто пытался двигаться, но онрѐ придавил ладони Харуто к рукояти Шики, медленно отодвигал меч, убирал его из своей груди. Рана закрылась почти раньше, чем клинок вышел. Все раны онрѐ закрылись. Он исцелялся даже быстрее Харуто.

— Думаю, я тебя поймал, — сказал онрѐ, смеясь. Он сжал шею Харуто сильнее, поднял его с пола. Онрѐ точно вырос. Он был выше, крупнее, до этого был худее.

Харуто выдавил улыбку. Он пытался подвинуть Шики, но онрѐ все еще держал его ладони. Он прохрипел, несмотря на хватку на его горле:

— Я заставил... тебя... использовать ладони.

Улыбка пропала с лица онрѐ, там появилась чистая злоба.

— Умри! — дюжина кос вылетела и порвала грудь и руки Харуто.

* * *

Кира смотрела в ужасе, как харионаго бросил обмякшее тело Харуто в сторону. Оммедзи рухнул с влажным стуком на грудь трупов. Шин вырос за время боя, разбух. Он был высотой в восемь футов, широкий в плечах. Его улыбка пропала, и скука появилась на его ужасно растянутых чертах. Кира не могла это терпеть. Она не могла стоять и позволять Шину убивать его. Она шагнула вперед и создала два зеркальных кинжала в руках.

— Что ты делаешь? — прошептал Гуан.

— Останавливаю его, — процедила Кира, сжимая зубы до боли в челюсти.

Гуан фыркнул.

— Харуто только начал. Не мешайся.

Кира смотрела, и Харуто пошевелился. Сначала медленно, он перекатился на грудь, поднялся на колени. Он встал, шатаясь, опираясь на Шики, как на костыль. Когда он поднялся на ноги, он покачнулся. Его лицо было бледным и в крови, но раны пропали.

— Еще одно испорченное кимоно, — вздохнул Гуан.

Рот Шина раскрылся, он смотрел на Харуто.

— Разве ты не должен быть мертв?

— Что? — Харуто сплюнул кровь на ближайшую скамейку. — Не ты один быстро исцеляешься, — он поднял Шики обеими руками, бросился к харионаго, целясь в голову.

Шин отшатнулся, волосы извивались, он остановил клинок Харуто. Оммедзи ударил снова, быстро оставил рану на груди Шина, но она закрылась быстро, и онрѐ направил шесть кос к лицу Харуто. Харуто уклонился, перекатился среди конечностей и тел, вскочил на ноги. Они казались равными по силам. Оба исцелялись почти сразу же, как получали раны. Оба двигались с ослепительной скоростью и били с такой силой, что могли разбить камень. А потом Шин засмеялся.

Онрѐ снова рос, он уже нависал над Харуто, его плечи стали шире, чем рост Харуто. Его глаза яростно пылали, он растянул губы в рубиновом оскале. Он направил две косы к глазам Харуто, и когда Харуто решил отбить их, он ударил оммедзи кулаком по лицу, и тот отлетел в колонну, сила столкновения вызвала трещины на камне. Кровь вылетела изо рта Харуто, он сполз по колонне.

Шин бросился вперед, взмахнул рукой, и Харуто едва успел уклониться. Удар Шина разбил колонну, камень полетел на тела и пол храма. Харуто попытался отодвинуться от онрѐ, но Шин тут же бросился на него. Они обменялись ударами, волосы и меч встретились с взрывом искр.

— Он проиграет, — уверенно сказала Кира.

— О, не унижай старика.

Кира взглянула на Гуана, но старый поэт выглядел не так уверенно, как звучал. Может, его старые глаза не успевали за яростным боем. Но Янмей должна была видеть. Она была воином, хоть ее волосы седели. Кира оглянулась на нее.

— Он замедляется.

Янмей поймала ее взгляд, но промолчала.

— Харуто устает, — объяснила Кира. — Шин становится быстрее и сильнее, пока растет. Харуто не может победить.

Янмей кивнула.

— Мы должны помочь.

Гуан громко кашлянул.

— Харуто сказал не лезть. Он может справиться. Я видел, как он...

Кира не слушала его, смотрела на Янмей.

— Ты сказала, что нужно помогать другим. Даже если они не думают, что нуждаются в помощи. Быть хорошим — это помогать, когда кто-то в беде. Он не может победить один.

Янмей улыбнулась и вытащила нагинату из-за плеча.

— Ты права, — сказала она. — Давай ему поможем.

Кира ощутила трепет в груди.

— Да! — она подпрыгнула и хлопнула в ладоши. Янмей строго посмотрела на нее. — Прости. Серьезное время. Я могу быть серьезной, — она стерла улыбку с лица и нахмурилась.

Харуто ударил алым клинком по бедру Шина, и большой онрё упал на колени. Оммедзи подвинул ногу для убийственного удара, но Шин послал три косы, и они вонзились в разбитую скамью. Тряхнув головой, он бросил скамью. Харуто упал на пол, скамья пролетела над ним и врезалась в стену. Янмей перепрыгнула Харуто, нагината уже крутилась в ее руках. Кира пронеслась мимо него.

Кира бросила первый кинжал, и Шин поймал его большим кулаком. Он взглянул на кинжал, и Кира показала ему, что Харуто прыгал на него сзади в отражении. Онрё повернулся, обманутый иллюзией, и Янмей ударила клинком по его ладони, отсекала три пальца. Он взревел от боли, сотрясая стены храма и пол под ногами Киры. Янмей повернулась и ударила концом нагинаты по подбородку Шина с силой, разбивая кость. Онрё отшатнулся, и Кира вонзила новый нож в его грудь, отскочила от кровавых ладоней.

— Что ты делаешь? — сказал Харуто, поднимаясь на ноги, кровь текла из шести медленно заживающих ран.

— Помогаю, — сказала Кира, останавливая косу, тянущуюся к ее лицу. Ее зеркальный кинжал разбился в ее ладони, и коса повернула и оставила кровавую линию на ее щеке, которая пылала, как огонь. Она отпрянула и сжалась. Ей нужно быть быстрее. Она не могла сравниться в силе с Шином, и ее кинжалы были бесполезными для защиты.

— Да. Да! — Шин шагнул к Янмей. — Больше тебя. И всех вас, — он откинул голову, смеясь, пять кос полетели к лицу Янмей. Она отступала, крутя нагинату в безумной защите.

Кира повернула новый кинжал в руке, бросила его в Шина. Он попал в его бедро, Шин быстро вытащил его свободной рукой, еще шагая к Янмей.

— Ты уронила это, — рассмеялся он и бросил ее в Киру.

Харуто бросился перед ней, взмахнул Шики на мерцающий кинжал, разбил его в воздухе, осколки мерцали в свете лампы.

— У меня нет времени защищать тебя, — рывкнул Харуто. Он повернулся и побежал к

Шину. Онрё направил в него десять острых кос. Харуто пригнулся, скользнул под ними.

Янмей и Харуто обступили Шина, но им было тяжело. Он двигался слишком быстро, косы останавливали их удары, бросались на них. Янмей уже тяжело дышала, ей было сложно успевать. Она не использовала огонь, и Кира была рада этому, но она уже замедлялась. Шин рассмеялся, посмотрел на Янмей с одной стороны и оммедзи с другой. Кира зашла за его спину и ударила по лодыжкам, рассекая кожу и связки. Огромные харионаго рухнул на колени. Харуто бросился на него, позволил одной косе пробить его руку, другой — ногу, еще от трех уклонился, вонзил Шики глубоко в его грудь. Кира попятилась от Шина и Харуто, увидела, как лампа на стене мерцала, послала поток огня к крутящемуся клинку Янмей. Она ударила по горизонтали по шее Шина. Волосы Шина закрыли голову и плечи, как шлем-кабuto, Харуто повернул Шики глубоко в груди онрё. Шин упал, уперся ладонями в пол, разбивая камень и выпуская волну силы, которая отбросила Янмей и Харуто, Кира отшатнулась к стене. Он сорвал с головы три горящие косы. Смеялся, хотя это точно было больно.

Кира вернула равновесие быстро, прыгнула на спину Шина. Она вонзила ножи в его шею с двух сторон, сделала сальто, но коса обвила ее ногу. Шин повернул голову. Кира резко рухнула на разбитый камень перед Шином. Боль опалила ее спину и шею, все перед глазами вспыхнуло белым. Она кричала бы, но воздух вылетел из нее. Шин не дал ей оправиться. Он шагнул вперед, пнул ее в грудь и отправил в полет по храму.

* * *

Кира пролетела по воздуху и рухнула среди тел и обломков скамеек. Грудь Янмей сдавило от вида. Она знала, что девушка была крепкой, крепче, чем выглядела, но тот удар мог убить лошадь.

Янмей попыталась встать на ноги, уже взмахивая нагинатой в сторону харионаго. Атака была дикой, ведомой злостью и страхом за Киру, но онрё отпрянул от удара. Он не хотел рисковать волосами против ее пылающего клинка. Это была не слабость, даже самое крепкое дерево падало от сотни топоров. Если она отрубит достаточно кос, он уже не сможет защищаться от Харуто и его духовного меча.

Янмей развернула нагинату и сделала выпад. Онрё нахально рассмеялся и шагнул в сторону. Он схватил скамью за одну из трех оставшихся ножек, замахнулся ею, как дубиной. Янмей попыталась перепрыгнуть ее, но ее тело предало ее, нога подкосилась, и скамья ударила ее по боку, разбилась на кусочки и отбросила ее по храму.

Она ударилась об пол в двадцати шагах от онрё, перекатилась и остановилась. Сильная боль пронзала ее грудь, словно ножи подбирались все ближе к сердцу. Она не могла дышать. Огонь, ее огонь, стал ее ранить, обжигать изнутри. Она выпустила огонь, чтобы потушить. Мудрец говорил, что так будет. Чем больше она использовала свою технику, тем больнее было, и потом она не сможет использовать ее, не обжигая себя, не рая сердце. И возврата не будет. Ее огонь убьет ее. Она была близко. Слишком близко. Она не могла больше использовать технику ради Киры.

Она поднялась на колени. Боль в груди пульсировала, и она схватилась за нее рукой, другая еще сжимала нагинату. Она отыскала Киру взглядом, Гуан помогал ей подняться. Кровь текла из дюжины порезов на ее лице, глаз опух и закрылся, кровь текла туда из-под волос. Ее кимоно было изорванным, но она выглядела решительно, шагнула вперед, хромая. Гордость наполнила грудь Янмей. Это была ее девочка, не сдавалась, даже когда едва могла стоять. Даже когда у них не было шансов на победу.

— Ты в порядке? — спросила Кира, подойдя к ней.

Янмей кивнула, не могла говорить из-за боли в груди.

Харуто рухнул на пол в паре шагов от них, разбивая деревянную скамью. Он вскочил на ноги, отважно крича, а потом пошатнулся, нога подкосилась под ним. Его левая рука свисала, блестящая белая кость торчала из кожи ниже локтя. Плоть уже пыталась соединиться. Янмей смотрела, как кость встала на место. Харуто зашипел от боли и рухнул на кусок разбитой колонны.

Шин в другой части храма хохотал, волосы извивались вокруг его головы. Несмотря на все, что они с ним сделали, на нем не было ни царапины. Вся их боль и жертвы ничего не значили перед лицом его исцеления.

Кира помогла Янмей встать, они подошли к Харуто, хромя. Харионаго стал рыться в обломках вокруг в поисках чего-то.

— Твой огонь помог бы, — сказал Харуто. Он поднял голову с утомленной улыбкой.

Янмей покачала головой.

— Я не могу, — прохрипела она. Горло болело, голос терзал его. Кира смотрела на нее, яростно хмурясь. Янмей поймала ее взгляд.

— Нам нужно отвлечь его, — казал Харуто. — Он защищает голову и шею, а волосы прочные, как сталь. Шики не может их рассечь. Если мы заставим его забыть о защите на миг, я попробую закончить это одним ударом.

— Хм, этот сойдет, — сказал Шин, его голос был слишком слабым для разбухшего тела. Он поднял кусок каменной колонны вдвое больше человека размером и бросил в них.

Янмей дернулась, врезалась в Киру и толкнула их обеих в сторону. Камень пронесся мимо них и рухнул на пол, разбился, раздавливая трупы шинтеев под ним. Кира поднялась на ноги и попыталась поднять Янмей, но ее ноги не держали ее. Янмей опустила на пол и покачала головой.

— Я не могу... — она пыталась перевести дыхание. — Я просто...

— Все хорошо, — сказала Кира. Она поймала взгляд Янмей и кивнула ей. — Я могу это сделать, — она отвернулась и пробормотала. — Я могу это сделать.

Харуто встал и медленно подходил к Шину. Онрё поднял кусок колонны меньше и бросил в оммедзи. Харуто отшатнулся, но камень задел его плечо и сбил.

— О, это лучше, — Шин улыбался. — Не останавливайся. Я только начинаю.

— Будь готов, — крикнула Кира Харуто, отходя от Янмей, зеркальные кинжалы появились в ее ладонях.

Гуан подобрался к Янмей и просунул плечо под ее руку, помог ей встать, крихтя.

— Пошли, старая бандитка, — сказал он. — Лучше отойти и дать молодежи разобраться, — он рассмеялся, ведь Кира и Харуто были старше их обоих, вместе взятых.

Кира и Харуто двигались к Шину, держались достаточно далеко, чтобы он не смог одолеть их обоих одним ударом.

— Теперь только двое? — спросил онрё. — Как обидно, — он рассмеялся. — Тогда старуху я убью позже.

— Замолчи! — завизжала Кира. — Просто... заткнись!

Шин откинул голову и рассмеялся. Кира — нет.

Она бросила два кинжала в его лицо. Она целилась точно, но волосы Шина обвили его голову быстрее кобры. Кинжалы попали по косам и разбились на осколки перед его лицом, каждый вспыхнул ярко, как солнце, Кира использовала свою технику. Он попытался закрыть

руками глаза, отшатнулся.

Харуто бросился вперед и прыгнул, взмахнул Шики по сверкающей дуге к шее онрё. Шин упал на колени и взревел. Косы летали в стороны, готовые убить. Три косы попали по Харуто, пробив его грудь, живот и руку, не пустив его к онрё. Он закричал от боли. Шин завизжал и стал махать головой в стороны, чтобы отбросить Харуто.

Янмей увидела, как Кира создала еще два кинжала, приблизилась к онрё тихо, как кошка. А потом прыгнула на него, готовая ударить кинжалами. Шин убрал ладонь с глаз и заметил ее. Он широко улыбнулся. Он поймал ее за горло в воздухе огромной ладонью. Янмей беспомощно смотрела, как ее девочка задыхалась. Кира вонзила кинжалы в руку Шина, била ими снова и снова, но каждый раз слабее. Раны закрывались почти так же быстро, как открывались. А потом Кира перестала бороться, ее руки повисли по бокам.

Янмей отпрянула от Гуана, но у нее не было сил стоять. Она рухнула, могла лишь смотреть, как ее девочку душат, ее дочь по всему, кроме крови. Она ничего не могла сделать.

* * *

Ворона влетела в храм и поразилась жестокости. Скамьи валялись, трупы и куски каменной колонны усеивали пол. Шин был в своей стихии, создавал бардак, на который скоро будет жаловаться.

Два старика прятались у стены: мужчина выглядел целым, женщина была будто на грани смерти, уже склонилась над краем. Их будет просто потушить. Ее дым змеился по полу к ним, а потом Ворона поняла. Вид резни пробудил что-то в ней, жажду присоединиться, отомстить живым. Она с трудом совладала с дымом, не пустив его к старой паре. Она не была бездумным духом, которого привлекла жажда крови. Она была выше этого. Лучше этого. И они были добычей Шина, а он не будет рад ее помощи.

Ворона собрала дым внутри плаща и взлетела к потолку, решила посмотреть конец боя с высоты.

Шин наслаждался. Он улыбался, как статуя Чампы, стал чудовищных размеров, вдвое больше обычного мужчины. Его сила и скорость были нереальными. Волосы двигались у головы, искали новую мишень, но часть его кос была вырвана, там остался лысый участок. Он не вышел из боя невредимым. Он держал девочку, сжимал ее горло ладонью, медленно убивал ее.

Старушка завопила:

— Нет! — и оттолкнула старика. Она сделала шаг, отвела руку, чтобы бросить нагинату, как копьё. Шин заметил это и подвинул руку, держал девушку перед собой, как щит. Старушка замерла, оружие выпало из ее руки, и она рухнула на каменный пол.

Так Шин любил сражаться. Он не просто хотел победить. Он хотел сломать противников, сокрушить их, развеять их волю сражаться, как лепестки в урагане. Ворона почти не уважала своих братьев. Сифэнь была отвратительной, Зен был развратной свиньей; а Шин... был садистом. Но, как всегда говорил Мастер, семью не выбирают.

Ворона смотрела на умирающую девочку, заметила в ней что-то странное. Она была онрё, сестрой. Сифэнь говорила, что новая сестренка путешествует с оммедзи. Если Шин бился с охотником на ёкаев, конечно, он так завелся. Но кто из них был оммедзи? Точно не девушка, а два старика выглядели слишком хрупко, чтобы попытаться очистить духа.

Деревянная скамья сдвинулась, мужчина поднялся из-за нее, шатаясь. Он был высоким и мускулистым, кимоно было изорвано в сотне мест, открывая грудь в мелких ранах. Шин уже добрался косами для мужчины, пробил его много раз. Но мужчина стоял. Раненый, но не

побежденный. Не сломленный. Его волосы были длинными, ниспадали на плечи, лицо искажил гнев. В одной руке он держал катану с кроваво-красным клинком. Оммедзи.

— Брось ее! — крикнул оммедзи.

— Хмм? — лицо Шина озарила улыбка. Он махнул девушкой перед собой, ее обмякшее тело раскачивалось, без костей. — Эту? — он тряхнул ее, как тряпичную куклу. — Заставь меня.

Она была еще жива. Ее пальцы подрагивали. Она была на грани удушения, но упрямо цеплялась за жизнь и сознание. Новая сестра была сильной. Но она была глупой, раз решила биться с Шином. И все же Мастер хотел бы ее живой. Ворона пустила тонкую струйку дыма среди извивающихся кос Шина к его уху.

— Опустит ее, Шин, — прошептала Ворона через дым.

Шин напрягся и огляделся. Улыбка пропала с его лица, он с отвращением скривил губы.

— Ладно, — сказал он. — Эту. Трое других мои, — он отбросил девушку, она ударилась об пол, перекадилась и осталась лежать.

Храм чуть задрожал. Не сильно, но Ворона поняла, что ее работа была завершена. Крови шинтеев, которую она скормила прибору Кохрана, сработала в механизмах, смазала шестеренки, напитала устройство. Дверь открывалась. Темница отпиралась.

Храм задрожал снова, уже сильнее, и оммедзи пошатнулся, схватился за край скамьи.

— Пора заканчивать, харионаго, — крикнул он.

Ворона что-то ощущала. Ее дым двигался сам. Бурлил, обретал форму. Ей не нравилось чувство.

— Убей его, — прошептала она через дым в ухо Шина. — Убей его сейчас, Шин.

— Хмм? — сказал Шин, улыбка вернулась на его лицо. — Даже любимица Мастера не чурается похоти, — он рассмеялся. — Она хочет тебе смерти, оммедзи. Как и я! — Шин бросился на мужчину. Оммедзи перекатился под огромным кулаком, ударил катаной, открывая рану на бедре Шина, которая тут же зажила. Острая коса пробила плечо оммедзи, и он упал с воем. Он выдернул косу и отшатнулся, взмахнул мечом, чтобы остановить другую косу.

Шин схватил кусок камня с пола, ударил им по оммедзи. Камень разбился об лоб мужчины, он отшатнулся среди мелких кусочков, растянулся на полу. Шин прыгнул в воздух с грацией, которая не вязалась с его размером, рухнул на оммедзи, каменный пол разбился под ним. Дюжина кос прибила руки оммедзи к камню. Мужчина закричал в агонии, пытался вырваться, но не мог. Шин склонился над ним, глаза блестели злобой.

Храм задрожал снова. Не только храм, поняла Ворона. Вся крепость дрожала. Вся гора дрожала. Из темницы глубоко под ними что-то заревело.

— Слышишь это, оммедзи? Чувствуешь? — Шин рассмеялся. — Мы уже победили. Он свободен. Темница открыта, — Шин огромной ладонью поймал ладонь оммедзи с мечом и сдвинул. Мужчина закричал, Шин превратил его ладонь в месиво рваной плоти и сломанных костей.

Пробуждающийся титан снова взревел, сотрясая храм. Кусочки камня падали с потолка храма на пол. Ворона ощущала, как пыль сыплется сквозь ее дым. Темница была открыта, но Небесная Лощина, казалось, рушилась. Два старика забрали юную онрё и тянули ее к стене. Но она сопротивлялась, все еще пыталась биться. Ворона уважала новую сестренку. Воля сражаться была сильной у всех онрё.

Стена за храмом богине Нацуко засияла оранжевым, потом красным, потом белым.

Камень растекся, поджигая храм и подмости, на которых он стоял. Дракон пробил растаявший камень и попал в храм.

Он был огромным. Лицо было как у рычащего тигра, высотой с пятерых мужчин, с гривой из танцующего огня. Сияющая оранжевая чешуя, каждая размером с Ворону, тянулась по извивающемуся телу. Он полз по камню, ревя, не замечая никого в храме. Огонь полетел к огромным дверям в дальнем конце храма, и дракон полетел к ним. Его тело было длинным, казалось бесконечным. Его лапы были маленькими. Это было существо неба. Огонь сыпался с его тела, поджигая скамейки и татами, жидкий огонь растекался по полу. Он пробил головой двери храма, и его хвост, наконец, появился из дыры за подмостками. Хвост был кричащим орлом, широко открывшим клюв, плюясь огнем. Ворона смотрела, как он проносился, потрясенная размером существа.

— Чудесно, — сказал Шин, хвост дракона пробил колонну, куски горящий камень посыпались на двух стариков и маленькую сестру.

Хвост дракона скрылся за дверями храма, и оммедзи прошипел:

— Сейчас, Шики! — его меч вылетел из искалеченной ладони, развернулся и попал в другую руку. Он вырвался из кос Шина с брызгами крови. Шин повернулся, оммедзи пронесся мимо него, красная катана описала мерцающую дугу.

Оммедзи приземлился в паре футах от Шина, стоял спиной к монстру, одна рука была изорванной, другая — еще хуже. Глаза Шина ужасно расширились, а потом его голова слетела с тела, покатила по полу, кровь полилась из шеи фонтаном. Его огромное тело рухнуло на каменный пол со стуком. Оммедзи упал через миг.

Глава 21

Гуан бросил Янмей и Киру, держащих друг друга, и поспешил к Харуто. Он обошел онрё на случай, если монстр оживет. После всего, что Гуан видел в последние несколько дней, он не удивился бы. Но ни голова онрё, ни тело не двигались, только кровь вытекала на пол храма. Гуан перебрался через обломки камня и горящие скамьи, оказался рядом с другом. Его мутило от мысли о том, что он обнаружит.

Харуто сидел на коленях без движения. Одна рука свисала, кровавая, изорванная, куски кости торчали из кожи. Другая была прижата к груди. Шики была в облике духа, комочек черной шерсти с глазами, она тревожно пищала перед Харуто.

— Старик, — сказал Гуан, останавливаясь перед Харуто. — Не смей умирать при мне, — он поднял голову Харуто, увидел слабую улыбку.

— Обманул тебя, — сказал Харуто. Шики рассмеялась и помахала волосатой ручкой Гуану. Он пнул маленького духа, и она прокатилась по полу, пища от смеха.

— Это не смешно! — Гуан невольно улыбнулся. Было не смешно, но он был рад, что его друг был жив. Он не видел, чтобы бессмертие Харуто проверялось так жестоко раньше. Он сел перед ним и покачал головой. — Ты это сделал, старик. Ты убил тот лук.

Харуто скривился.

— Это был не он. Этот онрё не убивал Тяна.

— О, — горе и вина смешались внутри Гуана. Он был разочарован, что его сын не был отомщён, да. Но он знал, что Харуто не остановится, не сможет остановиться, но бремя Тяна не будет выполнено. Как долго он мог это делать, пока Тяна не выгнали с небес в тело Харуто? Нужно было биться с другими онрё, а они едва пережили бой с этим, хоть старик и был бессмертным.

— Думаю, йорогумо, которую я встретил в Миназури, убила Тяна, — сказал Харуто. Он посмотрел в глаза Гуана. — Мы найдем ее, обещаю, — он застонал и обмяк. Гуан поймал его и опустил на пол. — Но сначала мне нужно немного отдохнуть.

Гуан смотрел, как раны Харуто медленно заживают. Кости вставали на места, плоть соединялась. Он знал, что было больно. Он видел это снова и снова, и Харуто все это терпел. У бессмертия были преимущества, но он ощущал боль. Гуан схватил Харуто под руки и оттащил от мёртвого онрё. Земля была разбитым камнем, валяющимися телами и обгоревшими обломками. Харуто застонал, Гуан прислонил его к стене храма подальше от развалин.

— Капуста, — буркнул Гуан. — Ты не знаешь, что такое боль, старик. Подожди, когда ты проснешься однажды ночью, желая отлить в третий раз, и обнаружишь, что в спину что-то вступило, и ты не можешь встать. Это боль.

Харуто рассмеялся, но не открыл глаза.

— Что то была за огромная штука с головой тигра? — спросила Кира, она и Янмей подошла к ним, хромая. Она звучала не так бодро, как обычно.

— Дракон? — спросил Гуан.

Харуто слабо кивнул.

— Ни разу не видел, — продолжил Гуан. — До этого. Я думал, Вековой Клинок убил последнего. Я знаю историю. Она драматичная, меч падали с неба, гром и молния...

— Ты должен был уже понять, — сказал Харуто, приоткрыв глаз и глядя на него, — что многие истории — лишь наполовину правда.

— Так Небесная Лощина была темницей для дракона? — спросила Янмей.

— Так не было, пока я был тут, — сказал Харуто, кивая за плечо Гуана. — Спросите у них.

Гуан повернулся и увидел несколько мужчин и женщин, вышедших из темных коридоров. Двадцать из сотен, которые звали это место домом. То, что осталось от шинтеев.

* * *

К утру Харуто восстановился достаточно, чтобы помогать убирать в Небесной Лощине. Он был рад своему бессмертию. Он не мог перенести мысль, что пришлось бы ждать исцеления еще день. Ему нужно было двигаться, что-то делать. Много времени наедине с мыслями плохо сказывалось на его разуме.

Нужно было многое сделать, людей не хватало. Из шинтеев выжили только двадцать, шестеро вряд ли доживут до весны, их раны были серьезными. Те, чьи раны были не слишком серьезными, отдыхали. Многие решили вернуться к работе как можно раньше. Нужно было убрать обломки, унести и похоронить тела, записать имена павших. Их семьи хотели бы знать.

Осталось лишь два мастера-шинтея. Один еще не пришел в себя, вряд ли выжил бы. Другим была женщина по имени Мисаки, которая билась с Шином на плато и потеряла руку. Целитель, грубый старик, который курил трубку так яростно, что она раскалилась, закрыл рану, но Мисаки было сложно сделать себя полезной, ведь она стала калекой. И все же она

была самой старой из выживших шинтеев, и Харуто пошел к ней за ответами. Ему нужно было знать о драконе, и почему онрё освободили его.

Через три дня после атаки он смог подойти к Мисаки. Она почти все время проводила в разрушенном храме, укутанная бинтами так, что она скрипела, как древнее дерево, каждый раз, когда двигалась. Ее седеющие волосы торчали от хаоса, хаори плохо сидело без ее левой руки.

— Спасибо за помощь, — мастер-шинтей не оторвалась от молитвы. Они убрали почти весь мусор из храма. Храм Нацуко уничтожил дракон, проносясь мимо, но они заменили его благословением: вещами убитых, памятником всех их утерянных возможностей. Такое боги любили, хоть это получалось из-за боли.

Харуто опустился на колени рядом с ней, опустил голову к самодельному храму.

— Это меньшее, что я мог сделать, — было больно видеть Небесную Лощину в таком жалком состоянии. У него было много теплых воспоминаний о месте, хотя многие стали размытыми из-за времени.

— Ах, — сказала Мисаки. — Ты мог уйти. Мог позволить монстру нас всех убить. Но ты боролся и убил его, спас хоть горстку из нас. И теперь помогаешь нам восстановиться, — она была так перевязана, что пришлось развернуть тело, чтобы взглянуть на него. — Сейчас ты делаешь не меньшее, что можешь, мастер оммедзи, — они молчали какое-то время. Харуто вспомнил, как молился в храме бок о бок с братьями и сестрами из шинтеев. Сколько раз он засыпал во время молитвы и просыпался, когда мастер Зуко стучал его по макушке его гадкой палочкой? — Задавай вопросы, — сказала Мисаки. — Только один из нас не стареет.

Он убрал ладони в рукава нового кимоно. Это было ярко-желтым с темными линиями в узоре облаков.

— Тут был заточен дракон, Секирю, если я не ошибаюсь.

— Не ошибаешься, — сказала Мисаки. — Ее заточение тут было самым защищенным секретом Небесной Лощины, сколько мы были живы, — она взглянула на Харуто, темные глаза пронзали. — Сколько многие из нас были живы.

— Но почему? — спросил Харуто. Драконов было много в его юности. Считалось удачей увидеть дракона в небе, и люди загадывали желание, увидев дракона. Хотя не все драконы были удачей. Некоторые считались плохим знаком. Некоторые были разрушителями.

— Сколько ты знаешь о драконах? — спросила мастер шинтеев.

Харуто пожал плечами.

— Столько же, сколько все, полагаю.

Мисаки рассмеялась и покачала головой.

— То есть, ничего. Есть лишь семь драконов. Они разного размера и формы, но все зовут небо домом, а стихии — их игрушки. И у них есть иерархия, как у нас, людей. Ты знал это? Конечно, нет. Как я и сказала, ты ничего не знаешь.

Харуто признал это.

— Ты хочешь меня научить?

— Ты прав, — сказала Мисаки с кривой улыбкой. — Учиться никогда не поздно. Когда они были свободны, драконы бились в небе время от времени, спутывались. Когда они встречались, земля дрожала, дождь падал стрелами. Вода смывала деревни, леса сгорали. Пока драконы бились, бились и стихии. Но исход всегда был ясен. Орочи, восьмиглавый змей, побеждал. Он был их королем, величайшим из них. Они могли бороться, но он

принимал решение. Восемьдесят лет назад Орочи приказал драконам уничтожить нас.

— Нас?

Мисаки медленно кивнула.

— Всех нас. Орочи отдал приказ уничтожить человечество.

Харуто задумался. Он жил очень долго. Он помнил драконов в небе, восторг при виде них. И да, было время, когда восторг стал ужасом, когда деревни и города пропали, когда было много слухов об атаках драконов. Он игнорировал это. Он был так поглощен служению Оморецу, что отделился от человечества. А потом он встретил Гуана, и старый поэт стал ходить с ним, и Харуто вернулся к человечеству. До этого... он был призраком.

— Почему? — спросил Харуто. — Почему Орочи приказал драконам напасть на человечество?

Мисаки снова криво улыбнулась ему. Харуто видел, как ее бинты двигались, она пыталась двигать рукой, которой уже не было.

— Тут две истории, мастер оммедзи, — сказала Мисаки. — Одна — история Орочи, его гнева и мести. Другая — история Векового Клинка и его невозможного задания. Что хочешь услышать первым?

— Расскажи об Орочи, — сказал Харуто без колебаний. Ему нужно было понять, что заставило драконов напасть на людей. Ему нужно было знать, что вылетело в мир, пока он пытался остановить онрё.

Мисаки кивнула с довольным видом.

— Ты знал, что драконы могут принимать облик людей? Они — ками, величайшие духи, и изменение облика — одна из их многих техник. У Орочи было любимое место в Хоса, луг в Лесу Бамбука. Люди не ступали на ту изумрудную траву, духи в том лесу прогоняли их или забирали их души. Другие драконы туда не лезли. Это был маленький рай Орочи. Ему нравилось устроиться на каменном утесе и смотреть на водопад, стекающий в маленькое озеро. Птицы, родня драконов, собрались у воды, пили и охотились на насекомых. Некоторые подбирались близко, опускались на петли тела Орочи. Ико-ай, духи-знамения, играли на лугу, носились в воде, гоняясь за хвостами друг друга. Это было мирное место, и Орочи уходил сюда и спал годами. Когда он обвивал тот камень, никто не мог его заметить. Но однажды на его луг пришел человек, — Мисаки подвинулась и почесала перевязанную грудь оставшейся ладонью. — Мужчина как-то прошел в Лес Бамбука, миновал духов и их ловушки. Не принц или лорд, он был просто мужчиной, который влюбился, но его сердце разбили. Его звали Ямасачи, и он брел по Лесу Бамбука, надеясь, что духи заберут его, оборвут его жизнь, прекратят его страдания. Но духи леса чудом пропустили его. Он попал на луг Орочи, нашел тот же покой, который обожал дракон. Орочи ощутил присутствие мужчины и открыл глаза. Еще держась за камень, он был невидимым. Для Ямасачи он выглядел как часть луга. Орочи смотрел, как нарушитель сел у озера, смотрел на ико-ай вокруг себя. Ямасачи разделся и стал купаться в кристальных водах. Орочи ощущал любопытство, а не гнев. Он хотел знать, почему духи впустили этого человека на его луг. Он хотел знать, что случилось, что у мужчины была такая меланхоличная аура. И Орочи принял облик человека, сел на краю озера и смотрел, как Ямасачи мылся. Когда Ямасачи повернулся и увидел Орочи, он вздрогнул. Человек схватил ветку из воды и поднял перед собой, как оружие. Орочи рассмеялся. Он не боялся человека, он не боялся смертных. Он попросил Ямасачи посидеть с ним, и они сели на лугу, на берегу озера, и говорили. Говорили. И говорили. Между ними выросла дружба. Орочи нашел простоту человека

освежающей, и пыл дракона стал огнем, какого он еще не испытывал. Они провели месяцы вместе на том лугу, и их дружба стала чем-то иным. Орочи и Ямасачи влюбились. И на том лугу, в тайном раю Орочи, они заключили брак.

Мисаки вздохнула и закрыла глаза.

— Но мир научил нас, что покой не длится долго. Четыре года они провели вместе на том лугу. Четыре года покоя. Но другие драконы собрались, нуждались в Орочи. Впервые за четыре года он принял облик дракона и взлетел к братьям в их узел в небе. Впервые Ямасачи увидел, чем была его любовь. Ямасачи убежал с луга в ужасе, истинный облик его любви был предательством всего, что они делили, любви, которую они растили. Он снова позволил себе любить, и его сердце снова разбили. Он покинул Лес Бамбука и нашел ближайший город. В страхе и стыде, он говорил всем, кто слушал, о лугу в лесу и монстре, который поселился там. Он винил во всех опасностях леса то существо, заявлял, что знал, как их остановить. Он собрал армию на этой лжи и повел ее к Лесу Бамбука. Он уже был на лугу раньше, смог найти его снова. Орочи все еще был на встрече с другими драконами, и Ямасачи с его армией уничтожили луг. Они срубили деревья, поломали камни, убили птиц стрелами и загрязнили воды маслом. Ямасачи отплатил Орочи за предательство в десять раз сильнее. Когда Орочи вернулся, он принял облик человека, прибежал на луг, желая воссоединиться с его любовью. Он нашел разрушенный луг. Ямасачи и его армия ждали в лесу, и по его приказу они бросились на луг и напали. Орочи был в ярости и принял облик дракона. Он разгромил армию Ямасачи, окрасил испорченный луг кровью. Когда он закончил, остался только Ямасачи. Орочи слишком сильно любил Ямасачи, чтобы убить его. Орочи взлетел в небо, созвал братьев, хотя они только закончили встречу. Никто не мог отказать ему, он был восьмиглавым королём драконов. Они сплелись в небе над Лесом Бамбука, над разрушенным лугом и его сердцем, и Орочи отдал им приказ. Другие драконы были против мести, но он решал. Он дал им один приказ. Уничтожить их всех.

Мисаки вздохнула в конце истории.

— Потому драконы заточены. Орочи приказал драконам устроить такие разрушения. И если Орочи свободен, он точно сделает это снова.

Харуто обдумывал историю. Это объясняло, почему два оставшихся дракона, Кормар и Зенньо, были мирными, и куда делись пять других драконов. Все знали историю о бое Векового Клинка с Мессимером, но во всех историях он убил дракона. А если это было ложью?

— Как их заточили?

Мисаки рассмеялась.

— Ах, это другая история. Это история о Вековом Клинке и его Абенджазу.

Глава 22

Кира сидела перед костром, смотрела, как огонь пожирает дерево и плоть. Земля замерзла, не давала похоронить мертвых, и нужно было многих отдать звездам. Она помогала, когда была нужна. Это был один из моментов покоя, которые она смогла найти, но ее мысли возвращались к конфликту. К ее роли в бою с Шином. Она была сильной онрё, у нее была техника, но она была беспомощна против харионаго. Он легко одолел ее. И не только ее, но и Янмей. Кире нужно было стать сильнее, если она собиралась сражаться, и впереди будут сражения, пока они остаются с Харуто. Оммедзи боролся с другими онрё, и теперь он знал, что они освобождали драконов, он будет охотиться на них, куда бы они ни пошл.

— Ты хорошо исцелилась, — сказала Янмей, сидя рядом с Кирой, протянув ладони к огню. Несмотря на раны, которые ей оставил Шин, Кира исцелилась, еще одно преимущество онрё. Еще одно напоминание, что она не была человеком.

— А ты — нет, — сказала Кира. Янмей все еще хромала, тяжело дышала, даже когда сидела.

Янмей печально кивнул.

— Что ты хочешь делать, Кира? — спросила она. — Харуто и Гуан скоро пойдут за онрё. Ты слышала его, он верит, что они хотят освободить Орочи, а это будет плохо для нас. Мы искали Четвертого Мудреца под Небом. Я знаю свое мнение, но чего хочешь ты?

Кира не медлила. Ей не нужно было.

— Я хочу идти с ними. Помочь им. Онрё — мои... — собратья? Враги? — Они убили всех в Хэйве и сотни тут. Нам нужно их остановить, — она взглянула на Янмей, чтобы узнать, правильно ли говорила. Звучало правильно. Звучало хорошо. Те, кто убивал невинных, были плохими, и биться с ними было правильно. Так когда-то сказала Янмей. И они даже не знали, где начинать поиски Четвертого Мудреца. Так они хоть что-то могли делать.

Янмей улыбнулась и обняла Киру.

— Я так тобой горжусь, — в ее глазах были слезы, но Кира не понимала, почему. Она прильнула к Янмей, наслаждаясь объятиями. — Но тебе не хватит сил, чтобы биться, — сказала Янмей железным голосом. Она отпустила Киру и встала. — Так что вставай.

Кира быстро встала. Она знала эту сторону Янмей, эту сторону она показывала в Хэйве. Она не относилась к Кире по-особенному на уроках или на тренировках с другими учениками. Кира была сильнее других учеников, но сила была лишь частью боя. Сколько раз Гьяцо уклонялся от удара Киры и бросал ее на спину? Сколько раз он ловил ее кулак, выкручивал руку и бил коленом по животу? Кира потеряла счет. И каждый раз Янмей рывкала: «Встань. Еще раз». Это была сенсей Янмей, и Кира не получит от нее особого обращения.

— Тебе нужно стать сильнее. У тебя есть потенциал быть сильной, как Шин, может, сильнее. Я хочу научить тебя новой технике.

Кира подпрыгнула и хлопнула в ладоши. Она любила учиться новым техникам. Мудрец говорил, что у нее был талант, и он знал, о чем говорил. Он знал больше техник, чем кто-либо в мире. Но, хоть он хвалил ее, он учил ее только простым техникам, как ходьба по снегу и создание кинжалов из ци. Кира ушла за Янмей от костра на открытую площадь на плато перед Небесной Лощиной. Ходьба была мучительной. Она хотела узнать, какой технике ее научит Янмей. Она хотела попробовать сейчас.

— Хорошо, — Янмей остановилась и повернулась. Кира все еще подпрыгивала. — Успокойся. Тебе нужно сосредоточиться.

— Угу, — Кира кивнула и заставила себя замереть. Она ощущала нервную энергию, поднимающуюся в ней, и пыталась совладать с ней. — Готова. Готова учиться, сенсей.

Янмей рассмеялась и покачала головой.

— Я тут не сенсей, Кира, — ветер дул над площадью, разносил угли от костра и запах смерти. Угольки угасали, падая на ледяную землю. — Давным-давно мой хороший друг научил меня своей технике, — она подняла ладонь и погладила потрепанные остатки кольчуги на своей груди. — Я так и не совладала с ней. Думаю, нужна двойственность природы, у меня этого не было. Но у тебя есть, Кира. И все же я поняла теорию, надеюсь, передам ее тебе. Думаю, он был бы рад, — Янмей притихла на миг, и когда она подняла взгляд и посмотрела в глаза Кире, она улыбнулась. — Он звал это шагом сквозь мир.

* * *

Ворона смотрела на сестренку из теней. Она держалась за останки стены крепости у вершины, скрытая тенью потолка пещеры. Стена крепости теперь была разбита из-за пролетевшего дракона. Крепость шинтеев уже не могла зваться неприступной.

Девушка тренировалась, пыталась овладеть новой техникой, которой ее учила старушка. Получалось плохо. Ворона слышала снова и снова звук битого стекла, и ее новая сестра падала, осколки мерцающего зеркала сыпались вокруг нее. Но она не сдавалась. Осколки пропадали, и она снова была на ногах, пробовала еще.

За зданием у края плато горел костер, с ним горело тело Шина. Он был садистом, еще и гадким. Он постоянно скалился на Ворону из-за ее следов из сажи. Но он был семьей. Мастер сделал их всех семьей. Ворона горевала, потеряв его, подумывала отомстить. Оммедзи и его товарищи еще не оправались, они не знали, что она была там. Было бы просто убрать их по одному. Но девушка была не одной из них, она была онрё. И оммедзи был особенным, хотя она не понимала, как. Ворона ждала и наблюдала.

Слепой ворон пронзительно закаркал сверху. Ворона улыбнулась бы, будь у нее лицо. Мастер звал ее. Она отцепилась от стены и упала на землю, понеслась среди заброшенных зданий, чтобы найти место, где ее не услышат. Все выжившие шинтеи собрались в крепости. Здания на плато были пустыми. Она нашла подходящий дом, юркнула внутрь, закрыла за собой дверь и убедилась, что окна были заперты. Она опустилась перед камином и наполнила его своим дымом.

Лицо Мастера появилось в дыму над камином. Он был уродливым и в морщинах, загнутый нос занимал почти все место, и его глаза пронзали, внутри них бушевали бури. Хоть он был из темных линий ее дыма с сажей, он явно хмурился, глядя на нее.

— Мастер, — Ворона склонила капюшон, подражая поклону.

— Секирю свободен? — спросил Мастер. Он не любил просто болтать. Он шел к цели.

— Да. Но Шин мертв.

— Что? — рявкнул Мастер.

Смех Сифэнь донесся из камина. Ее лицо появилось в дыму рядом с лицом Мастера.

— Поделом, — проурчала она. Дым Вороны не мог повторить клыки Сифэнь, движущиеся за ее губами. Ее рот крутился, как вихрь.

— Тихо, — сказал Мастер. Сифэнь с ее улыбкой пропала. — Как он умер?

— Оммедзи, которого Сифэнь встретила в Миназури, пошел за нами в Небесную Лошину. Он бессмертен, Мастер.

После слов воцарилась тишина.

— С ним наша новая сестра, — продолжила Ворона. — Думаю, она — унгайкьо. Она идет за ним. Она билась против Шина.

— И выжила, — отметил Мастер, его древний голос хрипел.

Снова появилось лицо Сифэнь.

— Зен освободил Мессимера. Драконы возвращаются, — она захихикала, поднесла ладонь ко рту.

— И сколько городов Зен сжег, чтобы освободить Мессимера? — спросила Ворона.

Сифэнь рассмеялась.

— Только один. Он явно стал мягче.

Ворона скривилась бы, если бы могла. Зен никогда не сдерживался, он обожал огонь, разрушение и боль, которые он причинял.

— Не стоило отправлять его одного, Мастер. Зен слишком много разрушает. Он...

— Предсказуемый, — сказал Мастер. — А Шин не был таким. Ему нужен был проводник, но Зен никогда не сходил с назначенного мной пути.

— Но он сожжет все на пути.

— Да. И с этим бессмертным оммедзи нужно разобраться. Он не должен пока что поймать нас. У нас есть новая информация о местоположении Орочи. Последняя темница может вскоре быть нашей, но мы не можем позволить оммедзи гнаться за нами. Особенно, такому сильному, который смог убить Шина.

— Но он бессмертный, Мастер. Я видела, как Шин наносил ему раны, которые убили бы другого. Как нам его остановить?

— Есть способы убить бессмертных, — сказал Мастер. Его морщинистое лицо растянула улыбка. — Веди его в столицу. Мы устроим ему прием.

— Как?

— Покажи себя ему, — сказал Мастер. — Он погонится за тобой.

Ворона опустила капюшон.

— А что насчет нашей новой сестры?

— Она тоже прилет к нам, — сказал Мастер. — Я хочу встретиться с этой нашей маленькой сестрой. Может, она не будет так рьяно следовать за нашими врагами, если узнает правду.

Глава 23

Через пять дней после того, как Шин выпустил дракона в мир, Харуто покинул Небесную Лощину во второй раз в жизни. Оба раза он уходил в худшем состоянии, чем был, когда пришёл. Гуан, Янмей и Кира шли за ним, как он и ожидал. Порой он гадал, какого бога так оскорбил, что люди так сильно к нему липли. Он попытался отогнать их, но Гуан остановил это. Мужчина был как сыпь, от которой Харуто уже перестал пытаться избавиться, а потом Гуан был рядом, цитировал плохую поэзию и тратил его деньги.

Выжившие шинтеи Небесной Лощины дали им припасы и попросили посетить город Гушон на востоке. Люди Гушона хотели бы знать, что случилось, они отправят помощь. Солнце поднялось над горизонтом, Харуто пошел вниз по горе по главной тропе. Ветер дул легче на этой стороне горы, но снег падал сильнее. Он сыпался большими ленивыми снежинками, быстро покрывал все. Харуто хорошо помнил дорогу. Он делал это сотни раз, часто нес мешок с камнями для тренировки выносливости.

Гуан был в хорошем настроении, несмотря на снег. Он смеялся и шутил, ругался разными овощами, когда спотыкался и получал снегом в лицо. Он не бился против Шина, но Харуто не винил его. Харуто знал, какие клятвы дал Гуан, и по каким причинам. Харуто не давил на друга, не требовал нарушить клятвы. Кроме четвертой, насчет которой он радостно шутил над старым поэтом.

Кира была подавлена после боя. Харуто подозревал, что она поняла, что была слабее других онрё. Она хотела биться, помочь, и он уважал это, но она только мешалась. Шин чуть не убил ее, и он сделал бы это с легкостью. Харуто замечал, как девушка порой сосредотачивалась на точке неподалеку. А потом слышался звук бьющегося стекла вокруг них, и сияющие осколки зеркала падали с нее. У нее не получалось то, что она пыталась сделать. Гуан, казалось, мог ее приободрить, и она всегда смеялась над его шутками, какими бы ужасными они ни были.

Харуто переживал за Янмей. Ей был тяжело поспевать, хоть она не жаловалась. Она была ранена в бою с Шином, и у нее не было бессмертия Харуто и юности и духовной энергии Киры, чтобы восстановиться. Ее раны будут заживать дольше, если вообще заживут. Но она шла с редкой решимостью, поддерживала Киру и давала советы, когда девушка не справлялась.

Они спали в палатках, которые дали им шинтеи, в первую ночь. Палатки были достаточно крепкими, чтобы выстоять сильные ветры, они быстро согрелись от пары тел в них. Хотя Харуто было сложно спать с храпом Гуана, он признал, что не храп друга мешал ему. Он всегда мало спал. Уже сотни лет. Он встал и сменил Янмей на посту стража, чтобы она поспала.

К середине утра следующего дня небо чуть прояснилось, солнце сияло сквозь дыры в облаках. Харуто привел их к хребту и указал на долину внизу. Гушон тянулся, как пролитое масло, пятная мир темным дымом, и даже на расстоянии запах задевал его нос. Снег тут был не таким плотным, огни в городе отгоняли холод и снег, и поселение сильнее выделялось среди пейзажа.

— Мы идем туда? — спросила в восторге Кира. — Он такой большой. Я не знала, что города могут быть такими большими. Сколько людей там живет?

Харуто пожал плечами.

— Тысячи. Или десятки тысяч. Город вырос с прошлого раза, когда я его видел.

— Контраст дыма и снега, — сказал Гуан. — Всегда в борьбе, но схожи. Все созданные маски будут сняты.

Харуто вздохнул.

— Думаешь, можешь лучше, старик?

Харуто закатил глаза.

— Дым серый, снег белый. Схожи, но разные. Что под ними?

Гуан в ужасе смотрел на него, а потом покачал головой.

— Может, тебе стоит оставить...

— Поэзию тебе, — сказал Харуто. — Да.

— Дыма много, — сказала Янмей. — Город горит?

— Это город шахт, — сказал Харуто. Он повернулся к тропе и стал снова двигаться. Если повезет, они доберутся до Гушона к следующему дню. Хотя удача редко была на его стороне. — Они снабжают половину Ипии углем, и они постоянно сжигают его, чтобы отогнать худшую зиму. Видишь темные участки? Некоторые — кучи угля, другие — пепел. Снег пытается их покрыть, но...

— Это я и говорил, — буркнул Гуан. — У вас нет поэзии в душах.

Кира подпрыгивала рядом со старым поэтом.

— Такой темный свет. Такой холодный огонь. Пепел летает лепестками на ветру. Стараниями любви мы исцеляем сердца, но ущерб уже нанесен.

— О, — Гуан улыбнулся Кире. — Может, тут есть юный поэт.

— Она лучше тебя, — сказал Харуто. У Гуана было много навыков, но не поэзия. Хотя Харуто не считал себя лучшим судьей.

— Редиска! — возмутился Гуан. — Как ты это придумала, Кира?

Кира взглянула на Харуто и пожала плечами, подражая ему.

— Думаю, я это где-то слышала. Может... Нет, не помню. Редиска — это новое. Какие у тебя другие клятвы?

Янмей кашлянула.

— Клятвы — личное дело, Кира. Невежливо спрашивать про них.

Гуан рассмеялся.

— Нет, все хорошо, — он развернул сумку, отвязал ее от ритуальных посохов Харуто и вытащил маленький свиток бумаги. Он крепко сжал его, а потом развернул и показал Кире. — Моя четвертая клятва: никогда не ругаться.

Кира смотрела мгновение на клятву. Харуто не нужно было смотреть, чтобы видеть, что там было. Запись рукой Гуана, его подпись кровью и ци, и все это произошло на глазах священника Чампы, бога смеха.

— Какие еще у тебя клятвы? — спросила она.

— Я дал четыре клятвы. Каждая была дана свободно вместе с частью меня, чтобы показать мое желание измениться, оставить прошлое позади. Первая — никогда не держать оружие. Ни мечи, ни топоры, ни копья. Даже ножи.

— Никогда? — спросила Кира.

Гуан кивнул.

— Почему? Разве так не сложнее? А как резать еду? Нужен нож. Как бриться?

Гуан почесал свою неровную бороду.

— Хороши вопросы.

Кира поджала губы и шагала, подпрыгивая, рядом с Гуаном.

— Почему не дать клятву, что ты не можешь использовать оружие, чтобы навредить кому-то?

— Потому что он — старый дурак, — сказал Харуто.

Гуан хмыкнул.

— Не старше тебя, — он повернулся к Кире. — Это выбор. Чтобы показать свою решимость.

— Потому ты всегда хлебаешь еду из миски? — спросила Кира.

Гуан кивнул.

— Я не против. Так быстрее есть. И, как бандит, я умею есть быстро, чтобы другой не съел за тебя.

— Что будет, если ты нарушишь клятву? — Кира тряхнула запястье, зеркальный кинжал появился в ее ладони. Она бросила его Гуану, и он отскочил. Кинжал упал в снег и разбился на сотню мерцающих осколков.

— Кира! — закричала Янмей.

Девушка застыла с огромными глазами.

— Простите. Это было плохо, да? Плохо? — она посмотрела на Гуана, потом на Янмей. Харуто понял, что она не просто извинялась, но и просила ответ. Она не знала, что сделала не так.

— Да, — спокойно сказала Янмей. — Гуан сделал выбор. Неправильно заставляя его

брать оружие, если он отказался. Неправильно заставлять его делать то, чего он не хочет. Он — друг, он заслуживает уважения.

— Ты слышишь это, старик? — сказал Гуан. — Заслуживаю уважения!

Харуто пожал плечами.

Кира поклонилась.

— Мне очень жаль, Гуан! Прошу, прости меня.

Гуан только рассмеялся.

— Ха, я не обижаюсь. Ты не смогла бы меня заставить. Только я могу нарушить свои клятвы. Никто другой не может нарушить их за меня. Тут не за что просить прощения.

Кира не поднимала головы.

— Ох, ты прощена, — сказал Гуан.

Она подпрыгнула, хлопнув в ладоши, и обняла старого поэта.

— Какие у тебя еще клятвы? — спросила она, они пошли дальше.

— Не использовать никогда свою старую технику, — сказал Гуан. — И никогда не убивать.

— Хм, — Кира подпрыгивала рядом с Гуаном, потирая подбородок, как делал поэт, когда думал, хотя у нее не было бороды, чтобы чесать ее. Ей нравилось копировать людей. — Из-за этой клятвы ты не можешь использовать технику?

Гуан покачал головой.

— Даже если бы я хотел, я не стал бы. А я не хочу. Та старая техника принесла только боль и смерть. Лучше ее забыть.

Кира повернулась к Янмей.

— Ты можешь дать такую же клятву?

Янмей улыбнулась.

— Все не так просто, Кира. Клятвы — серьезное дело. В них нужно верить сердцем и душой. Кровавый Танцор...

Гуан зарычал.

— Прости, — сказала Янмей. — Клятвы Гуана показывают его желание измениться. Они уникальны для него, потому что он в них верит.

Кира нахмурилась, сжала кулаки.

— Но твоя техника убивает тебя. Почему бы тебе не поверить в такую клятву, если она может спасти твою жизнь?

Янмей молчала какое-то время. Харуто быстро понял, что она говорила, обдумав все. Она во всем действовала размеренно.

— Моя техника вредит мне, да, — сказала она сухо. — Но я должна платить эту цену, — она споткнулась в снегу и удержалась на ногах с помощью нагинаты. — Правда в том, Кира, что Гуан и я делали то, что нельзя простить. Мы искупаем грехи по-своему. Он — воздержанием, клятвами быть лучше, запечатав ту часть себя, которая принесла такой вред. Я — страдая за свои поступки. Боль, причиненная моей техникой, постоянное напоминание о том, что я сделала. Постоянное напоминание, что нужно быть лучше.

— Мне тоже нужно искупить грехи? — спросила Кира. — Я причиняла людям боль. Когда я была в зеркале, я была ёкаем. Я...

— Нет! — рявкнула Янмей. — Кира, ты была ужасным ёкаем. Я знаю это, потому что ты была все еще ёкаем, когда я нашла тебя. Если бы ты убила кого-то, пока была в зеркале, ты уже была бы свободна. Но ты была заточена. Ты только напугала несколько человек. Я

тебя выпустила. Я убила, чтобы выпустить тебя. Тебе нечего испугать.

— Но ты могла бы перестать постоянно пугать меня отражениями, — сказал Гуан, но старый поэт улыбался.

Кира вздохнула.

— Быть хорошей так сложно.

Харуто рассмеялся.

— И не говори.

* * *

Гушон был нынче больше, чем сто лет назад, но остальное было таким, как помнил Харуто. Так что людей было много, как в борделе, и пахло так же неприятно. Дым висел в воздухе, резко контрастировал с чистым и свежим воздухом Небесной Лощины. Огонь горел, дым развеивался. Куда ни смотрел Харуто, катились телеги с камнем и углем, мужчины в пыли плелись за ними. Он гадал, как глубоко теперь тянулись туннели в постоянном поиске угля.

Группы солдат приглядывали за рабочими, движущимися из шахт в город. Солдаты носили копья и дубины, у каждого на левом запястье висел деревянный значок — они были на службе у местного лорда. Когда Харуто хорошо знал это место, три семьи аристократов владели шахтами и землей. Они постоянно ссорились, драки происходили на улицах. Небесная Лощина посылала шинтеев помогать на улицах и следить за порядком, но он не знал, делали ли так и поныне. Солдаты с опаской смотрели на прибывших, но никто не мешал им идти. Многие были заняты, глядя на другие группы солдат с иными деревянными значками, как петухи, бьющиеся за одну курицу.

Шики выбралась из кимоно Харуто, села на его плече, глядя глазами, которые не уступали по размеру глазам Киры. Маленький дух уже видел большие города, но ее всегда потрясали места, где собирались тысячи людей. Многие духи были одиночками, но Шики свистела и щебетала постоянным потоком, описывая все вокруг себя, словно Харуто не видел сам.

Снег все еще падал, но таял сразу же. Дома в Гушоне были слишком теплыми, а дороги были слишком хорошо протоптанными.

— Нужно найти таверну, — сказал Гуан. — Чтобы твоя императорская печать поработала.

— То есть, я поработал?

— Один из нас должен зарабатывать на жизнь, старик. Мой навык в словах, я даю их бесплатно. О, каким ярким было лето. Небо было таким ясным, что райские...

— Хватит! — быстро сказал Харуто. — Я поищу работу. Просто... хватит поэзии.

Кира ткнула Гуана локтем.

— Мне это понравилось. Было мило.

— Вот видишь, — Гуан показал Харуто язык.

Харуто остановился и спросил направление у старушки, пока Шики и Кира завели разговор с маленьким черным котом старушки. Янмей пришлось оттащить Киру от зверька. Они вскоре нашли подходящую гостиницу. К началу вечера они стояли у роскошного заведения, которое они вряд ли могли позволить. Они еще не вошли, Гуан потащил его на крыльцо и кашлянул.

— Дамы и господа, — громко сказал Гуан, его голос разносился, люди на улице поворачивали к нему головы. — Рад сообщить, что в городе оммедзи, — он поклонился и

указал на Харуто. — Готов работать, если можете заплатить, — многие прохожие игнорировали его, некоторые фыркали. Двое или трое убежали. Харуто знал, что вскоре его кто-то найдет.

Они вошли, нашли столик, заказали еду и напитки. От запаха жареного мяса и вареных овощей живот Харуто заурчал, и когда еду подали, он напал на нее, как голодный тигр. Это была самая теплая и сытная еда за недели. Они доели, и первый наниматель нашел их. Он был низким, с осунувшимся лицом, в кимоно слуги и с сильным запахом духов из лотоса. Он остановился у стола и низко поклонился.

— Мастер оммедзи?

— Чем могу помочь? — спросил Харуто.

Слуга выпрямился.

— Я работаю на лорда Хишониму. Он услышал о вас и хочет попросить о ваших услугах — убраться назойливого ёкая с его владений.

— Он слышал о тебе, — Гуан подмигнул Харуто.

— Конечно, — сказал слуга с осунувшимся лицом. — О силе мастера Харуто хорошо известно, — ложь и похвала всегда шли рука об руку.

— А как же красноречие его спутника, мастера Гуана?

Слуга моргнул, после тяжелой паузы сказал:

— Эмм... конечно.

Кира захихикал, Шики на плече Харуто быстро присоединилась. Правда, дух могла не знать, над чем она смеялась.

— Что за проблема у лорда Хишонимы? — спросил Харуто.

— У лорда Хишонимы несколько шахт на южной стороне города, — сказал быстро тощий слуга. — В последнее время одна из шахт захвачена. Это мешает добывать уголь. Многие работники голодают, ведь не могут работать.

К удивлению Харуто, Янмей ответила:

— Он не думал платить им? — тихо спросила она, сжимая чашку чая. — Они не виноваты, что не могут работать в шахтах.

— Да, — сказал слуга, опустив голову. — К сожалению, лорд Хишонима пострадал от многих неудач за последний год, и он не может позволить платить тем, кто не работает, — мужчина нервничал, озирался, словно кого-то ждал. — Он подозревает, что был, — он понизил голос, — саботаж.

— Саботаж? — Гуан потирал ладони. — Становится интересно.

Слуга открыл рот, но дверь таверны распахнулась. Слуга скривился, опустил голову, сложно ожидал удара, который вскоре произошел. Вошел мужчина в богатом наряде — красных хакама и сочетающемся хаори. Катана висела на его поясе из золотой ткани, в руке была резная деревянная дубинка. Как только он заметил слугу, он подошел к столику и стукнул его дубинкой по плечу.

— Уходи отсюда, негодяй, — он стукнул слугу снова, и худой мужчина вскрикнул и сжался. Богато наряженный мужчина толкнул слугу к двери, вытянул ногу, сделав ему подножку. Голова слуги ударилась об стол на его пути к полу. Мужчина не остановился, пнул слугу по ребрам.

Кира вскочила на ноги с кинжалами в руках, но Янмей оттащила ее к столу.

— Я думала, что неправильно бить тех, кто слабее? — процедила Кира.

— Да, — сказала Янмей.

— Разве мы не должны его остановить?

— Нет.

— Эм... — Кира плюхнулась на стул, ее кинжалы разбились, усыпав пол зеркальными осколками. — Я не понимаю.

— Мы не знаем обстоятельства, — сказала Янмей. — Нельзя биться во всех сражениях, и то, что правильно, определяет не только мораль, но и закон.

Кира застонала, сжалась и опустила голову на стол. Шики спрыгнула с плеча Харуто, прошла к девушке и нежно похлопала ее голову черной лапкой.

Мужчина выкинул слугу из таверны, вернулся к их столу. Он был полным и с детским лицом, но не жирным. Его щеки покраснели от избиения слуги. Он пригладил хаори, а потом поправил волосы. Судя по движению волос, это был парик.

— Ты — оммедзи? — спросил парик. — Императорская печать есть?

Харуто моргнул. Он не мог отвести взгляда от парика мужчины. Парик чуть сдвинулся на голове и выглядел так, словно кот свернулся там и умер. Куда бы ни шел Харуто, всегда были такие люди. Мужчины, обычно лорды, которые считали себя очень важными для мира. Они почти всегда ошибались. Харуто указал на свою печать над баром, все еще глядя на парик.

Мужчина посмотрел на печать.

— Откуда мне знать, что она настоящая?

— Потому что изображать оммедзи в Ипии — преступление, — сказал Харуто. — Наказывается обледенением. Это очень неприятная смерть.

Парик хмыкнул.

— Я — лорд Йошината. Не слушай свинью лорда Хишонимы. Это он саботирует мои шахты.

— О, опять это, — сказал Гуан. Он вытащил бумагу и чернильницу.

— Значит, и у вас шахта с призраками? — спросил Харуто. Шики поднялась по его руке и села на плечо. Маленький дух тоже смотрела на парик. Она свистнула на ухо Харуто, и он взглянул на нее. — Не смей.

Парик взглянул на Харуто, потом на Шики и обратно.

— Ты прав. Мои люди не могут взмахнуть киркой, ведь монстр выходит из тьмы и избивает одного из них до смерти. И тогда другие убегают, а не отбиваются. Даже солдаты, которых я посылаю, погибают или несут бред. Это ёкай. Мерзкий ёкай. Разберись с ним.

— На что он похож? — сказал Харуто.

— Что? Какая разница? Думаю, он в соломенном плаще.

Харуто кивнул Гуану.

— Похоже на намахагэ, — Шики склонилась на его плече, улыбаясь парику.

Гуан присвистнула.

— Серьезно. Это дорогое дело.

— Намахагэ? — спросил Кира. Ее голова еще лежала на столе. — Звучит интересно.

Гуан улыбнулся ей.

— У меня есть пара историй. Как насчет намахагэ из провинции Цин? Сорок лет назад...

Кира радостно подняла голову.

— Хватит! — рявкнул лорд Йошината, его парик сдвинулся чуть левее, вызвав у Шики радостный визг. — Ты разберешься с этим духом, или твоя печать — фальшивка?

— Опасно перебивать поэта, — буркнул Гуан. — Он может сделать тебя бессортным словами.

Лорд Йошината оскалился, глядя на него.

— Я могу отделить твою голову от тела.

Харуто медленно встал и вклинился меж двух мужчин. Если кто и будет без головы, то это он. Его голову хотя бы можно будет присоединить позже. Хотя он еще не лишился головы, не был уверен, что переживет такое. Он посмотрел на лорда Йошинату, пытаясь глядеть в глаза мужчины, а не на его парик.

— Мой друг-поэт просто намекал, что намахагэ — очень опасный ёкай. В моей работе опасный и дорогой ходят рука об руку, — Шики проворковала и склонилась к парику, потянувшись волосатыми ручками.

— Стоимость не важна, — рявкнул лорд Йошимата. Его парик съехал ему на глаза, и он сдвинул парик на макушку. Шики запищала, подпрыгивая, поскользнулась на плече Харуто и плюхнулась на пол таверны.

Харуто пожал плечами.

— Тогда можно сейчас этим заняться, — сказал он и пошел к двери.

— Я останусь тут, — Гуан налил себе еще вина. — На случай, если еще кто-нибудь сообщит о жутких ёкаях.

Янмей кивнула.

— И я останусь.

— Я могу пойти? — спросила Кира. Она уже была на ногах, смотрела на Янмей. Женщина кивнула, и Кира хлопнула в ладоши и подбежала к Харуто. Он вздохнул, отметив, что она не спросила его разрешения.

Харуто взглянул на сияющую Киру.

— Оставайся близко и слушайся меня. Эти ёкаи могут быть не такими сильными, как Шин, но они не будут играть с добычей, как это делал он. Если смогут, они убьют тебя.

Харуто открыл дверь, услышал вопль лорда Йошинаты. Через миг парик мужчины пробежал мимо него по полу, вырвался на улицу, радостно пища.

Глава 24

Город удивлял Киру. Так много людей, видов, запахов и звуков.

Они прошли по площади, где стояли столы, на каждом была доска и десятки каменных фигурок. За некоторыми сидели люди, двигали фигуры по очереди. Кира не знала, в какую игру они играли, но выглядело восхитительно. Они прошли открытую веранду, где художник рисовал портрет ужасно худого мужчины в крупной керамической броне. Десятки картин висели на стенах, каждая была с ценником внизу. Многие картины были с зелеными пейзажами или синим небом с облаками, создающими замысловатые узоры. Кира остановилась и смотрела на них, гадая, были ли пейзажи настоящими, и где она могла найти такую красоту.

— Не отставай, — сказал Харуто, и Кира поспешила за ним.

— Так много нужно увидеть, — сказала она, глядя на солдат на одной стороне улицы, глядящих на других солдат. Они казались напряженными.

Харуто пожал плечами, как часто делал.

— Ты привыкнешь.

Кира попыталась изобразить его пожимание плечами, но не смогла. Харуто делал это легко. Она всегда ощущала себя неуклюже.

Шики приятно давила на плечо Киры, озиралась с неприкрытым любопытством, большие яркие глаза смотрели из растрёпанного парика. От нее почему-то пахло мятой, или от парика пахло мятой. Маленький дух привлекал взгляды, некоторые даже тихо молились. Кира хотела ее защитить. Она странно сблизилась с маленьким духом. Люди шептались, что она несла неудачи, это было нечестно. Но Харуто игнорировал их, и Кира думала, что стоило подражать ему.

Они шли не туда, поняла она. Они шли к заходящему солнцу.

— Я думала, шахта лорда Йошинаты на севере?

— Да, — сказал Харуто, не глядя на нее.

— Но мы идем на запад.

Харуто пожал плечами. Кира повторила, но все еще не так, что-то мешало в плечах. Она должна была попробовать еще. Шики рассмеялась над ней, и Кира щелкнула пальцем по духу. Шики открыла рот и игриво прикусила палец. Кира захихикала, парик кусал ее за палец.

— Потому что мы идем в шахту Хишонимы, — сказал Харуто.

— О, — Кира кивнула и поравнялась с Харуто. Улицы были полными людей. Некоторые тянули телеги или несли корзины, другие вели детей или болтали. Некоторые решительно спешили, другие бродили от магазина к магазину. Но все они обходили Харуто. — Ты выбрал сторону.

— Оммедзи не принимают стороны в таком, — сказал Харуто. — Мы не должны так делать. Я так не делаю. Другие оммедзи не всегда такие проницательные. Я разберусь с ёкаями в обеих шахтах, просто начну с Хишонимы.

— Почему?

Харуто взглянул на нее, хмурясь.

— Потому что слуга Хишонимы не угрожал отрубить голову моему другу.

Они нашли слугу с худым лицом, ждущего у шахты с несколькими солдатами. Он был в синяках, красная шишка выпирала на лбу, но он поклонился и пообещал свою благодарность и плату его лорда за службу. Он предложил послать с ними солдат, но Харуто рассмеялся и сказал им остаться снаружи. Солдаты и не хотели заходить.

Шахта была темной, ни одной лампы не горело по пути. Туннель тянулся впереди них. Тут пятеро могли пройти бок о бок, но Харуто почти доставал до потолка. Веревка тянулась вдоль стены, протетая в металлические кольца, вбитые в камень. Кира поежилась, хотя не от холода. Шахта ощущалась жутко. Она давила. Мрак словно впивался в нее, как волки в раненую добычу. Спину покалывало, словно кто-то смотрел на нее, но, когда она обернулась, сзади была только тьма.

— Ты не обязана идти со мной, — сказал Харуто. — Но мне нужна Шики.

Кира ощутила дрожь снова, она началась у ее шеи и спустилась к пяткам.

— Я в порядке. Просто... что-то ощущается странно.

Харуто пожал плечами, а потом поежился.

— Шахта захвачена. Она и не может ощущаться нормально. Давай узнаем, с чем мы имеем дело. Шики, немного света, пожалуйста.

Маленький дух вылетела из парика, прыгнула с плеча Киры на плечо Харуто, оставив клочок волос на плече Киры. Она вдохнула, раздулась и засияла ярко-оранжевым, как фонарик. Кира сбросила с плеча парик. Он упал на пол и поднял облако пыли. Она смотрела на парик миг и отвернулась. Она услышала шорох и оглянулась. Парик пропал, хотя Шики в нем уже не было. Кира снова поежилась, в шахте точно что-то было.

Кира заскулила и побежала за Харуто.

— Что? — спросил он.

— Парик, — Кира указала за себя. — Он пропал.

— Хорошо.

— Но он убежал сам.

Харуто остановился и оглянулся, посмотрел на Шики. Маленький дух ярко сияла, засвистела с дрожью. Кира, казалось, слышала, как парик или то, что его захватило, зашуршало во мраке, но когда она повернулась, чтобы отыскать его, была только тьма и камень вокруг. Харуто покачал головой и пошел глубже в шахту. Кира поспешила его догнать, обняла его руку.

Они шли вдоль веревки глубже в шахту. Туннель порой разделялся, но они шли за веревкой. Так они хотя бы найдут выход. Тут было бы просто заблудиться. Если свет Шики потухнет, они останутся во тьме и не найдут выхода. Стоило Кире так подумать, стены стали давить на нее, было сложно дышать. Она крепче обняла руку Харуто.

— Нормально, что два ёкая появились в одно время? — спросила Кира. Тишина делала шахту еще страшнее. Ей нужен был шум, даже если это был ее голос.

Харуто пожал плечами.

— Это случается все чаще. За последние десять лет много потерянного возвращается в мир. Духи, потерянные техники, заточенные драконы. Нынче все больше ёкаев появляется. Раньше я бродил от города к городу в поисках работы. Теперь, — он вздохнул, — куда бы я ни пошел, все просят моих услуг. Оммедзи — другие оммедзи — не так много путешествуют в эти дни. Проще найти богатого покровителя и работать у него.

Туннель разделился надвое, и они пошли вдоль за веревкой в правый коридор. Кира подумала, что слышала скрежет когтей за ними, повернулась, отчасти ожидая увидеть, что парик вырос и мог проглотить ее. Но, если что и было, свет Шики на это не попадал.

— Парики-людоеды, — прошептала она.

— А?

Кира покачала головой.

— Думаешь, хозяева шахт подсунули друг другу ёкаев? — спросила Кира.

— Я давно перестал удивляться тому, до чего людей доводит жадность, и на что они идут, чтобы скрыть свои преступления, — он звучал гневно, и Кира подумала, что должна тоже злиться. — Использование духов так — непростительно. Никто не просит, чтобы стать ёкаем, ты должна это знать. Так случается с человеком, проклятие делает его монстром.

Кира посмотрела на свои ладони, гадала, имел ли он в виду ее. Она не была уже ёкаем, она была чем-то еще. Это все еще делало ее монстром?

— Ёкаи не злые, — продолжил Харуто. — Злой не человек, а его выбор. Ёкаи слушаются инстинкта. В их природе мстить. Потому они существуют. Они не злые, но любой, кто решает использовать их, чтобы творить ужасы, злой. Дело в выборе, который он делает.

— А онрё? — спросила тихо Кира.

— Ты полна вопросов, — сказал Харуто. Он попытался высвободить руку, но она сжала сильнее. — Онрё другие. Вы все еще достаточно люди, чтобы принимать решения, как делают все. Вы не можете винить природу или инстинкт. То, что ты делаешь, и какая ты, — твой выбор, и последствия на твоей совести. Шин выбрал быть злым, убивать невинных людей в Небесной Лощине, а то и не только там.

Кира не знала, было ли это правдой. Звучало правильно, но она все же ощущала трепет, когда пугала людей отражениями. Это было ее истинной натурой? Сторона унгайкьо выбиралась, чтобы захватить ее? Она поежилась, услышала треск стекла, зуд пробежал по ее руке. Она опустила взгляд и увидела, как трещина потянулась выше ее ладони, словно ее кожа была разбивающимся зеркалом. Она быстро накрыла трещину рукавом кимоно.

— А если...

— Тихо! — резко сказал Харуто. Он замер и склонил голову. — Слышишь это?

Тихий шум донёлся из глубин шахты, но Кира прислушалась и определила его. Кто-то плакал. Рыдал, запертый во тьме.

Они поспешили глубже в шахту. Тяжелый затхлый запах висел в воздухе, смешивался с едкой вонью, становился сильнее, пока они заходили глубже. Кира закрыла рот и нос рукавом. Если Харуто запах не нравился, он не подал виду. А Шики свистела жалобы, хотя у маленького духа даже не было носа.

Рыдания стали громче, дрожали на стенах вокруг них, пока не стали вдруг почти оглушающими, один голос, два, двадцать силились в какофонии страданий. Кусочки воспоминаний ударили по Кире: люди кричали в ужасе, просили отпустить, люди смотрели в ее зеркало, видели, как их лица гнили, монстры поднимались, чтобы порвать их на кусочки. Лица людей, которых она мучила, как ёкай, были в стенах вокруг нее, кричали снова и снова. Те крики когда-то были музыкой для ее ушей. Они были ее песней. Она пела ее, когда... когда...

Стекло треснуло, холод поднялся в груди, покалывал шею.

— Кира! — Харуто сжал ее плечо и встряхнул. Она разбилась, кусочки зеркала упали вокруг нее. Она согнулась, обняла колени, хотя не помнила, как до этого дошла. Вой утих. Лица в камне были тенями... ясное дело. Она медленно встала.

— Мне тут не нравится, — сказала она, ощущая дрожь в голосе.

Харуто кивнул.

— И не должно. То, с чем мы столкнулись, пытается нас напугать, — он огляделся. Тихий крик доносился откуда-то, слова были приглушены, словно звучали под толстым одеялом.

— Ты не напуган, — сказала Кира, шагая за ним. Она не хотела, чтобы он уходил далеко вперед, чтобы призраки ее прошлого не вышли снова.

Он пожал плечами.

— Двести лет опыта научили меня, что многие ёкаи используют страх, потому что у них есть только это. Подумай о своем времени в зеркале, — она не хотела вспоминать это. Мутные картинки напоминали сны, даже этого было слишком много. — Ты пыталась напугать людей до смерти, но не могла выйти из зеркала. Ты была заперта. И я бессмертен. Я больше переживаю за то, что будет с тобой, чем за себя.

— А если ёкай обрушит шахту и заточит нас под землей? Ты будешь жить вечность во тьме, в одиночку, без света и шанса выйти.

Харуто остановился.

— Когда ты так говоришь...

Всхлип донесся в затхлом воздухе шахты, отразился от каменных стен, стал громче, слишком громкий для ее воображения. Но звук был настоящим, доносился слева, туннель снова разделялся надвое. Но веревка вела направо. Они оставили веревку и пошли к неизвестному. Вой становился громче, слова между всхлипами стали четче. Мужчина что-то

снова и снова повторял.

Кира пыталась закрыть уши, но вой был слишком громким и печальным. Они уже слышали слова мужчины:

— Помогите. Уберите это. Помогите! — Кира ощутила слезы в своих глазах, вытерла их рукавом.

Они шли дальше. Харуто зашагал быстрее, Кира ускорила шаг. Всхлипы стали громче, разносились эхом.

Свет Шики озарил поворот туннеля.

— За углом, — сказал Харуто. — Не отставай.

Кира сократила брешь между ними, снова ухватилась за руку Харуто. Он не стал ее стряхивать. Они завернули за угол, свет Шики озарил мужчину, сидящего у каменной стены. Он был кожа да кости, его одежда была в дырах и пыли. Его рот был в мелких нарывах; волосы спутались. Он сидел в углу, где туннель резко поворачивал. Нога была вытянута перед ним, лодыжка была изогнута под неестественным углом. Другая была подтянута к его груди, он обнимал ее обеими руками, ногти впились в штанину и кровавую кожу. Он опустил ладонь на лоб, закрываясь от света Шики, жалобно заскулил.

— Бедняга, — сказал Харуто. — Застрял тут, когда другие убежали. Его мучил ёкай, который поселился тут, — он вздохнул. — Нужно хотя бы увести его отсюда.

Кира заметила кости на земле неподалеку. Кусочки гниющей плоти еще были на некоторых.

— Как долго шахта была закрыта?

Харуто пожал плечами, он опустился на колени рядом с мужчиной.

— Пару недель.

— Что он ел, чтобы выжить? — спросила она.

Харуто посмотрел на нее, потом на кости. Он печально покачал головой. Мужчина снова стал всхлипывать.

— Нам нечем перевязать твою ногу, так что придется хромать отсюда с нами, — сказал Харуто мужчине, протягивая к нему руку.

— Уберите это с меня, — мужчина тяжело дышал. — Уберите, — он посмотрел на них огромными от страха глазами. — Оно и на тебе.

Кира развернулась, попыталась увидеть, что цеплялось к ней. Но там ничего не было. На ней ничего не было. И на Харуто. На них ничего не было.

Харуто буркнул:

— У меня на спине есть след ладони?

Кира посмотрела.

— Маленький. Как след маленькой ладони мелом.

— Теперь я знаю, с чем мы имеем дело.

— Убери его, убери, убери, — взвыл мужчина.

— Это не настоящее, — сказал Харуто. — Это бурубуру. Они цепляются за людей и пытаются их напугать, вызывая их прошлое.

Кира оглянулась через одно плечо, потом другое. На ней ничего не висело.

— И на мне?

Харуто медленно кивнул.

— На всех нас. Наверное, отметил нас, когда мы вошли в игру.

Кира пыталась улыбнуться. Она тоже пыталась игнорировать темноволосую девочку,

сидящую на краю света Шики, потому что подозревала, что это была она. Та, кем она была. Девочка посмотрела на нее и запела, кровь капала с беззубых десен.

Она ощутила, как разбивалась, трещины появились на ее поверхности. Песня вызвала воспоминания. Смутные картинки, чувства. Ее мать стояла над ней, расчесывала ее волосы. Только это была не ее мать, это был мужчина, гуль без кожи с жадностью в глазах и костлявыми пальцами, похожими на ножи.

— Нет, — слово сорвалось с ее губ шепотом, стекло разбилось вокруг, осколки мерцали на земле, лицо гуля отражалось в каждом. — Уберите это с меня. Уберите. Уберите!

— Шики, — сказал Харуто. Маленький дух прыгнула в его меч, озаряя пещеру красным светом. — Замри, Кира, — он бросился вперед и направил Шики к ней. Сияющий клинок пролетел над ее плечом, и что-то спрыгнуло с ее спины. Оно захихикало, как ребенок, и пропало во тьме. Иллюзии тоже пропали. Младшая Кира и ее песнь исчезла. Осколки вокруг нее отражали теперь лишь алый свет клинка Шики.

Харуто поменял хватку на Шики и махнул ею за своей спиной. Мальчик спрыгнул с него и убежал в тени.

— И еще раз, — он направил Шики к раненой ноге рыдающего мужчины. Мальчик появился на миг, убежал во тьму туннеля.

Кира тяжело дышала, холодный пот стекал по ее вискам и спине.

— Это было то, что я раньше делала?

Харуто посмотрел на нее. В красном сиянии Шики он выглядел недовольно.

— В какой-то степени. Бурубур у вливается в людей и тянет из них глубочайшие страхи. Думаю, ты больше всего боишься быть такой, как раньше, запертой в зеркале, мучающей людей. Ощутила свою технику на себе, а?

Кира ощутила, что слезы текли по ее щекам, подавила скуление.

— Прости, — быстро сказал Харуто. — Я не хотел... — он вздохнул и отвернулся.

Кира попыталась проглотить ком в горле. Ее кожу неприятно покалывало, но она отказывалась ее чесать. Та девушка уже не была ею. Это никогда не была она. Это было что-то еще, что ей навязали. Да? Она не даст себе снова быть такой. Она будет хорошей. Она сжала кулаки и пожелала, чтобы с ними была Янмей.

— Давай разберемся с тобой, — Харуто обратился к тьме. — Волей Оморецу я именуя тебя бурубур.

Высокий смех мальчика зазвучал вокруг них, а потом он вышел из тьмы. Он был маленьким, юным, лицо было в угольной пыли. Он был в порванных штанах и тунике. Обычный житель, может, сын шахтера. Его волосы были подстрижены под горшок, зубастая улыбка была полной злобы.

— Похоже, вы меня нашли, — бодро сказал он. — Ладно.

Гнев сжал сердце Киры. Она тряхнула запястьями, и зеркальные кинжалы появились в ее ладонях. А потом она побежала к мальчику. Он не двигался. Кира подняла кинжалы и направила их к шее мальчика...

Кинжалы врезались в клинок Шики, Харуто остановил удар Киры. Они застыли на миг ее кинжалы упирались в духовный клинок, и Харуто кряхтел от напряжения. Трещины появились на ее кинжалах, и они разбились на сотни осколков зеркала, упали на каменный пол туннеля. Кира отскочила и создала новые кинжалы в руках. Но Харуто не напал. Он опустил Шики и смотрел на Киру.

— Почему? — прорычала Кира.

Харуто ослабил хватку на Шики, и маленький дух вылетел из клинка, парил в воздухе, стал шаром света снова. Она моргнула, глядя на Киру, а потом перевернулась. Кира невольно рассмеялась.

— Я уже говорил, Кира, — сказал Харуто. — Ёкаи не злые. Они просто выражают свою природу. Некоторых нужно убивать. С другими можно разобраться мирно, — Харуто повернулся к бурубурю. — Если я могу дать им мирный конец, я даю. Каждый раз. Они уже пострадали. Ты должна это понимать.

Ее кинжалы разбились, и она не создала новые. Он поступал правильно. Хорошо. Так хотела бы Янмей. Этого хотела Кира.

— И, — продолжил Харуто, — если мы убьем его, он вернется на небо без привязки к шинигами. У меня нет сейчас ритуальных посохов, посох дерева все еще сломан...

Жар прилил к щекам Киры.

Харуто сел на корточки перед мальчиком.

— Я не могу забрать твое бремя. Я уже ношу другое.

Мальчик склонил голову.

— Это не бремя, — он усмехнулся. — Мы веселимся, — он указал на рыдающего мужчину. — Он меня ни разу не нашел. Я хорошо прячусь.

Харуто улыбнулся.

— Так просто? Тогда прячься. Мы досчитаем до ста и пойдем тебя искать.

Бурубурю захихикал.

— Ты никогда меня не найдешь. Я хорошо прячусь, — он повернулся и убежал во тьму, смех мальчика разносился эхом.

Харуто встал, потянулся и стал считать.

Глава 25

Им нужны были новые припасы, Харуто гонялся за ёкаями, и это был идеальный шанс найти старику новую трубку. Гуан обычно любил ходить по магазинам один, но как только он сообщил, куда шел, Янмей вызвалась пойти с ним. Он не возражал. Он был рад, что она перестала звать его Кровавым Танцором.

Гушон был процветающим городом, улицы были людными. Гуан шел медленно, старался не мешать другим, разглядывал магазины по пути. Янмей шла за ним, опустив голову, глядя вдаль. Она дойдет до того, что хотела сказать, со временем.

Гуан остановился перед небольшим прилавком и посмотрел на кисти, которые продавались. Ему нужна была новая кисть. Он хранил свою в промасленной коже, но щетинки через какое-то время теряли гибкость, чернила не получалось нанести ровно. К сожалению, на прилавке были дешевые кисти, а он хотел что-то прочное. Он покачал головой торговцу, и они пошли дальше.

— Я не встречала оммедзи раньше, — сказала Янмей, они обошли кучу, которая пахла как нечто, что было раньше в лошади. — Харуто... не такой, как я ожидала.

— Ха! — рявкнул Гуан. — Повтори это. Он — старая боль в репе, — он рассмеялся. — И он не такой, как другие оммедзи.

— Ты встречал других? — спросила Янмей. — Должна признать, когда Пятый Мудрец сказала мне, что однажды они придут в Хэйву за Кирой, я не поверила ему. Я думала, оммедзи были мифом.

Гуан поднялся на крыльцо резчиков по дереву, заглянул внутрь, гадая, были ли у них трубки.

— Я встречал пару, пока был рядом с Харуто, — сказал он. — Была, кхм, Сима Девушка, вела себя как принцесса. Вела себя надменно. Мы не ладили. Ее духом-спутником был большой волк с белой шерстью и шестью красными глазами. Каждый раз, когда он рычал, Шики пряталась. Мы встретили ее в Бан Пине, и она сказала нам твердо, чтобы мы убирались из города.

— Ее города? — спросила Янмей.

— Так она сказала. Она, видимо, живет там. Монахи Бан Пинь платили ей, чтобы она осталась, и если духи возникали, она быстро очищала их, — Гуан открыл дверь резчиков по дереву и прошел внутрь. — Эта работа хорошо оплачивается, судя по виду. Сима была в украшениях. Старик выглядел как бедняк. Хотя он и есть бедняк, — он кивнул хозяину магазина, заметил трубки и пошел посмотреть их.

— Ты сказал, духи, — сказала Янмей. — Не ёкаи. Харуто разделяет их.

Гуан кивнул.

— Так делают не все. Но у старика старые взгляды.

— Какие старые взгляды?

Гуан взял трубку с длинным мундштуком и маленькой медной чашей. Она была простой, без украшения, но практичной. Харуто так быстро терял их, что это был лучший выбор. Гуан опустил трубку и посмотрел на другую.

— Старик расскажет, — сказал Гуан. — Было все иначе до того, как Вековой Клинок убил драконов. Точнее, заточил. Оммедзи были оккультистами, которые считали, что их долгом, в котором они клялись шинигами, было найти ёкаев и отправить их на небеса. У них была деревня, где они тренировались и жили, и те, кто хотел уйти, отправлялись в путь выполнять долг. Это было очень благородно.

Янмей указала на трубку с большой деревянной чашей и узором вырезанных волн.

— Что случилось?

Гуан покачал головой.

— Император Ипии издал указ, что оммедзи должны платить за каждого ёкая, которого они очистят, — сказал он. — Работало хорошо какое-то время. Пока Вековой Клинок не убил драконов. Без них осталось мало ками, чтобы защищать духов. Люди стали просить оммедзи избавиться от безвредных духов, как и ёкаев, и оммедзи подумали: почему нет, если нам за это платят?

Он посмотрел на последнюю трубку, уродливую, серую, из кривой ветки. Она не привлекла его внимание.

— По словам старика, это было началом конца. Оммедзи стали жадными. Они перестали различать духов и ёкаев. Пока люди платили, оммедзи все очищали. Ты видела в Миназури, судье было плевать на разницу, она хотела, чтобы всех духов убрали. Среди богачей стало популярным нанимать оммедзи. Тогда закон Ипии о плате оммедзи распространился в другие народы. Только так можно было отправить их из Ипии разбираться с ёкаями где-то еще, — Гуан печально покачал головой. — Он зовет это Великой Чисткой Духов.

— Я о таком никогда не слышала, — сказала Янмей.

— Никто не слышал, — согласился Гуан. — Оммедзи так хотели. Они оставили свою деревушку и разошлись среди четырех народов, очищали всех духов, каких могли, богатели и толстели. Старые практики умерли. Оммедзи стали брать учеников, а не учить пилигримов. Вскоре в мире не осталось достаточно духов, чтобы поддерживать количество оммедзи,

которые хотели разбогатеть. Но к тому времени многие оммедзи уже разбогатели, и им было все равно.

— Но не Харуто? — спросила Янмей.

Гуан рассмеялся.

— Старик — последний, кто придерживается старых взглядов. Оммедзи стали жадными, хотели разбогатеть, сделали себя почти ненужными. Теперь их осталось мало. Старик еще бродит, ищет ёкаев, чтобы отправить их. Многие остались там, где есть деньги, как Сима, толстеющая на деньгах монахов Бан Пинь.

Янмей вздохнула.

— Это печально, — сказала она. — Думаю, Кире понравилось бы, если бы в мире было больше духов.

Гуан взглянул на нее и отвел взгляд.

— Это еще может произойти. Старик не врет, когда говорит, что потерянное возвращается. В последние несколько лет дел у нас было больше, чем я считал возможным, — он заметил зеркальце на ручке из отполированного красного дерева, заглянул в отражение. Он отчасти ожидал, что сзади будет что-то ужасное, но Киры не было рядом. Он постучал по поверхности зеркала, представил девочку внутри. Хозяин магазина кашлянул.

— Как ты вытащила Киру из зеркала? — спросил Гуан. — Ты сказала, что убила кого-то?

Янмей кивнула.

— Убийцу. У моей подруги было зеркало Киры, и она пришла ко мне за защитой. Убийца хотел зеркало, наверное, для божества. Он напал, — она скривилась от воспоминания. — Мы сразились. Когда я убила его, он смотрел в зеркало. Он умер, и Кира оказалась там. Она вспомнила свое имя, но только это. Я не знала тогда, кем она была. Юная девушка или ёкай, или что-то еще. Я взяла ее в Хэйву. Если кто и знал, что с ней делать, то это Пятый Мудрец под Небесами.

Гуан кивнул и почесал бороду.

— Да. Но почему ты растила ее? Судя по тому, что я слышала, ты проводила с ней больше времени, чем с другими учениками Хэйвы.

Янмей молчала пару секунд, хмурясь. Она покачала головой.

— Кира привязалась ко мне. Я... не смогла ее оттолкнуть.

Гуан рассмеялся.

— Они делают нас лучше, кстати. Если им позволить. Дети, — он покачал головой и пошел к двери. — Идем. Нужно собрать припасы, а потом — в гостиницу.

* * *

Харуто и Кира несколько часов искали бурубур. Он хорошо прятался, а шахта была лабиринтом. Но они нашли его в маленькой выбоине в стене. Они пропустили бы его, но он тихо захихикал, когда Шики пролетала мимо него, сияя ярко, как фонарик. Как только они нашли мальчика, он пропал, оставив эхо детского смеха. Вот бы всех ёкаев было так просто упокоить.

Он и Кира вернулись к бедняге, который застрял во тьме, и вынесли его из шахты.

Худой слуга лорда Хишонимы ждал их у входа в шахту. Наступила ночь, слуга и его солдаты сидели у маленькой жаровни, полной горящих углей. Поклонившись много раз и отблагодарив Харуто, он вытащил мешочек и отсчитал шестьдесят льен. Не богатство, но

достаточно, чтобы им хватило на какое-то время. После этого Харуто повернул на север и зашагал.

— Другая шахта? — спросила Кира. Девушка оправилась от паники и взбодрилась. — Та, которая принадлежит лорду Дураку?

Харуто рассмеялся. Шахтеры собирались вернуться в шахту, но многие уходили на ночь. Солнце садилось, и даже беднякам нужно было уходить домой. Солдаты еще были на улицах, хмурились и пялились на других солдат. Перемирие было напряженным, но Харуто и не встречал легкого перемирия. Многие были просто затишьем, пока другая сторона набиралась смелости ударить снова.

— Твои кинжалы, — сказал Харуто, пока они шли. — Ты создаёшь их из своей ци, да?

— Угу. Пятый Мудрец научил меня технике в Хэйве. Он казал, что я была не очень хорошая в ней, но я практиковалась.

— Он был прав, — сказал Харуто. — Твои кинжалы слишком хрупкие. Легко ломаются.

— Но когда они разбиваются, я могу использовать отражения.

Харуто пропустил мужчину с ослом на улице. Шики прыгнула к зверю, но он поймал духа в воздухе и усадил на свое плечо. Харуто не хватало только одержимого духом осла. Она показала ему язык.

— Они должны быть достаточно сильными, чтобы остановить удар, если ты хочешь ими сражаться, — сказал он. — Они — твоя ци. Ты можешь укрепить их, чтобы они выдержали удар меча. Ты можешь и разбивать их по своей воле. Главное — тренировки и концентрация.

Кира нахмурилась и кивнула. Она тряхнула запястьем, посмотрела на кинжал в ладони. Харуто был впечатлен. Создание оружия из ци было непростой техникой, для этого требовалось много энергии. Кира создавала десятки и не уставала. И она могла своей ци повышать свои силу и скорость. Многие от этого уставали бы, но Кира казалась огнем, который никогда не угасал.

— Поговори об этом с Гуаном, — продолжил Харуто. — Он может дать тебе советы. Верить или нет, старый дурак — эксперт в делах ци.

Ночь сгустилась, когда они дошли до северных шахт. Группа солдат лорда Йошинаты стояли вокруг небольшого костра, выглядели невесело. Самый большой из них, грубый мужчина с нависающим лбом, прошел вперед, увидев их, крутя в большом кулаке деревянную дубину.

— Вы должны были прийти часы назад, — медленно сказал солдат, словно его язык был слишком большим для его рта.

Харуто пожал плечами.

— Тебе стоило почистить зубы перед тем, как открывать рот. Мы все терпим неприятные обстоятельства. Эта шахта?

Мужчина зарычал и прошел к огню. Он вытащил из бочки факел, зажег его от костра.

— Вам понадобится это. Там темно.

— Мы справимся, — сказал Харуто. — Шики, — маленький дух лениво выбрался из его кимоно, зевнул, пискнула жалобу и стала шариком света. Она парила перед ними, как уголек в форме жабы на ветру.

— А-а-а! — солдат отпрянул, махнув факелом на Шики. Маленький дух медленно повернулась к нему и моргнула пару раз.

Харуто покачал головой.

— От тебя там будет мало пользы. Можешь остаться тут. Мы разберемся с ёкаем.

Кира рассмеялась, заходя за Харуто в шахту.

— Такой смелый, — сказала она. Харуто увидел, как ее запястье дрогнуло, и мужчина завизжал в тревоге, когда она показала ему отражение. — Прости, — выпалила она. — Это было плохо, да?

Харуто пожал плечами в ответ. Он не мог судить, что было правильным.

Шахта Йошинаты была похожа на шахту Хишонимы. Широкая, низкая, верёвка тянулась на крючках в стене. Фонари висели снаружи, но мрак быстро проглотил весь свет. Лорд Парик описал духа в соломенном плаще, и Харуто знал только одного такого ёкая: намахагэ. Это были дисциплинированные духи, появляющиеся из ритуальных наказаний, зашедших слишком далеко. Когда человека избивали до смерти за то, что он недостаточно хорошо работал. В Гушоне и на работе у Йошинате это казалось вероятной причиной.

Харуто и Кира зашли на двести шагов в шахту, когда услышали барабаны. Гул отражался от стен туннеля, становился громом. Кира придвинулась к Харуто. Она уже сжимала кинжалы в руках. Вдруг барабаны утихли, и намахагэ вышел из тьмы. Он был в соломенном плаще, который свисал с его плеч до колен, деревянные сандалии стучали по каменному полу. Его лицо было жуткой маской, подражающей ей. У нее была красная кожа, большие злые глаза, бивни торчали из верхней и нижней челюстей. В одной руке он держал чокуто с прямым клинком и одним острым краем. В другой руке была деревянная дубинка, как у солдат Гушона. Намахагэ не прятался, как бурубур, это было не в его природе. Этот ёкай пришел исполнить наказание, от которого погиб, отомстить, причинив боль другим.

Намахагэ замер в свете Шики и ждал, призрак дисциплины, зашедшей слишком далеко.

— Ты хотела боя, — Харуто похлопал Киру по спине. — Вперед.

— Что? — пискнула Кира. — Я думала, ты его мирно упокоишь?

Харуто пожал плечами.

— Это намахагэ. Его не упокоить, его бремя не забрать. У меня нет ритуальных посохов, я не могу его поймать. Мы можем только убить его.

— Он не появится в другом месте?

— Не сразу, — сказал Харуто. — Но это лучшее, что мы можем сделать сейчас. Давай. Убей его.

— Ты не будешь помогать?

Харуто покачал головой, прислонился к стене туннеля. Он хотел посмотреть, на что была способна Кира. Если она не могла одолеть намахагэ, помощи от нее против онрё не будет.

Кира смотрела на него в смятении пару мгновений, а потом улыбнулась.

— Ладно. Ты стал воспринимать меня всерьез, — она повернулась к намахагэ, заняла боевую позу. Этому ее научили в Хэйве. Харуто подозревал, что она знала только основы. Ее поза показывала, что она собиралась броситься на ёкая, одолеть его скоростью. Это было слишком очевидно.

Кира побежала вперед, как Харуто подозревал. Она быстро добралась до намахагэ и ударила кинжалами. Но ёкай увидел атаку и остановил ее мечом. Дубинка вонзилась в живот Киры, отталкивая ее. Намахагэ ударил ногой, вложив всю силу в атаку. Кира отлетела, схватилась за живот, поднимаясь на ноги.

— Небрежно, — сказал Харуто. Шики согласно свистнула. Кира хмуро посмотрела на них, и намахагэ бросился к ней.

Кира создала новые кинжалы, успела одним остановить чокуто, летящий к ее груди.

Намахагэ опустил дубинку, разбил другой ее кинжал и задел ее ногу. Кира отшатнулась, создала новый кинжал в ладони, кривясь от боли. Ёкай давил на нее, не давал ей оправиться. Он сделал финт мечом, отвлекая внимание Киры на оружие опаснее, и ударил ее дубинкой по плечу.

Она отскочила, держась за руку, кривясь и тяжело дыша. Намахагэ отпрянул к границам света Шики. Он замер и ждал. Он тоже тяжело дышал, и Харуто заметил пот, текущий из-под маски. Он оттолкнулся от стены и опустил ладонь на рукоять катаны.

— Назад, — рявкнула ему Кира. — Ты сказал, что не будешь помогать, так не лезь, — новые кинжалы в ее руках сияли в свете Шики.

Харуто убрал руку от меча и прислонился к стене.

— Тогда продолжай. Дать подсказку?

— Нет! — она улыбнулась ему. — Я справлюсь.

— Хмф, — кряхтел намахагэ.

Кира приближалась медленно в этот раз. Когда она оказалась на расстоянии удара, она сделала финт вправо, прыгнула влево. Намахагэ хотел остановить атаку, но Кира отпрянула и подняла кинжалы над головой. Ёкай ударил по тому, что видел только он, и Кира атаковала обеими руками. Намахагэ отбил один кинжал в сторону, но другой пронзил его соломенный плащ, задел его бок. Ёкай охнул и отпрянул на пару шагов. Кровь капала с кончика кинжала Киры. Она не ранила его глубоко, но попала. Намахагэ опустил на корточки, держась за бок и пыхтя.

Они столкнулись снова, Кира ударила низко одним кинжалом, другой направила к груди намахагэ. Он ударил ногой по нижнему кинжалу Киры, другой кинжал отбил чокуто, а потом стукнул девушку дубинкой по голове. Кира отшатнулась. Кровь текла по ее лбу, капала с носа на губу. Она тряхнула головой, быстро моргая, и подняла кинжалы перед собой, защищаясь. Намахагэ ждал, грудь вздымалась, пока он смотрел на нее. Кира взглянула на Харуто, он пожал плечами.

Кира посмотрела на намахагэ и напала на него. Она бросила в него кинжал, тут же создала другой. Намахагэ отпрянул на шаг, отбил кинжал дубиной. Кинжал разбился, сверкая, и намахагэ удивленно охнул, оттолкнул осколки чокуто. Кира набросилась на духа. Она вонзила кинжал в его бок, но клинок задел соломенный плащ. Она бросила кинжал, ударила намахагэ ногой по паху. Он упал на колени, крича, и Кира прыгнула и опустила кинжал на его маску. Клинок скользнул по красному дереву, впился в плечо намахагэ. Намахагэ снова закричал и оттолкнул Киру, перекатился. Он встал, шатаясь, поправил маску, отпрянул на пару шагов к теням. Кира бежала в ловушку, ударила обоими кинжалами. Намахагэ упал на колени и ударил ее по животу. Кира едва смогла отбить дубинку кинжалом, направила другой к шее ёкая. Харуто прыгнул от стены с вспышкой ци, ускорив себя, проник в сражение. Он поймал одной рукой меч намахагэ, другой — запястье Киры.

— Хватит! — он разнял их.

Кира хищно посмотрела на него. Она тяжело дышала.

— Ты сказал, что не будешь лезть.

Намахагэ фыркнул. Он тоже тяжело дышал, и кровь стекала на его сандалии из раны на боку.

— Да, — сказал Харуто. — Но есть две проблемы. Первая — ты вряд ли победишь тут Кира. У тебя преимущество в силе и скорости, но он в бою превосходит тебя навыками.

— Ха! — рявкнул намахагэ.

Харуто повернулся к нему.

— Отсюда еще одна проблема. Я не знаю, кто ты, но ты не ёкай. Снимай маску.

Самозванец охнул и помедлил, а потом поднял маску на голове. Он широко ухмылялся, лицо было потным, а щеки покраснели.

— Как ты понял?

Харуто пожал плечами.

— Это было очевидно. Намахагэ — почти бездумные духи ритуальной дисциплины. Они не потеют, не говорят. Даже не кряхтят. Думаю, Хишонима послал тебя сюда напугать работников Йошинаты.

Мужчина молчал, но сжал меч крепче.

Харуто повернулся и пошел к выходу.

— Выбрось костюм и уходи, когда шахтеры вернутся, или я скажу солдатам, кто ты на самом деле.

Кира подошла к нему, вытирая рукавом кровь со лба.

— Ты не скажешь лорду Йошинате, что это был не ёкай?

Харуто медленно покачал головой.

— Нет. Ему лучше думать, что это был настоящий ёкай.

— Чтобы тебе заплатили?

Харуто пожал плечами. Ему было плевать на монеты.

— Ты видела, какой Гушон. Солдаты на каждой улице сверлят друг друга взглядами. Им многого не нужно, чтобы начать бой. Если Йошината узнает правду, это и произойдет. И кто пострадает больше всего? Да, умрут некоторые солдаты, но под руку попадет народ Гушона, многие будут убиты или ранены. А два лорда будут сидеть и смотреть в уютных поместьях, — он видел такое много раз. Воюющим лордам редко было дело до людей, которых они губили.

Харуто забрал деньги у солдат возле шахты. Рабочие пошли в темный туннель раньше, чем солдат закончил считать лены.

Ночь была ясной, тысячи звезд мерцали на темном небе. Хотя воздух был холодным, и в городе пахло дымом, Харуто ощущал себя странно спокойно. Кира шагала рядом с ним, они шли к гостинице. Она была напряженной, тихой, поджимала губы и вздыхала. На крыльце гостиницы она, наконец, спросила:

— Думаешь, я проиграла бы?

Харуто даже не нужно было это обдумывать.

— Да. У тебя не хватало умений, чтобы одолеть его. По крайней мере, не пожертвовав собой.

Кира глубоко вдохнула и опустила голову.

— Ты научишь меня? Пожалуйста, — Харуто не ответил, и она посмотрела на него с невинным видом. — Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Харуто пожал плечами.

— При одном условии.

Кира пожала плечами.

— Что угодно.

— Перестань подражать мне. Это жутко, — он открыл дверь гостиницы.

Глава 26

Ночь не хранила тайны для Вороны. Во тьме ей было так же уютно, как и на свету. Может, уютнее. В темноте ее было немного сложнее увидеть. Потому она была в белом плаще. Он выделялся. Его замечали. С темным плазом она пропадала в ночи. Никто ее не видел. Она была невидимой. Забытой. Ворона не хотела быть забытой.

Она летела над крышами, опустилась на магазин мастера сандалий рядом с гостиницей. Ее сестренка была где-то там. Оммедзи тоже. Ворона смотрела на него издали. В нем было что-то странное, не только его бессмертие, о котором Ворона не переживала. Когда она была близко к нему, ее дым будто сам двигался. Этого еще не происходило, и она хотела знать, почему. Ей нужно было знать, почему.

Она пролетела по улице, опустилась беззвучно на крышу лапшичной. Она почти не побеспокоила снег на крыше, лишь окрасила его в серый сажей. Мужчина на улице поднял голову и вздрогнул. Он увидел ее, шепнул что-то женщине рядом с ним, и они оба побежали. Ворона знала, что должна была последовать за ними и убить их, пока он не сказал остальным. Шин убил бы их. Мастер убил бы их. Но зачем? Они были незначительны среди масс. Они не могли рассказать это никому важному. Только оммедзи был важен. И мужчина на улице видел ее. Он расскажет людям о ней. Она не будет забыта.

Она смотрела с крыши в окно таверны. Ночь, остались часы до рассвета. Многие спали. Она смотрела в окно, и ее дым шевелился. Он был там. Она потянулась дымом через улицу к окну. Он врезался в стекло, и что-то пробежало по дыму. Трепет энергии. Восторг. Ее дым двигался внутри плаща, принял новый облик. Или... это был ее старый облик? Она помнила... что-то, часть себя. Ей нужно было зеркало. Нужно было увидеть свое лицо. Вороне нужно было увидеть, кем она была.

Что-то двигалось в комнате, и Ворона посмотрела в окно. Оммедзи проснулся. Она смотрела на него через стекло, ее щупальце из дыма давило на окно, пытаясь проникнуть в брешь. Через дым она видела, что у него были длинные темные волосы. Мягкие черты осунулись от нехватки отдыха. Щетина торчала на подбородке и щеках. И глаза были темными.

Оммедзи посмотрел на окно. Ворона сдвинула дым, но слишком поздно. Оммедзи вскочил на ноги. Он открыл окно, выбрался на карниз и прыгнул на улицу к ней. Ворона отпрянула, плащ трепетал, дым тянулся. Она могла сразиться с ним? С тем, кто убил Шина? С бессмертным охотником на ее вид? Ворона перелетела на следующую крышу, коснулась ее

и полетела над ней к дальнему концу. Оммедзи следовал, перепрыгнул брешь. Его ноги погрузились в снег, но это его не замедлило.

— Шики, — сказала он, вытаскивая катану. Черный комок шерсти, его дух-спутник, выбрался из его кимоно. Шики протерла глаза короткими волосатыми ручками. А потом прыгнула в меч, сделала клинок красным.

Ворона пролетела к следующему зданию. Ей нужно было сбежать, но он был быстрым. Она опустилась на улицу и понеслась между зданий. Она оторвется от него в переулках. Черный кот испугался ее и зашипел, но она уже пролетела мимо. Она скользнула в лабиринт переулков, надеялась, что потеряет оммедзи в них.

Ком снега упал с крыши впереди нее, и она подняла взгляд. Оммедзи стоял там, озаренный луной. Ворона остановилась, взлетела на здание рядом с собой. Оммедзи прыгнул на ту же крышу и остановился. Ворона ощущала, как ее дым зашевелился энергичнее. Он реагировал на оммедзи. Она реагировала на него. Это был страх? Она была онрё. Одним из самых сильных духов на земле. Только ками могли сравниться с ней. Она не даст этому мужчине запугать ее. Она выпустила дюжину щупалец дыма из-под плаща. Они извивались вокруг нее, готовые ударить. Оммедзи просто смотрел на нее черными глазами.

— Волей Оморецу, — сказал он, — я именую тебя эненра.

Ворона отпрянула. Никто не звал ее так с... она не помнила, сколько. Ни разу с тех пор, как она стала онрё. Они уже не были привязаны к именам ёкаев. Она уже не была эненрой. Она была онрё. Она была Вороной. Дым под ее капюшоном двигался, появился рот. Она даже могла двигать губами. Страх ударил по ней. Крови не было, чтобы она шумела в ушах, сердце не колотилось в груди. Но ее дым извивался, и инстинкты говорили ей бежать.

Это не сработало бы. Если она побежит, оммедзи поймает ее. Придется биться. Может, придется использовать всю силу, даже если город и его жители пострадают.

* * *

Харуто медлил. Шин был монстром. Потребовались все они и отвлечение драконом, чтобы добить его. Если все онрё были сильными, у него мог быть единственный шанс убить этого. Эненра была ёкаем из дыма. У них не было истинного облика, но дым собирался вокруг ядра, которое явно было в сердце плаща. Если он пронзит ядро с помощью Шики, он убьет эненру.

Он побежал по крыше, взмахнул Шики, целясь в плащ, наполненный дымом. Эненра отпрянула от удара, направила в него два щупальца дыма. Он уклонился от первого, опустил Шики на второй, рассекая дым, разрубил его связь с ёкаем. Эненра сжалась, отпрянув, подняла перед капюшоном обрубленное щупальце. Это было уже что-то. Он мог отрезать части ёкая. Собралось больше дыма, создав новое щупальце на месте отрубленного. Ему нужно было давить, отсекал кусочки ёкая раньше, чем они восстанавливались.

Он следовал за ёкаем по крыше, размахивая Шики, отрезая щупальца, которые тянулись к нему. Эненра шипела, отступала к краю крыши, перенеслась на следующую. Харуто последовал, перепрыгнул брешь и приземлился рядом с ёкаем. Его ноги скользили по снегу. Он упал на колени, копьё дыма пронеслось над его головой, чуть не задев. Он оттолкнулся ногой, взмахнул мечом, чтобы рассечь ёкая надвое, но эненра зашипела и отлетела, пожертвовав кусочки дыма его мечу, пытаясь безуспешно обойти его защиту.

Ёкай улетела на смежную крышу, Харуто прыгнул за ней. Он рухнул на корточки, бросился в скопление дыма, ударил Шики по центру. Красный клинок рассек дым и плащ, открыл дыру в ткани. Дым вылетел. Ёкай закричала и отпрянула. Нога Харуто подкосилась.

Клинок дыма пронзил бедро, как копьё. Он рассек дым, и тот рассеялся. Раненая плоть ноги стала соединяться.

Эненра отступила к дальнему краю крыши. Темный дым окружил ее, пачкал снег серым. Но белый плащ не был испачкан. Дым не лип к плащу, а сдерживался им. Харуто улыбнулся, вставая, проверил раненую ногу.

— Плащ — твое ядро, да? — сказал он. — Я думал, это что-то внутри тебя, что-то в дыму, но это плащ. Без него ты — ничто.

— Что ты такое? — спросила эненра. Это был женский голос. Знакомый. Дым извивался вокруг нее, и плащ поднялся на мечущихся змеях из дыма. Харуто заметил подбородок и губы из дыма во тьме капюшона.

Эненра завизжала и ударила дюжиной клинков. Харуто побежал вперед как можно быстрее. Он ощущал, как щупальца подступают, задевают его руки и ноги, но он подобрался к ней. Он вонзил Шики и капюшон эненры.

Дым перестал двигаться. Дюжина клинков указывали на него, как заточенная сталь, ждущая удара. Эненра отклонилась от меча Харуто. Ее капюшон упал. Харуто смотрел на прошлое.

— Изуми? — сказал он. Он выпрямился, чтобы рассмотреть ее. Ее лицо было в дыму, но все еще ее. Это была Изуми. Ее глаза были полны паники, рот двигался, но не издавал ни звука. Прядь волос из дыма упала на лоб.

Щупальца вонзились в Харуто, пробили его грудь и легкие. Он извивался, не мог осознать боль. А потом дым порвал его пополам и сбросил с крыши.

Харуто рухнул на снег. Точнее, его торс. Он не знал, где были его ноги. Он посмотрел на крышу, эненра смотрела на него, озаренная луной. Изуми смотрела на то, во что его превратила.

— Если хочешь остановить нас, оммедзи, — сказала она, ее голос был холодным и далеким, как звезды, — приходи в имперский город, — и она пропала, дым тянулся за ней.

Шики вылетела из меча, стала комком черной шерсти. Она запищала, прижалась к шее Харуто, обвила ручками его подбородок. Он не мог ее ощутить. Ему было холодно. Боль была далекой, его тело не чувствовало всего.

— Это, — Харуто закашлялся кровью, — прошло плохо.

Глава 27

Гуан налил чашку чая, оставил его остывать и посмотрел на пустую страницу перед собой. Кисть была в чернилах, наготове. Нужны были слова.

— Вокруг горы. С неба льются огненные слезы. Надежда утеряна. Вернувшиеся ведут войну, — он потянул за кривую бороду и опустил кисть, не написав ни слова. А потом взял чашку, подул на пар над чаем. — Не хватает чего-то... или всего, — он был один в общей комнате, только хозяин был занят у кухни. Покой настроил Гуана на поэзию.

Дверь в другом конце гостиницы сдвинулась, и Янмей с Кирой вошли в общую комнату, выглядя свежо и чисто. Они точно побывали в купальне гостинцы. Гуан почесал зудящее плечо, подумывал тоже помыться. Две женщины заметили его, и Кира улыбнулась. Она подбежала к столику, Янмей следовала спокойно. Время было раннее, а они уже давно не спали, хотя выглядели отдохнувшими. Но Кира была еще юной. Вряд ли она успела познать истинную усталость.

— Пустая страница, — сказал Янмей, опускаясь рядом с ним. Она взяла чайник и налила еще две чашки.

— Я пытаюсь написать поэму о возвращении драконов.

— Невидимыми чернилами?

— Угу, — Гуан кивнул. — Пока лишь планирую. Из огня и камня вырывается змей, — он нахмурился. Начать всегда было сложнее всего.

Кира улыбнулась ему. Она была в новой одежде, сменила старое кимоно на плотные походные штаны и зимний плащ с капюшоном с мехом. Она почти выглядела как юная версия Янмей. Гуан хотел отметить это, когда хозяин гостиницы появился за ним. Он повернулся, чтобы заказать еды, но там никого не было. Он повернулся, Кира хихикала с зеркальным кинжалом в ладони.

— Ты хотя бы не пугала меня, — Гуан улыбнулся девушке. — И это было убедительно. Я не знал, что смотрю на отражение, пока не понял, что сзади никого нет.

— Я становлюсь лучше, — сказала Кира. — Раньше я могла делать лишь монстров из тени, силуэты без, кхм, облика. Но я понимаю, что это лишь начало.

— Стоило лучше учиться в Хэйве, — сказала Янмей. — Мудрец мог многому тебя научить.

Кира застонала.

— В Хэйве было скучно. Но Гуан может меня научить, — она улыбнулась, ее глаза блестели.

— Что? — Гуан вздрогнул и чуть не выронил чай.

— Харуто сказал, что ты был мастером ци. Он сказал, что мои кинжалы хрупкие, и ты можешь научить меня, как их укрепить.

— Капуста! — возмутился Гуан. — Старику стоило молчать.

— Так ты можешь? — спросила Кира. — Научить меня? — она явно хотела учиться.

Гуан взглянул на Янмей. Она потягивала чай, хотя от него еще поднимался пар. Она поймала его взгляд и кивнула.

— Хорошо, — Гуан был рад поводу опустить кисть. Поражение было проще, если у него была хорошая причина. — Мы начнем медленно. Твои кинжалы созданы из твоей ци, верно?

— Угу! — Кира кивнула.

— Дай мне один. Рукоятью вперед, пожалуйста.

Кира тряхнула запястьем, кинжал появился в ее ладони. Она развернула его и протянула ему, улыбаясь. Гуан осторожно взял его, отчасти ожидая, что он взорвется тысячей осколков зеркала, едва он коснется кинжала. Но это не произошло, и он опустил кинжал на стол подальше от Киры.

— Ты все еще ощущаешь его?

— А? — сказала Кира. — Ощущаю? Нет. Он у тебя.

Янмей рассмеялась, но Кира нахмурилась.

— Я не про ладони, девочка, — сказал Гуан. — Морковка. Спасите от невежества юных. Ты сделала кинжал из своей ци. Он — часть тебя, остается ею, даже когда ты не держишь его. Где бы он или ты ни были, пока он существует, нить ци соединяет вас, — Кира озиралась. — Не настоящая нить. Редиска, ты не можешь ее видеть.

— Тогда как мне его ощутить?

— Своим... духом, — Гуан всплеснул руками. — Своей ци.

— Я должна ощутить свою ци с помощью своей ци?

— Да.

— А если я не могу ощутить свою ци?

Гуан застонал и посмотрел на Янмей.

Старушка кивнула ему.

— Она всегда была такой. Только Мудрецу хватало терпения учить ее техникам, и даже он говорил, что она проверяла его пределы.

Кира надулась.

— Он говорил мне, что у меня талант.

Янмей улыбнулась.

— Он твердо верил, что дети учатся быстрее с похвалой, а не критикой. Морковка это...

Кира захихикала и посмотрела на Гуана. Он улыбнулся и подмигнул.

Янмей вздохнула.

— Морковка — не ругательство, Кира. Ты очень одаренная, но у тебя никогда не было способности сосредоточиться. Перестань пытаться делать то, что хочет от тебя Гуан. Попробай научиться тому, чему он тебя учит.

Кира нахмурилась, застонала и опустила голову на стол. Через пару секунд она села прямо, шлепнула себя ладонями по лицу и кивнула.

— Ощутить ци?

— Она в тебе, — сказал Гуан. — Всегда внутри тебя. Некоторые ощущают ее как бушующий огонь, другие — как поток льда. Некоторые считают ци колодцем внутри себя, другие — непостоянным ветром. Никто не может сказать, как она должна ощущаться. Тебе нужно найти ее в себе, источник уникальной силы. Как только найдешь, следуй за нитью к кинжалу.

Кира нахмурилась и сморщила лицо. Гуан решил, что она искала в себе, но она выглядела так, будто страдала запором. Он оставил это ей, взял снова кисть, решив начать поэму.

— Из всего, что утеряно, — сказал он, — некоторое должно оставаться... утерянным? — он покачал головой и застонал.

Дверь гостиницы открылась, ворвался холодный воздух. Хозяин таверны оторвал взгляд от уборки стола и охнул. Харуто стоял на пороге, его кимоно было изорвано, в крови, верхняя половина пропала, нижняя половина висела вокруг его ног, пропитанная кровью так, что ткань стала багровой. Его грудь и живот тоже были в крови, кожа была бледной, как свернувшееся молоко. Он дрожал, пока шел к ним, шатаясь. Шики упала на стол и с дрожью запищала. Гуан не мог ее понять, но это не звучало как «доброе утро».

Янмей вскочила на ноги, кривясь от боли, и помогла Харуто.

— Ты в порядке?

Харуто попытался пожать плечами, но он дрожал так сильно, словно у него был припадок.

— Я в порядке. Мне нужен отдых и... это чай?

Янмей помогла Харуто сесть за стол, Гуан налил ему чаю и жестом попросил у хозяина еще.

— Ты выглядишь так, словно проиграл в сражении с Лютым Медведем, старик.

Харуто выдавил улыбку, но ее стерла гримаса боли на его лице.

— Если бы. Яоронг не так силен, как в историях. Не с тех пор, как он потерял лапу, — он сделал глоток чая, закрыл глаза и немного расслабился. Он был бледным от потери крови, ему было очень больно. Но его бессмертие не давало умереть, хотя раны убили бы других.

— Я смогла! — закричала Кира. — Я ощущаю это.

— Уже? — спросил Гуан. Это было быстрее, чем он ожидал. Многие неделями

медитаций и тренировок добирались до ощущения ци.

Девушка закивала, улыбаясь, провела ладонью по спутанным волосам.

— Ну, — сказал Гуан, — как ощущается?

— словно песня гудит во мне. Многие голоса и мелодии соединяются в чудесную музыку.

— Ха, — отозвался Гуан. — Это начало. Теперь ощути нить, связывающую тебя с кинжалом, — он покружил кинжал на столе и повернулся к Харуто. — Что произошло?

— Я нашел ее, — Харуто открыл глаза и посмотрел на него. — Или она нашла меня, — он покачал головой. — Я нашел Изуми.

— Дыня!

Харуто утомленно улыбнулся ему.

— Это не овощ.

— Изуми? Уверен? И она сделала это с тобой?

Харуто кивнул.

— Порвала меня пополам. Я несколько часов соединялся, — он рассмеялся, но звучало как хрип. — Думаю, я напугал лекаря города, он рано уйдет на пенсию, — он выдавил улыбку, но лишь на миг. — Она — одна из онрё.

Гуан ощутил, как грудь сдавило, пока он обдумывал варианты.

— Не йорогумо.

Харуто покачал головой.

— Нет. Эненра, — они притихли. Гуан слышал, как Кира тихо напевала. Девушка так сосредоточилась на задании, что не замечала ничего.

— Кто такая Изуми? — спросила Янмей.

Харуто поднял ладони и посмотрел на Гуана, но Гуан покачал головой и буркнул:

— О, нет. Это твоя история. Я в это не полезу.

Харуто хмуро смотрел на него, а потом повернулся к Янмей.

— Изуми — моя жена. Была моей женой.

Гуан ощутил, как по его запястью постучали, Кира улыбалась ему.

— Я ощущаю нить, — прошептала она.

— Правда? — Гуан покачал головой. У девочки был талант. Или она врала. — Дальше скажи кинжалу перестать быть. В твоём случае — скажи ему разбиться.

Кира посмотрела на кинжал.

— Разбейся! — прошипела она.

Гуан вздохнул.

— Не так. Это кинжал — он тебя не слышит. Просто скажи ему разбиться.

— Как?

— Через нить.

— В этом нет смысла.

Гуан усмехнулся.

— Уже сдаешься? А я думал, ты хороша в этом.

Она показала ему язык и продолжила смотреть на кинжал.

— Ты помнишь историю о Ночной Песни? — продолжил Харуто, отвлекая Янмей. — Моя история там не кончается. Я сказал, что Тошинака не мог успокоиться. Он верил, что я его как-то обидел, — Харуто фыркнул. — Он был монстром. Пока я приходил в себя во дворце императора, он пошел к моему дому и поджег его. Моя жена, Изуми, была внутри,

когда он загорелся. Она пыталась спрятаться, забралась в единственную каменную часть дома, купальню, — он вздохнул и покачал головой. — Когда с огнем совладали, они нашли ее мертвой, сжавшейся в углу купальни. Она задохнулась от дыма, — слезы катились по щекам Харуто. Гуан сжал ладонь друга. — Можно подумать, что я уже должен был привыкнуть к боли, да? — сказал Харуто. Он склонился и уткнулся головой в ладони. И Гуан решил все-таки рассказать историю.

* * *

После жестокого поражения от руки Тошинаки Ночная Песнь попал к дому на паланкине императора. Он устал, был ранен и едва мог стоять. То, куда он вернулся, лишило его последних сил. Его дом был обгоревшими руинами. Его жена была мертва. Хотя огонь не достал ее, это сделал дым. Она умерла в муках, испуганная, одна. Я знаю, это неприятно слышать, но вам нужно знать, что с ней случилось, чтобы понять, что произошло позже.

Статус Ночной Песни как лучшего воина Ипии был разбит. Благосклонность императора и его двора пропала, как туман на солнце. Изуми была кузиной императора, и император обвинил Ночную Песнь в ее смерти, заявив, что ему должно было хватить сил остановить это. А Ночная Песнь винил себя, хотя это Тошинака поджег дом. Ночная Песнь согласился с императором. Если бы он понимал ненависть Тошинаки лучше, может, он помешал бы этому. Он не мог понять, что злая воля Тошинаки родилась из зависти, а не от ошибок, совершенных Ночной Песнью.

Годами Ночная Песнь был в депрессии. Он не давал клятвы, забыл о тех, что уже дал. Шинтеи отреклись от него, его имя стало притчей для всех, кто почивал на лаврах. Орден не хотел, чтобы кто-то шел по его стопам. Он бродил по тавернам Ипии, выпивал. Когда-то он был героем, не мог пройти по улице, не привлекая внимания. Люди сбегались к нему, просили заметить их, верили, что его появление было удачей. Его слава была неслыханной, никто не мог ее затмить до появления Векового Клинка через сто лет. Но все это пропало. Почти никто не узнавал его, а тот, кто узнавал, отводил взгляд, не хотел навлечь неудачу на себя. Ночная Песнь продал все дорогое. Его украшения, обувь, трубку. Он даже продал меч, что было позором, ведь для шинтея не было ничего ценнее его меча. У него ничего не осталось, он мог идти лишь в могилу.

В один день шанс представился. Он забрел в таверну, потребовал выпить, но понял, что у него была только его одежда, и даже она была грязными лохмотьями, какие даже нищие не взяли бы. Хозяин таверны предложил ему шанс избавиться от долга. В деревне был призрак, существо захватило несколько разрушенных зданий, которые сожгла молния пару месяцев назад. Несколько жителей деревни умерли. Теперь работники не могли подойти и очистить руины. Каждый раз, когда они пытались, призрак появлялся с криками и сажей. Один работник уже пропал в руинах, призрак утащил его. Конечно, Ночная Песнь знал, что не мог выстоять против ёкая, но ему было все равно. Часть него надеялась, что дух оборвет его мучения. Он хотел покоя. Отдыха. Конца страданий.

Он вошел в руины, стал искать призрака. И вскоре нашел. Дух поднялся из обломков в облаке пепла и дыма. Искаженное существо из дыма кипело, как смола, лица появились в массе дыма, они кричали, менялись. Вой обещал боль и смерть, и Ночная Песнь ступил в его фатальные объятия. Но ёкай отпрянул от него, и в тот миг Ночная Песнь узнал призрака, узнал лицо, которое глядело на него. Это была Изуми, его жена. Ее черты стали бесформенным монстром, были из дыма, но это была она.

Ночная Песнь рухнул на колени среди холодного пепла. Его поражение было полным.

Его жена была мертва, стала мстительным духом, жаждущим смерти других. В тот миг полного поражения и боли Ночная Песнь нашел новую цель. Не месть за все, что у него отнял Тошинака. Не искупление его грехов. Не восстановление того, что он утратил. Новой целью было спасти его жену от вечных мучений. Ёкай убежал от него. Может, это были последние капли человечности в ней.

Ночная Песнь покинул деревню с новой решимостью. Он найдет легендарного оммедзи, выучит их техники, ведь лишь они умели упокоить ёкай. А потом он найдет жену еще раз, подарит ей покой, который у нее жестоко отнял Тошинака.

Но пути оммедзи...

* * *

— Хватит, — рявкнул Харуто, голова все еще была в ладонях.

Гуан умолк. Жаль, он дошел до хорошей части, но он понимал, почему Харуто не хотел, чтобы это слышали.

— Мне жаль, — сказала Янмей. Она сжала запястье Харуто. Небольшой контакт, но это вызвало у него улыбку, хоть и печальную. — Мы живем в мире, где люди передают свою боль другим. Так не должно быть.

Кинжал перед Гуаном разбился, усыпав его стеклом. Он отскочил от осколков, но они растаяли. Кира захихикала и радостно хлопала в ладоши. А потом взглянула на Харуто, и ее улыбка пропала.

— Прости.

Харуто покачал головой.

— Нет. Двести лет горя не должны быть важнее радости мгновения. Молодец... наверное?

Кира закивала. Гуан подозревал, что Пятый Мудрец под Небесами не знал, как был прав насчет девочки. Когда она сосредотачивалась, она поразительно быстро развивалась. Но если она хотела совладать с ци и техниками, она была лишь в начале, хотя начало было многообещающим.

— Теперь создай три кинжала, — сказал Гуан. Она тряхнула запястьями и дала ему кинжалы. Он взял их с улыбкой.

— Ты держишь оружие, Гуан? — спросил Харуто.

Гуан бросил кинжалы на стол.

— Капуста! — сердце колотилось, он вытащил из сумки первую клятву, развернул свиток, проверяя, был ли он еще целым. Он все еще был подписан кровью и ци, создан в присутствии божества. Гуан свернул свиток, прижал его к груди, а потом убрал в сумку. Он коснулся стеклянного кинжала дрожащим пальцем. — Разве это не странно? — ему не нравилась идея касаться их. Это ощущалось как жульничество в клятве.

Он подвинул пальцем три кинжала в ряд на столе, указал на средний.

— Этот. Разбей его, но оставь два других целыми.

Кира фыркнула.

— Легко, — она смотрела на средний кинжал, но все три разбились, осыпав Гуана стеклом, которое растаяло, не попав по нему.

— Еще три кинжала, попробуй снова, — сказал Гуан. Кира создала еще три кинжала, попыталась дать ему. Он смотрел на них, как на шипящих змей, а потом указал ей опустить их на стол. Он не знал, почему смог коснуться оружия, но он не хотел. Его опасения были глубже клятв. Они представляли его верность. Он выбрал не держать оружие снова, потому

что он решил стать лучше. — В этот раз только левый, — он посмотрел на Харуто. — Ты уверен, что это была она? Изуми?

Харуто взглянул на него краем глаза и кивнул.

— Я помню свою жену, Гуан.

— Прошла пара сотен лет, старик.

— Это была она, — Харуто вздохнул, опустил голову на ладони. — Может, она не узнала меня.

— Или узнала? — сказал Гуан.

Харуто думал об этом миг, а потом печально кивнул.

Они молчали пару минут, только Кира напевала под нос.

— Она сказала мне найти ее в имперском городе, если я хочу остановить онрё, — сказал Харуто.

— Пха! — буркнул Гуан. — Это ловушка.

— Ага, — сказал Харуто, посмотрел на него.

— Ты пойдешь в нее, да?

— Ага.

— Глупая идея, как по мне.

Харуто пожал плечами.

— Это Изуми. Мне нужно идти. Я должен... — он сделал паузу на миг. — Ты не оставил бы Тяна, как бездумного духа, которому осталась только месть.

— Она не бездумный дух, — сказала Кира, глядя на кинжалы, сосредоточенно хмурясь. — Ты сказал, что она теперь онрё, — она взглянула на Харуто. — У нее есть разум.

— Я не это имел в виду, — сказал Харуто.

— Тогда не нужно было так это говорить.

Они погрузились в неловкую тишину, и Гуан налил еще чаю.

Харуто, наконец, сказал:

— Я пойду. Ловушка или нет. Онрё нужно остановить, пока они не освободили Орочи. Это лучший шанс их найти. Может, я смогу поговорить с ней и убедить ее сдаться. Или... — он сделал паузу и посмотрел на них, покачал головой. — Это Изуми. Я должен попытаться.

— Ладно, — Гуан заставил себя звучать бодро. — Тогда в Императорский город Кодачи. Туда две недели пути? Постараемся там не лезть в политику. Слышал, императрица не самая приветливая.

Все три кинжала разбились, осколки рассыпались по столу и растаяли.

— Капуста! — возмутилась Кира.

Глава 28

Они покинули Гушон следующим утром, пошли на север к Кодачи. Дорога была долгой, но вниз по склону. Горы были за их спинами, и они спускались в долины Ипии, где деревья были зелеными, несмотря на холодную зиму. Снег падал все реже, потом стал воспоминанием на вершинах гор вдали. Киру потрясли изменения, она даже сняла плащ с мехом, наслаждалась теплом.

Хэйва была всей ее жизнью. Она знала только холодные места, укрытые снегом круглый год. Увидеть мир за горами и льдом было чудом. Она не знала, что в природе существовало столько красок. Изумрудные деревья и рубиновые цветы, синие озера и желтые поля, которые Янмей назвала хакусай. От буйства красок перехватывало дыхание.

Люди, которых они встречали на дороге, были дружелюбными. Они много вечеров провели в обществе других, даже в их домах. Харуто оказался хорошим поваром, делал чудесные блюда из малых ингредиентов. И Гуан был одаренным рассказчиком, который увлекал внимание их временных спутников. Кира пыталась развлекать людей трюками, иллюзиями в отражениях. Этому не были рады, и Янмей не раз упрекала ее в том, что она пугала людей, Кира этого не понимала. Им было приятно слушать истории Гуана о призраках, некоторые ужасали. Но когда она добавляла иллюзию, чтобы напугать их, они паниковали и кричали. Люди были непонятными.

Ее тренировка продолжалась. По утрам, до того, как просыпались Гуан и Янмей, Харуто брал Киру наружу и учил ее биться.

— Ты уже знаешь основы, это очевидно, — сказал он утром после короткого поединка, где Кира близко познакомилась с каменистой землей. — Но ты знаешь лишь один способ биться, а он не использует твои сильные стороны. Знаешь, что такое врожденные техники?

Они стояли на полянке в стороне от дороги. На востоке поднимались горы, а на западе — бесконечные поля земли, присыпанной снегом.

— Все, у кого есть доступ к их ци, могут усилить свое тело, увеличить скорость

врожденными техниками, — сказала Кира. Это она помнила с уроков в Хэйве, один из нескольких раз, когда она слушала наставников. — От простого жителя, который тянет телегу, до воина, бьющегося с сотней солдат на поле боя. Но я не была в этом хороша.

Харуто рассмеялся.

— Ты права и нет. Тебя удивило бы, если бы ты узнала, что ты сильнее меня?

Кира покачала головой.

— Но в бою ты отталкиваешь меня.

— Потому что я использую врожденную технику порывами.

Кира охнула. Теперь это было очевидно.

— Так ты двигаешься так быстро!

Харуто кивнул с улыбкой. Шики на его плече прижала к лицу волосатую ручку и запищала.

— Что значит, ты не знала? — спросил он у духа.

Шики свистнула и показала ему язык.

Харуто покачал головой и повернулся к Кире.

— Ты можешь не знать, как использовать врожденную технику порывами, но ты ее используешь, Кира. Все время. Попробуй ее убрать.

— Я... кхм... — она сосредоточилась, но это было как сосредоточиться на одном кинжале. Она не понимала, как. — Я не могу?

— Именно! — сказал Харуто. — Ты используешь это все время. Это делает тебя немного сильнее и быстрее все время. И это все время усиливает твою ци.

— А?

Харуто опустил на траву и махнул Кире сесть рядом с ним. Шики прыгнула на ее колени и свернулась.

— Подумай и о ци, — сказал Харуто.

— Гуан сказал, что у некоторых это колодец, но все видят ци по-разному. Моя похожа на песню.

— В этом примере это колодец. Его глубина ограничена, он может переполниться водой. Когда ты используешь ци, ты берешь воду из колодца, осушаешь ее. Со временем колодец пополняется. Но каждый раз, когда ты используешь ци, ты делаешь колодец немного глубже, и это позволяет ему содержать больше воды. Ты, Кира, не прекращаешь использовать ци, не перестаешь копать колодец. У тебя огромные запасы, — он покачал головой. — Я встречал лишь одного с похожим запасом, и он был великаном, который не переставал есть, — он пожал плечами. — Или говорить о себе.

Шики свистнула.

— Да, — сказал Харуто. — Он попытался как-то раз тебя съесть.

Кира смотрела на свои ладони. Она не ощущала себя сильной или быстрой. Она была... нормальной.

— Так мне нужно научиться использовать ее порывами вместо этого?

Харуто покачал головой.

— Не вместо. Вместе. Как только поймешь, я научу тебя, как сражаться.

— Ты сказал, что я уже знаю основы.

— И если тебе нужно победить в драке в таверне, основ хватит. Ты знаешь, как биться, если противник сильнее тебя. Это хорошо против такого монстра, как Шин. Его сила превосходила всех нас. Но когда противник слабее, как я, нужно знать, как использовать

свою большую силу. Большая часть боя — понять, на что способен противник, и использовать лучший план против нее.

Два часа каждое утро Харуто тренировал Киру использовать врожденную технику и биться. Она часто обнаруживала себя уставшей и побитой до того, как другие просыпались. Тренировки не беспокоили Харуто, и Кира не видела, что он спал. Он всегда выглядел утомленно, темные мешки были под глазами, похожие на далекие тучи. Но она никак не могла ему помочь.

Днем они шли на северо-запад к городу императрицы. Гуан учил ее лучше понимать техники, которые она уже знала. Кира все еще не могла выделить один зеркальный кинжал. Нити, соединяющиеся с ними, были как мелодии, которые она почти слышала, струны кото задели и оставили звенеть. Гуан играл, прятал кинжал на себе. Кира следовала за нитью, говорила, где он его спрятал. Он спрятал два, и ей нужно было найти оба. А потом спрятал три, и ей нужно было найти конкретный. Каждая тренировка была игрой, а Кира любила играть. В Хэйве все тренировки были скучными. Часы в комнате, пока Акнар-сенсей читал им об истории или политике, или Канг-сенсей — о теории техник. Дни за бегом по землям академии или стоянием на одной ноге в бурю. Это было скучно. Кроме тренировок боя.

Еще несколько лет назад Янмей вела почти все тренировки боя в Хэйве. Она была высокой и сильной, полной энергии. А потом она начала быстро уставать, не успевала за старшими учениками. Она передала работу Кангу. Он был строгим, часами заставлял учеников делать ката, а потом давал повеселиться: сражаться. Кира любила сражения. Это ощущалось как свобода, а остальное время в Хэйве было темницей.

К сожалению, Канг-сенсей не любил ее и не скрывал это. Когда она проигрывала, он звал ее неуклюжей и неумелой. Когда она побеждала, он обвинил ее в жульничании с ее техниками ёкая. Канг выбирал сражения, и последний год он ставил ее только против Гьяцо. Даже без техники или ци кохранский парень был ужасен с кулаками, ногами и полными боли захватами. Никто не побеждал Гьяцо, многие не попадали по нему ударами. Кира была среди них, хотя много раз пыталась.

Она подошла к Гьяцо как-то раз после того, как он ее побил. Попросила его помочь ей, научить ее биться, как он. Она думала, что они поладят. Как она, Гьяцо был изгоем в Хэйве, кохранец в Ипии. У него не было техник, ци, другие ученики сторонились его, хотя из страха, а не отвращения. Он отказал ей. Не из-за того, что она была ёкаем, а потому, что она была слабой, и он ничего не мог извлечь из тренировок с кем-то слабее него.

Кира гадала, выжил ли Гьяцо в разрушении Хэйвы, выжил ли хоть кто-то еще. Она надеялась на это. Хотя многие избегали ее, словно могли стать ёкаями от общения с ней, она надеялась, что они выжили, но шансов было мало.

Игры Гуана были забавными, но он еще не сказал ей, как укрепить кинжалы, чтобы они были не такими хрупкими, могли выстоять атаку. Это раздражало, особенно, потому что она не могла понять суть. Сначала она думала, что будет легко, разбивать кинжалы было теперь просто, как мысль. Но отделять их было другим делом.

— Ты неправильно об этом думаешь, девочка, — сказал Гуан утром, пока они шли. Они проходили маленький город, держались края дороги, чтобы не мешать тележкам. Мужчина, который вел старого буйвола, снял сугегасу и улыбнулся им, показывая дыру в зубах, где один выпал. Кира улыбнулась ему, Гуан ткнул ее в ребра. — От этого ты запуталась, — он указал пальцем на лицо Киры, и она подумывала откусить его. Она уже создала так много кинжалов в этот день, что потеряла счет. Отделять их, когда Гуан прятал их, было

невозможно. Хоть она заставляла их разбиться разом. Один он спрятал в своих штанах, и он плясал, как нингьо, за чьи нити тянули, когда он разбился. Но Янмей отругала ее за шутку.

— Прошу, объясни мне, о мудрый мастер ци, — сказала Кира, уклоняясь от пальца, который она решила не кусать.

— Хмф, — сказал Гуан. — С таким отношением — вряд ли. Разбирайся сама.

Кира пыталась сделать это днями, но это не работало. Она вздохнула и поспешила за Гуаном, остановилась перед ним и низко поклонилась.

— Прости. Прошу, помоги мне.

Старый мастер ци улыбнулся ей.

— Ты думаешь обо всех кинжалах, как одном. Как о чем-то общем. Считай это маленькой деревней, кхм... не знаю, как они зовут это место. Эй, старик, как называется эта деревня?

— Уххх... — закончил Харуто, пожав плечами.

— Очень помогает, — сказал Гуан.

Кира хотела ударить обоих, если Гуан не перейдет к делу вскоре.

— Подумай о деревушке Уххх, — сказал он. — А если я попрошу найти одного человека тут?

Кира пожалала плечами, но снова не смогла сделать это как Харуто. Может, ее спина была недостаточно сгорбленной.

— Какого человека?

— Конкретного.

— Кого?

— Одного из жителей Уххх.

Кира зажмурилась и заставила себя дышать, чтобы не кричать.

Гуан рассмеялся.

— Хорошо. Ты не можешь это сделать. А если я попрошу тебя найти Сору, юную ипианку в темно-коричневом кимоно с корзинкой стираного белья?

Кира огляделась, пока они шли, и увидела женщину, которую описал Гуан.

— Сора! — указала она. Она подбежала и схватила Сору за руку. Женщина запищала в тревоге.

Гуан поспешил к ним, оттащил Киру от женщины. Он поклонился и извинился за ошибку. Женщина зашагала прочь, оглядываясь на них и кривясь.

— Это была не Сора? — спросила Кира.

Гуан вздохнул и пошел дальше, в паре шагов за Харуто и Янмей.

— Вряд ли ее так звали. Не в том дело. Когда я попросил тебя найти человека, ты не смогла. Но когда я попросил найти женщину в коричневом кимоно с корзинкой, ты сразу ее нашла. Твои кинжалы такие же.

— О-о-о, — Кира кивнула. — Я не могу выбрать один кинжал, потому что они идентичные. Если я сделаю каждый отличающимся, я смогу их различать?

— Это начало, — сказал Гуан. — Сделай их разными, дай им имена — как можешь. Пока твое восприятие не станет сильнее, тебе нужно как-то различать их.

Он был прав, хоть и невыносим. После этого урока Кира стала делать кинжалы разными. Она называла их всех, но Гуану не нужно было это знать. Когда Гуан говорил ей разбить средний кинжал, она знала, что он имел в виду Момо. Было просто отследить нить Момо и отдать приказ только ей. Кира все еще не знала, как способность выделить кинжалы

поможет ей усилить их, но она хотя бы ощущала, что делает прогресс.

По вечерам почти все время Кира проводила за изучением новой техники с Янмей, той, которой обладал ее старый друг и пытался научить ее. Прогресс был еще медленнее, чем с Харуто и Гуаном. Кира подозревала, что Янмей сама не понимала технику. Она никогда не использовала ее, хотя пыталась много раз. Янмей заявляла, что новая техника была важна для Киры, это могло защитить ее, но Кира ощущала, что в технике было что-то еще, нечто особенное. Не важно. Кира была просто рада провести время с Янмей.

Янмей всегда была рядом. С момента, как Кира очнулась на поле, почерневшем от техники Янмей, и забыла о восьмидесяти годах в зеркале. Но она знала, что была ёкаем. И она знала, что, чтобы она снова была живой, кто-то должен был умереть. Жизнь за жизнь. Янмей заявляла, что человек был плохим, убийцей, посланным за другом, но это было не важно. Кира всегда знала, что ее жизнь принадлежала не ей. Она украла эту жизнь. Янмей забрала Киру в Хэйву, согревала их в дороге своей техникой. Она слушала, как Кира восторгалась, изучая мир вне оков зеркала. Янмей была утешением, домом и безопасностью. Она всегда была такой для Киры.

Даже в Хэйве среди других учеников Янмей была постоянной в жизни Киры, если нужны были объятия или поплакать на плече. Если Кира заходила слишком далеко, Янмей останавливала ее, не дав никому пострадать. Всем сложно было оставаться хорошими, требовалось делать тяжелый выбор. Кира часто не видела хороший путь, но для Янмей он был ясен. Она была светом Киры. Кира не помнила, какой была ее мама, но некоторые ученики Хэйвы говорили, что мама была утешающей, но строгой, любящей и поддерживающей, всегда рядом. По мнению Киры, это идеально описывало Янмей. Кира не говорила этого Янмей или кому-то еще, но в своей голове Кира считала Янмей своей мамой.

— Выбери точку, — сказала Янмей. Они стояли у небольшого холма, место уже было расчищено для костра в стороне от дороги. Они остановились там, потому что холм закрывал от холодного ветра и снега. — Там, — продолжила Янмей, указывая на одинокое дерево без листьев, упрямо держащееся за холм, несмотря на зиму. — Протяни туда нить ци, а потом вложи себя в нить и шагни в новое пространство, — она нахмурилась от своего объяснения, словно оно звучало не очень правильно.

Кира пыталась. Она не понимала, как протянуть нить ци, как вложить себя в нее, но пыталась.

— И я должна исчезнуть и появиться у дерева?

Янмей выглядела меланхолично.

— Мой друг оставлял как-то после себя картинку. Она разлеталась, как лепестки на ветру, — она улыбнулась, но эта улыбка не порадовала Киру.

— Красиво, — сказала Кира. Ей нравилась идея о лепестках на ветру, мягкие изгибы. Она была из острых краев и неровных линий. Как разбитое зеркало.

Янмей улыбнулась чуть лучше и кивнула.

— Да.

Они продолжали часами, хотя стемнело, и дерево было плохо видно в свете луны. Кира не могла понять, как *шагнуть сквозь мир*, но она пыталась. Ей нужно было научиться технике. Не для защиты себя, а для защиты Янмей. Ее огненная техника вредила ей. Мудрец казал, что она уже забрала у Янмей двадцать лет жизни, но она все использовала ее. Кире нужно было научиться новой технике, чтобы защищать Янмей, чтобы Янмей больше не вредила себе. Может, они найдут Четвертого Мудреца и попросят о помощи. Может, Мудрец

поймет, как обратить вред, нанесенный Янмей.

Но эта ночь была из поражений. Кира винила себя. Несмотря на поражение, она забралась в спальный мешок, ощущая новую решимость. Да, она не смогла изучить технику. Но она была настроена правильно, нашла цель. Они были почти в Кодачи, где они найдут онрё, жену Харуго, и помешают освободить Орочи. А потом Кира потащит Янмей к Четвертому Мудрецу, даже если она будет против.

Глава 29

Кира считала Миназури большим. Она считала Гушон огромным. Когда стало видно Кодачи на горизонте, она поняла, как ошибалась. Императорский город был великаном. Всюду были люди, даже до границ города. Некоторые везли товары, другие шли к местным фермам, чтобы работать в полях. Тут и там солдаты в лакированной керамической броне следили за людьми. Их броня была темно-зеленой с красным узором и свернувшимся драконом на груди. Гуан склонился, увидев, что Кира пялится на них, и сказал ей, что это был Изумрудный Легион, армия императрицы Исэ Рьоко. Ипия была в состоянии гражданской войны, две ветви императорской семьи ждали получить власть над империей, но дороги и улицы в городе не очень сильно охранялись.

Дым промышленности поднимался над городом из тысяч труб, вонь встретила их, когда первые здания поднялись из грязи. Кира не могла назвать половину запахов, которые ударили ее по носу, но с запахами готовки еды, огней с углем, дублением кожи и отходов людей и зверей, развалины Хэйвы пахли почти как цветы. Кира не понимала, как столько людей могли жить в одном месте. Они наполняли дороги, двигались туда-сюда. Некоторые задевали других, толкая телеги, другие огибали людей, потрясая ловкостью. Она смотрела на них огромными глазами, не моргая.

У дорог были развлечения. Телеги, где мужчины и женщины готовили еду для прохожих, прилавки с артефактами, якобы наполненными ци героев. Кира замерла и разглядывала побрякушки на прилавке. Янмей оттащила ее и попросила не замирать. Было просто затеряться в толпе на улицах.

Грохот колес телег, крики торговцев, фыркание свиней и топот ног оглушали и восхищали, били по разуму Киры. Они прошли по шумному рынку, прилавки прижимались друг к другу, мужчины и женщины перекрикивали друг друга, представляя свои товары.

— Свежий рамен, только из печи, — кричала женщина с румяными толстыми щеками, сковорода шипела в ее ладони.

Великан с шеей, похожей на бочку, кричал:

— Пряности. Редкие. Из Хосы, Нэша и не только.

Худой мужчина с крючковатым носом стоял за телегой, махал глиняными бутылками.

— Дом угощений Цин Сяо предлагает только вино лучшего качества.

— Сыграйте в игру разумов. Докажите, что вы умнее обезьяны, — Кира повернула голову. Она еще не видела обезьян. Она прошла сквозь толпу, увидела столик и улыбающегося старика с тонкими волосами и золотым зубом среди желтых. На его коленях сидел коричневый пушистый зверек с длинными лапами, голова казалась слишком большой для его тела, и хвост не переставал двигаться и закручиваться. Он тихо щebetал, словно всегда говорил, но язык понимал только зверек. На столе лежали плитки маджонга. Худой мужчина с подковой черных волос сил перед стариком и его обезьяной, опустил на стол пару льен.

— Перемешай их, — сказал старик, пока обезьяна ворковала. — Лицом вниз. Вот так, хорошо перемешай. Не дай обезьяне отследить.

Кира поняла, что Гуан стоял рядом с ней. Старый поэт склонился и понизил голос:

— Никогда не доверяй этим играм. Две причины. Первая — обезьяна всегда побеждает.

Мужчина с подковой волос кивнул. Он закончил перемешивать плитки.

— Теперь, — сказал мужчина с обезьяной. — Подумай о паре. Любой паре плиток. Скажи обезьяне, какую пару найти. Если не сможет, получишь вдвое больше льен, чем дал.

Мужчина с подковой волос рассмеялся.

— Белый Лотос.

— Белый Лотос. Белый Лотос, — сказал мужчина. — Обезьяна, найди плитки Белого Лотоса.

Обезьяна защebetала и оглянулась на хозяина.

— Давай, — сказал мужчина. Обезьяна щebetала. — Не смотри на меня. Найди мне плитки Белого Лотоса, — обезьяна защebetала слова. — Белый. Лотос. Бе-е-елый. Ло-о-отос.

— Вот так вид, да? — шепнул Гуан. Он вытянул руку и поймал юношу за запястье. Кира поняла, что юноша тянулся к сумке Гуана. — Тут для тебя ничего нет, парень. Иди, и я ничего не скажу стражу, — юноша отдернул руку и побежал в толпу.

Гуан снова склонился.

— Вторая причина — дело не в игре.

Мужчина еще говорил с обезьяной, пытаюсь уговорить зверька взять плитки.

— Если он не возьмет, я побеждаю? — спросил мужчина с подковой волос.

Обезьяна посмотрела на плитки, быстро схватила две из них, а потом подняла над головой и запрыгала на коленях хозяина.

— Белый Лотос. Вот он, — хозяин забрал монеты, а обезьяна стучала двумя плитками, улыбаясь, как жаба.

Это было не единственное отвлечение на рынке, но Гуан вел ее дальше. Они нашли Янмей и Харуто, ждущих их на краю рынка. Оттуда начинался город, и здания поднимались на два-три этажа. Академия Хэйва была огромным зданием, пока не сгорело, так что Кира видела строения из многих этажей, но тут их были тысячи — дома, мастерские, храмы — и это потрясло ее. Пагоды поднимались к небу. Ленивые реки текли по городу в глубоких каналах. Мужчины и женщины в лодках плавали по воде, некоторые с пассажирами, другие — с ящиками и бочками. Тут и там деревянные мосты пересекали реки. Каждый мост был с маленьким храмом рядом с ним, посвященным Тошаме, богу озер и рек.

Императорский дворец — замок Дачи — поднимался над городом, окруженный водой и стенами. На каждом углу больших каменных стен стоял огромный дом стражи с множеством этажей, брешами для лучников и навесами, чтобы ловить стрелы, выпущенные в них. Из-за стены выглядели многоэтажные вершины замка. Стены сияли белизной, навесы пагоды были темно-зелеными.

Янмей покачала головой, они прошли замок, назвав его неприступным. Харуто фыркнул и ускорился. Он кривился, и Кира догадалась, что только он из них был внутри замка. Он был Ночной Песней, его раньше любил император Ипии, он не только был в замке, он жил там. Кира хотела побывать внутри.

Гуан сказал, что императрица Исэ Рьоко была тщеславной женщиной. Кира гадала, было ли у нее много зеркал. Может, если она найдет подходящее зеркало на прилавке, она сможет увидеть, каким был замок внутри. Прорицание было непростой техникой, но Пятый Мудрец под Небесами научил ее основам в Хэйве. Кира не справлялась, но еще и не пыталась после уроков Гуана.

Харуто торопил их, и они вскоре пришли к маленькой гостинице в, по словам Гуана, захудалой части города. Табличка над дверью гордо заявляла: «Шитатару Бакецу». Харуто улыбнулся, пока они подходили, сказал им, что эту гостиницу давным-давно открыл его

друг. Кира гадала, как ощущалось, когда все, кого она знала, умерли. Хотя она была такой же — ее семья и все ее друзья давно умерли, но она их не помнила.

Они сняли две комнаты, заказали горячую еду и купание. Кира чуть не разбилась от восторга. Она не мылась с Гушона, недели назад, переживала, что пахла хуже задницы осла. Она хотела чистую одежду, новое кимоно, не загоревшее от пота. Ее волосы отросли, почти задевали плечи, и она гадала, сможет ли Янмей обрезать их, как нужно, или ей придется сделать это самой.

— Изуми где-то тут, — сказал Харуто, когда они поели и снова ощутили себя собой. Кира проглотила две миски горячего супа с лапшой, яйцами, свининой и овощами, которые она даже не успела рассмотреть.

— А другие онрё? — спросил Гуан. — Может, и убийца Тяна?

— Возможно, — сказал Харуто. Он подвинул чашку вина на столе, глядя на бледную жидкость. Кира играла с отражениями, заставила его увидеть летучих мышей под потолком, но Харуто не повелся. И она напугала Гуана тенью с топором. Старый мастер ци вздрогнул, повернулся к монстру, которого не существовало.

— Поймала, девочка, — он рассмеялся. — Даже кровь похолодела, — Кира усмехнулась ему.

— Останемся тут на ночь, — сказала Янмей. — А потом? Утром спросим о демонах из дыма и драконах за решеткой?

Харуто пожал плечами.

— Ночь хорошего сна пойдет на пользу всем вам, — Кира заметила, что он не включил себя. — Утром я найду храм, чтобы благословить ритуальные посохи. А потом повешу свою печать, и нам не придется спрашивать о ёкаях. Все захотят рассказать нам все истории о призраках и жуткие слухи.

Гуан рассмеялся.

— Половина работы оммедзи — уметь отличать правду от дураков и лжецов.

— Потому я нанял тебя, — сказал Харуто. Он сделал глоток вина. — Чтобы ты слушал весь этот бред, пока я работаю.

— Я думал, я был мулом?

— И это тоже, — Харуто подмигнул другу. — Ты должен как-то заслуживать деньги. Ты точно не делаешь этого поэзией.

— Капуста! Ты меня ранишь, старик. За это... — Гуан встал и громко кашлянул, чтобы привлечь внимание других посетителей. — Кто хочет послушать историю о жутком тэнгу, Вестнике Костей?

Кира первой подняла руку.

* * *

Все началось больше века назад, когда лошадиные лорды Нэша собрались под властью их лидера, варган, и напали на Хосу. То было тяжелое время в мире. Брат бился с сестрой. Империи сталкивались. Ипия была разделена, и пока семьи Исэ и Идо рвали империю на куски ради Змеиного трона, империя Кохран использовала свои приборы, чтобы проверить границу с Хосой. Все это время жители Нэша ждали в тени их выжженной солнцем пустыни.

Варган была великаном по имени Охмаа, умная женщина. Она собрала лордов и связала их стальными веревками обещаний и угроз, получила под своим знаменем могучую орду. Если бы Охмаа ордой, как копьем, ударила по сердцу Хосы, она сломала бы спину Десяти Королевств. Но Охмаа была умной. Она понимала правду. Хоса была плодом, висющим

низко, выглядящим спело. Ее силы были отвлечены, южная граница была не защищена. Но это было отравленное яблоко, и если бы нэшцы его проглотили, все, что построила Охмаа, увяло бы. Она знала, что народ Нэша не мог править Хосой, земля была слишком большой, не подходила для кочевого образа жизни ее людей. Они станут толстыми и ленивыми в роскоши королевств Хосы. Но она собрала лордов, обещая богатство и завоевания. И бой войны шептал на ухо Охмаа, гнал ее в бой.

Или она так думала.

Охмаа повела большую армию в Хосу. Река Сэра, самая большая и яростная из всех рек, появилась перед ними, естественный барьер между Хосой и Нэш. Но одно безопасное место для перехода было. Они звали его тогда Мостом Покоя, а теперь его чаще зовут Мостом Крови. Солдаты Хосы стояли на могучем мосту, и Охмаа знала, что тысяча солдат могла выстоять против десяти тысяч, такой была защита. Но нэшцы были находчивыми. Они построили тайно плоты, срубив ближайший лес и распугав местных духов. Они построили тысячи плотов, создали из них временный мост на самой спокойной части реки. Там они попали на территорию врага. На Хосу напали, а никто не знал об этом.

Охмаа ехала со своей ордой, сокрушая ближайшие города и деревня. Это была кровавая бойня, редкие жители Хосы выживали, чтобы рассказать о кричащей орде и лошадях с клыками, как у тигров. Сопротивления было мало, небольшие гарнизоны и герои, но никто не мог выстоять против количества воинов Охмаа, как и против самой Охмаа, которая билась хлыстом и мечом, ее жестокость поражала даже ее генералов.

Но нэшцы не занимали города. Они грабили их, забирали товары и лошадей через мост из плотов. Они оставляли только разрушения.

Темные создания собирались на местах развалин. Мстительные духи и пожиратели падали. Демоны собрались на земле, пропитанной кровью. Одну такую фигуру видели на месте каждой атаки нэшцев в Хосе. Огромного мужчину в пернатом плаще и соломенной тэнгай на голов. Его глаза были полны тьмы его души, а его аура была такой гадкой, что подавляла даже самых сильных героев. Хуже, его видели до того, как происходили атаки. Выжившие говорили, что видели, как по улицам бродил мужчина перед атаками, и он смотрел на резню с кровожадной радостью с вершины дерева, его пернатый плащ было видно в свете луны. Но это был не мужчина. Это был тэнгу. Гадкий демон. Вестник темных времен.

Хосанцы прозвали этого тэнгу Вестником Костей. Его присутствие приносило им кости и горе. Никто не хотел быть близко, увидеть тэнгу. Мужчины вздрагивали от теней. Женщины кричали от карканья ворон. Дети сочиняли о нем песенки, играя.

Ступай тихо, мой друг, Вестник пришел.

Убегай поскорей, пока он не нашел.

Из теней он следит, набирается сил.

Когда с громом придет, к огню убеги.

Охмаа и ее орда год мучили хосанцев. Они сожгли десятки городов, убили множество людей. Хосанцы пытались отбиваться, но они попали между двух войн. С одной стороны Нэш терзал их земли. С другой — кохранцы нападали огнем и механизмами. Но у одного генерала Хосы был план, и пока нэшцы выехали на нападение на еще одну деревню, он и его войска пробрались за ними и подожгли плоты Нэш. Той ночью Сэра горела. Когда Охмаа вернулась и увидела, что мост в ее страну был уничтожен, она была в ярости. Ее гнев был безграничным, и даже ее друзья боялись ее.

На следующий день Вестника Костей видели на самой высокой башне гарнизона с видом на Мост Покоя. Вся армия Охмаа напала на гарнизон. Бой был самым кровавым за десять лет.

Охмаа победила, но много ее людей умерло. Ее конь, которого она растила с рождения, был убит копьём. Некоторые говорят, что это лишило ее желания биться.

Охмаа больше не хотела этого. Она приказала орде пройти по мосту. Ее война против Хосы подошла к концу.

Если бы на этом все кончилось...

Вестник Костей стоял посреди моста. Он пришел к Охмаа. Она выехала навстречу ему в центр Моста Покоя, ее армия лордов с тысячью солдат стояла за ее спиной. Слухи об этом тэнгу долетели до нэщев, и она не собиралась глупо злить этого духа.

Вестник Костей трижды приказал ей вернуться в Хосу и закончить то, что она начала. Сначала он обещал ей богатство и власть. Потом угрожал ей. Потом пригрозил погубить лошадей, которыми так дорожили нэщцы. Тут Охмаа не выдержала. За оскорбление нэщцу можно было получить месть. За угрозу их лошадям можно было вызвать разрушение.

Она с ревом ударила по тэнгу. Ее верная орда бросилась на мост. Вестник Костей был ёкаем, да, но она была Охмаа, самая большая и сильная из нэщев, гордый варган лордов. Этого было мало. Ее атака не попала. Охмаа повернулась и напала на своих людей.

Никто из лордов Нэша не прошел по Мосту Покоя в тот день. Охмаа пала первой. Тысяча воинов. Тысяча лошадей. От разъяренного взгляда Вестника Костей они нападали друг на друга. И когда отряд Хосы дошел до моста, они обнаружили его в крови. Цвет остался до сих пор. Кровь смылась, но ужасный след остался.

* * *

Люди в таверне были очарованы историей Гуана. Хозяин, иностранец с бледной кожей и большими круглыми глазами, даже дал им пару бутылок вина за счет заведения. Гуан не вызвал аплодисменты. Так не делали в Ипии, но он видел, что им понравилась история. Он все еще предпочитал публику Хосы, которая шумела так, что могла привлечь внимание божеств.

— Я его видел, — сказал мужчина. — Он был худым, с волосатыми складками лица, словно когда-то был толстым. Вестник Костей. Крупный мужчина. У него пернатый плащ и шляпа-тэнгай.

— Ха! — закричал Гуан. Такой ответ часто всплывал после истории. Но тэнгай были не такой редкой шляпой. — Молись богам и звездам, чтобы ты обознался, мой друг. Где ходит Вестник Костей, следуют бой и смерть, — и он сел за стол и приподнял бровь, глядя на Харуто. — Ну, старик? Все еще думаешь, что мои стихотворения ужасные? — он постучал по бесплатному вину и налил себе в чашку.

Харуто пожал плечами.

— Это было не стихотворение. И ты это не писал. Думаю, Шэ Донглу первой придумала эту историю.

Гуан хмуро посмотрел на старого друга.

— *Вредный оммедзи.*

Критиковать горазд.

Как пуста его душа.

Харуто рассмеялся.

— Это было неплохо.

— Мне понравилась история, — сказала Кира. — Было интересно, — она снова играла с кинжалами. Четыре лежали на столе перед ней, каждый отличался. Она взяла один, улыбаясь отражению. — Я назову тебя Момо, — сказала она. — Момо, — она прижала кинжал плоской стороной ко лбу. — Момо.

Они говорили какое-то время после этого, обменялись историями и шутками. Гуан следил за Харуто. Его друг пытался скрыть, но он знал старика достаточно, чтобы видеть тревогу в его улыбке, слышать ее в его голосе. Изуми была в городе, и Харуто не успокоится, пока не найдет ее.

Глава 30

Гуан спал. Старый поэт всегда ложился на бок ночью, и его храп звучал как гром, но без молнии. Янмей и Кира были в своей комнате, Харуто надеялся, что и они спали. Им нужно было отдыхать. Они все нуждались в этом. Он гнал их из Гушона почти без остановок. Они быстро попали в Кодачи.

Харуто не мог спать. Он редко мог спать, но эта ночь была другой. Он сидел посреди их комнаты, скрестив ноги, и медитировал. Хотя это было беспокойным ожиданием, а не медитацией. Он ждал Изуми. Шики свернулась на его колене, закрыв глаза, сопя, как урчащий кот.

Он ощутил присутствие Изуми до того, как она открыла окно щупальцем из дыма. Он открыл глаза и прошел к окну, она отдернула дым, оставив на раме пятнышко сажи. Шики недовольно и сонно зарычала, забралась в его кимоно, устроилась у груди. Изуми стояла на улице внизу. Она была в том же белом плаще с золотой вышивкой, капюшон был поднят, скрывал ее лицо, черные стежки закрыли дыры, которые он оставил. Темный дым двигался внутри плаща, пятнал землю.

Харуто открыл окно полностью, выпрыгнул на улицу, почти беззвучно приземлился.
— Изуми, — сказал он, выпрямившись.

Она повернулась и полетела над землей, дым развеялся за ней. Харуто вздохнул и погнался за ней, но едва успевал. Она повернулась и изменила направление. Харуто затормозил и побежал за ней. Он чуть не позвал ее, но зачем? Она знала, что он был там. Она вела его куда-то. Может, в ловушку. Харуто было все равно. Это была Изуми.

Даже ночью на улице были люди. Кодачи был из городов, которые никогда не спали. Некоторые вздрагивали при виде ёкая и оммедзи, другие спешили прочь, чтобы не привлечь ненужного внимания. Харуто игнорировал всех. Важна была только Изуми.

Она замедлилась и остановилась. Харуто замер в дюжине шагов от нее. Он хотел подойти ближе, но боялся спугнуть ее, в прошлый раз он оказался отделен от ног из-за этого. Она заманила его в узкую пустую улицу. Фонари озаряли их мягким жёлтым светом. Здания над ними были темными, и все было тихим. Харуто ждал первый ход Изуми.

Изуми медленно повернулась к нему. В капюшоне была лишь тьма, но Харуто знал, что она смотрела на него. Она подняла рукав, дым вылетел из него и стал ладонью. Она подняла ее к капюшону, смотрела на нее, крутя, двигая пальцами, словно не ожидала такого. Она убрала капюшон. И там была она. Ее лицо в сером дыму. Нежность ее щек, изгиб ее губ, шрамик на лбу от столкновения со шкафчиком. Тот же завиток волос, прядь всегда выбивалась из пучка или косы. Такой он ее и помнил. Она коснулась ладонью из дыма лица, обвела пальцами нос, рот и глаза.

Харуто сделал пару шагов вперед.

— Изуми, — сказал он, не смог убрать надежду из голоса.

Она убрала ладонь от лица, посмотрела на него. Она сжала губы, скрыла капюшоном голову.

Харуто вдруг услышал шум, шаркающие шаги по оба конца улицы. Мужчины и женщины в керамической броне вбежали в улицу. Двери открывались, появлялось больше солдат. Они промчались мимо Изуми, окружили Харуто. Дюжина. Две дюжины. Три. Их броня была черной, золотая змея была на наплечниках, Змеиная Стража, элитные солдаты императрицы Исэ Рьоко. Харуто знал об их силе. Ему было бы сложно биться с одним таким солдатом, но не было шансов против множества. Они направил на него копья, вытащили их ножен мечи. Харуто оказался в кольце стали и брони без шанса сбежать.

— Шики, скройся, — шепнул он. Маленький дух свистнула с дрожью из его кимоно и пропала. Она была рядом, он ощущал, и она следила за ним, но была невидимой.

— Идемте тихо, мастер оммедзи, — сказал один из Змеиной Стражи, крупный мужчина со шрамами на лице и мечом в руке. — Императрица Исэ хочет поговорить.

Харуто опустил ладонь на катану. Рябь напряжения пробежала по солдатам вокруг него. За ними он заметил парящую Изуми, капюшон был повернут в его сторону. Даже если он сразится со Змеиной Стражей, выживет, придет больше. Бесконечный легион солдат. И Изуми. Она уже показала, что могла одолеть его одна.

Харуто пожал плечами, вытащил катану из-за пояса и бросил на землю.

* * *

Об императрице Исэ Рьоко говорили многое. Она была тщеславной женщиной, думающей много о своем облике. Ее способность управлять империей, несмотря на попытки ее кузена, императора Идо Танаки, свергнуть ее, потрясала. Она не родилась наследницей престола, а забрала его, когда убийца Тикающие Часы убил двух ее братьев, ее мужа, ее мать и пять ее племянников за одну ночь. Она удержала Змеиный Трон, казнив выжившего брата тем же утром, когда обнаружили убийства. Она была заботливой матерью и умелым

инструктором в бою и искусстве правления. Некоторые звали ее Ложной Императрицей, а другие считали ее почти божеством. Одно никто не мог про нее сказать — что она была ленивой.

Солнце едва целовало горизонт утром, когда она вышла из своих покоев, уже наряженная в красное одеяние для долгого дня при дворе. Ворона вылетела за ней, оставив на ковре за собой сажу. Императрица Исэ Рьоко оглянулась, приподняв бровь от бардака, но промолчала. Ей не нужно было говорить. Шестеро слуг устремились убрать за Вороной.

— Он у тебя? — спросила императрица Исэ Рьоко.

— Да, императрица, — сказала Ворона. Она ненавидела формальности, но Мастер сказал ей быть вежливой. Не важно, что Ворона могла легко убить императрицу. Они вели себя с ней как услужливые подхалимы. Пока что. — Ваш план сработал идеально, — Ворона рычала бы, будь у нее лицо. Это был план не императрицы Исэ Рьоко, а план Мастера. Хотя он не стал присваивать план.

Они прошли большое зеркало в коридоре, и императрица взглянула туда на миг и пошла дальше. Ворона парила следом, скользнула лозой из дыма по сияющей поверхности. Слуги тут же подбежали с тряпкой, стали натирать зеркало до ослепительного блеска. Императрица Исэ Рьоко проверяла себя в каждом зеркале, словно что-то могло измениться за дюжину шагов между ними. Она была безупречно красивой. Ее наряд был длинным, тянулся за ней, но не сминаясь. Ее волосы были собраны высоко на ее голове, замысловато уложены, обрамляли ее лицо, и ни одна прядь не была не на месте. Ее лицо было украшено множеством слоев пудры, но не было ни одной трещинки или пятнышка. Розовые щеки и рубиновые губы придавали ей здоровый облик. Императрица Исэ Рьоко взяла костюм, который ее заставили носить, пока ее брат сидел на троне, и превратила его в символ власти. Теперь все леди Ипии хотели одеваться и выглядеть как императрица. И мужчины не могли отвести от нее взглядов. Ворона уважала то, какой себя сделала императрица, но все равно недолюбливала ее.

Императрица Исэ Рьоко замерла на развилке коридоров. Мягкие ковры и чистые стены тянулись во все стороны.

— Я хочу увидеть этого бессмертного оммедзи.

— Вряд ли это хорошая идея, — сказала Ворона. Что-то странное было в замке. Что-то... знакомое. Это вызывало в ней зуд, как муравей на лице. Но у нее не было лица, и она не помнила ощущение, когда что-то ползло по ней. Она поняла, что все зловеще притихло. Слуги отпрянули от нее. Трое из Змеиной Стражи, следующие за ними на расстоянии, шагнули ближе.

Императрица Исэ Рьоко оглянулась, приподняв бровь, грациозную, как катана.

— Я решу, какие идеи хорошие, существо, — сказала она тихо, но с такой злобой, что цвет и тепло пропали из людей вокруг них.

Ворона поклонилась как можно вежливее без рук, ног или головы. Она просто наклонила плащ, но это произвело желанный эффект. Императрица махнула ей вести. Дым Вороны бурлил, она полетела мимо императрицы. Она хотела задушить императрицу своим дымом. Змеиная Стража не сможет ее остановить. Их мечи не пугали ее. Но Мастер не будет рад. Почему-то он верил, что она была им нужна на их стороне.

Императрица Исэ Рьоко вздохнула из-за пятен сажи, которые Ворона оставляла на коврах, но прошла вперед, хоть ее туфли и испачкались.

Они покинули ковры, вошли в подземелье. Холодный серый камень казался

стандартным украшением, а звук капающей воды был постоянным, как всхлипы пленников в камерах. Ворона слышала, что три сына императора Идо Танаки навсегда остались во влажной тьме. Но у мятежного императора еще было чем мешать врагам.

Двое из Змеиной Стражи стояли у камеры оммедзи. Они выпрямились перед тем, как императрица увидела их. Дверь тут же открыли, и императрица Исэ Рьоко замерла на пороге и смотрела.

Оммедзи был прикован к стене, сидел на коленях, руки были вытянуты в стороны, оковы на запястьях держали его, как мертвого жука. Он выглядел неловко, но не был побежден. Его синее кимоно сползло с плеча, он выглядел немного потрепанно.

— Изуми, — сказал оммедзи. Он даже не взглянул на императрицу Исэ Рьоко. Ворона скривилась. Хотя ее капюшон скрывал реакцию. Ее губы дрогнули в улыбке, она поняла, что у нее снова были губы, потому она кривилась и улыбалась.

Императрица взглянула на Ворону, потом на оммедзи.

— Вы знаете друг друга.

— Да, — прохрипел оммедзи.

— Нет, — сказала Ворона.

Императрица задумалась. А потом прошла в камеру. Двое из Змеиной Стражи поспешили за ней. Ворона не была уверена, что женщине нужна была такая защита. Она выглядела способной, что не вязалось с ее статусом. Ворона парила за ними, ждала у стены. Ей не нравилось, как оммедзи смотрел на нее, словно в камере никого не было.

— Так ты бессмертный? — спросила императрица Исэ Рьоко.

Оммедзи лениво взглянул на императрицу и медленно покачал головой.

— Нет.

Императрица Исэ Рьоко посмотрела на Ворону.

— Уверю вас, он такой. Когда мы встретились в прошлый раз, я отделила ноги от его тела. Но... — она указала ладонью из дыма на оммедзи, пошевелила пальцами, потому что они у нее были.

Императрица протянула тонкую ладонь.

— Меч, — рявкнула она, и страж дал ей свой меч, вложил рукоять в ее ладонь. Императрица склонилась и нежно прижала меч к лицу оммедзи. Он застонал. Она оставила тонкий порез на его щеке, смахнула капли крови с клинка на стену, протянула меч стражу.

Оммедзи кривился от боли, пара капель крови катились по его щеке, капала с его подбородка. Они смотрели, как рана закрылась. Кровь была единственным следом ее существования.

— Поразительно, — сказала императрица Исэ Рьоко. — Расскажи, откуда такая техника?

Оммедзи вздохнул, опустил голову, подбородок коснулся груди.

— Вам не понравится цена.

— Ты расскажешь мне тайну, — сказала уверенно императрица Исэ Рьоко. — Мои люди умеют допрашивать. Все говорят мне то, что я хочу знать. И с тобой им не нужно было сдерживаться. Они могут экспериментировать. Разрезать тебя на кусочки и посмотреть, как это работает.

— Звучит чудесно, — сказал оммедзи, но Ворона услышала дрожь в его голосе.

— Нужно продержат его тут, пока план Мастера не будет завершен, — сказала Ворона. Пытки не были необходимы.

Императрица изящно фыркнула.

— Да, но пока он тут, мы можем выяснить, что он знает, — она сделала паузу, чуть нахмурилась. — Если он исцеляется, как ты говоришь, что мешает ему отгрызть руку, чтобы сбежать?

Ворона представляла, что боль помешает ему это сделать. Но, может, были другие методы. Она забрала меч из руки стража, бросилась вперед и вонзила клинок в грудь оммедзи. Он закричал, вскинул голову. Он смотрел в капюшон Вороны, хоть она вонзила в него меч.

Ворона отпрянула, ощутила стену за спиной. Она тяжело дышала. Она дышала. В этом не было смысла. Ей не нужно было дышать. Но ее грудь вздымалась и опадала, словно она дышала. Ее дым кипел, будто сердце дико билось. Дым ударил по земле и растекся к уголкам камеры. Она пыталась совладать с собой.

— Ясно, — холодно сказала императрица Исэ Рьоко. — Он не может исцелиться, пока клинок все еще в нем, — она повернулась к Змеиной Страже. — Вонзите дюжину мечей в его грудь. Хотя бы один должен пронзить его сердце. Это должно задержать его, мы разберемся с ним позже, — она вышла из камеры, рывкнула Вороне следовать за ней.

Оммедзи завизжал, страж вонзил еще один меч в его грудь.

Ворона улетала, но не только чтобы догнать императрицу, но и ей нужно было убраться от оммедзи и его агонии. И ее боли. Чем дальше она была от него, тем более размытой становилась. Ее лицо и ладони снова лишились формы. Контроль вернулся, а форма пропала. Это было к лучшему. Так было удобнее.

— Нужно обсудить мою сторону сделки, — сказала императрица Исэ Рьоко по пути. — Я воссоединю свою империю, и вы мне поможете.

Они уже отправили Сифэнь оторвать голову императору Идо Танаке, но Ворона не могла это обсуждать. Оммедзи закричал снова, и Ворона хотела, чтобы императрица шла быстрее. Хуже было, когда крики прекратились.

Глава 31

Гуан бурчал. Янмей поняла, что он издавал такой звук, когда ему нужно было что-то сказать.

— Я хотел у тебя кое-что спросить, — сказал он.

Янмей взглянула на старого бандита. Он хмурился, глядя на улицу перед собой. Близился вечер, они пополняли припасы: новая одежда, еда, бумага, чернила. Харуто не было видно, но Гуан решил, что это не было странным. Оммедзи часто уходил сам, когда ему нужно было поговорить с его шинигами. Кира убежала вперед, ее потрясали город и его жители, магазины и храмы. Все восторгало ее. Это было чистое удивление ребенка, что-то, чего ее лишили.

— Говори, — сказала Янмей, пока они шли. Утро было приятным, хотя воздух был холодным, и она ощущала себя спокойнее, чем когда-либо после Хэйвы.

— Ты преподавала в академии, — сказал Гуан, — вместе с Тяном. Ты хорошо его знала?

— Достаточно хорошо, — сказала Янмей. Они дружили. Они во многом не соглашались, но между ними было взаимное уважение.

Гуан снова забурчал.

— Каким он был? Я, кхм... не знал его. Он не говорил со мной. Я видел его в последний раз пятнадцать лет назад, и мы поссорились. Ему хватило ума уйти, пока один из нас не сделал то, что нельзя было обратить.

Кира остановилась впереди и смотрела на мастерскую кузнеца. Молоток гремел, звон наковальни разносился по улице. Несколько прохожих взглянули на Киру, как на дурочку, и Янмей хотела увести ее подальше от них.

— Ты должен понять, Гуан, — сказала Янмей. — Для детей бандитов жизнь тяжела. Много... горя. Нас многое заставили увидеть. Много заставляли делать.

— Я его не заставлял ничего делать, — быстро сказал Гуан. — Я держал его в стороне. Это было не как у тебя и Пылающего Кулака. И твоего брата. Я не удерживал его.

Янмей дала ему говорить. Она давно поняла, что спорить с оправданиями не было толку. Ее молчание показывало, чем они были.

— Он знал, каким ты был, и что ты делал? — спросила она, когда он закончил.

Гуан кивнул.

— Тогда ты сделал его сообщником, как если бы дал ему меч и сказал убивать, — она знала, что это звучало жестоко. Но это было правдой. Она знала это лучше всех. — Он был твоим сыном, любил тебя. Я это знаю. Порой он жалел об этом, но он любил тебя. Мы, дети бандитов, придумывали оправдания для своих родителей в юности. Приходилось, иначе мы не знали, как существовать. Они — наши родители, они должны любить нас, а мы — их. Так что мы придумывали оправдания тому, что они делали. Мы оправдывали их, хотя они не

соответствовали этому. Даже когда они считали, что им не нужны оправдания. Это ты сделал с Тяном. Ты сделал его сообщником даже без действий. Он нес это бремя за тебя, потому ты потерял его.

Янмей поняла, что Гуан плакал. Старый бандит вытирал глаза, пока шел.

Кира впереди металась от одной стороны улицы к другой, нюхала запах жареной рыбы у ресторана. Она юркнула в здание, через пару мгновений вышла с рыбой на палочке. Янмей услышала крик из ресторана, поспешила вмешаться. Ушла пара льен, больше, чем стоила кушиагэ, и извинения, и повар согласился не звать стражу. Кира не понимала, что сделала что-то плохо. Такое произошло не впервые. Она не раз попадала в беду в Хэйве, когда брала то, что ей не принадлежало. Пришлось долго объяснять ей, что вещи принадлежали людям, и их было неправильно забирать. Мораль ей всегда тяжело давалась.

— Я снова это сделала, да? — сказала Кира, когда Янмей заплатила за рыбу. — Прости. Я не хотела. Я знаю, что это неправильно. Я забыла. Прости, — она расстроилась, уже забыла простую радость от еды. Янмей не нравилось лишать ее этого.

— Он был хорошим, — сказала Янмей, когда они пошли дальше. — Я о Тяне, — она поняла, что не ответила на вопрос Гуана, зато укорила его из-за прошлого. Она не хотела его ранить. Это ее отец причинил ей всю боль. Но он был мертв уже пятнадцать лет, и она только передавала свою печаль Гуану. — Он любил учить детей. Особенно истории. Думаю, у него было немного духа поэта.

— Ха! — сказал Гуан. — Так я не зря рассказывал ему истории. Я всегда думал, что ему было скучно, потому он засыпал.

— Он... — Янмей сделала паузу, задумавшись, причинит ли вопрос больше боли, но она хотела знать. — Он вернулся ёкаем?

Гуан кивнул.

— Харуто сказал, что общая боль и гнев всех учеников и учителей, убитых в Хэйве, собрались в Тяне. Это вернуло его, но это был не он. Или это был он, но он потерялся в боли и горе. Это его исказило... — он покачал головой.

— Я не удивлена, что это был он, — сказала Янмей, они прошли к магазину, где продавали бумагу. — Он любил школу и детей. Конечно, он стал центром их горя. Думаю, он забрал бы все сам, если бы выбирал, чтобы не страдали другие.

Гуан кивнул. Они остановились у магазина, и он сказал:

— Харуто вмешался. Он убьет онрё, который убил Тяна, и даст моему сыну покой, какого он заслуживает. Он это сделает, — и он прошел в магазин.

Кира ждала снаружи с Янмей. Она доела кушиагэ, стояла близко. Она обвила Янмей руками, пока они ждали.

— Прости.

Янмей потрепала ее волосы.

— Рыба хотя бы была вкусной? — спросила она.

Кира улыбнулась.

— Она была немного соленой.

— Вряд ли стоила два льен?

Кира фыркнула.

— Двух не стоила. Наверное, даже не стоила извинений. Он должен был заплатить мне за то, что я ее съела.

Янмей рассмеялась с ней.

Дальше по улице мужчина вышел на дорогу, махал чему-то кулаком. Янмей увидела, как собачка бросалась между ног людей, вопя, дико мотая головой, нюхая воздух.

— Может, ты не единственный вор на улицах Кодачи сегодня, — сказала Янмей.

Кира покачала головой и отошла от магазина бумаги.

— Это Шики! — она замахала руками, позвала маленького духа, хоть и привлекала внимание.

Шики увидела Киру, перестала нюхать и побежала к ней. В последний миг дух выпрыгнула из тануки. Тот рухнул на землю, растерянно перекатился. Шики врезалась в грудь Киры, забралась под ее плащ, все время щебеча.

— Помедленнее, — сказала Кира.

Тануки зарычал, повернулся и убежал. Гуан вышел из магазина с охапкой покупок — бумаги и новой кисти. Он увидел комок шерсти, щебечущий в руках Киры, и огляделся. Он нахмурился.

— Где Харуто?

— Его поймали, — сказала Кира, глядя на духа, цепляющегося за ее хаори. — Он у императрицы.

Гуан застонал.

— Капуста!

* * *

Шики не умолкала. Маленький дух переживала, прыгала на плечах Киры, махала ручками. Она сказала Кире, что не была так далеко от Харуто с тех пор, как он призвал ее, и это было так давно, что бедняжка уже не помнила время до того, как была привязана к своему оммедзи.

Кира пыталась утешить Шики, сказать духу, что все будет хорошо, но она была в панике и не слушала, было сложно слушать Янмей и Гуана. Они быстро шли к замку, словно собирались пробить стены и забрать Харуто силой. Кире нравилась идея, но Шики сказала ей, что Харуто в плен забрала тысяча солдат. Хотя Кира сомневалась, что дух умела считать. Или знала цифры.

Дорога к замку была хорошо защищена. Дюжина солдат стояли наготове по бокам. Они замедлились, пока шли мимо. За стражами был мост над водой. Канал был широким, перепрыгнуть не вышло бы. За мостом были ворота крепости и стены. Кира не была экспертом в осаде замков, но ей казалось, что втроем они вряд ли преуспеют. Она смогла бы отвлечь солдат у дороги, но стены были высокими, и внутри солдат было еще больше.

— Должен быть способ войти, — прорычал Гуан на другой стороне дороги. Он повернулся и пошел обратно, глядя на замок. Худой солдат с крючковатым носом и нависающим лбом заметил. Наверное, не каждый день недовольный старый поэт бродил у стен и смотрел на них с бурей на лице.

Янмей схватила Гуана, не дав ему пересечь дорогу в третий раз, и солдаты стали шептаться. Она была в своей накидке со старой, обожженной и потрепанной кольчугой, вшитой в нее, несла нагинату, так что выглядела как воительница, хоть и старая.

— Ну же, — прошипела она, пока тянула Гуана. — Не хватало еще быть арестованными. Это не поможет Харуто.

Гуан буркнул и дал Янмей увести его.

Они покинули замок. Шики все щебетала, Кира убрала маленького духа под свой плащ, чтобы она ненадолго притихла. Она свистела и кусала Киру за пальцы, но Кира хотя бы

могла думать, пока старалась не отставать от Янмей и Гуана.

— Я могу знать способ найти его, — сказала она. — Или хотя бы увидеть, в порядке ли он.

— Как? — Гуан хмуро посмотрел на нее.

Кира запнулась и остановилась, не зная, почему Гуан злился на нее.

— Я знаю прорицание, — сказала она. Это было почти ложью. Она знала теорию, и все. — Отчасти. Мне понадобится зеркало, но я могу использовать его... должна смочь увидеть его через зеркало. Если он у зеркала, наверное, — если подумать, шанс успеха казался крохотным, было даже глупо.

Гуан буркнул и пошел прочь. Он спросил что-то у нескольких прохожих. Наконец, толстая женщина с пучком волос сказала ему что-то, и они пошли снова. Старый мастер ци привел их к магазину далеко от замка. В магазине на каждой стене были зеркала. Свет из окна отражался от каждой поверхности, делая магазин ярким, как в летний день. Идеально. Кира ощущала себя почти как дома.

Смутное воспоминание мелькнуло в голове. Она одна сжималась на полу в полной тьме, мир без границ и смысла. Мир ничего, и она была заперта в нем. Она была заперта так долго, что помнила только себя. Порой люди смотрели на нее, и она отпугивала их. Кира не знала, почему пугала их. Она слышала, как стекло трещало, ощущала зуд, по груди тянулась линия огня. Она отогнала чувство. Не было времени на воспоминания.

Хозяйка магазина, тощая женщина с гнусавым голосом, сказала:

— Я могу помочь... — она притихла, глядя на трех странных посетителей, — вам?

Кире нужна была тишина для прорицания, и она уже ощущала, что эта женщина станет ей мешать. К счастью, Кира была в своей стихии. Худая женщина поглядывала в зеркала на себя, и Кира показала ей толпу красноглазых демонов в черной керамической броне, у каждого была катана в крови. Глаза женщины расширились, она вскрикнула, выбежала в заднюю дверь магазина.

— А? — охнул Гуан. — Что это было?

Кира пожала плечами, подражая Харуто, хотя это казалось неправильным. Янмей смотрела на нее, хмурясь. Это тоже было неправильным. Она не должна была пугать людей без повода, хотя, казалось, у нее был идеальный повод.

— Это сработает, Кира? — спросила Янмей, глядя на зеркала.

— Угу, — Кира подошла к большому зеркалу на резной деревянной подставке. — Это идеальное.

— Слишком большое, девочка, — сказал Гуан. — Мы не сможем его двигать без телеги.

— Тогда лучше сделать это тут и быстро, — сказала Янмей. — Вряд ли хозяйка будет долго набираться смелости вернуться.

— Надеюсь, она вернется одна, — сказал Гуан.

— Шшш! — зашипела Кира. Ей нужна была тишина, и было уже достаточно шумно из-за писка Шики. Она взглянула на маленького духа в складке своей хаори. — Это и тебя касается. Ты же хочешь, чтобы я нашла Харуто?

Шики свистнула и моргнула большими глазами.

— Хорошо. Тогда помолчи.

Кира выдохнула и прижала ладонь к поверхности зеркала. Они были далеко от замка, дальше, чем ей нравилось. Она ощущала другие зеркала по всему городу через это. Будто все зеркала вели в пространство, которое существовало и нет. Но даже это было не совсем

правильно. Они не были связаны с местом. Они были соединены друг с другом.

— Это работает? — спросил Гуан.

Кира недовольно посмотрела на него. Она повернулась к зеркалу и смотрела на него. Гуан говорил, что императрица была тщеславной, любила свое отражение. Значит, в замке было много зеркал. Огромная коллекция, собранная вместе. Их было легко найти, но до них было сложнее дотянуться. Мудрец учил ее этой технике в Хэйве. Он смотрел в чашку чая и видел людей и места далеко от себя. Он говорил, что вся вода была связана, вся вода была едина, и она помнила, как была едина, так что через каплю воды можно было посмотреть на всю воду. Настоящая техника добавляла в воду ци, чтобы дать ей приказ, сказать ей, что ты хотел видеть. Кира так и не справилась с этим, и Мудрец сказал, что ей не по силам эта техника. Но она попробовала это один раз с зеркалами и связалась с местом между ними. Она направила ци через свою ладонь в зеркало.

Стекло треснуло, ледяной хруст был протяжным. Линия огня поднялась по шее Киры к щеке. Она увидела девочку, сидящую одиноко в крошечной тьме, где никогда не существовал свет. Она плакала. Нет, она пела. У песни не было слов, но Кира узнала мелодию. Девочка подняла голову и посмотрела на Киру. У нее не было глаз, ее глазницы были черными дырами.

Кира разбилась и отпрянула от зеркала, сдавленный вопль вылетел из горла. Осколки рассыпались вокруг нее, звякая, слетая с ее одежды, пропадая, когда они падали на пол.

Янмей оказалась рядом с ней, прижала ладонь к ее спине.

— Кира? Ты в порядке?

Кира кивнула, пытаясь найти голос. Сердце колотилось, и она сжимала кулаки, ногти впились в ладони.

— Ты не обязана... — сказала Янмей.

Кира стряхнула ладонь Янмей и прошла к зеркалу. Она должна это сделать. Должна найти Харуто, и ничто, особенно смутное воспоминание о прошлом, которое она не помнила, не мешает ей. Она прижала потную ладонь к зеркалу, на поверхности появилось пятно крови от места, где ногти пронзили кожу. Она посмотрела в зеркало. На ее коже не было трещин, ее глаза не были бесконечной пустотой. На нее смотрела только она. Она толкнула свою ци в зеркало, искала зеркала замка. И нашла их. Сотни, в каждой комнате, в каждом коридоре. Она смотрела через все. Она видела нарядных людей, пустые коридоры, роскошные комнаты, главный зал, полный людей и солдат, трон был вырезан как свернувшаяся змея. Она быстро обошла их, чтобы не засмотреться. Но она не нашла Харуто.

Кира вздохнула и тряхнула головой. Она снова подвела их. Они полагались на нее, и она была бесполезна.

— Я не могу его найти.

Гуан прошел в другую часть магазина, рыча, как голодный волк.

— Все хорошо, — сказала Янмей. — Ты пыталась.

Кира посмотрела на нее, на сострадание в ее глазах.

— Нет. Харуто у них, а я бесполезна, — она убрала ладонь от зеркала, услышала нить ци, соединяющую ее с отражением. Она была там на миг, нота задержалась, разносилась эхом, а потом звук угас почти до тишины. Но нота была там. Это была связь.

— Что теперь? — рявкнул Гуан.

— Шики сказала, что он был в замке, — сказала Янмей. — Но я не могу понять, как нам войти.

— Я не брошу его, — рявкнул Гуан. — Я не могу.

Янмей лишь покачала головой.

Гуан потер тонкую бороду.

— Может, я могу войти как поэт, убедить их дать мне выступить для императрицы. Или я могу сделать бумажную лестницу, чтобы забраться по стенам.

— За каждым дюймом стены следят, — сказала Янмей. — Может, через час или два, когда наступит ночь, мы сможем найти брешь, но... — она вздохнула.

Кира пыталась не слушать их. И Шики снова пищала. Шума было слишком много. Она прижала ладонь к зеркалу и пыталась связаться с зеркалом в замке. Она смотрела на украшенную комнату. Она казалась пустой. Кира убрала руку и снова услышала мелодию ци. Она держалась за нее в этот раз, слушала ее, напрягая уши, вливая в связь свою энергию.

Шики забралась на ее плечо и свистнула.

— Ты не знаешь, что я делаю, — сказала Кира.

Шики снова свистнула.

— Ладно, может, знаешь. Это может сработать.

Молчание маленького духа не поддерживало ее.

— Я все равно попробую!

Больше тишины.

— Я могу пройти, — сказала Кира, не давая Шики переубедить ее. — Наверное.

— Как? — спросил Гуан.

Кира посмотрела на Янмей.

— Думаю, я поняла, как использовать технику твоего друга.

Янмей нахмурилась. Она взглянула на зеркало, потом на Кру.

— Это слишком опасно.

Кира прикусила губу.

— Возможно, но я хочу попробовать. Прощу, позволь, — она улыбнулась, надеясь, что выглядела уверенно.

Янмей смотрела тихо на пол мгновение. А потом кивнула.

— Будь осторожна. Не рискуй. Если выглядит слишком опасно, уходи оттуда. Возвращайся сюда.

Кира кивала на каждое указание Янмей. Она сняла Шики с плеча и опустила духа на пол.

— Ты не можешь идти со мной, — Шики прыгнула на ногу Кире и стала забираться по ее штанам. Кира сняла ее и опустила на пол снова. — Ты не можешь идти. Я не смогу взять тебя туда, — дух посмотрела на нее и моргнула.

Кира выпрямилась, и Янмей обвила ее руками.

— Будь осторожна, — прошептала она. — Мы будем тут ждать тебя. Вернись.

Кира кивнула и отодвинулась от Янмей, повернулась снова к зеркалу. Она глубоко вдохнула и сосредоточилась на нити ци, еще тянущейся к зеркалу.

— Я могу это сделать, — сказала она себе и поняла, что звучала не очень уверенно. — Я могу это сделать!

* * *

Янмей смотрела, как Кира отошла на два шага, побежала и прыгнула в зеркало. Оно разбилось, осколки упали на пол, гремя. Она пропала.

— Э? — Гуан поспешил к зеркалу, осторожно обошел осколки на полу. Он заглянул за

зеркало. — Куда она делась?

— Ушла сквозь зеркало, — сказала Янмей.

Старый бандит приподнял седые брови.

— Ты знала, что она так умеет?

Янмей улыбнулась.

— Вряд ли она знала до этого момента.

— Куда она ушла?

— Надеюсь, в замок.

— Надеешься? — Гуан почесал подбородок.

Янмей не думала, что старый бандит понимал, какой храброй была Кира. Она была заточена в зеркале больше восьмидесяти лет, и теперь она рисковала снова, чтобы найти Харуто.

— Если она справится, ей нужно будет выйти из зеркала, — Янмей глубоко вдохнула и кивнула. Она не давала себе переживать. Она подражала Кире в храбрости. — Похоже, я пока что остаюсь тут.

Глава 32

Зеркало разбилось за ней, и Кира остановилась на мягком ковре среди мерцающих осколков. Она мгновение стояла, не зная, что дума. А потом подпрыгнула и хлопнула в ладоши.

— Сработало! Сработало! — она захихикала, зажала ладонью рот. — Не верится, что это сработало, — сказала она между пальцев. Она говорила себе, что могла это сделать, но отчасти ожидала, что врежется головой в зеркало и добьется только шишки. Но это сработало. Она прошла сквозь зеркало и вышла из другого. Теперь ей нужно было только понять, куда она вышла.

Она была в огромной спальне. Спальня леди, судя по женщине, глядящей на нее в безмолвном ужасе. Она была старше Киры, довольно милая, но из-за макияжа. Ее волосы были наполовину уложены, и она держалась рукой за столик рядом с собой, словно только это не давало ей упасть. На столике были разные баночки, гребни, кисти и зеркальце. Она глубоко вдохнула и открыла рот для крика.

Кира бросилась мимо огромной кровати, создала кинжал в ладони и прижала клинок к горлу женщины. Женщина закрыла рот и смотрела на нее.

— Прости за это, — сказала Кира. Она не знала, что делать тут. Убить женщину? Нет, это звучало плохо.

Шики запищала в плаще Киры и прыгнула на ее плечо. Кира охнула, и женщина охнула с ней. А потом женщина снова открыла рот с красными губами.

— Прошу, не надо, — Кира покачала головой. Женщина подавила крик. — Что ты тут делаешь, Шики? — спросила Кира. Как ты... прошла со мной?

Маленький дух запищала.

— Ха, — Кира улыбнулась, радуясь больше, чем хотела признавать, тому, что была не одна. — Это было бы полезно знать. Я могу взять кого-то с собой, — она задумалась и отогнала идею. — Но мне нужно сделать это быстро и тихо. Янмей уже не быстрая, а Гуан такой же тихий, как ржавое колесо. Нет! Придется делать это одной.

Шики запищала.

— Ну, да. Одна с тобой. Теперь. Что нам делать с ней?

Пушистый дух посмотрел на женщину на конце кинжала Киры. Она прищурила яркие глаза и чирикнула.

— О, хорошая идея, — сказала Кира. Она посмотрела на женщину. — Простите за это. Вы не знаете, где подземелье?

— Эм, — женщина медленно открыла рот и прошептала. — В подвале, наверное?

Кира кивнула.

— Логично, — она посмотрела на Шики на своем плече, и дух скрестила ручки и кивнула ей. — То есть, вниз по лестнице?

Женщина странно скривилась и кивнула.

— Хорошо. Спасибо, — Кира убрала кинжал. — Ладно. Пора найти Харуто и убираться отсюда, — она повернулась и пошла к двери. А потом поняла. Она не могла просто оставить женщину тут. — Как только я уйду, вы найдете ближайшего стража и расскажете обо мне, да? — спросила она холодным голосом.

— Что? — прошептала с дрожью женщина. — Нет. Не расскажу.

Кира вздохнула и посмотрела на женщину.

— Вы расскажете, — она отвела руку, чтобы метнуть кинжал, но Шики тревожно запищала, гневно прыгая на плече Киры, указывая на женщину. — О, звезды! Ты права. Конечно. Убивать ее неправильно. Янмей будет в ярости, — женщина ждала с огромными глазами, застыв, держась за столик. — Простите, — Кира шагнула вперед, развернула кинжал и стукнула рукоятью по голове женщины. Кинжал разбился, и женщина упала со стуком, кровь потекла по виску. — О, нет-нет-нет, — сказала Кира, Шики спрыгнула с ее плеча, чтобы проверить женщину. — Он мертва? Я не хотела убивать. Простите.

Шики свистнула.

Кира выдохнула с облегчением.

— Раз дышит, это хорошо, да?

Шики пожала плечами, как Харуто. А потом чирикнула.

— Что с того, что ты — дух? Это не значит, что ты не можешь понять, что дыхание — это хорошо. И я тоже дух, откуда мне знать?

Шики пискнула.

— Я — наполовину дух.

Еще писк.

— Ладно, если я не дух хотя бы отчасти, как я понимаю тебя?

Шики молчала пару секунд. Они смотрели друг на друга. Шики забралась по ноге Киры. Кира подняла ее и опустила на свое плечо.

— Хорошо. Я могу это сделать.

Шики чирикнула.

— Ладно, мы сможем. Дальше — подвал.

Шики вздохнула и засвистела.

— Облик? Гениальная идея, Шики, — Кира открыла большой шкаф рядом с кроватью. Три десятка кимоно разной формы, стиля и цвета висели внутри. — Ох... — она смотрела на них пару секунд, опешив. А потом вытащила лазурное роскошное кимоно с белыми треугольниками. Кимоно было легким, она едва ощущала его, ткань была мягкой, как облако. — Красивое.

Шики заворковала, погладила ручкой ткань.

— Слишком нарядное?

Шики потерла подо ртом, как Гуан тер кривую бороду, и запищала.

— Ты права. Что-то проще, — Кира порылась в шкафу и нашла коричневые хакама с серыми облаками, вышитыми на них. Она подобрала похожую хаори. Эта одежда больше подходила для пути, а не двора, достаточно простая, чтобы не привлечь внимания, и ткань была достаточно прочной, чтобы не порваться от малейших движений. Она сняла плащ и штаны, укуталась в кимоно и завязала пояс.

Она сдвинула дверь спальни, кривясь от шума. Замок выглядел странно. Деревянные стены и двери, но они открывались как бумажные в Ипии. Она выглянула в коридор, проверила обе стороны. Никого не было. Она вышла и закрыла за собой дверь. Коридор был коротким, резко поворачивал после пары десятков шагов.

— Думаю, нам нужно найти лестницу вниз, — шепнула Кира. — Это звучит правильно?

Шики чирикнула.

— Ты не помогаешь.

Кира пошла по коридору, делая большие шаги, а потом поняла, что выглядела

подозрительно, и она сливалась бы лучше, если бы не шла как цапля. Те, кого она встретит, поймут, что она не отсюда? Она могла изобразить служанку, если они не будут присматриваться. Она все еще обдумывала варианты, когда завернула за угол и увидела пару стражей, шагающих в ее сторону. Двое мужчин, высокие, в зеленой керамической броне Изумрудного Легиона. Кира прижалась к стене и поклонилась, пока они проходили. Мужчина с пухлым носом едва взглянул на нее. У другого были впавшие щеки и жалкое подобие бороды. Он окинул ее взглядом, остановился и пригляделся к духу на ее плече.

— Что на твоём плече? — страж оскалился, словно разговор с Кирой мог вызвать у него болезнь.

Кира сглотнула. Она могла создать пару кинжалов и ударить, но даже если она победит, ей придется убирать тела. И Янмей не одобрила бы это. Убийство людей было неправильным, даже когда они могли быть опасными? Это все ее путало.

— Эм. Это Шики. Она — кошка.

— Мяу, — сказала Шики, совсем не похожая на кошку.

— Кошка? — сказал страж с пухлым носом. — Что с ней?

— Она уродливая, — Кира дружелюбно улыбнулась. — Вы знаете лордов и леди с их странностями.

Страж с пухлым носом кивнул.

— Принц держит лягушек, — он вздохнул. — Лягушек! Склизкие мелочи. Я наступил как-то на одну, и она взорвалась. Жижа всюду.

— На кошку не похоже, — сказал страж с худыми щеками.

Другой покачал головой.

— А демон из дыма возле императрицы не выглядит как человек, но нам сказали не думать об этом.

— Тихо! — прошипел первый страж. Они пошли по коридору, уже забыв о Кире и Шики. — Нельзя так говорить. Нельзя открыто критиковать императрицу, — они пропали за углом, и Кира выдохнула.

— Мяу, — снова сказала Шики.

Кира закатила глаза.

— Из тебя плохая кошка. Ты не можешь стать невидимой?

Шики свистнула и закатила глаза.

— Что значит, ты не хочешь?

Маленький дух скрестила ручки и отвернулась от Киры. Они нашли лестницу, ведущую вниз. Было непонятно, вела ли она в подвал, но пока она спускалась, Кира считала это прогрессом.

* * *

Гуан расхаживал по магазину зеркал. От молчания Янмей он переживал и злился только сильнее. Она сидела на полу, пока они ждали возвращения Киры, напоминая раздражающую и немного осуждающую статую. Наверное, так она справлялась с ситуацией. Многие медитацией отгоняли тревогу. Не Гуан. Он был плох в медитации. Он предпочитал двигаться, тратить энергию. Даже, когда он был в расцвете сил, от мысли, что он будет сидеть, пока мир почти рухнет вокруг него, ему хотелось кричать.

Ночь накрыла город одеялом. Фонари на улицах зажгли, и люди все еще ходили по своим делам. Гуан зажег лампу в магазине и поискал чайник и жаровню. Чай поможет ему успокоиться. Чай всегда помогал. Он не мог отогнать чувство, что что-то шло не так. Что он

больше не увидит Харуто.

Гуан не смог найти чайник, сдался и сделал еще круг по магазину. Хозяйка не вернулась. Кира хорошо ее напугала, но женщина не бросит свой магазин. Он подошел к зеркалу в четвертый раз с тех пор, как Кира пропала в нем. Рама осталась целой, но осколки усеивали пол тысячей отражений.

— Я такого еще не видел, — Гуан смотрел на зеркало. — Эта девочка — чудо.

Янмей рассмеялась.

— Она так быстро растет. Она повзрослела за эти несколько недель сильнее, чем за десять лет в Хэйве.

Гуан хмыкнул, подбирая слова.

— Она быстро учится, да. Я редко встречал тех, кто так быстро учился ци.

— Другие учителя в Хэйве звали ее медленной. Они говорили, что с ней что-то не так, что ей не хватает сосредоточенности других детей. Я хотела верить в иное, но ее всегда было сложно обучить. Она не сосредотачивалась, не понимала основы, чтобы учиться. Даже Мудрец отчаялся. Она не овладела несколькими техниками, которым он ее учил. Он сказал, что ей быстро становится скучно, и она легко злится, потому ничему не учится, — Янмей притихла на пару секунд и посмотрела на Гуана, хмурясь. — Ты сделал все с ней игрой. Каждый урок — испытание, игра, в которой нужно победить. Это работает.

Гуан почесал бороду, потянул за колтун.

— Так меня учили. Работало лучше уроков. Я не мог долго сидеть, когда был юным. Чтение книг или лекции учителей об истории и политике были скучными. А потом старый Одноглазый Джезо взял меня под крыло, и я смог учиться. Теперь я понимаю, что все разные. Мы думаем по-разному, ощущаем по-разному. Может, и учимся по-разному. Некоторые могут учиться по книгам и словам, которые слушают, другие лучше справляются, когда есть вызов, когда весело.

— Спасибо, что учишь ее. Приятно видеть ее счастливой и учащейся, а не скучающей и недовольной. Приятно знать, что я не ошиблась в ней.

Гуан хмыкнул, думая, что сказать. Янмей приподняла брови, она склонила голову к нему.

— Надеюсь, ты не против моих слов, — сказал Гуан. — Но я думаю, что ты ошиблась с той девочкой. Не пойми превратно, ты хорошо ее вырастила, но ты защищала ее. Это заметно. Ты годами следила, чтобы у нее не было ответственности.

— Я думала, что ее лучше оградить от этого, дать ей время понять, кто она. Я хотела защитить ее от мира.

Гуан покачал головой.

— Тут ты неправа. Ты не ограждала ее, а удушала. Некоторые... думаю, Кира из тех, кому нужна ответственность, чтобы она была сосредоточена. Ты говоришь, что за эти недели она выросла сильнее, чем за последние десять лет. Может, потому что у нее появился шанс. Это не всегда плохо. Хорошо давать кому-то место расти, но порой нужно дать и повод расти.

Янмей смотрела на Гуана какое-то время в тишине. Он почесал бороду снова, ему было не по себе от такого внимания. Наконец, она сказала:

— Думаю, мой отец ошибался насчет тебя. Он звал тебя глупым бешеным зверем за убийство его сына, но ты не такой. И ты куда мудрее, чем я думала.

Гуан рассмеялся.

— Спасибо, наверное. Двусмысленным комплиментам я всегда рад. А твой брат...

— Все хорошо. Он заслужил смерть.

— Возможно. Но я не убивал его, — снаружи раздался шум, шаги стучали по дороге.

Гуан прошел к двери и приоткрыл ее. — О, капуста!

— Что там? — Янмей уже вставала, опираясь на нагинату, пытаясь выпрямить спину.

Гуан закрыл дверь.

— Пора уходить. Женщина вернулась, и она привела солдат. Много солдат.

Янмей размяла плечи и шею до хруста.

— Я никуда не пойду. Я жду, пока Кира не вернется, — она прошла к двери и сжала ручку. Она замерла с ручкой в одной руке и нагинатой в другой. — Ей нужно зеркало, чтобы вернуться.

Гуан гадал, ждала ли Янмей от него другой вариант. Но у него не было варианта. Они не могли выйти отсюда, неся достаточно большое зеркало, чтобы Кира могла в него пройти. Он даже не знал, могла ли девочка найти их, если они уйдут в другое место. Он не понимал ее технику, не знал ее пределы. Он не мог помочь Янмей. Его клятвы не давали ему брать оружие или забирать жизни. Он мог предложить только побег. И он знал без сомнений, что она не примет такой вариант. И он дал ей единственное, что смог придумать:

— Удачи.

Янмей глубоко вдохнула, открыла дверь и вышла на улицу. Ее ждала дюжина солдат.

Глава 33

Кира искала часами. Так казалось. Она всегда плохо следила за временем. Наступила ночь. Она замечала в окнах темное небо. Но замок был огромным, титан из дерева и камня, рядом с которым академия Хэйва выглядела как сарай в саду. Коридоры выглядели одинаково. И она порой слышала топот ног, пряталась в комнатах от проходящих солдат. Патрули проходили не часто, но она знала, что теряла время. Утром замок оживет, и она не сможет так ходить. Кто-то поймет, что она не отсюда.

Она ждала в очередной темной комнате, когда пройдут солдаты. В кровати был мужчина, запутался в простынях и храпел почти так же громко, как Гуан. Кира прошла к огромному зеркалу перед шкафом, прижала к нему ладонь. В каждой комнате в замке были зеркала, большие и маленькие. И в некоторых коридорах они были. Сотни зеркал, в которые Кира могла заглянуть, но они не могли ей помочь. Ей нужно было в место, где нет зеркал. Но, может, это могло помочь. Ей просто нужно было изменить взгляд. Не искать зеркала в подземелье, а искать место в замке, где нет зеркал.

Было сложно сосредоточиться, храп мужчины терзал тишину и ее спокойствие. Кира подумывала перерезать ему горло, но это было бы плохо. Она напоминала себе об этом

каждый раз, когда он наполнял комнату шумом. Она искала в зеркале на шкафу несколько минут, заглядывая в сотню разных зеркал, пока не нашла то, в котором было видно коридор справа с лестницей вниз. Она пыталась найти зеркало ниже, но ничего не было. Там было подzemелье. Она хотела прыгнуть сквозь зеркало, когда увидела четырех солдат в коридоре, слева от зеркала, в зеленой керамической броне с копьями в руках. Ей нужно было как-то отвлечь их.

Кира выскользнула из спальни храпящего мужчины и поспешила по коридору, потом по еще одному коридору. Несколько поворотов, близкая встреча с пьяным шатающимся мужчиной, и она нашла нужный коридор. Но, когда она прошла мимо него, четыре солдата еще были там. Двое прислонялись к стене, сняв шлемы, курили. Еще двое играли во что-то, подавая друг другу сигналы руками. Что бы они ни делали, они мешали ей.

Она скользнула в первую попавшуюся комнату, чтобы придумать план. Тут было тесно, пахло уксусом, у стен стояли швабры, корзины с тканью. Она не могла подвести тут. Она знала, что нужно было как-то пройти мимо стражи. Гуан и Янмей будут разочарованы, если она вернется к ним без Харуто. Ей нужно было доказать, что она могла сделать это сама... как-то.

Шики запищала.

— Я не могу биться с четырьмя сразу, — она сделала паузу, задумалась и покачала головой. — А если один убежит?

Еще писк.

— Я не знаю, как, — она не могла стать невидимой, но, может, могла сделать кое-что не хуже. Она взяла с крючка фартук, надела через голову, схватила деревянное ведро и швабру. В последний миг она вспомнила о Шики на своем плече. — Скройся, — маленький дух буркнула, звуча как Гуан. — Или стань невидимой, или полезай в ведро, — Шики смотрела миг на ведро, взглянула на Киру, свистнула и прыгнула в ведро с плеском. Кира открыла дверь и пошла к стражам.

Четверо стражей, трое мужчин и одна женщина, все еще играли руками, но они застыли, увидев ее. Кира не поднимала взгляда. Слуги всегда так делали. Они вели себя покорно, много кивали. Шики смотрела на нее из плещущейся воды в ведре.

— Что это? — спросил солдат с промасленными усами.

— Убираю камеры, — сказала Кира.

Женщина хмыкнула.

— Что случилось с Чимико?

Кира чуть не запаниковала. Видимо, Чимико была обычной уборщицей.

— Она, кхм, упала. Сломала запястье.

Два других стража засмеялись, словно пострадавшая девушка была поводом для веселья.

— Тогда иди, — сказала женщина.

Кира кивнула, как и должна слуга, и поспешила мимо.

— погоди, — сказал мужчина с промасленными усами. — Я пойду с тобой. Там опасные пленники. Тебе понадобится защита.

— Капуста! — прошептала Кира.

— Что? — спросил солдат с усами.

— Эм, — Кира улыбнулась ему. — Повторяю список покупок. Мне нужна капуста для, кхм, госпожи. Для ее еды.

Солдат нахмурился и продолжил шагать. Кира посмотрела на ведро. Два ярких глаза

глядели на нее. Вид Шики придал ей смелости. Она ждала, пока солдат пройдет мимо нее, поведет ее в подземелье.

Лестница вела в давящую тьму. Каменные стены были влажными и холодными. Место странно ощущалось, воздух страданий проникал отовсюду.

— Ты не поверишь, каких монстров тут запирали, — сказал солдат, пока они шли. — Многие никогда уже не увидят света дня. Порой еще слышно их крики. Можешь в это поверить? — он оглянулся, глядя усы, и улыбнулся Кире. — Давно мертвы, но их духи все еще тут. Местные зовут их ёкаями. Знаешь, что это значит?

— Никогда о них не слышала, — сказала Кира сухо. Внизу лестницы открывалось подземелье, широкий коридор с парой догорающих фонарей и дворец по бокам. Запах немых тел заставил Киру сморщить нос.

— Призраки, — сказал солдат, подмигнув ей. — Жуткие создания, которые воют и пристают к одиноким. Но не переживай. Я тут, чтобы тебя защитить.

Кира закатила глаза и взглянула на Шику в ведре.

— Мы уже достаточно далеко? — прошептала она. — Прошу, скажи «да».

Шики выглянула из воды и чирикнула.

— А? — сказал солдат. Он развернулся, Кира ударила его ведром по лицу. Дерево треснуло, вонючая вода пролилась на стену. Солдат рухнул у каменной стены, оглушенный, но упрямо глядящий на нее приоткрытым глазом. Шики цеплялась за его наплечник, прижала руку к его лицу. Кира ударила его по грудной пластине так сильно, что она треснула. Глаза стража закатились, он обмяк на полу. Шики опустилась на нем, а потом подняла ручки в победе, хотя она не помогала.

Кира стряхнула боль с костяшек. Было глупо бить его так, но иначе пришлось бы зарезать его. Янмей хотела бы, чтобы она вела себя мирно.

— Ладно, где Харуто?

Шики поднялась по ее фартуку, села на плече, встряхнулась, как собака, и вонючие брызги отлетели в лицо Киры.

— Ты ужасна, — Кира попыталась сбить маленького духа пальцем.

Шики отбила палец, свистнула и огляделась. А потом пожалела плечами.

— Ты не знаешь?

Шики запищала.

Кира вздохнула.

— Ужасная и бесполезная.

Возле двери каждой камеры висел железный ключ на крючке, и в каждой двери была прорезь, чтобы заглянуть. Кира работала методично, заглядывала в каждую. Многие были пустыми. Некоторые содержали неподвижные тела и запахи, от которых казалось, что их обитатели гнили. Она надеялась, что они не обошлись с Харуто так плохо. Но он был бессмертным, что они могли сделать с ним? Она надеялась, что ничто.

Она не нашла ничего живого в дюжине камер, подошла к двери с тонкой линией света в щели. Она открыла прорезь, заглянула внутрь. Камера была озарена мерцающими свечами. В углу стояла маленькая койка, стол с кучей книг, на стуле сидел и читал мужчина. Он выглядел удивительно чистым для пленника, но не был Харуто. Кира стала закрывать прорезь.

— Кто тут? — сказал мужчина. У него был приятный голос. Кира заглянула снова, мужчина смотрел на нее со своего места. — Кто ты?

Кира подумывала закрыть прорезь и пойти дальше, но он мог закричать. Она не могла этого допустить.

— Я — слуга, — сказала она.

Мужчина глубоко вдохнул, прищурился и покачал головой. Он был худым и изящным, длинные темные волосы были собраны в хвост, глаза были светло-кариими. Он встал, она увидела придворное одеяние. Она думала, все пленники были в лохмотьях, но этот был нарядным, жил относительно уютно.

— Ты не слуга, и ты не из Кодачи, — сказал мужчина, прошел к двери, почесывая ухоженную щетину на подбородке. — У тебя не тот акцент, и на твоём плече сидит дух. Кто ты?

Кира отпрянула от двери, мужчина склонился и прижался глазом к прорези, посмотрел на нее.

— Я ищу друга, — сказала она ему.

— В подземелье? — спросил мужчина, приподняв брови.

— Он... интересный друг. Он тут новый. Только сегодня привели.

— Ах, оммедзи, — мужчина чуть отодвинулся от двери. — Это объясняет духа.

— Вы знаете о нем?

— Я слушаю, — мужчина закатил глаза. — Тут мало дел, — он просунул палец в прорезь и указал. — Он где-то там. Думаю, он со стражами, так что он очень интересный, ведь они даже меня не охраняют.

— Спасибо, — Кира повернулась, чтобы уйти.

— погоди! Ключ от моей двери там, — выпалил мужчина. — Я дам тебе, что захочешь. Богатства, землю. Место при дворе. Вечную благодарность, конечно.

Кира повернулась к двери.

— Откуда у вас это? Вы — пленник.

— Я — пленник-королевич, — мужчина улыбнулся в прорези. — Принц Идо Кацуо! — он указал через прорезь на Киру.

— Почему принц в подземелье? — Кира посмотрела на его ладонь. Кожа была чистой и мягкой, но она не знала, почему он указывал на нее. Она отвлеклась. Ей нужно было найти Харуто.

— Я пробрался в замок и пытался убить тетушку Рьоко. Как видишь, я ее недооценил. И теперь я тут, — он пошевелил пальцами и убрал ладонь в камеру.

— Вы — убийца? — спросила Кира.

Мужчина замер, улыбка пропала.

— Мне нравится считать себя тем, кто решает экономические проблемы.

Кира повернулась, чтобы уйти.

— Стой! Ты не просто спасешь меня. У меня тут не меньше двух братьев. Ты сохранишь род Идо. Вся королевская семья будет у тебя в долгу. Подумай, о чем ты можешь попросить. И тебе нужно только дать мне ключ, — он высунул ладонь и указал на ключ, висящий у двери.

Кира пожала плечами, подражая Харуто, хотя и не идеально.

— Я хочу только своего друга, — она поспешила прочь, но замедлилась от мысли о словах мужчины, о том, что было правильно, и что сделала бы Янмей. Кира развернулась и прошла к двери. Принц уже вернулся за стол.

— Ты — враг императрицы? — спросила Кира.

— Иначе я не пытался бы ее убить.

— Если я тебя выпущу, это устроит ей проблемы? — спросила Кира. Императрица работала с онрё. Она заточила Харуто. Она была плохой, и проблемы для нее были хорошим делом.

Шики пискнула, но Кира зашипела на духа.

— Вот, — сказала Кира. Она сняла железный ключ с крючка и сунула в прорезь. — Освобождайся, — она повернулась и поспешила на поиски Харуто.

Теперь она знала, что Харуто охраняли, и было просто найти его камеру. Только возле нее сидели стражи. Они вдвоем сидели за столиком. Один был крупным мужчиной, броня едва вмещала его грудь. Другим была женщина с длинными черными волосами. Они бросали кости и ничего не замечали. Им не повезло, терпение Киры было на пределе.

Она создала в ладони кинжал и подняла перед лицом.

— Момо, — она бросила его к стражам и приказала разбиться, когда он долетел до них. Он осыпал стол и стражей зеркальными осколками. Кира не могла сделать многое с такими маленькими отражениями, но она заставила двух солдат увидеть ослепительную вспышку. Они отклонились на стульях, протирая глаза и ворча. Кира тряхнула другим запястьем и побежала к ним.

Крупный солдат встал, когда Кира скользнула мимо него на коленях, ударила по его лодыжкам кинжалом, который назвала Луна. Он взвыл и рухнул на колени. Женщина с темными волосами потянулась за мечом, но Кира ударила ее кулаком по запястью, схватила за нагрудную пластину и перекинула через плечо в стену. Она пнула голову женщины, разбив ее керамический шлем, лишив ее сознания.

Великан поднялся на ноги, сжимая столик. Рана на его лодыжке не была глубокой, но замедляла его. Он вытащил меч из ножен, но Кира взяла стул и ударила им по его голове, стул разбился на кусочки. Солдат пошатнулся и упал лицом на стол, игральные кости рассыпались. Он не двигался.

Кира смотрела миг на свои ладони. Она так легко одолела стражей. Может, Харуто был прав. Она была сильнее, чем думала.

Шики запищала и замахала руками.

— Да! Прости, — Кира схватила ключ со стены и отперла дверь.

В камере Харуто не было кровати, стола или свеч, только Харуто, прикованный к стене, дюжина мечей торчала из его груди. Его волосы свисали вокруг качающейся головы, доставали до пола. Его кимоно было изорвано. Кровь стекала алыми реками по трещинам в камне, собралась на полу. Он не дышал.

— Нет-нет-нет, — Кира подбежала к нему. — Харуто? Ты меня слышишь? — она подняла его голову. Его глаза были открытыми, но стеклянными, пустыми. Его плоть была холодной. Она повернулась к Шики. — Что делать? — маленький дух стояла на пороге, глаза были огромными на ее темном лице. Она даже не пискнула.

Кира стиснула зубы, нервничая, сжала кулаки, пытаясь решить, что делать. Она схватила меч в груди Харуто и вырвала его. Было сложнее, чем она думала, словно плоть держалась за сталь, отказывалась отпустить. Она бросила меч в угол камеры. Струйка темной крови потекла из раны, но Харуто не двигался.

Шики скулила на пороге. Кира посмотрела на духа. Она не знала, что сказать.

Она повернулась к Харуто, выдернула другой меч из груди. Он был вонзен глубоко, смертельный удар для смертного. Но он был бессмертным, да? Она отбросила меч и сжала

другой. Слезы лились по ее лицу, но она вытаскивала меч за мечом из груди Харуто, пока они не кончились. Он обмяк в цепях, все еще не двигаясь.

Кира опустилась рядом с Харуто, сжала цепь, приковывающую его к стене. Она дергала, тянула, но, хоть Кира была сильной, металл был сильнее. Она подняла меч из кучи, ударила им по цепям. Металл высекал искры с шумом стаи злых ворон, но цепи держались. Она ударила еще раз, на третий удар клинок сломался, но цепь выдержала. Кира взяла другой окровавленный меч с пола и указала им на Шики.

— Заходи, — сказала она.

Маленький дух смотрела, дрожа всем телом, и пищала.

— Больно не будет. Ты будешь в порядке, — сказала Кира. — Я видела, как ты разрешила вещи твёрже этого. Ты справишься.

Маленький дух прошла вперед, двигаясь скованно, забралась по фартуку Киры, впиалась в ее руку. Она грустно свистнула и прыгнула в клинок.

Боль опалила руку Киры, поднялась к груди и по спине с такой яростью, что она завизжала и упала на колени. Она едва могла двигаться. Боль обжигала конечности, прогнала ее мысли. Она закрыла рот, чтобы не закричать, услышала другой звук. Тихий дрожащий свист.

«Прости, Шики, но мы обязаны это сделать», — шурясь сквозь слезы, Кира заставила себя встать, сжала меч обеими руками. Боль усилилась, бежала по ее рукам и била по спине, ослепляя. Кира думала, что потеряет сознание. Она глубоко вдохнула, широко расставила ноги и махнула Шики на цепь, соединенную с левым запястьем Харуто. Алый клинок встретился с черным железом и рассек его, концы цепи шипели и дымились. Харуто обмяк, одна рука все еще была присоединена к стене. Кира пробралась мимо его ног, шурясь от слез. Она подняла Шики и закричала, обрушила меч на вторую цепь. Харуто упал лицом на каменный пол и не двигался.

Шики выскочила из меча на пол со стуком. Ноги Киры не выдержали, она рухнула. Она отбросила меч и посмотрела на свои ладони. Красные ожоги покрыли ее ладони, из некоторых текла кровь. Боль была всюду, как монстр, от которого она не могла сбежать. Казалось, если она закроет глаза, боль проглотит ее и не отпустит. Но на это не было времени.

Шики защебетала, подползла к Харуто и потерлась об его шею, но в звуках не было слов. Только печаль. Кира подползла к ним на четвереньках, но не знала, что теперь делать. Она не знала, как оживить Харуто. Она посмотрела на павшего оммедзи, на духа и обратно.

— Прости, — прошептала она. — Я не знаю, что делать.

— Ай, — сказал Харуто, голос был тихим, как крылья бабочки.

Шики прыгнула и прижала ручки к лицу Харуто.

Кира придвинулась и помогла Харуто повернуться на спину. Он посмотрел на потолок и застонал.

— Если шинигами предложит тебе бессмертие... — он облизнул пересохшие губы, — прогони его.

Кира захихикала. Она знала, что это было не смешно, но она не сдержалась. Она была рада, что он был жив. Она заплакала снова, но не от боли. Она упала и обвила руками Харуто.

— Все еще ранен, — пропыхтел Харуто.

— Прости! — Кира отпрянула. — Ты можешь идти? Нужно уводить тебя отсюда.

Харуто застонал.

— Помоги встать.

Кира сжала его руку, помогла ему подняться на ноги, закинула руку на свои плечи. Он был тяжелее, чем она ожидала. Его ноги волочились по полу шаг, другой... а потом он накренился. Кира уронила бы его, но она вытянула свободную руку и схватилась за дверь. Шики сидела на его плече, волосатые ручки обвили его шею. Она щебетала ему обо всем, что случилось с его плена, и как она боялась. Кира кивала.

Харуто охнул, приподнял бровь, пока они шли мимо стражей без сознания у его камеры, но он ничего не сказал об этом, пока Кира вела их по тому пути, каким пришла.

— Через зеркало? — спросил Харуто, когда Шики дошла до той части истории.

Кира усмехнулась ему.

— А как я тебя выведу, по-твоему?

Глава 34

Харуто запнулся об первую ступень лестницы из подземелья, ноги подкосились. Он утащил с собой Киру, и они ударились об ступеньки. Все его раны болели. Его пронзали, сжигали, рвали... и только за последние пару дней. Столько смертей, но ни одна не добила его. Он впервые оставался со сталью внутри. Его тело пыталось зажить вокруг мечей, слиться с ними, а теперь они пропали, чего-то не хватало.

Он лежал на ступеньках, тяжело дыша, желая, чтобы боль прекратилась. Он потерял слишком много крови, ему нужна была вода. Пот стекал по его спине, он дрожал от холода. Он хотел побить каждого, кто говорил, что его бессмертие было даром, рассмеяться в их лица.

— Дай мне минутку, — прохрипел он, пытаясь перевести дыхание.

Кира посмотрела на лестницу, потом на Харуто. Она тревожно переминалась, а потом посмотрела на свои ладони в волдырях.

— Почему было больно? — сказала она. — Когда я держала Шики, было больно. Это... — она показала ему красные ладони. Шики пискнула и кивнула.

Харуто затерялся в боли и не сразу понял, что она говорила с ним.

— Шики была подарком моего покровителя-шинигами, — сказал он. Он закрыл глаза, тьма была приятной. — Оммедзи нужно призвать шикигами, но Оморецу послал ее мне, — он похлопал Шики по голове. — Она выглядит мило в этом облике, но когда она захватывает оружие, она вспоминает свою истинную цель, духовный клинок. Ее цель — убивать ёкаев. А ты, Кира, ёкай. Было больно, потому что она существует, чтобы убить тебя. Ты не должна была смочь держать ее, это могло погубить вас обоих. Прошу, больше так не делай.

Шики пискнула и похлопала ручкой голову Харуто.

— Прости, я... только это смогла придумать, — Кира вздохнула. — Идем, — она схватила Харуто за руку и подняла его. Он застонал, прислонился к ней, не мог стоять. Она кряхтела, но взяла его вес на свои плечи. И они продолжили путь по лестнице.

Харуто сосредотачивался на каждой ступени, и даже так они будто плавали перед его глазами. Его ноги были неуклюжими, не слушались, и силы почти пропали.

— Ты... не должна была приходить за мной, — тихо сказал он.

— Ты не должен был попадаться, — сказала Кира. — Но я тут, осталось пройти

немного. Тише.

Они дошли до вершины лестницы, длинный широкий коридор раскинулся впереди. У дальнего конца три солдата отдыхали за столиком. Они не обращали внимания, но стояли на пути, и Харуто был не в состоянии биться с ними.

— Нам нужно дойти до зеркала, — прошептала Кира, указывая на большое дерево на стене на середине коридора между ними и солдатами.

— Почему?

— Я проведу нас сквозь него, — сказала Кира. — Не шуми, и когда я прыгну в зеркало, ты тоже прыгай.

Они пробрались вдоль стены к зеркалу. Стражам нужно было лишь повернуть голову, и их обнаружат. Они не могли спрятаться. Харуто сосредоточился на ногах, старался шагать уверенно и тихо. Кровавые следы тянулись за ними, след мог заметить даже слепой.

Когда они дошли до зеркала, Кира остановила их. Она нахмурилась, смотрела на зеркало пару секунд, потом опустила ладонь на сияющую поверхность. Шики пискнула, поддерживая ее, но Харуто не нравилась идея путешествия сквозь зеркало. Кира сжала его крепче и бросилась вперед. Она прыгнула в зеркало, и он тоже прыгнул.

Зеркало разбилось на сто тысяч мерцающих осколков. Харуто ударился об стену и упал среди осколков на полу кровавой кучей боли. Солдаты закричали. Он знал, что нужно было встать и встретить их на ногах. Кира пропала, исчезла в зеркале, как и сказала. Ему нужно было биться, или они вернут его в камеру. Он вряд ли мог бы пережить еще один удар мечом.

Стражи поспешили к ним.

— Шики?

Маленький дух пискнула и забралась по его груди на плечо. Она стала шаром света, и женщина с выпирающим подбородком замедлилась и уставилась на нее. Харуто склонился и схватил кусок зеркала. Он посмотрел на бегущих к нему солдат, его ноги задрожали.

Первое копьё пробilo его грудь.

* * *

Янмей была ураганом. Солдаты кружили ее, она им позволила. Они думали, что поймали ее. Она двигалась так плавно, словно года отпали с нее, крутила нагинатой. Конец древка с цветущим лотосом попал по нагрудной пластине солдата с плоским носом, оставил трещину и оттолкнул его на землю. Другие подступали. Янмей притянула оружие к себе, пригнулась, уходя от копья, пнула по ногам большого солдата, лишая его равновесия. Она развернулась, взмахнула нагинатой, ударила солдата по голове, и он обмяк на земле.

Еще два солдата приближались, делая выпады копьями. Янмей отбила их оружие нагинатой и пробежала между ними, выбив плоской стороной клинка ноги из-под того, кто был крупнее. Она повернулась и ударила цветком по паху солдата поменьше.

Гуан скривился от вида и звука удара, а потом от скуления солдата, схватившегося за себя. Было сложно не сочувствовать бедняге, чей виноград так давили. Несчастный рухнул на колени, все еще держась за себя, упал на бок. Янмей уже двигалась, увернулась от еще одного копья, пронесшегося возле ее уха.

Еще три солдата пали один за другим, Янмей кружилась среди них, била по их шлемам и разбивала броню. Она была ужасом, бурей ударов и обещаний боли. Но она проигрывала. Гуан видел это ясно, как чернила на странице. Она никого не убивала, даже не калечила. Она использовала плоскую сторону клинка и цветок. Она разбивала броню и ломала кости,

но большая часть ран не была калечащей. Она старалась никого не убивать, и это лишило ее жизни.

Но, пока Гуан смотрел, как Янмей билась, он понял кое-что еще. Она не замедлялась. Она тяжело дышала, но ускорялась. Ее удары били все сильнее. Солдат с примятыми орешками поднялся на ноги и подобрался близко к ней, а потом схватился ладонью за лицо и отшатнулся от жара. Янмей источала его.

Капитан стражи еще не вступил в бой. Он был юношей с темными волосами под шлемом и щрамом над правым глазом. Его броня была черной, а не зеленой, и красный плащ свисал с плеч. Змеиный страж, один из элитных солдат императрицы. Гуан смотрел, как мужчина повернулся к высокой женщине рядом с ним и отдал приказ. Женщина повернулась и побежала в город, явно за подкреплением. Капитан вытащил два меча и вступил в бой.

Янмей встретила стража бурей ударов, у Гуана кружилась голова от них. Капитан стражи двигался плавно, бил быстро мечами по Янмей. Янмей отступала шаг за шагом, ее нагината кружилась в руках, останавливая каждый удар. Она развернулась, и клинок нагинаты пронесся на волосок от земли, поднимая пыль, она ударила по мечам капитана, направляя их вниз. Капитан принял всю силу удара Янмей своими мечами. Удар должен был согнуть его сталь, разбить плоть и кости. Но капитан принял атаку, громко охнув, и земля под ним покрылась трещинами, они потянулись во все стороны от него. Гуан узнал технику. Этот страж мог отражать энергию, так что голой силой его защиту не пробить.

Капитан стражи оправился быстрее, чем ожидала Янмей, и бросился к ней. Он ударил мечом по ее груди. Кольчуга на ее накидке приняла почти весь удар, но меч нашел немного плоти между звеньями. Капли горячей крови упали на землю. Янмей отшатнулась на шаг, но капитан давил. Он сделал выпад мечом, и Янмей отбила его нагинатой. Но другой клинок возник из ниоткуда, устремился к животу Янмей. Она как-то повернула нагинату и смогла отразить меч, но тот рассек древко ее оружия надвое. Капитан повернулся и ударил Янмей по груди ногой, отбросил ее в стену магазина зеркал. Она рухнула со стоном.

Гуан открыл дверь и вышел наружу. Капитан Змеиной стражи взглянул на него, щурясь, а потом на Янмей, которая пыталась встать. За ним были еще три солдата, но они были ему не нужны. Два старых бандита не могли сравниться с его юношеской силой и его техникой.

— Сдавайтесь, — сказал капитан стражи, голос был высоким и презрительным. — Другого шанса не будет.

— Я не пойду никуда, пока не вернулась Кира, — сказала Янмей. — Ей нужно зеркало, чтобы вернуться.

Гуан буркнул. Он другого и не ожидал. И ему не нравилось сдаваться мужчине вдвое младше него. Он кашлянул.

— Боюсь, сдать — не выход, хотя я ценю предложение. Очень щедрое.

Если капитану не нравилась идея убивать их, он не подал виду. Он шагнул вперед с мечами наготове, солдаты были за ним.

Гуан услышал, как в магазине разбилось стекло. Он улыбнулся и развернулся. Киры там не было, но лампа, которую он зажег раньше, была разбита, огонь поднялся у дальней стены магазина. Струйка огня потекла по магазину, сожгла дверь, как бумагу, и устремилась в ладони Янмей.

Капитан стражи отпрянул на шаг, хмурясь. Янмей шагнула туда, где он был до этого, ее кулаки пылали, рукава сгорели. Гуан не замечал раньше, но сейчас она выглядела как ее отец. Она унаследовала горящие кулаки Пылающего Кулака. Но не только это. У них была

одинаковая каменная челюсть и глаза, похожие на пруды масла, желающего загореться.

Янмей напала на капитана быстрее, чем прыгала раньше. Техника ее отца питала ее врожденную технику, от этого она двигалась быстрее. Она ударила по капитану горящим кулаком, Гуан едва мог уследить. Капитан ударил обоими мечами, левым, а потом правым, формируя Х, но Янмей отскочила и бросилась, вонзила пылающий кулак в его нагрудную пластину, разбивая ее и поджигая тунику под ней. Он рухнул на землю, покатился, чтобы потушить огонь. Янмей стояла миг над ним. Она подняла колено и наступила на его бедро. Гуан услышал громкий треск. Солдат закричал и пополз, волоча сломанную ногу. Рычащая женщина появилась вместо него, направила копьё к лицу Янмей. Янмей отклонилась и схватилась за древко. Ее ладонь сожгла дерево, словно это был старый свиток. Она схватила кусок с клинком, бросилась вперед и вонзила его в плечо женщины. Женщина завизжала, упала кусок древка, и Янмей пнула ее в грудь, отбрасывая ее на землю. Другой солдат на улице вскрикнул и убежал.

Остался капитан страж. Он осторожно шагал к Янмей, хромая. Гуан не мог поверить, что он стоял. Огонь поднялся от кончиков пальцев Янмей до локтей. Она широко расставила ноги и руки, чтобы ее плащ не загорелся. Grimаса на ее лице говорила Гуану, что ей было больно. Кира была права: техника Янмей убивала ее.

Янмей бросилась к капитану. Он взмахнул мечами, но она отбила их и ударила его кулаком по груди, пробивая его броню. Он закричал, отшатнулся и сплюнул кровь. Янмей схватила его клинки. Ее огонь вспыхнул сильнее, горячее. Страж закричал и отпустил мечи. Он смотрел на нее миг, а потом повернулся и пошел прочь, хромая. Янмей бросила мечи на землю. Они стали кривыми, дымились, растаяли. Она смотрела вслед капитану, а потом ее огонь угас, и она рухнула на колени.

Гуан подбежал к ней. Она дрожала. Ее ладони были черно-красными, волдыри лопались, кожа сгорела. Она прижала ладони к груди, хрипло дышала. Ее глаза были дикими, озирались, не сосредоточенные.

— Ты можешь встать? — спросил Гуан.

Янмей посмотрела на него, и он увидел страх в ее глазах. Она отдала всю себя и победила, но цена была велика. Слишком велика.

— Нужно идти, — он поднял ее на ноги, хотя она обжигала. Люди уже собирались на улице. Слишком много глаз смотрело на них. — Мы устроили сцену.

— Нет... — Янмей кривилась от боли, — Кира еще не...

Гуан взглянул на дверь магазина зеркал. Комната горела, и внутри дерево почернело, падали балки, летали угли. Гуан прошел к горящему дверному проему, надеясь забрать с ними зеркало, но жар был слишком сильным. Он попятился, схватил Янмей за руку.

— Не выйдет, — он попытался оттащить ее. Она боролась, вырвалась и подошла к магазину. Она не могла приблизиться без своей техники. Гуан знал, что она погибнет, если попытается. Он схватил ее за руку и оттянул. — Ты не сможешь Кире, если будешь мертва, а мы не можем оставаться тут. Здание рухнет, и капитан вернется вскоре с подкреплением. Нужно идти. Сейчас!

Янмей смотрела на магазин еще миг, а потом кивнула, помрачнев, сжалась, пока Гуан выводил ее.

— Кира найдет нас, — Гуан надеялся, что это было правдой. — Как-то, — они побежали по улицам, Гуан отчасти тащил Янмей, шум людей, спешащих тушить огонь, утих за ними.

Глава 35

Копье торчало из его груди, Харуто зарычал от боли, солдат с носом как у свиньи оттолкнул его. Он опустил ладонь на копье солдата, поломал древко. А потом бросился вперед, врезался в солдата и вонзил осколок зеркала в бедро мужчины. Солдат взвыл от боли, и Харуто сжал его лицо и ударил головой об каменную стену. Солдат рухнул, потеряв сознание, но не умерев, и Харуто упал на пол через миг, едва дыша.

Харуто поднял голову и увидел, как солдат с выпирающим подбородком бросилась к нему, ее лицо исказил гнев. Харуто поднялся на колени, вытащил копье из груди и метнул в нее. Оно отлетело от брони, не навредив. Она подняла меч, чтобы ударить по нему... и ее взгляд стал далеким. Она пошатнулась и выронила меч, коснулась затылка. Ее пальцы

оказались в крови. Она рухнула у стены, безжизненно обмякла.

Харуто схватил с ковра меч женщины и поднялся. Он шатался, прислонился к стене для поддержки. Зрение расплывалось, но он видел мутный силуэт мужчины, который приближался к нему. Он был не в броне. Зрение Харуто прояснилось, он увидел, что мужчина был в придворной одежде, и женщина, которая напала на него, лежала у его ног неподвижно. Мужчина убирал кровь с ладоней кусочком ткани.

— Ты, видимо, Харуто, — сказал мужчина. У него был величавый акцент, подходящий его наряду. — Кира рассказала мне о тебе. Хотя она не уточняла, но я понял намек. Рад знакомству.

Шики забралась на плечо Харуто и запищала.

— Принц? — сказал Харуто.

Мужчина поклонился ниже, чем делали люди его статуса.

— Идо Кацуо, — сказал он. — Последний сын императора Идо Танаки.

— Значит, ты наследник, — сказал Харуто, указывая украденным мечом на мужчину.

Идо Кацуо сделал вид, что обдумал это.

— Да, похоже, что так.

— Тогда ты — ценный пленник.

— Был, — сказал Идо Кацуо. — Но Кира освободила меня. Я надеялся отплатить за услугу. Думаю, помощь тебе с побегом должна сойти за оплату. Куда она ушла, кстати? Она будто пропала в том зеркале.

Харуто пожал плечами. Он сам пытался понять, но не мог. Он не мог ждать и надеяться, что Кира вернется. Ему нужно было уйти из замка.

— Ты видел это? Откуда?

— Из теней, — Идо Кацуо махнул ладонью вверх. — Все думал, как пройти мимо стражи, а тут вы появились и отвлекли их.

Харуто взглянул на трупы.

— Вряд ли тебе нужно было отвлечение.

Идо Кацуо покачал головой.

— О, нет. Я не справился бы без тебя. Я не силен в, — он неуклюже взмахнул ладонью, — боевых искусствах. Я предпочитаю бить их, пока они повернуты ко мне спиной.

Харуто застонал.

— Ты — убийца.

— Я предпочитаю называть себя...

— Не важно, — Харуто пожал плечами. Он бросил меч, тот застучал об ковер. Харуто пошел вперед, хромя, мимо тел и принца.

Принц последовал за ним.

— Я знаю выход. Я пробрался, чтобы убить тётушку Рьоко. Я не собирался делать это без пути для побега. Сюда, — он замер в конце коридора и посмотрел по сторонам. Он повернул налево и зашагал дальше.

Харуто смотрел принцу вслед пару секунд. Шики запищала ему на ухо.

— И я ему не доверяю, — прошептал Харуто. — Но он — лучший шанс для нас выбраться отсюда. И Кира доверилась ему достаточно, чтобы освободить его.

Шики запищала снова, и Харуто пришлось согласиться.

— Давай обсудим ее решения в другой раз.

* * *

Зеркало разбилось за Кирой, жар ударил по ней, словно она сунула лицо в костер, опалая кожу и воруя ее дыхание. Огонь сжигал стены вокруг нее, такой горячий, что ее кожа будто таяла. Дым был густым и темным, она тут же стала кашлять. Огонь ревел, оглушая, поглощал все. Обугленные балки падали с потолка. Куски горящего дерева и раскаленная черепица сыпались с крыши. Зеркала падали со стен, разбиваясь от жара, их рамы горели и чернели.

Харуто не смог пройти. Она бросила его в замке. Ей нужно было вернуться к нему, но магазин зеркал горел, и это могла устроить только Янмей.

Кира пыталась вдохнуть и позвать Янмей, но дым был слишком густым, она снова стала кашлять. Она рухнула на четвереньки. Пол был горячим, как печь, покрытый осколками зеркал, которые обжигали ее ладони. Сверху треснула балка, угли посыпались на Киру. Она ощущала, как ее волосы горят, похлопала вслепую по голове, чтобы потушить огонь. Еще одно зеркало разбилось от жара. Она не знала, что еще делать, и завизжала.

Ей нужно было выбираться. Нужно было бежать. Дверь на улицу была заблокирована горящими балками и пылающей стеной. Выхода не было. Она заметила зеркало у стойки продавца, рама уже загоралась. Оно было вдвое меньше, чем она, и Кира не знала, куда оно вело, но было только это зеркало. Огонь лизал ее ступни, она бросилась в зеркало.

* * *

Янмей хромала, опираясь на плечо Гуана. Старый бандит был не против или играл храбрость. Она была в агонии. Ее ладони были почерневшими когтями, сожженными ее огнем. Порез на животе был неглубоким, но его обжигало с каждым движением. И холод давил на нее, угрожая сокрушить. Как давно она не ощущала холод? Она не помнила. Ее техника всегда согревала ее. Даже в Хэйве, где была жестокая зима и много снега, она была печью, отгоняющей холод. Но уже нет.

Пятый Мудрец под Небесами говорил Янмей, что ее техника пожирала оставшиеся ей годы. Некоторые жили больше сотни лет, правильно направляя ци и поддерживая форму. Но Янмей вряд ли проживет больше половины. Она приняла это, так она думала. Но уже нет. Ее время почти вышло, и она не хотела уходить. Она не хотела оставлять Киру. Она не хотела своих детей, не могла рисковать, что передаст жуткую технику отца новому поколению. Покончить с техникой Пылающего Кулака и его наследим было идеальной мстью. Но Кира была ребенком, которого Янмей думала, что не хотела, и она не бросит ее одну в мире.

И Янмей заперла свою технику с силой, пообещала себе больше никогда не использовать ее, не позволять огню гореть внутри. Даже если так ее ожоги никогда не заживут, и она будет ощущать холод до конца своих дней, она подавит технику. Она проведет оставшееся время с Кирой. Если девушка найдет выход из зеркала. Но это уже не зависело от Янмей. Она могла лишь ждать и надеяться.

— Вот, — Гуан остановился и увел ее с дороги. Они были на окраине города, за стеной у края скопления хижин вдоль дороги. Выглядело знакомо. Через миг Янмей поняла, что по этой дороге они прибыли в Кодачи. — Если Харуто и Кира выбрались, они приведут ее сюда. Лучшее место для встречи с потерянными друзьями — дорога, по которой уже ходили.

Гуан помог Янмей сесть на большой камень у дороги, хмуро посмотрел на нее. Она дрожала, глядела на город. Огонь, оставленный ею, горел, оранжевое пятно над стенами, дым поднимался и закрывал звезды. Она не хотела устроить пожар. Гуан вытащил из сумки тонкое одеяло в заплатках и укутал им плечи Янмей.

— Ты дрожишь, — сказал он.

— Холодно, — она едва слышала свой голос.

Старый бандит расхаживал, потом посмотрел на Янмей.

— Ты блокируешь поток своей ци.

Янмей кивнула и выдавила улыбку, но не смогла удержать ее надолго.

— Только так я могу остановить свою технику. Она часть меня, всегда такой была. Я не знаю, как еще ее остановить.

— Тогда нужно перевязать твои ладони, потому что они не заживут без твоей ци.

Янмей подняла ладони и посмотрела на них.

— Я не смогла сбежать от него, — слезы обжигали ее глаза, безнадежность наполнила ее грудь, как ледяная вода. — Даже после всего я стала дочерью своего отца, — он многих убил этой техникой, пылающими кулаками. Он мучил половину Хосы, чтобы создать свою легенду. Она унаследовала его огонь, но не хотела его славы. Даже когда она была юной и хотела заслужить его одобрение, она шла по его стопам. Она убивала людей для него и ненавидела себя за это. А теперь она стала Пылающим Кулаком.

Как она могла снова смотреть в глаза Кире? Она сказала своей девочке, что не будет использовать технику, но ее поступки сделали обещание ложью. Она уткнулась лицом в испорченные ладони и рыдала.

Гуан вздохнул и сел на корточки перед ней, его колени хрустели, как горящий бамбук. Он нежно убрал ее ладони от лица и посмотрел на них. Его прикосновение было агонией, но она терпела.

Старый бандит покачал головой и вздохнул.

— Ты думаешь, что ты как твой отец, потому что ты подожгла свои кулаки? Давай я расскажу, как умер твой брат, Янмей.

— Мой отец сказал, что ты его убил.

Гуан с горечью рассмеялся.

— Твой отец был — лжецом-морковкой, лучше не верить всем его словам, — он сел на землю и вытянул ноги. — Мы не ладили, твой отец и я. Мы даже бились пару раз, но уважали друг друга. Однажды я приехал ограбить деревню, но обнаружил, что там уже поработали. Твой брат Дайзен и его команда ударили по ней, убили всех, напивались вином, которое нашли, плясали у костра, хвалились тем, как всех убили, окруженные телами погибших жителей.

— Ты тоже убивал людей, — Янмей не знала, почему сказала это. Она не любила брата и не хотела защищать память о нем.

— Да, — Гуан почесал бороду. — Но не так. Мы с моими мальчиками вошли в деревню и убили людей твоего брата, хорошенько побили Дайзена и сказали ему убежать к твоему отцу — знак уважения между бандитами, наверное. Твоему брату не хотелось бежать к Пылающему Кулаку, поджав хвост, и он схватил меч и бросился на меня. Я был в те дни более ловким. Я побил его еще раз и сказал бежать, — Гуан притих, смотрел на оранжевое пятно огня вдали. — А твой брат не убежал, а закричал на меня, сказал, что он — сын Пылающего Кулака и докажет это. Идиот облил себя вином, схватил из костра палку и поджег себя. Я никогда не слышал, чтобы так визжали. Мы смотрели, как он горел. Я не убивал твоего горе-брата. Он убил себя.

Гуан застонал, вставая на ноги.

— Я о том, что я знал твоего отца. Он не был известен милосердием или сдержанностью. Уверен, он убил бы всех в том городе: солдат, жителей, меня. Он сжег бы их

всех, он не ощутил бы ни капли стыда за это. Я знал и твоего брата. У Дайзена не было техники вашего отца, но у него было зло вашего отца.

Он вдохнул и посмотрел в глаза Янмей.

— И я теперь знаю тебя. Ты не такая, как они. Да, у тебя техника твоего отца, но ты — не он. Я был с тобой там, и ты никого не убила. А могла. Звезды знают, ты могла бы. Но не стала. Ты старалась избежать смерти для них. Ты — не твой отец, Янмей. И ты не несешь бремя его наследия.

Он был прав. Янмей надеялась на это.

Гуан посмотрел на ее ладони и буркнул:

— Не знаю, что еще делать, кроме как перевязать их, — сказал он. — Нужно направить туда хоть немного ци, или...

— Не могу, — сказала Янмей.

Гуан снова почесал бороду.

— Сделаем, что сможем, — он рассмеялся. — Только это и могут старые бандиты, как мы.

Глава 36

Ворона влетела в тронный зал. Императрица Исэ Рьоко сидела на Змеином троне. Он был в форме свернувшейся змеи, ее голова была над женщиной, трон был вырезан из обсидиана. Трон был огромным, будто не был создан для человека. Или он был создан так, чтобы затмевать любого, кто сидел в нем, урок о власти. Императрица сидела с прямой спиной, говорила с советником, чья борода была такой длинной, что он, наверное, закидывал ее за плечо, чтобы не испачкать, когда мочился.

Солдаты стояли у стен в тронном зале, Змеиная стража в черной броне. Хотя они были союзниками Вороны, они были грозным зрелищем. Несколько зеркал висели на стенах в большой комнате, и императрица Исэ Рьоко любовалась собой в одном из них.

Все в комнате смотрели, как Ворона приближалась к Змеиному трону. Бородатый советник отошел от императрицы и поклонился ей. Многие, кто подходил к императрице, кланялись ей или вставали на колени. Но у Вороны не было талии, чтобы кланяться, как и колен, и ей надоело играть подчинение женщине, так что она просто замерла, паря над полом, дым из-под ее плаща делал камень черным.

— Пора исполнить твою часть сделки, императрица Исэ Рьоко, — сказала Ворона. — Мой мастер приказал мне собрать.

Императрица постучала пальцами по подлокотникам трона, ногти царапали чешую обсидиановой змеи.

— И где он? Твой мастер?

Ворона проигнорировала вопрос.

— Император Идо Танака мертв, — сообщила она. Сифэнь прислала весть с дымом Вороны. Император умер, как и вся семья Идо, кроме тех, кто уже был в подземелье императрицы. Если верить ее сестре, была резня, и пятна крови никогда не отмоют. Сифэнь всегда радовалась боли и убийствам. Без неодобрения Мастера Сифэнь точно угостилась останками. От этой мысли Вороне было не по себе.

— Да? — спросила императрица Исэ Рьоко.

— Теперь только твои способности не дают тебе объединить Ипию, — сказала Ворона. — Выполни свою сторону сделки. Расскажи, где последняя темница? Где заточен Орочи?

Зеркало на стене слева от Вороны разбилось, и фигура выпала из него на пол среди сияющих осколков. Девушка с лицом в саже и дымящимися волосами. Новая сестренка Вороны. Все смотрели, как она поднялась на ноги, сняла горящий фартук и отбросила его. А потом девушка посмотрела на них.

Кожа Киры болела от угасающего жара, и едкий запах горящих волос был в ее носу. Огромный зал тянулся перед ней, вокруг были десятки человек, в основном, Змеиная стража в черной броне. С одной стороны были подмостки с тронном в форме змеи. Было просто понять, что женщина на троне была императрицей Ипии. И фигура из дыма перед ней была одной из онрё.

— Зараза! — зашипела Кира. На дальней стене было еще одно зеркало, всего в пятидесяти шагах от нее. Кира побежала, пока все ошеломленно смотрели на нее. Она прошла половину пути, и трепещущая белая ткань с дымом пронеслись мимо нее и врезались в зеркало, разбивая его.

Кира застыла посреди тронного зала. Больше никто не двигался. Солдаты будто ждали приказов. Императрица смотрела на нее с изумленной улыбкой. Улыбка увяла, приподнялась идеальная бровь.

— Взять ее.

Змеиная стража подняла оружие и стала подступать к ней со всех сторон. Кира развернулась, искала путь отсюда. В зале было еще одно зеркало, возле огромных дверей. Но, пока она смотрела, онрё из дыма пролетела и разбила зеркало одним ударом. Она повернулась и посмотрела на Киру, дым двигался под ней, капюшон был бездной тьмы.

В двух стенах были окна, но слишком высоко, чтобы забраться, но, может, она смогла бы добраться до них техникой, которой ее пыталась научить Янмей. На подоконнике одного из окон сидел ворон, покачивая головой, и Кира сосредоточилась, пока стражи смыкали круг. Она пыталась протянуть нить ци к окну и бросить себя с ней. Она разбилась, кусочки зеркала посыпались на пол. Не получилось. Солдаты окружили ее, некоторые направляли на нее копья, другие — мечи. Элитная стража императрицы, Змеиная стража, как их звал Гуан. Кира не могла одолеть их всех. Но другого выхода не было.

Крупный солдат с рыбьими губами потянулся к ней, железные оковы были в руке. Кира оттолкнула его руки ладонью, создала кинжал в другой ладони. Она ударила им по его боку раз, другой, клинок прошел между нагрудной пластиной и спинной. Он закричал и отшатнулся, держась за бок, кровь текла по его пальцам.

Страж направил копьё в лицо Киры, и она отшатнулась, повернулась, чтобы оно пролетело мимо ее лица. Рычащий страж с мечом напал с другой стороны. Кира пригнулась, бросилась на женщину и отразила ее атаку кинжалом, и он разбился в ее ладони. Кира создала кинжал в другой ладони, повернулась и ударила по шее женщины, рассекая кожу и плоть. Женщина рухнула, булькая кровью. Кира бросилась к огромному стражу с бородой. Она уклонилась от двух ударов копьём в ее грудь, схватилась за копьё великана и потянула его к себе. А потом ударила его по нагрудной пластине, разбивая ее на сто неровных кусков. Великан отшатнулся.

Кира услышала треск стекла, ее кожу покалывало. Началось в груди, поднялось по шее к лицу и носу. Она посмотрела в зеркальный кинжал, что-то глядело на нее. Глазница, полная тьмы, черной пустоты. Она оторвала взгляд от отражения и посмотрела на стражей.

Двадцать окружили ее, еще больше ждало за ними. Она создала новый кинжал.

— Момо, — шепнула она ему и бросила его к императрице. Женщина ловко шагнула в сторону и поймала кинжал двумя тонкими пальцами. Пятеро солдат бросились к императрице, но женщина только смотрела на кинжал в своей ладони с улыбкой на накрашенных губах. — Разбейся, — сказала Кира. Момо разбился в ладонях императрицы,

осыпав ее лицо острыми осколками и стеклянной пылью. Она завизжала и схватилась за левый глаз. Солдаты окружили ее, скрыли из виду. Но остальные стражи подступали к Кире. Слишком много.

Кира бросилась на ближайшего солдата, старика с длинным лицом, метнула кинжал. Он отбил кинжал мечом и махнул оружием на нее. Кира прыгнула, сделала сальто над клинком, ударила солдата по подбородку. Она приземлилась, страж направил копьё к ее груди. Кира вовремя скользнула в сторону, копьё порезало ткань ее украденного кимоно. Она опустила копьё на древко, разбивая его, бросилась вперед и прижала ладони к нагрудной пластине солдата, толкнула. Он отлетел от нее, врезался в стену и рухнул на пол.

Оставшиеся солдаты уже не недооценивали ее. Они стали нападать по двое или трое с двух сторон сразу. Кира пригибалась, уклонялась и прыгала, пока они атаквали. Она создала новые кинжалы в ладонях и бросила в двух солдат перед собой. Кинжалы разбились об керамическую броню высокой женщины, но юный солдат упал, рукоять торчала из его глаза. Кира бросилась в брешь, обошла двух стражей и отразила удар копьём от одного в руку другого. Она выбила ноги из-под солдата с копьём, ударила сцепленными ладонями по его спине, обрушив его на землю с силой, которая могла разбить камень.

— Убейте ее! — завизжала императрица поверх шума боя. Восемь оставшихся стражей бросились к Кире, копьё атаквали ее, и она пятилась.

Кира услышала треск стекла. Трещины появились на ее руках, ее зубы ощущались как неровные лезвия. Она тяжело дышала, пот стекал по лицу, вспышка в ребре сказала ей о ране, которую она не помнила. Она знала, что выдыхается. Но Харуто сказал ей, что у нее был огромный запас ци, она укрепляла этим свое тело, давала себе вспышки скорости.

Она зарычала, села на корточки, пыталась направить ци в свои ноги. Страж с дергающимся глазом шагал к ней с катаной наготове. Кира бросилась на него быстрее, чем считала возможным, сжала его нагрудную пластину ниже шеи и обрушила его. Его ноги подогнулись, она ударила им об пол, разбивая его броню и камень под ним. Солдат с дергающимся глазом закашлялся кровью, застыл.

Еще два стража появились по бокам, направили в нее копьё с разных сторон. Кира повернулась, сломала оба копьё, сжав их и повернув запястья. Она прыгнула к кричащей женщине слева от нее, толкнула ее в двух стражей за ней.

Остались три солдата. Они медлили, переглядываясь, боясь. Кира шагнула к ним, и ее нога подкосилась под ней. Она опустила взгляд, сломанное копьё торчало из ее бедра, кровь текла на ее кимоно. Она взревела и вырвала копьё из ноги, отбросила его. Ее нога дрожала, пока она стояла, но она смогла шагнуть вперед, создала новые кинжалы. Три стража пятились от нее, сжались и шептались. Кира закричала на них. Без слов. Без мыслей. Просто вой боли и гнева. Она увидела себя в их огромных глазах, кожа была бледной как лепесток умэ, глазницы были черными и пустыми, осколки зеркала торчали из десен.

Она услышала трепет крыльев, что-то тяжелое рухнуло на пол за Кирой. Ужас схватил ее, сердце забилось быстрее, конечности ослабели. Но она не могла сдаться. Ей нужно было сражаться. У нее не было других вариантов.

Она повернулась и направила два кинжала на появившегося. Она поймала его взгляд и разбилась. Осколки упали вокруг нее, и воля сражаться — с ними. Великан стоял перед ней в плаще из перьев, бамбуковая тэнгай была на голове. Она видела только его глаза, где кружились краски. Страх превратил ее в пыль и рассеял по ветру.

— Давай уберем это, ладно? — сказал великан. У него был хриплый голос, твердый, но

не злой. Он нежно забрал у Киры из руки кинжалы, бросил их на пол. Она не боролась. Не могла. Она была так напугана, что не могла бежать. И она узнала его из истории Гуана. Вестник Костей.

Колени Киры не выдержали, она рухнула на пол, слезы катились по щекам. Она хотела двигаться. Встать и напасть на тэнгу или убежать от него. Но она не могла. Она увидела себя в сколке на полу. Трещины на ее коже пропали, ее глаза стали нормальными, зубы были просто зубами. Далекая музыка звучала в ее голове, и Кира пыталась отогнать ее. Она вскинула голову и увидела над собой Вестника Костей, его взгляд приковал ее к полу.

— Что со мной происходит? — спросила она.

— Убейте ее! — завизжала снова императрица, звуча так, словно была далеко в долине или горах.

Кира не могла оторвать взгляд от тэнгу, от переливов безумия в его взгляде.

— Нет, — тихо сказал Вестник Костей. — Не думаю, императрица. Это наша сестренка. Я давно хотел с тобой поговорить. Нам с тобой нужно многое обсудить, — он сел на корточки рядом с ней, перья легли на потрескавшийся пол. Его ладони были узловатыми, как дерево, каждый палец заканчивался черным когтем. — Ты хотела бы узнать правду, Кира Мирай? О том, что происходит с тобой. Ты хотела бы узнать, кто ты? Какая ты? — его глаза расширились, краски стали ярче. — И на что ты способна?

Глава 37

Принц Идо Кацуо не врал, он знал выход из замка. Он сдвинул большую картину давно мертвого императора, и стало видно ступени, которые уходили вниз во тьму, столько ступеней, что Харуто казалось, что он спускался в могилу. Или проходил мимо в жизни, это больше ему подходило. Шики озаряла путь, парящий комок оранжевого света, радостно летела впереди, ее постоянный свист и щебет разносились эхом по туннелю. Принц Идо Кацуо все время говорил. У него не кончались темы для разговора, хотя Харуто молчал.

Ступени закончились, и Харуто понял, что они оказались под лабиринтом водных путей, которые пересекались в Кодачи.

— Откуда ты знаешь об этом тайном туннеле? — спросил Харуто.

— О, я нашел его в детстве, когда играл в замке. Случайно, уверяю, — принц оглянулся с хитрой улыбкой. — Мой отец и тетя Рьоко не всегда ссорились. Они были какое-то время друзьями, когда остальная семья Исэ еще была жива. Я проводил зимы в Кодачи, узнавал родню, изучал замок, грелся. В Тембоку ужасно холодно. Но все рухнуло, когда убийца проник в Кодачи и убил дядю Исэ Джинна и всех других. Ужасная трагедия. Не смотри на меня так, мастер оммедзи. Я в курсе иронии. Но ты должен понимать, что, хоть я планировал и попытался пробраться в замок и убить тетю Рьоко, я не собирался убивать маленького кузена Рё. Мелкий мне нравился. Я надеялся, что он увидит в смерти своей матери отличный шанс передать Змеиный трон моему отцу.

Харуто пожал плечами.

— Я вижу, ты меня осуждаешь, мастер оммедзи. Но так все делается в королевской семье. Ничего личного против Исэ, — он рассмеялся. — Политика Ипии часто обсуждается на острие ножа! — он вздохнул. — Лучше держать его, чем получить им.

Они дошли до лестницы, эта вела наверх. Харуто ощущал, как тело исцелялось, сила возвращалась, его бессмертие восстанавливало его. Ему вскоре понадобятся еда и вода, но пока что он мог шагать, не хромя. Он поднимался по ступеням в тишине, пока принц Идо Кацуо делился с ним историей о придворных интригах.

Вода текла по каменной стене туннеля, оставляя цветные ручьи в свете Шики. Но без предупреждения туннель закончился плитой камня. Принц извинился и сообщил Харуто, что они немного намокнут. Он прижался спиной к каменной плите и надавил. Вода хлынула на него, он открыл дверь туннеля и выбрался наверх. Харуто последовал за ним, поднялся по лестнице в мелкий пруд кои. Выход из туннеля был посреди маленького, но богатого поместья на окраине Кодачи. Принц сказал Харуто, что он владел поместьем, хотя не под своим именем.

Они остановились на час, и древний слуга, ухаживающий за землями, приготовил рис и рыбу. Харуто ел как гаки, а тот бедный ёкай появлялся из людей, умерших от голода. Принц дал ему новое кимоно, белое с синей окантовкой и вышивкой в виде красных лошадей. Такого хорошего кимоно у него давно не было.

Когда Харуто поблагодарил его и решил уйти, Идо Кацуо рассмеялся и присоединился к нему.

— Я не могу тебя отпустить, — сказал принц, — пока не увидел Киру еще раз. Я должен отблагодарить ее за свое освобождение, и ты — лучший шанс снова ее увидеть, мастер оммедзи. Боюсь, придется меня потерпеть.

— Чудесно, — сказал Харуто. Шики запищала, и он рассмеялся.

— Что? — сказал Идо Кацуо. — Что сказал дух?

Харуто пожал плечами.

— Ты не хочешь знать.

— Уверяю, я хочу.

— Жаль, — Харуто не хотел, чтобы принц за ним ходил, но он не видел мирного варианта прогнать мужчину.

Они пошли по краю города. Оба знали, что их отсутствие скоро обнаружат, если еще не обнаружили. Они знали, что императрица не успокоится, пока не отыщет сбежавших оммедзи и принца. Кодачи вскоре наполнится Изумрудным легионом, как мухами над трупом. Им нужно было скорее уйти, но Харуто не мог бросить других. Ему нужно было найти Гуана и Янмей. Если повезет, Кира была с ними.

Он знал, где искать Гуана. Когда они разделялись, лучше было вернуться туда, где они еще были вместе. Простой урок, но его стоило знать. Раны Харуто почти полностью зажили, когда он увидел две старые фигуры, сидящие бок о бок у дороги. Он вздохнул с облегчением и ускорился. Гуан увидел его и вскочил. И они снова были вместе. Харуто обвил руками старого поэта и крепко его обнял. Гуан ответил тем же, но он дрожал. Харуто не мог понять, смеялся он или плакал.

— У меня было плохое чувство, старик, — выдавил Гуан. — Я думал, что в этот раз потерял тебя.

Харуто вздохнул, они отодвинулись.

— Нужно больше, чем несколько мечей, чтобы убить меня, — он попытался рассмеяться, но звук умер на его губах. — Но в этот раз было близко.

— Изуми? — спросил Гуан.

Харуто пожал плечами.

— Это была она. Она... — он покачал головой. — Это она.

— Где Кира? — спросила Янмей. Она выглядела старше, сжималась под одеялом, ее ладони и руки были в бинтах. Она дрожала, но взгляд был пронизательным.

— Отличный вопрос, — сказал принц, вежливо ждал в стороне.

— Что за щеголь? — сказал Гуан.

Харуто рассказал о своем побеге из замка, об исчезновении Киры в зеркале и его встрече с принцем. Янмей молчала, но Харуто вдел, как она смотрела на город.

— Она не могла вернуться в магазин зеркал, — сказала Янмей. — Он... я... сожгла его.

— Других зеркал много, — сказал Гуан. Он сжал ее плечо. — Она найдет выход. Она сильнее, чем мы думаем.

Янмей плотнее укуталась в одеяло и закрыла глаза.

— Мы не должны оставаться тут, — сказал принц. — Они будут меня искать. Нас. Лучше двигаться.

Харуто согласился. Императрица вскоре заставит всех солдат западной Ипии искать их.

— Мы не можем уйти, — сказал Янмей. — Кира тебя не бросила бы. И она не бросила. Она рискнула всем, чтобы тебя вытащить.

Идо Кацуо вздохнул.

— Мы даже не знаем, жива ли она. Мы не можем просто сидеть... — Янмей мрачно посмотрела на него, и он потерял ладони. — Хотя я тут новенький, не мне говорить. Как скажете. Я с тобой, мастер оммедзи.

— Шики, — сказа Харуто. Она сидела рядом с Гуаном, трогала его ногу лапкой, пока он игнорировал ее. — Ты можешь найти Киру?

Шики запищала.

— Прошу, попробуй, — сказал Харуто. — Мы подождем, сколько сможем.

Шики с упреком зашебетала.

Харуто кашлянул и посмотрел на других.

— Меня не поймают снова, обещаю.

Еще писк.

— Это и есть Изуми, — сказал Харуто, — но она не помнит, — он покачал головой. — Я не попадусь снова. Когда я увижу ее в следующий раз... я хочу с ней сразиться.

Шики прищурилась и чирикнула.

— Да, обещаю. Прошу, найди Киру.

Маленький дух исчезла.

Харуто нашел место на траве рядом с Янмей и сел. Небо светлело, утро грозило появиться на горизонте. Люди стали двигаться на дороге, некоторые шли в город, некоторые уходили. Два старика, старушка и аристократ были странной компанией, сидящей у дороги. Вскоре им придется бежать или биться. Выбора не было. Они не могли победить в таких условиях. И Янмей уже не была собой. Он привык ощущать от нее тепло, но теперь она была холодной. Это было из-за него. Если бы он не погнался за Изуми, если бы он не попался...

Харуто вздохнул, лег на холодную землю и смотрел на угасающие звезды. Созвездие Римера, хранителя времени, висело над ним в розовом небе. Если в звездах была правда,

Ример давно забыл о Харуто. Гуан всегда говорил, что бессмертие было щедрой наградой за простую охоту на ёкаев, но он не так понял. Бессмертие не было наградой. Это была цена, которую Харуто приходилось платить.

* * *

Кира шла по городу в тумане. Она едва замечала людей, занимающихся своими делами, как и какофонию звуков вокруг нее, как и запах свежей еды. Все чудеса стерлись, оставив только правду. Город был массой людей, которые даже не понимали, кем они были, и как просто им все давалось. Народ Кодачи был укрытым, защищенным богами и звездами, не знал об остальном мире и боли в нем. Она завидовала им. Как все ёкаи живым.

Она все еще не понимала, что произошло. Вестник Костей не напал на нее. Он защитил ее. Когда императрица прошла мимо своих солдат, прижимая ладонь к пострадавшему лицу, кровь лилась из левого глаза, она кричала им убить Киру. Но Вестник Костей остановил их одним взглядом. Он защитил ее, назвал сестренкой. Все онрё были семьей, какой у Киры никогда не было.

Ее ноги шаркали по неровному камню дороги, она споткнулась. Кира встала и пошла дальше, не замечая людей, плящущихся на нее, на мужчин, которые пытались поговорить с ней. Они были просто людьми. Эфемерными. Их жизни значили так мало.

Она подумала о тронном зале, тэнгу протянул к ней морщинистую ладонь с черными когтями. Он поднял ее на ноги и вывел из тронного зала. Женщина из дыма следовала за ними. Харуто звал женщину Изуми, но она назвала себя Вороной. Вестник Костей привел их на кухню, слуги убежали от них. Тэнгу вытащил из шкафчика рядом чайник, поставил его на огонь, бросил в воду чайные листья. Все казалось таким простым, а не действиями гнусного духа, который убил тысячи воинов на Мосту Крови.

Кира сидела перед столом на коленях, молчала. Ворона опустилась рядом с ней.

— Приятно познакомиться с тобой, сестренка, — сказала женщина. У нее был странный голос, тихий и неясный. Кира заглянула в ее темный капюшон, не увидела лица, только дым, переливающийся оттенками серого.

Вестник Костей подошёл к столу с чайником и тремя чашками. Он налил им чай и снял тэнгай. Кира ожидала увидеть монстра, но у него было нежное лицо. Его нос был крючковатым, чуть великоватым для других черт, его кожа была морщинистой сильнее, чем у Мудреца, а в глазах кружились краски, от этого Кире было не по себе. Но он улыбнулся ей, и это не казалось опасным.

— Они пытались сделать тебя той, кем ты не являешься, Кира, — сказал Вестник Костей. — Они хотят, чтобы ты была человеком, и я вижу в тебе даже сейчас желание соответствовать. Ты жаждешь их принятия. Ты не хочешь пугать их своим истинным я, но ты не можешь отрицать себя, не вредя себе. Ты не человек. Ты лучше. Ты — онрё, одна из нас, наша сестрénка.

Кто-то врезался в Киру, вырвав ее из мыслей. Она задела прохожего, тот что-то рывкнул ей. Она не слышала слова, но гнев был ясен в его голосе. Кира создала кинжал в ладони и поднесла его к лицу мужчины. Она показала в отражении его страх — его лицо гнило, плоть таяла на костях, глаза становились желе и вытекали из черепа. Он рухнул на дорогу, сжался в комок, рыдая. Кира бросила его там. Еще один человек издавал незначительные звуки, незаметный среди толпы. Ими было так просто управлять. Их было просто убить. Вестник Костей был прав.

— Они тебя боятся, — сказал он и сделал поток чая. — Того, какая ты, на что ты

способна. Потому они сделали это с тобой, заставили тебя выглядеть как они, вести себя по их морали. Нарядили тебя в облик, который могут вынести.

Кира покачала головой, пыталась спорить, но слова умерли на ее языке, Вестник Костей раскрывал правду.

— Ты была в Хэйве, — сказал он, подняв чашку к губам.

Ворона не пила, но подняла чашку дымом, словно это успокаивало. Кира взглянула на свою чашку, обвила ее пальцами, подражая Вороне, как могла.

— Наставники признавали твою силу? — спросил тэнгу. — Признавали то, как ты отличалась от других детей?

Кира покачала головой.

— Они не хотели относиться ко мне, как к особенной. Они хотели, чтобы я была как все.

— Но ты не могла вписаться, — сказал Вестник Костей. — Ты не такая, как другие. Они просто хотели управлять тобой. Помешать тебе осознать свой потенциал. Они хотели, чтобы ты была слабой, как они, отрицала себя.

Кира открыла рот, но не знала, как возразить. Вестник Костей продолжал:

— Они давали тебе использовать технику? — спросил он, голос был успокаивающим, как треск костра. — Ты — унгайкьо. Они давали тебе использовать отражения? Или наказывали тебя, когда ты это делала?

Он был прав. Кира помнила, как ее упрекали за использование ее техники, чтобы пугать других детей. Даже на тренировках другим детям позволяли применять их техники, но Кире позволяли только использовать навыки боя и техники, которым ее обучил Мудрец. Когда она использовала зеркала, отражения, они засчитывали ей поражение. Даже Янмей ругала ее, когда она использовала свою технику. Вся ее жизнь в Хэйве была наказанием за то, кем она была. Но это было не честно. Она не была виновата, что не была человеком. Тэнгу был прав.

Лошадь завопила, и Кира вздрогнула и посмотрела ей в глаза. Всадник тянул за поводья, но зверь пятился. Отступал от Киры. Лошадь вдруг дёрнулась в сторону, сбила мужчину и бросилась вперед, промчалась мимо Киры. Уже была середина утра, и город был шумным, но она не узнавала эту часть Кодачи. Она не знала, где она была. И куда шла. И ей было все равно.

— Я слышал, ты встречала Шина, — сказал Вестник Костей, потягивая чай. — Не переживай, я не виню тебя за его убийство. Это был оммедзи. Но ты встретила своего брата перед его смертью. Ты билась с ним. Ты испытала его силу. Все мы, онрё, способны на такую мощь, Кира. Я, Ворона. Ты. Без оков людей ты способна на большее, чем представляла. У тебя больше силы, чем они могут осознать.

— Вы меня научите? — спросила Кира. Ей было любопытно. Все еще.

— Конечно, — сказал Вестник Костей. — Как научил Ворону. Но я не Пятый Мудрец под Небесами или наставники в Хэйве. Я не буду заставлять тебя. Это твой выбор, Кира. Я научу тебя, если хочешь. Даже если ты не останешься в нашей семье, я научу тебя. Ты заслуживаешь большего, чем дали тебе люди, намного больше, чем они тебе позволяли.

— Ты будешь нашей сестренкой, даже если не останешься с нами, — сказала Ворона, и Кира поняла, что они не станут задерживать ее против воли. — Ничто не может этого изменить. Мы всегда будем семьей.

Кира вспомнила кое-что, и она спросила, пока смелость не подвела ее:

— Зачем вы пытаетесь освободить драконов?

Морщинистое лицо Вестника Костей напряглось. Он нахмурился, уже больше напоминал монстра из легенды.

— Потому что драконы — родня. И то, что с ними сделали, непростительно. Они — ками, величайшие из духов. Но, как все духи, они не подходят тому, как люди видят мир. Они достаточно сильные, чтобы противостоять соответствию, которым люди хотят задушить нас. Ты знаешь, почему люди охотились на драконов?

Кира помнила историю, которую им поведал Харуто.

— Потому что Орочи приказал драконам уничтожить человечество.

Дым Вороны закипел от слов Киры. Лицо Вестника Костей исказилось.

— И где ты услышала эту историю? Явно от человека. Они сделали Орочи монстром, а Ямасачи — героем. Это ложь.

Кира не думала, что история Харуто рисовала драконов или людей в хорошем свете. Все оказались жестокими в конце, мучили тех, кого якобы любили.

— Да, Ямасачи и Орочи были возлюбленными, — продолжил Вестник Костей. — Но история, которую ты слышал, путает намерения. Ямасачи всегда был обманщиком и убийцей. Он искал славы, убедил Десять Королей Хосы, что они дадут ему корону за голову Орочи. Ямасачи проник в лес бамбука и нашел скрытый луг дракона. Все знали о любви Орочи к людям, и Ямасачи выманил дракона. Он хорошо сыграл симпатию к Орочи, убедил Орочи расслабиться. А потом ударил, пока Орочи спал, вонзил кинжал в его сердце.

Все еще думая о смерти Орочи, Кира замерла у здания и посмотрела на табличку «Шитатару Бакецу». Она была у гостиницы, слушала шум людей внутри. Кто-то задел ее плечо, буркнул что-то о ее глупости. Она отвернулась от гостиницы и пошла снова. Ей не было там места.

— Но Орочи не умер? — спросила она.

— Ясное дело, — сказала Ворона. Ее тихий неясный голос успокаивал. — Орочи — ками, благородный дух. Смертное оружие не может его убить. В это мире ками бессмертны.

— Но Ямасачи не знал этого, — Вестник Костей подхватил историю. — И он сыграл свою роль. Раскрыл себя. Но, хоть ничего в Ямасачи не было настоящим, Орочи любил искренне. Его предали, он был в ярости, растерян. Он взлетел и приказал Ямасачи покинуть рощу и не возвращаться, иначе пощады не будет. Он улетел, чтобы выпустить гнев. Ямасачи не сдался. Он отравил воду в роще, надеясь убить Орочи, когда дракон вернется. Но роща увяла и умерла вокруг него, впитав яд, и Ямасачи понял, что нужно было бежать, пока Орочи не вернулся. И он убежал, — Вестник Костей притих, потягивал чай, глядя хмуро на чашку.

— Когда Орочи вернулся, — сказала Ворона, — его ярость на людей вспыхнула. Ямасачи уничтожил нечто красивое. Он доказал Орочи, что человечество было разрушительной силой. И Орочи вызвал своих, других драконов, и попросил их помочь ему. Но он не приказывал уничтожить людей. Он попросил их помочь ему найти Ямасачи и наказать.

Вестник Костей провел когтем по столу, оставляя неровную полоску на дереве.

— До того, как Ямасачи ушел в укрытие, он нашел злодея, чтобы спастись. Воина, какому нет равных. Величайшего героя Хосы, — Вестник Костей произнес слово как оскорбление. — Он попросил Векового Клинка защитить его от гнева Орочи. Защитить человечество от гнева драконов.

Вестник Костей отошел заварить еще чаю. Кира смотрела на свою чашку, на свое отражение в зеленоватой воде. Она не знала, кому верить. Онрё не врал, но и Харуто не

врал. Они не казались опасными для нее. Они ощущались... как семья, приятнее, чем наставники и ученики Хэйвы.

— Вековой Клинок принял просьбу Ямасачи, — сказал Вестник Костей, вернувшись за стол. — И хоть он не мог убить драконов, он мог поступить с ними куда хуже. Он прошел четыре империи в поисках помощи. Он нанял в Кохране Тикающие Часы, умелого убийцу с непревзойденными знаниями о приборах. Тикающие Часы создал бы темницы, которые могли сдерживать силу ками, заточить драконов. Из Ипии он нанял юного мудреца. Тогда он был еще новичком, но по слухам только он мог заменить стареющего Пятого Мудреца под Небесами, самого сильного из Мудрецов. Юноша уже знал больше техник, чем кто-либо живой, и среди них была техника, связывающая сильных духов и рассеивающая их силу. Из Нэш Вековой Клинок нанял Позолоченную Каргу, женщину с репутацией убийства богов. Ее техника превращала все, что она держала, в опасное оружие, это был идеальный выбор для боя с драконами. А у Морского народа он нанял плута-бога, бессмертного, который застрял в Нэш с тех пор, как его народ прогнали в море.

Вестник Костей налил себе еще чаю.

— Группы сильнее еще не видели. Величайшие воины из четырех империй с чужим богом на их стороне. Они приложили все силы, техники и умения, чтобы пленить драконов. Они бились по всей Хосе, Нэш, Кохрану и Ипии. Семь драконов один за другим проиграли их группе злодеев. И, когда Орочи предстал перед ними, они провели величайший бой. Зубы и когти против стали. Стихии в дыхании Орочи против смертных техник.

Тэнгу притих. Кира видела боль на его лице. Для него это была не просто история. Это было настоящим злодеянием, совершенным против его рода. Против родни Киры. Она была духом. Это делало ее дальней родственницей драконов, наверное.

— Орочи превзошел людей на поле боя. Даже Вековой Клинок не смог его ранить, — продолжил Вестник Костей. — Тикающие Часы пал первым, был порван надвое пастью Орочи. Мудрец был бы следующим, но Позолоченная Карга закрыла его своим телом, — Вестник Костей вздохнул. — Но Орочи был наглым, это его погубило. Он решил посмеяться над напавшими, принял облик человека, чтобы добить их. Это была ловушка. Вековой Клинок продумал это, и Орочи нечаянно подыграл им. Доказательство, что сила и мудрость не всегда идут рука об руку. Мудрец использовал древнюю технику, чтобы связать его в облике человека, чтобы Орочи не мог сбежать. Вековой Клинок и Позолоченная Карга напали снова, давили на Орочи. И как только Орочи отступил в темницу, которую построил Тикающие Часы, его судьба была решена. Тикающие Часы был не совсем человеком, его нельзя было остановить, просто порвав на куски. Они принесли в жертву бессмертие бога Морского народа, чтобы закрепить замки, запечатали Орочи в его темнице. Там он и остается.

— Мы выпускаем драконов не для того, чтобы уничтожить людей, Кира, — сказала Ворона. — Мы хотим исправить зло, причиненное им. Мы пытаемся выпустить их в небеса, где они обитали раньше. Мир что-то потерял, когда драконов запечатали. Это было началом Великой Чистки Духов, и небеса с землей пострадали от этого. Из-за этого в них нарушено равновесие.

Женщина закричала, Кира подняла голову, увидела, как женщина бежала по улице, крича о монстре. Кира взглянула на магазин зеркал. Он был только пеплом и обгоревшими балками. Огонь поглотил все, задел два ближайших здания. Но женщина убегала не от этого. Перед магазином были два зеркала, которые явно спасли из огня. Кира посмотрела в свое

отражение в одном из них среди пятен пепла и грязи. Ёкай смотрел на нее. Это была она, но измененная. Ее кожа была бледной, как рис, а волосы — темными, как чернила. Ее глаза были зияющими пустотами, которые засасывали свет, а ее оскаленный рот был полон зеркальных зубов. Это была унгайкьо. Это была она. Она отвернулась от зеркала и побежала.

У нее не было направления. Люди и улицы Кодачи проносились, размытые. Она знала, что в этом не было смысла. Она не могла убежать от унгайкьо, как не могла убежать от себя.

Что-то ударило Киру по груди. Она пошатнулась и рухнула на брусчатку улицы. Нечто скребло ее, и она встала на колени, схватила нечто за шкуру, в другой руке создала кинжал. Нечто гавкнуло, и Кира увидела маленького тануки. Шики вылетела из собаки, и тануки убежал, лая и скуля. Шики прыгнула на Киру. Кира разбила кинжал и прижала Шику к груди. Дух запищал, терся об ее лицо. А потом Кира разбилась, осколки зеркала зазвенели на каменной улице. Горячие слезы обжигали ее глаза, но смех бурлил в ее груди.

— Откуда ты? — спросила Кира. Люди двигались вокруг нее на улице, некоторые пялились, другие ворчали. Кира игнорировала всех.

Шики запищала, зачирикала, размахивая ручками.

— Где они? — спросила Кира.

Шики запищала снова.

Киру мутило, ноги ослабели. Ей нужно было вернуться к ним, увидеть их снова. Ей нужно было выяснить, говорили ли онрё правду.

— Ты можешь идти, — сказал Вестник Костей, закончив историю. — Ты можешь вернуться к своим друзьям. Мы не будем тебя останавливать или следовать за тобой. Я прошу у тебя всего две вещи, Кира. Первое: знай, что ты — семья. Ты — наша младшая сестра, новый член нашей семьи, и твоя семья никогда не будет тебе врать. Второе: когда ты вернешься к своим друзьям, спроси, как ты умерла. Онрё важно знать, как они умерли, чтобы понимать, кто они, — его лицо напряглось. — Спроси у них, как ты умерла. И знай — они тебе соврут.

Глава 38

Императрица Исэ Рьоко вызвала их в тронный зал. Вороне не нравилось слушаться. Мстер мог ею командовать, ведь он был семьей, и он многое для них сделал. Но ее злило, что ее вызывал человек, которая думала, что она была лучше них.

Мастер шел впереди нее, его пернатый плащ шуршал за ним. Он снова был в тэнгай, скрывающей все, кроме его глаз, и слуги с солдатами пятились от него в коридорах замка. Он открыл двери тронного зала и вошел. Ворона парила за ним, темный дым задевал пол и стены, оставляя следы сажи. Это была мелочная месть, но ее это утешало.

— Вовремя пришли, — невнятно сказал голос. Ворона увидела своего брата, Зена, у стены. Низкий и наполовину лысый, с опаленной рваной туникой, которая не скрывала его толстое пузо, Зен был наименее любимым членом семьи Вороны. — Эта женщина была невежливой, — он показал зубы в улыбке, огонь слетел с уголка рта, как слюна, упал на пол и зашипел.

— Как ты смеешь, — прорычала императрица Исэ Рьоко. Она была не в себе с тех пор, как их новая сестренка испортила ее лицо и глаз. Но она снова была на троне, с прямой спиной, выглядела величаво, несмотря на бинты на левой стороне ее лица. Струйка крови потекла из-под бинтов по подбородку.

— Я смею куда больше, чем ты думаешь, императорша, — огонь стекал с губ Зена. — Хорошо, что ты милая, иначе я уже сжег бы другую половину твоего лица, — огонь слетал с его губ, как слюна.

Мастер махнул в его сторону ладонью с когтями.

— Хватит, брат. Мы пришли забрать свою часть сделки, императрица. Где Орочи?

Императрица скривилась. Ворона заметила, что в тронном зале было вдвое больше Змеиной стражи, чем в прошлый ее визит. Кира научила их страху и уважению. Солдаты весь день бегали по замку и разбивали зеркала. Для такой тщеславной женщины, как императрица, было ударом теперь бояться своего отражения. Ворона улыбнулась бы, будь у нее лицо.

— Ты еще не завершил свою часть сделки, тэнгу, — сказала императрица. — Ты должен был убить всех в семье Идо. Один еще жив.

Мастер повернулся к Вороне.

— Сифэнь сказала, что убила всех, — сказала Ворона. — Даже детей, — Сифэнь точно разобралась с детьми. Она всегда говорила, что они были самыми сочными.

Мастер посмотрел на императрицу и развел руками с когтями.

— Если моя сестра говорит, что убила их всех, то они мертвы.

— Идо Кацуо жив, — прошипела императрица. — Ваш оммедзи, которого я держала тут по вашей просьбе, помог ему сбежать.

Дым Вороны закипал в ее плаще, она пыталась успокоить его. Она не знала, что оммедзи сбежал. Он был опасен для них и плана. Может, Кира ему помогла.

Зен фыркнул, огонь вылетел из носа.

— Не наша работа — следить за твоими пленниками. Обвинишь нас еще раз в никчемности, и я научу тебя уважать нас.

Ворона знала, что Зен имел в виду. Он был развратным, и его внимание редким удавалось пережить. Хотя смерть была милосердной, учитывая, что он с ними делал.

Императрица Исэ Рьёко мрачно смотрела на Мастера, но он не стал останавливать Зена в этот раз.

— Думаешь, те солдатики защитят тебя от меня, императорша? — Зен указал на стражей, стоящих вдоль стен. — Я превращу их в золу. А потом сорву с тебя одежду и растоплю твои кости на камне, который ты зовешь тронем...

— Хватит! — рявкнула Ворона. Ее дым кипел вокруг нее, извиваясь и ударяя по воздуху.

Зен оскалился.

— О, сештрена, ревнуешь? Если бы в тебе что-то было, мы бы повеселились, — он показал ей раздвоенный язык.

Ворона зарычала.

— Только из-за тебя я рада, что у тебя не тела, *брат*. Мне хотя бы не ощущается твоя вонь.

— Ха! — Зен шлепнул по открытому животу. — Ты не смогла бы ощутить мой запах на себе, *сестра*. Два века одна... конечно, ты всюду оставляешь след.

Брат или нет, Ворона ненавидела его. Он был гадостью, небесам и земле будет лучше без него. Она поднялась колонной дыма, нависла над ним, щупальца метались. Зен улыбнулся. Огонь капал с его зубов, носа, даже из глаз. Его вены сияли оранжевым на руках, и его живот сиял, как печь. Он был сильным, может, чересчур сильным для нее. Вороне было все равно. Она задушит его дымом, оторвет конечности от его уродливого тела, сотрет его гадкую душу...

— Прекратите. Оба, — тихо сказал Мастер, но угроза звенела, как топор палача.

Зен взглянул на Мастера и рассмеялся. А потом послал Вороне огненный поцелуй, сделал огонь тише.

— Это все равно не стоит усилий.

Ворона подавила гнев. Было нечестно, что урод, как Зен, знал, кем он был, как он умер, а Ворона не знала. Он был младшим из них, был ёкаем всего тридцать лет, а онрё — вдвое меньше, но он был ужасно сильным. Те, кто умер от самоубийства, были часто самыми сильными ёкаями. Зен так и умер. Он убил себя, чтобы переродиться кийо, змеем-ёкаем огня, чешуи и зависти. Зен был отвратительной мелкой сошкой при жизни и был еще более

отвратительным в смерти. Ее злило, что он вспомнил свою смерть, а Ворона не могла. Разве Мастер не говорил Кире, что онрё должны знать, как они умерли, чтобы понимать себя?

Ворона опустилась на пол, колонна из дыма рассеялась. Она втянула дым в плащ и задумалась.

— Простите, императрица, — сказал Мастер. — Члены семьи часто ссорятся. Но вы это знаете лучше меня.

Императрица Исэ Рьоко приподняла правую бровь. Ворона гадала, осталась ли у нее левая бровь под бинтами, или осколки зеркала Киры испортили ее, как и глаз?

— Нашей сделкой было, что вы сотрете остатки семьи Идо, чтобы я могла воссоединить Ипию. Один из них еще жив.

Тэнгай Мастера покачнулась, он кивнул.

— Мы исправим это по своей воле. Зен, сможешь отыскать сбежавшего принца?

Зен показал раздвоенный язык, пробуя воздух.

— Конечно, могу. Я могу отследить кого угодно.

— Так сделай это, — сказал Мастер. — Отыщи принца Идо Кацуо и убей его, — он повернулся к императрице. — Больше никаких промедлений. Говорите, где Орочи, или я найду вашего сына там, где вы его спрятали, и сдеру с него шкуру на ваших глазах. Я разгромлю этот замок и этот город, сделаю вас императрицей пепла и горя. Не сомневайтесь.

Это была не пустая угроза. Ворона видела, как Мастер делал и не такое.

Императрица стиснула зубы и кивнула. Несмотря на ее солдат и ее власть, правда была очевидной: он был тэнгу, и в книгах по истории было много смертей тех, кто перечил этому ёкаю.

Глава 39

К середине утра желудок Янмей стал напряженным мячом. Не у нее одной: все они нервничали. Кира не вернулась, и тревога на лицах Харуто и Гуана была заметной, как и на ее лице. Принц меньше переживал за Киру, больше опасался, что его узнают. Он скрыл лицо капюшоном и прыгал с ноги на ногу, нервно глядя на всех, кто проходил мимо. Город кипел. Те, кто уходил, говорили о солдатах у всех ворот, они проверяли всех прохожих. Изумрудный легион обыскивал дома, магазины и склады. Змеиная стража закрыла замок, и сотни патрулировали стены. Янмей знала, что вскоре поиски выйдут из стен города. Им придется бежать или биться, но она не хотела уходить без Киры.

Близился полдень, небо было серым покрывалом, которое сочеталось с настроением Янмей, когда Шики перебежала дорогу и прыгнула на колени Харуто. Маленький дух щебетала, прыгала и махала волосатыми ручками. Харуто слушал миг, поднял голову. Янмей проследила за его взглядом.

Кира брела по улице к ним. Янмей с трудом поднялась на ноги, тело болело, конечности обгорели. Она пошла к девушке. Когда они встретились на краю дороги, Янмей

обвила Киру руками и притянула к себе. Слезы выступили на ее глазах, потекли на плечо Киры.

— Я так переживала, — сказала Янмей.

— Угу, — буркнула Кира в грудь Янмей. Девушка ощущалась напряжённой в руках Янмей.

Янмей отодвинулась и посмотрела на Киру. Она глядела на землю, хмурясь. Ее волосы спутались сильнее обычного, лицо и кимоно были в засохшей крови. Но тьма вокруг ее глаз, словно кто-то перегнул с темным макияжем, беспокоила Янмей. Янмей потерла щеку Киры перевязанным большим пальцем, но тьма не стиралась.

Янмей отошла еще на шаг, глядя на Киру, не зная, что сказать. Гуан подошел к ним, крепко обнял девушку и закружил ее.

— Я в тебе не сомневался, — он опустил ее на землю. — Хотя твое исчезновение в зеркале было неожиданным трюком.

Кира кивнула.

— Я не справилась бы без тебя, — ее голос был лишенным эмоций. — Ты научил меня протягивать нити ци. Создавать якоря для техники.

Гуан выпятил грудь и кивнул Харуто.

— Слышишь, старик? Она не справилась бы без меня. Значит, в этот раз я спас тебя, — он рассмеялся. — Через посредника.

Харуто улыбнулся.

— Спасибо, Кира. Ты вытащила меня.

Кира только кивнула. Янмей гадала, куда делась ее улыбка.

— Чудесно, — принц хлопнул в ладоши. — Рад увидеть тебя снова, Кира. Спасибо, что спасла и меня. Мы можем пойти? Чем скорее мы уйдем, тем менее вероятно, что мы потеряем головы.

Кира хмуро посмотрела на принца.

— Что случилось с твоими братьями?

— Хм? — сказал принц Идо Кацуо. — О, конечно. Я ходил за ними, — он убрал ладони в рукава наряда. — Я опоздал. Тетушка Рьоко уже разобралась с ними.

Кира склонила голову.

— Прости. Я не должна была медлить.

— Нет-нет. Я и сам был, похоже, в дне от казни. Не извиняйся. Будь счастлива. Я жив, — он улыбнулся. — Все радостные. Все готовы. Хорошо. Идемте, — он бросил взгляд на врата города. Там собрались солдаты, останавливали тех, кто пытался уйти.

Янмей не хотелось слушаться принца, но он был прав. Им нужно было уходить, хотя идти было некуда.

Принц повел их на запад, болтая о теплом приеме в западной Ипии, когда его отец услышит, что он выжил. Он обещал банкеты, балы и парады, прочее, чего никто из них не хотел.

Янмей хотела понять, что было с Кирой.

— Что случилось? — спросила она, сердце опускалось, и Кодачи стал лишь пятном на горизонте за ними, там остались ужасные воспоминания.

Она не хотела Янмей, Харуто сказал:

— У тебя точно есть история. Что случилось после того, как ты пропала в зеркале и оставила меня.

— Прости, — пробормотала Кира. — Я думала, что смогу забрать тебя с собой.

Харуто пожал плечами.

— Все получилось. Спасибо этому болтливому дураку.

— Я это слышал, — сказал принц Идо Кацуо поверх плеча.

— Я оказалась в тронном зале, — сказала Кира. — Там была императрица и много солдат, — она посмотрела на Харуто. — И там была Изуми, но она зовет себя Вороной.

Харуто пожал плечами.

— Она всегда любила зверей. Птиц, ящериц, насекомых. Она любила их рисовать.

— Она была не одна, — голос Киры стал тихим. — Там был и Вестник Костей, — она взглянула на Гуана. — Тэнгу из твоей истории. Он — их лидер.

— Капуста! — рявкнул Гуан. — Только этого не хватало. А йорогумо? Она в Кодачи?

Кира покачала головой.

— Они сказали, что она в западной Ипии.

— Мы хотя бы идем в нужную сторону, — прорычал Гуан. — Чем скорее мы найдем ту паучиху, тем раньше Харуто освободится от бремени Тяна.

Харуто спросил:

— Как ты сбежала?

— Я не сбегала, — Кира взглянула на Янмей и отвела взгляд. — Они отпустили меня. Сказали, что я была семьей, одной из них, и...

На дороге далеко от города было мало людей, прохожие не обращали на них внимания. Но казалось, что их разговор должен проходить в укрытии, подальше от принца. Янмей пыталась защитить Киру от стороны ёкая в ней с тех пор, как взяла девушку. Теперь Кира столкнулась с этой стороной, похожей на нее, но не во всем. Она была на грани, ее темные глаза доказывали это. Янмей не могла дать ей соскользнуть. Она не могла позволить Кире снова стать унгайкьо. Она хотела бы не встречаться с другими онрё, и чтобы на Хэйву не напали. Было проще уберечь Киру в академии.

Янмей увидела что-то сверху, изумрудная линия неслась по серому небу.

— Смотри, Кира. Дракон.

Они все замерли и смотрели, как змей летел по небу. Он был огромным даже на расстоянии. Чешуя переливалась оттенками зеленого, и его рога сияли красным, как кровь.

— Это Мессимер, — сказал Гуан. — Один из драконов, которых заточил Вековой Клинок. Все в Хосе знают историю.

— Онрё освободили не меньше двоих драконов, — сказал Харуто. — Нам нужно остановить их, пока они не освободили Орочи.

Мессимер повернулся к ним, полетел ниже, став больше. Он был не меньше Секирю, сотни футов длиной, его тело было чешуйчатым и гибким, как змеиное. Он опустился еще ниже. Янмей видела чешуйки на его животе. Все на дороге замерли и смотрели, как дракон пролетал, поднимая ветер, который трепал плащи и сбивал телеги. Старик с тростью согнулся над участком травы. Дождь шел за драконом, падал с его чешуи, промачивая все. Мессимер взревел и пролетел над темным пятном Кодачи вдали от них.

— Разве он не красивый, Кира? — спросила Янмей.

Кира молчала. Она смотрела не на дракона, а на Янмей. Когда Янмей повернулась к ней, она выпалила:

— Как я умерла? — ее голос был холодным, слабым и дрожащим. Сердце Янмей разбивалось от звука, ей нужно было соврать. Ей нужно было защитить ее от боли правды.

— Это не важно, — сказала Янмей. Она отвернулась от других и зашагала, пытаясь отдалиться от них, проходя мимо людей на дороге, еще глядящих вслед дракону. Горизонт тянулся перед ней, как серая волна, угрожающая проглотить все. Она не могла сказать Кире правду.

Они шли какое-то время в тишине, Шики цеплялась за плечо Харуто. Даже принц молчал.

— Это важно! — Кира догнала Янмей, зашагала рядом с ней. — Как мне знать, кто я, если я не знаю, как умерла? Это часть меня. Это... создало меня. Мне нужно знать, Янмей. Кто я? Какая я?

Янмей взглянула на Киру, на тьму ее глаз. Кожа вокруг была такой темной. Тэнгу отравил ее разум и попытался вызвать ёкаю. Но Янмей не могла это допустить. Она не столкнет свою дочь с края.

— Хочешь знать, кто ты? — сказала Янмей. — Ты — Кира Мирай. Вот так. Не онрё. Не ёкай. Просто Кира. Моя Кира, — она попыталась притянуть ее к себе, но Кира отпрянула.

* * *

Напряжение сделало вечер неприятным. Гуан остановил их. Он сделал это отчасти для себя — его колени, казалось, хотели поискать другого хозяина — и ради Янмей. Ее лицо было бледным, губы потрескались и почернели местами. Она дрожала под плащом, только решимость вела ее вперед. Пару дней назад Кира первой попросила бы остановиться из-за состояния Янмей, но девушка была темной тучей. Рядом с ней Харуто казался веселым.

Гуан стал разводить костер, другие устроили маленький лагерь. У них было мало вещей — несколько спальных мешков, пара плащей. Ночь будет холодной для всех.

Как только огонь загорелся, Янмей придвинулась ближе, смотрела на огонь. Она не говорила с Кирой с их ссоры на дороге от Кодачи, обе были не рады, что так это оставили. К сожалению, Гуан не мог помочь. Он видел достаточно раз, как кто-то лез, и это не помогало. Один из них должен пересечь брешь, он надеялся, что это случится скоро, а не как у них с Тяном. Они затянули момент, и их отношения сгнили.

Гуан поежился, но не от холода. Их слезливое настроение распространялось, и он не хотел заразиться этим.

— Так ты убийца, Идо? — спросил он, чтобы нарушить неприятную тишину. Он улыбнулся принцу на другой стороне костра, тот пытался устроиться удобнее. У них было только четыре спальных мешка, никто не предложил ему свой.

Принц кашлянул.

— Я предпочитаю звать себя...

— Убийца, — сказал Гуан. — Убийцы всегда делают вид, что не убивают.

Харуто сел у костра с охапкой веток.

— Как себя звал Дрожащее Копье? — он бросил в огонь ветку. Шики подошла и кинула тонкий прут в огонь. Она прыгнула в пламя, посмотрела на них. Гуану всегда было не по себе от этого. У огня не должно быть глаз.

Гуан рассмеялся.

— Он звал себя «направляющим жизненные энергии». Так он описывал то, что пробирался в дома людей и убивал их во сне за пару льен.

Идо Кацуо покачал головой.

— Поверьте, я не простой убийца. Я много лет учился у монахов...

— Терпение, сказал монах, — процитировал Гуан. — Ведь только терпение может тебя

освободить. Жизнь дарует все твои желания, пока ты — рыба и хочешь рыбы. Мужчина как-то поднялся по тысяче ступеней, встретил там своего отца и зарыдал.

— У тебя было две птицы, — продолжил принц, — в клетке. Теперь обе мертвы, не улетели.

Гуан рассмеялся и ткнул Харуто локтем.

— Он знает игру, — Харуто вздохнул, тыкая огонь веткой. Рука огня вырвала ветку из его хватки. Шики засмеялась треском костра. Харуто хмуро посмотрел на духа, взял еще ветку.

— Орел летает очень высоко, — сказала Янмей. — Мышь, глядящая на землю, умирает.

Гуан потер ладони.

— Вот и третий участник.

Это была детская игра «Тысяча уроков Сяомай», тысяча поговорок со скрытыми уроками. Участники по очереди цитировали урок. Если участник повторял урок или не помнил, он выбывал из игры. Игра продолжалась, пока не останется только один участник. Дети и взрослые по всей Хосе и Нэш играли в нее сотни лет, хотя Гуан думал, что нынче уроков было больше тысячи. Что важнее, он заметил, как Кира смотрела и слушала за костром. Он гадал, знала ли девушка игру, или в Хэйве ее не научили.

— Мужчина как-то сидел под деревом, капля дождя упала на его колено, — сказал Гуан. Когда загредел гром, и земля задрожала, мужчина поспешил уйти.

Все притихли и смотрели на Харуто. Оммедзи вздохнул.

— Эм... мужчина учуял в воздухе соль... Как там? Он нашел утес и увидел море?

Гуан рассмеялся.

— Близко, старик.

Они продолжали несколько раундов. Харуто первым выбыл, за ним быстро последовал Идо Кацуо. Гуан и Янмей боролись еще пару раундов, а потом она повторила урок. Как всегда, Гуан победил. Но смысл был не в победе. Кира придвинулась ближе к огню, сидела напротив Янмей. Девушка смотрела на пламя, ничего не говорила, хотя Шики строила гримасы в огне, пытаясь вызвать ее улыбку.

Они поделились припасами, Гуан рассказал одну из многих историй, как Яоронг, лютый медведь, потерял лапу. В Хосе было множество версий сказки, и никто уже не знал, какая была правдой. Гуан любил забавную историю о героизме, и как один великий камн был сброшен своим высокомерием на дно. Он рассказал ее, чтобы скоротать время и развеять неловкое молчание. Но, пока он рассказывал, он задумался, не было ли в его разуме другой причины.

История рассказывала о юном герое по имени Иро, о его задании принести голову Яоронга королю Лау, чтобы жениться на принцессе. Иро знал, что у него не было шансов одолеть лютого медведя, он попытался договориться с ним на один зуб, но лютый медведь отказался работать со смертным. Иро придумал ловушку, заманил медведя напасть на него и отрезал лапу Яоронга. Это была история о том, что духи и люди плохо сочетались, а еще напоминание, что люди всегда могли одолеть духов, если проявляли смекалку. Гуан думал, что конец немного испортил значение истории, но это вызвало вопрос, на который Кира могла знать ответ.

— Ты говорила с лидером онрё? — спросил он у нее.

Кира посмотрела на него поверх огня, ее глаза были темными, и пятна тьмы вокруг них будто впитывали свет огня. Она кивнула.

— Вестник Костей.

— Так он зовет себя, — сказал Гуан. Он не был уверен, что Вестник Костей вообще существовал. — Почему онрё и императрица работают вместе? Вряд ли ради поимки старого дурака, — он ткнул Харуто носком.

— Они думают, что она знает, где Орочи.

Идо Кацуо поднял голову. Он изображал сон, но теперь проснулся и не скрывал этого.

Харуто спросил:

— Откуда императрице знать, где заточен Орочи?

— Заточен? — сказал принц. — Вы хотели сказать: похоронен? Король драконов мертв.

— Дракона убить нельзя, — сказал Харуто. — Это kami. Пока они на земле, их не убить.

— Но я видел могилу, — сказал принц. — Если там упокоили Орочи, то он точно не жив, — принц отклонился, вздохнул и снова закрыл глаза.

— Ты был у темницы Орочи? — спросил Гуан.

— Могилы, — сказа принц. — Или гробницы. Да. Мой дедушка построил сверху монастырь. Я учился там... о, около пяти лет.

Харуто склонился, посмотрел на принца удивительно пристально.

— Откуда твой отец знал, где держат Орочи?

— Ах, это, — принц скривился, явно собирался соврать. — Эта тайна императорской семьи хранится лучше всего. Великий Клинок пришел к нему пра-пра... пра... — он покачал головой. — К моему предку. Он сказал, где похоронен король драконов, заставил его пообещать, что он будет охранять место и хранить тайну. Мой предок построил монастырь и позвал монахов-воинов работать с ним. Не знаю, в курсе ли они, что они охраняют, но они знают, как это охранять. И они много знают о тенях и ядах. И вине, — он улыбнулся. — Вина там много.

Гуан задумался. Императорская семья Ипии разделилась на две ветви пару поколений назад, после того, как Вековой Клинок бился с драконами.

— Значит, императрица Исэ Рьоко тоже знает, где заточен Орочи?

— Думаю, да, — сказал принц.

— Значит, и онрё знают, — сделал вывод Гуан.

Харуто пожал плечами и отклонился на спальный мешок.

— И теперь это гонка к финишной черте, — он открыл глаз и посмотрел на принца. — Ты же можешь привести нас туда?

— Да. Но это не по пути, — Идо Кацуо огляделся, все смотрели на огонь. — Мне нужно вернуться к отцу. Я теперь наследник. Его единственный наследник, — тишина оглушала. — Но, полагаю, на меня теперь охотятся... как вы их зовете? Онрё? Похоже, нет места безопаснее для меня, чем с уважаемым оммедзи, как вы. Я приведу вас к могиле короля драконов. И вы сами увидите, мертв ли он.

Глава 40

— Вставай, — Харуто ткнул Киру ногой. Небо казалось холодным серым пятном чернил, но до света дня оставалась пара часов.

Кира открыла глаза и мрачно смотрела на него миг. Она была мрачной. Не задумчивой, как Янмей, а дующейся. Она раскисла, так со страданиями не справиться. Но Харуто очень давно понял, что ничто не стирает тревоги из разума так, как упражнения для тела.

— Пора тренироваться, — сказал Харуто. Он жалел, что потерял последнюю рубку, он давно не ощущал дым.

— Я не хочу, — сказала Кира, отвернулась и закрыла глаза.

Харуто толкал ее ногой снова и снова.

— Я могу делать так весь день, — сказал он. — Бессмертие учит терпению. Этому меня научили еще на тренировках шинтеев. Второй год? Нет, на третьем году нас заставили дать клятву терпения. Эту клятву не сдержат. Ты отрезаешь прядь волос, клянешься и отдаешь прядь сенсею. Они хранят прядь в Небесной Лощине, где ее не тронет время. Эту клятву ты не можешь завершить, и шинтеи всегда должны стремиться сделать так. Терпение во всем.

Он ткнул ее ногой снова.

— Вставай. Будем тренироваться.

— Мне не нужно, — сказала Кира. — Я билась со Змеиной стражей. Я победила бы если бы Вестник Костей не вмешался.

— Впечатляет, — Харуто ткнул ее ногой снова. — Но ты все еще проиграла.

Она повернула голову и мрачно посмотрела на него.

— Жуткие взгляды на мне не работают, Кира, — он ткнул ее ногой снова. — Вставай. Тренировка.

— Мне не нужно, — прорычала она. — Я уже знаю все, что мне нужно.

— Да? — в этот раз он пнул ее, не так сильно, чтобы было больно, но это точно привлекло бы ее внимание. — Покажи мне.

Кира вскочила на ноги, и они отошли от лагеря. Харуто выбрал прочную палку. Она не заменяла меч, но он потерял катану в Кодачи. Шики забралась на его плечо и заухала ему на

ухо.

— Я знаю, Шики. Я не идиот, — дух была права. Киру что-то мучило. Она была рассеянной и злой, опасная смесь.

Харуто занял стойку, поднял палку перед собой в свободной позе защиты. Кира остановилась в паре шагов напротив него, создала кинжалы в ладонях. Пропали улыбки и недавний энтузиазм. Она смотрела на него глазами, темными, как полночь, ее рот скривился в гримасе.

Харуто громко зевнул.

— Давай. Пока я не уснул.

Кира согнула колени и побежала вперед так быстро, что Харуто едва успел отразить палкой атаку. Он отпрянул, но Кира не унималась, била все быстрее и быстрее. Она научилась давать себе врожденной техникой поразительные вспышки скорости, но жертвовала за это силой. Харуто отбил еще пару выпадов и отскочил со своей вспышкой скорости. Вблизи он не мог за ней успевать. Кинжалы Киры лучше подходили для такого боя, а он вблизи мог только защищаться.

— Хорошо, — сказал Харуто. — У тебя...

Кира напала снова, развернула кинжалы и провела ими так, что могла рассечь его живот. Харуто повернул палку, отразил обе атаки, но палка сломалась от ударов. Он отшатнулся.

— Хватит, Кира.

Она напала на него снова. Оба кинжала вспыхнули.

— Шики, — сказал Харуто. Дух прыгнула в половину палки в его руках, он успел остановить атаку, летящую к его шее. Кира разбила кинжал об Шики, создала другой в руке и попыталась проникнуть за защиту Харуто. Он снова отступил, отбил удар и разбил еще один кинжал. Кира не останавливалась. Один кинжал разбивался, она создавала другой и бросалась снова. Каждое движение было вспышкой скорости, которую питала ее ци. Каждый удар был намерен убить.

— Кира, стой, — Харуто отскочил в сторону. Он перекатился и вскочил, успел остановить еще один удар. От этого они повернулись, и он ударил ее плечом, она отшатнулась. Ему пришлось подавить инстинкт добить, ведь он видел шанс. Его старые инстинкты пылали.

Кира повернулась и метнула кинжал в Харуто. Он попытался отбить его в воздухе, но кинжал разбился, тысяча осколков отразила в него ослепительный свет. За осколками появилась Кира с новыми кинжалами в руках. Она что-то напевала под нос, песню. Ее глазницы были черными ямами пустоты, глаза уже проглотила тьма. Харуто понял, что это была не Кира, это был ёкай. Унгайкьо захватила контроль. Она улыбнулась ему. Ее зубы были осколками зеркала, отражающими его смерть.

— Хватит, Кира! — прорычал Харуто.

Она не остановилась. Унгайкьо побежала вперед, направила на него оба кинжала. Харуто поднял Шики и разбил их. Он пнул Киру в живот, оттолкнул ее, но она уже создала новые кинжалы. Она согнула ноги, готовая броситься. Она уже пела, не напевала. Колыбельная, которую никто не пел сто лет.

— Стой, Мирай! — закричала Янмей.

Ёкай дрогнула, песнь умерла на ее губах. Кира разбилась, осколки зеркала упали с нее на заснеженную траву. И унгайкьо пропала. Кира вернулась, ее глаза прояснились. Харуто

остался настороже, пока кинжалы в руках Кире не разбились. Она замотала головой.

— Простите! — закричала она. А потом развернулась и убежала.

Харуто выпрямился, и Шики выпрыгнула из палки. Палка тут же рассыпалась. Маленький дух полетел за Кирой. Харуто подозревал, что тренировка была не лучшей идеей.

Янмей подошла к нему. Она горбилась, плотно куталась в плащ от холода. И дрожала. Она остановилась рядом с Харуто и смотрела вслед Кире.

— Это была не она, — сказала Янмей. — Это была не Кира.

Харуто не был в этом уверен. Кира была девушкой и унгайкьо, и сейчас две ее стороны воевали.

— Ты можешь что-нибудь сделать? — спросила Янмей. — Запечатать ёкая?

Харуто пожал плечами.

— Я? Нет. Ты сдерживала ее сторону ёкая так долго. Сейчас она борется с ядом, который другие онрё вложили в ее голову. Если кто и может ей помочь, Янмей, то это ты.

* * *

Кира остановилась под скелетоподобными ветками старого дерева и рухнула, вытянув ноги под собой. Она рыдала. Она пыталась убить Харуто. Она не изображала, что билась, зная, что он был бессмертным. Она пыталась его убить. Она не переживала. Будь это кто-то другой, кто-то медленнее Харуто, он умер бы. Если бы это была Янмей, Кира убила бы ее. Она обняла колени и рыдала в кимоно.

За рукав мягко потянули, Кира открыла глаза. Шики глядела на нее. Маленький дух пискнула раз. Не слова, только утешение. К ее черному пушистому телу прилипла снежинка, еще больше падало вокруг них. Зима не хотела отпускать Ипию. Кира села, скрестив ноги, и Шики забралась на ее колени.

— Ты ошиблась, Шики, — сказала Кира. — Я — наполовину дух. Я нашла ее, половину духа в себе.

Шики запищала, и Кира кивнула, слезы снова опалили ее глаза.

— Думаю, она была заперта в зеркалах. Я смогла взять тебя с собой, но не Харуто. Духи могут путешествовать со мной через зеркала, — она сглотнула ком в горле. — Думаю, она... я... часть меня все еще была заперта в зеркале, и я вывела ее с собой. Выпустила ее.

Шики свистнула.

Кира покачала головой.

— Я не хочу быть ею. Я не хочу быть... — всхлип сотряс ее.

Еще писк.

— Но она сильнее меня. Она пыталась убить Харуто.

Шики с дрожью пожала плечами и задрожала от смеха. Она была права. Унгайкьо не могла уйти. Они были едины.

Кира создала кинжал в ладони и подняла перед собой. Она закрыла глаза, боясь смотреть в зеркало. Она ощущала, как снег падал на ее голову и плечи, прогоняя тепло из ее кожи. Она слушала, как просыпался мир. Птицы щебетали, насекомые стрекотали, ветер шелестел, принося звуки людей. Она знала, что медлила. Она зажмурилась, прогнала остатки слез на щеки, а потом вызвала смелость, открыла глаза и посмотрела в зеркало.

Унгайкьо смотрела на нее.

Глава 41

Они шли три дня на запад. Принц уверял, что их роскошно примут в западной Ипии. Харуто казалось, что принц пытался убедить себя. Янмей едва успевала за ними, но не жаловалась, не просила остановиться. Она крепко сжимала свою ци, подавляя ее, но от этого она ослабела. Ее раны медленно заживали, она всегда дрожала. Кира стала мрачным комком. Порой ее старый энтузиазм прорывался гейзером, осыпая их юной радостью из-за чего-то простого, типа одинокого дерева, не сдавшегося зиме, показывающего краски миру. Но чаще девушка хмуро молчала. Харуто будил ее каждое утро на тренировку, но она сдерживалась, не использовала технику. Она боялась унгайкьо внутри себя.

Гуан был бодрым. Старый поэт был готов поведать историю или скоротать время игрой. Но тень Тяна оставалась на нём. Она висела над ними обоими.

Гнев Тяна внутри Харуто был бурей, ждущей шанса вырваться. Это делало его

напряженным, раздраженным, и всё вокруг него действовало ему на нервы. Он стиснул зубы и мысленно кричал друзьям замолчать. Они двигались в нужную сторону, и Харуто надеялся, что они успеют. Когда он закрывал глаза, он видел, как на него рычал Тянь с испорченным лицом. Многие от Тяня-ёкая уже вернулись на землю. Харуто боялся, что вскоре потеряет себя в гневе.

Они снова поднялись на холмы, снег стал падать сильнее. Но было не как в горах. Снежинки были большими. Местами земля была белой, а в других местах холод не задерживался.

После почти недели у них начала заканчиваться еда. Путники были добрым и щедрыми, делились с ними, но зимой многие голодали.

Утром седьмого дня они увидели фермерские угодья, земля была вскопанной, с зелеными и жёлтыми зимними посевами. Мужчины и женщины ходили в полях, как большие призраки. Многие отворачивались или надвигали шляпы на глаза, чтобы не говорить с группой. Были и стражи. Мужчины носили разномастную керамическую броню, копья и дубинки. С оружием, которое будто только нашли, они выглядели как бандиты, а не солдаты. Никто не приближался, но все смотрели на Харуто и других, пока они проходили.

Вечернее солнце опускалось за горизонт, когда они дошли до деревни. Стен не было, деревня устроилась между холмом и редяющим лесом, где побывало слишком много топоров. Дома были ветхими, почти заброшенными. Редкие люди ходили, худые и серые, в лохмотьях, несмотря на холодную зиму. Женщина несла ведро воды от колодца, заметила их, повернулась и побежала.

Гуан ткнул принца локтем в ребра.

— Это сделало твоё дыхание?

— О чём ты? — спросил Идо Кацуо.

Гуан отклонился от принца, махая ладонью перед лицом.

— Капуста! Точно твоё дыхание.

— Ах, — принц покачал головой. — Кто бы говорил. Ты пердишь во сне так громко, что мертвые могут проснуться, и запах такой, что они могут убежать обратно под землю.

Гуан поискал поддержки у других, но все отводили взгляды. Старый поэт рассмеялся и хлопнул принца по спине.

— Это было хорошо.

— Спасибо, — сказал Идо Кацуо.

Они прошли глубже в деревню, но не нашли гостиницу и магазины, людей было мало. Харуто решил, что все они были в полях, но призрачная атмосфера деревни действовала ему на нервы. В дальнем конце у холма был закрытый участок. Стены, ворота и большой дом за ними были не такими, как ветхие дома деревни. Два стража сидели на коленях у ворот, бросали кости на замерзшей земле, слишком занятые, чтобы заметить группу путешественников. Харуто кашлянул, и старший страж с растрепанными седыми волосами поднял голову, вздрогнув, и ушел. Через пару секунд еще пять солдат с вилами появились как подкрепление.

— Ничего не напоминает? — спросил Гуан.

— Слишком сильно, — голос Янмей подрагивал, словно раненая птица просила о помощи. — Мы должны быть осторожными тут, Харуто. Это место пахнет бандитами.

— О, только этого не хватало, — сказал принц. — Попастся из-за плохого управления тетушки Рьоко. Я говорил, что нужно было идти в западную Ипию, а не неизвестно куда.

На них смотрели. Не только стражи, но и из ближайших хижин.

— Вы далеко зашли, — страж шагнул вперед. Он был юным, в шрамах, с треснувшей нагрудной пластиной и шлемом, который был ему большим. У него был один грязный щиток на руке. — Развернитесь и уходите. Не останавливайтесь.

— Покажи им свою печать, — предложил Гуан.

— Как раз собирался, — сказал Харуто, роясь в кимоно. Он вытащил императорскую печать и поднял ее. — Я — оммедзи. С разрешением императрицы, — это было немного ложью, но он сомневался, что стражи могли отправить гонца в Кодачи и проверить.

— Тут нет ёкаев, — сказал страж. — Развернитесь и уходите. Магистрат не хочет вас видеть.

— Откуда ты знаешь? Ты его не спросил, — сказал Идо Кацуо.

— Мне и не нужно, — сказал страж со шрамами. — *Она* не хочет вас видеть, — еще два стража вышли из ворот, их стало восемь. Сила не была убедительной, ведь воины выглядели как бандиты, но кто знал, какие техники они скрывали? И Харуто не хотел лезть. Он разбирался с духами. Дела людей лучше было оставить тем, кто обладал властью.

— У вас нет храма, посвященного шинигами? — спросил Харуто. Ему все еще нужно было починить ритуальные посохи, и он мог сделать это только в святилище, посвященном жнецам.

— Нет, — сухо сказал страж со шрамами. — Уходите, — его товарищи ерзали, тянулись к оружию.

Харуто пожал плечами, повернулся и зашагал. Он не знал, что тут происходило, и не хотел знать. Им хватит припасов на пару дней, они могли найти более приветливую деревню. Янмей медлила, но даже она отвернулась с другими.

Они были почти на краю деревни, когда их остановил крик. Харуто обернулся и увидел молодую женщину, бегущую к ним. Она была худой, как другие жители, ее синее кимоно было старым, выцветшим и в дырах.

— Мастер оммедзи, — женщина тяжело дышала, когда добежала до них. — Вы сказали, что вы — оммедзи. С печатью?

Харуто заметил двух стражей, которые шли за ними от дома магистрата. Они следили на расстоянии. Он кивнул женщине.

— Прошу, вы должны мне помочь, — женщина упала на четвереньки и опустила голову к заснеженной тропе. — Спасите мою дочь.

Харуто взглянул на стражей и вздохнул.

— Я не могу бороться с вашим магистратом.

Женщина подняла голову и покачала головой.

— Прошу, мастер оммедзи! — Харуто видел в ее глазах слезы. — Моя дочь у ёкая. Вы должны ей помочь.

Женщина привела их к одному из крупных домов в деревне. Дыра в крыше выглядела так, словно ее никто не пытался залатать, и дом казался хрупким. Она лепетала, открывая дверь. Отчаянный поток слов, который Харуто было сложно прервать. Гуан и принц остались снаружи приглядывать за следящими за ними стражами. Грязь и листья попали в дыру в крыше, в камине был холодный пепел, который нужно было выкинуть дни назад. На столе у печи было ведро воды, но зеленая слизь прилипла к дереву по краю. Запах плесени был сильным в воздухе. Женщина стала суетиться в бардаке, остановилась у двери, которая едва держалась на петлях. За ней лестница вела вниз, Харуто услышал тихий крик внизу.

— Шики, немного света, — попросил Харуто. Маленький дух выбрался из его кимоно и зевнул. Она стала шаром сияющего света. — Спасибо, — сказал он.

— Внизу, — прошептала женщина. — Он прикован, но у него она. Моя Шиори.

Харуто глубоко вдохнул. Ему не нравилась ситуация. Он открыл дверь и стал спускаться. Шики парила перед ним. Это был погреб, наверное, там хранили рис в урожайные времена, но бочки теперь были пустыми. Он дошел до конца лестницы и пригнулся, чтобы не удариться об землю над ним. Там он увидел девушку.

Она сидела на земле, всхлипывая, тело жутко опухло, складки жира лежали друг на друге, обмякли и собрались на холодной земле, как лужи. Лохмотья на ней разорвались из-за растущей массы. Железные оковы на ее запястье впились в ее плоть, надувшуюся вокруг. Оковы были соединены с цепью и металлическим колышком, вонзенным в землю. Глаза девушки были точками на опухшем лице. Она сунула в рот горсть земли, жевала сломанными зубами. Ее ладони были в крови, ведь она рыла землю и пихала в рот. Ёкай не держал девушку в плену. Девушка была ёкаем.

Женщина спустилась по лестнице и прошла мимо Харуто.

— Нет-нет-нет, Шиори. Не нужно это есть.

Харуто схватил женщину за руку, глаза ёкая расширились, и он потянулся к ней свободной рукой. Харуто оттащил ее.

— Все хорошо, Шиори, — вопила женщина. — Все хорошо. Я знаю, ты мне не навредишь, — она повернулась к Харуто, слезы лились по ее лицу. — Это не она. Не моя Шиори. Это ёкай. Она у него, он не отпускает ее. Шиори — хорошая девочка.

— Мамочка, — сказал ёкай высоким и дрожащим голосом. — Я хочу кушать.

Женщина попыталась вырвать из хватки Харуто, но он оттянул ее и толкнул к лестнице.

— Кира, прошу, отведи ее наверх, — Кира взглянула на ёкая, сжала женщину и повела ее.

— Звезды, — Янмей добралась до погреба. — Что... — она укуталась сильнее в одеяло и скрыла уголок нос.

— Это нуппеппо, — сказал Харуто. Он смотрел, как рыдающий ёкай сунул еще горсть земли в рот. — Идем, — он повернулся и пошел по лестнице.

— Ты не убьешь ее? Ничего не сделаешь? — спросила Янмей.

Харуто пожал плечами.

— Да, я кое-что сделаю. Но я еще не знаю, что. Не все ёкаи жестокие. Не всех нужно жестоко убивать.

Женщина сидела на коленях у маленькой кровати, рыдала в ладони. Кира стояла рядом с ней, переминаясь с ноги на ногу, ей было не по себе.

— Гуан, — позвал Харуто. Старый поэт что-то буркнул о том, что не был слугой, и заглянул в дом. — Поищи хворост. И возьми принца.

— О, да, мой лорд, — сказал Гуан. — Что-нибудь еще, мой лорд? Может, свежих булочек и горячую воду? — он рассмеялся и пропал за дверью. Через миг Харуто увидел в окно, как он подталкивал принца перед собой на заснеженной тропе.

Харуто опустил перед женщиной на колени, нежно убрал ее ладони от ее лица. Ее глаза опухли.

— Вы можете ее спасти?

— Меня зовут Харуто, — сказал он с улыбкой. — А тебя?

— Сен.

— Сен, — сказал Харуто. — А твоя дочь — Шиори?

Она кивнула.

— Прошу, спасите ее.

Харуто нежно сжал ладони женщины.

— Сен, Шиори мертва.

Глаза Сен расширились, она замотала головой, уже пытаюсь встать. Харуто крепче сжал ее ладони, не пустил ее в погреб.

— Нет, — взвыла Сен. — Она не может быть мертва. Это ёкай. Вы должны убить ёкай не мою девочку.

— Шиори мертва, — повторил Харуто. Ей нужно было принять это. Дальше будет тяжелее.

Сен покачала головой.

— Твоя дочь не у ёкай, Сен. Ёкай и есть твоя дочь. А стать ёкаем можно только через смерть.

Лицо Сен исказилось, она прижалась к Харуто, уткнулась лицом в его кимоно и закричала. Она била по нему костлявыми кулаками, рыдала в его плечо. Вскоре у нее кончились силы. Бедная женщина голодала, устала от тревоги. Ее отрицание позволяло ей держаться, и от этого проблема ухудшилась.

— Она не всегда была такой, — сказала Сен, отодвинулась от Харуто. Она вытерла глаза и нос рукавом. — Шиори была худой девочкой. А потом она стала расти, становиться выше и худее. Даже когда она не ела, когда у нас не было еды, она росла. Магистрат пришла и обвинила нас в краже еды. Она приковала мою маленькую Шиори. Она не сделала так со мной, потому что я еще могла работать. Мы не воровали еду. Честно.

— Знаю, — сказал Харуто. — Твоя дочь умерла, Сен. Она стала нуппеппо. Это ёкай который... худшее еще не случилось. Но я могу помочь. Я не могу ее спасти. Но я могу попытаться дать ей покой. Неподалеку есть храм? Посвященный шинигами?

Сен шумно вдохнула и покачала головой.

— Ближайший храм — Кладбище Мечей, но это в трех или четырех днях ходьбы отсюда. Харуто улыбнулся, хоть и злился.

— Я что-нибудь придумаю. Поспи. Завтра мы подарим твоей дочери покой, в котором она нуждается. Вместе.

Сен скривилась, но не заплакала в этот раз. Она легла на пол у кровати и закрыла глаза. Она тут же уснула. Харуто немного завидовал ей. Его всегда удивляло, как легко люди могли уснуть, когда кто-то забирал у них часть бремени.

Он встал и поманил Янмей и Киру выйти, последовал за ними из дома. Гуан и принц возвращались, каждый нес охапку прутьев.

— Все решено? — спросил Гуан.

— Даже не начал, — сказал Харуто. — Разведи внутри огонь. Следи за женщиной. Когда она проснется, не пускай ее в погреб.

Гуан прищурился, но кивнул. Принц открыл рот, но Гуан толкнул его внутрь.

Два стража из дома магистрата стояли у ветхого дома с другой стороны дороги, следили за ними. Они не выглядели голодными, один из них был толстым, как буйвол.

— Та девочка умерла от голода, — сказал Харуто как можно спокойнее. — Не знаю, было это до того, как магистрат приковала ее, или после. Но она умерла от голода, и вряд ли она одна.

— Я видела такое раньше, — сказала Янмей. — Магистрат и ее стражи — бандиты. В некоторых местах бандитам дают землю и титул, а не прогоняют мечом. Это никогда не помогает. Они часто продолжают забирать, и они забирают у людей, которых должны защищать, — она хмуро посмотрела на стражей, следящих за ними. — Ты можешь помочь девочке?

Харуто прислонился к стене, скользнул вниз и сел. Он так устал. Снежинка опустилась к нему, Шики прыгнула к ней, схватила из воздуха и съела. Она радостно закружилась.

— У оммедзи есть четыре способа разобраться с ёкаями, — он закрыл глаза, Тянь ждал его во тьме, скаля окровавленный рот. Харуто быстро открыл глаза. — Мы не можем просто убить бедную девочку. Смертельный удар отделит духа от тела, но только отпустит его. Дух найдет другое тело, еще одну бедную душу, умершую от голода. Я мог бы ритуальными посохами создать барьер, который направит духа к небесам в руки Оморецу, моего покровителя-шинигами.

— Прости, — сказала Кира.

Харуто отмахнулся. Это все еще раздражало его, но он сомневался, что злость была его. Лучше было просто отпустить. Она пыталась помочь.

— Оммедзи может забрать себе бремя ёкая. Тогда, когда ёкай убит, он сразу переходит к перерождению. К сожалению, я уже принял бремя. Я не могу взять еще одно.

— Тянь? — спросила Янмей.

Харуто кивнул.

— Пока йорогумо не мертва...

— Сифэнь, — сказала Кира. — Так ее зовут. Леди-паучиху.

— Пока йорогумо не мертва, — повторил Харуто, — я не могу взять бремя другого ёкая. Шики — духовный меч, не смертное оружие. Ее удар может убить ёкая и отправить его на небеса, но без ритуальных посохов Оморецу не сможет забрать душу.

— Что это означает? — спросила Янмей.

Харуто скрипнул зубами, приходилось все им объяснять.

— Работа шинигами — собирать души мертвых и направлять их в следующую жизнь, — сказал он. — Но они — не самые охотные работники. Они — духи, великие ками, которые получили от богов бесконечное задание. Они видят в нем бремя, когда другие ками, как драконы, могут летать, как птицы, и делать, что пожелают. Смертные духи летят к шинигами. Если я отправлю ёкая к Оморецу, он сделает работу. Но шинигами не летают по небу в поисках непривязанного ёкая. Они не отправляют их в следующую жизнь. Они делают это, только если хотят своих приспешников в мире, — он пожал плечами. — Если я направлю дух Шиори к Оморецу, она отправится на небо такой, какая она сейчас. Она всегда будет нуппеппо. Она сможет однажды найти выход и захватить другое тело.

— А четвертый способ? — спросила Кира.

— Ты его видела, — сказал Харуто. — Он похож на третий, но не такой жестокий. Обычно. Ёкай вернулся из-за причины — мечь, неисполненное желание, нарушенная клятва. Кто знает? Но причина есть всегда. Если я смогу дать нуппеппо то, чего она хочет, дух уйдет мирно.

— Как мальчик в шахте? Мы поиграли в прятки, и он исчез.

Харуто улыбнулся и кивнул.

— И это тоже позволяет пропустить шинигами? — спросила Янмей. — Сразу к следующей жизни?

— Да, — сказал Харуто. — Звучит просто, да? Сначала нужно понять, с каким ёкаем имеешь дело, а потом решить, что сделало его ёкаем, и как исполнить его желание или ослабить бремя, — он вздохнул. — Думаю, тут все очевидно. Магистрат забирает еду. Ее стражи сытые, даже толстые. Они обвинили девочку и ее мать в краже, но девочка умерла от голода, прикованная в подвале. Думаю, нужно украсть немного еды у магистрата и дать ее Шиори.

— Справедливость, — сказала Янмей, — отчасти.

— Или отмщение? — спросила Кира. Тьма вокруг ее глаз стала светлее, но не пропала. Девушка и ёкай боролись за контроль. — А если Шиори хочет увидеть, чтобы голову магистрата снесли с плеч?

Янмей бросила взгляд на девушку.

— Возможно, — не спорил Харуто. — Но вряд ли. Нуппеппо — безвредные ёкаи. Почти всегда. Они просто едят все, что видят. Если оставить нуппеппо одного, он никого не убьет, но их неутолимый аппетит — удар по запасам еды.

— Нужно украсть из поместья еду, покормить бедняжку и отправить ее дух в следующую жизнь? — Янмей улыбнулась. — Я это сделаю.

— А? — Харуто склонил к ней голову.

— Я попробую и украду еду, — сказала она. — Не смотри на меня так. Я не так слаба и бесполезна, как ты думаешь. И те стражи следят за тобой, я не за мной. Они решат, что я — просто хрупкая старушка, — Харуто не знал, было ли такое мнение ошибочным.

— И я пойду, — сказала Кира.

— Да? — улыбка появилась на лице Янмей.

Кира кивнула, но не смотрела на Янмей.

— Идите в темноте, — сказал Харуто. Он был рад, что они вдвоем пойдут. Янмей в ее нынешнем состоянии нуждалась в помощи. А Кире нужен был тот, кто не даст унгайкьо захватить контроль. — Я устрою отвлечение у ворот.

— Как? — спросила Янмей.

Харуто пожал плечами.

— Не знаю. Буду жонглировать или придумаю что-нибудь еще.

Глава 42

— Нужно так расхаживать? — спросил Идо Кацуо, Кира снова прошла за ним. Он сломал ветку надвое, бросил кусок в камин.

Гуан смотрел, как Кира скрипнула зубами, развернулась и пошла обратно за Идо Кацуо. Шики двигалась за ней как перекати-поле на ветру.

— Я должна, — едко сказала Кира. — Это меня успокаивает.

— А на меня это действует иначе, — сказал Идо Кацуо.

— Хорошо тогда, что я — не ты, — Кира повернулась и пошла в другую сторону.

Идо Кацуо вскинул руки, поднялся на ноги и стал расхаживать в обратном направлении от Киры. В этой хижине было мало места для них всех, но они вдвоем умудрялись ходить, хмуро глядя друг на друга, ускоряясь с каждым поворотом.

Гуан давно понял, что ожидание чаще всего портило нити плана. Как говорил философ Донг Ао: «Попросишь человека подождать минуту, она покажется ему часом. Попросишь подождать час, и он покажется днем. Попроси десять человек подождать минуту, и она покажется им десятью секундами». Это напоминало их ожидание наступления ночи в хижине Сен.

Харуто справлялся неплохо, сел на пол, скрестив ноги, и медитировал, хотя он приоткрывал глаз и наблюдал за Сен. Бедная женщина придвигалась к двери погребца. Янмей была неподвижна, но Гуан догадывался, что это было необходимо. Она подавляла свою ци, двигалась медленно, как древняя. Кира и Идо Кацуо были комками нервной энергии, отказывались сидеть смирно. От постоянных отвлечений Гуану было сложно написать

новую поэму. Он записал пока лишь: «Я ненавижу холод».

— А ведь я не закончил историю Ночной Песни, — сказал Гуан, прерывая спор Киры и Идо, который вел к тому, что она собиралась побить принца.

Кира посмотрела на Гуана темными глазами, и он чуть не передумал, но ее глаза быстро прояснились, и она улыбнулась. Она становилась страшнее с каждым днем.

— Нужно рассказывать остальное? — спросил Харуто. — Там... я плохо себя показал.

Гуан склонился и похлопал друга по колену.

— Все хорошо, старик. Мы все тебя знаем, мы понимаем, каким ты стал. И это уместно, — он огляделся, все смотрели на него. Даже принц прислонился к дальней стене, скрестил руки и слушал. — Дальше я расскажу, как и почему Ночная Песнь выбрал путь оммедзи.

* * *

Мы покинули трагичного шинтея, Ночную Песнь, на низшей точке в его жизни. После многих лет славы величайшего мечника и героя Ипии он был побит, сломлен, стал нищим, а его жена, Изуми, была убита. Хуже, он нашел свою жену, ставшую ёкаем, мстительным духом, жаждущим причинять боль и вымещать гнев на невинных людей Ипии. Встреча с такой Изуми стала последней каплей для Ночной Песни, он не мог все это вынести. Было уже плохо увидеть, как любимая женщина стала монстром, но он знал, что для нее было хуже. Изуми всегда была сострадательной, и теперь она стала монстром, хотела только навредить другим. Ночная Песнь ничего не мог с этим поделать. Он не мог ни убить ее, ни спасти. Мечь Тошинаки была завершена, и Ночная Песнь был разгромлен.

Но он не сдался отчаянию, дал себе последнее задание. Он был шинтеем, и он поклялся Изуми, что освободит ее от проклятия. Он знал об ордене уважаемых оккультистов, чьей работой было охотиться на ёкаев и отпускать их духов на небеса. Оммедзи были скрытными, их действия были тайной, как и их местоположение. Но все знали, что их одобрял сам император Исэ.

Ночная Песнь вернулся в Кодачи как нищий. Люди его не узнали. Стражи замка его не узнали. Даже семья, из которой была его жена, не узнала его. Он молил об аудиенции с императором, но его прогоняли. Вариантов не было, Ночная Песнь дождался, пока император покинет замок, бросился перед паланкином и стал молить о мгновении времени императора. Змеиная стража вытащила оружие и приготовилась убить Ночную Песнь, но император остановил их клинки. Он узнал Ночную Песнь, попросил опозоренного шинтея подойти ближе. Ночная Песнь подполз к императору, опустил голову к грязи, извинился за смерть любимой кузины императора и за то, какой она стала. Он умолял императора исполнить его последнюю просьбу: сказать, где оммедзи.

Император даровал Ночной Песне одну просьбу, но при условии. Больше он не придет в Кодачи. Император не хотел больше слышать имя Ночной Песни. Ночная Песнь поклонился и согласился. Он уже все потерял, и его имя ничего не значило.

Когда он дошел до лесной деревни оммедзи, оккультисты не были рады. Они редко принимали кого-то в свой орден, и когда они принимали, новички были обычно юными и сильными, а не нищими стариками. Что важнее, их выбрали шинигами. Они окружили прибывшего, мужчины и женщины в роскошных нарядах, с ритуальными посохами и яростными духами-спутниками. Они прогнали ему и сказали не возвращаться. Голодный, почти лишенный силы воли, путник прошел на кладбище деревни и лег, чтобы умереть.

На кладбище были сотни храмов, каждый был посвящен шинигами. Путник посетил их

все, молясь каждому, чтобы его жалкое существование закончилось. Шинигами молчали. А потом он пришел к маленькому храму в ужасном состоянии в дальнем конце кладбища. Камень там потрескался, двери висели криво, а земля вокруг воняла мочой. Видите ли, среди шинигами был один, чье имя высмеивали, ками-хитрец, которого не любили боги, которого чурались другие шинигами. За его храмами не ухаживали, его имя было почти забытым, пока путник не сел помолиться.

Оморecu явился к путнику, окруженный духами. Он казался добрым стариком в грязных лохмотьях, похожих на одежду путника, ноги были босыми. Путник рассказал о своем деле, попросил шинигами об услуге. Он хотел стать оммедзи, найти Изуми и дать ей покой, которого ее лишили. Оморecu видел, как оммедзи смотрели на путника свысока, увидел шанс поиграть. Он давно не имел своего оммедзи.

Оморecu дал путнику задание, чтобы доказать верность. Он опустил перед путником вакидзаси и попросил его лишиться себя жизни. Если он сделает это, Оморecu убедится, что у Изуми будет шанс на покой.

Путник увидел шанс. Покой для Изуми и для него. Он взял меч и приготовился, рухнул на меч, клинок вонзился в грудь.

Но путник не умер. Оморecu обманул бедного дурака. Задание проверило его верность. Как только клинок пронзил кожу путника, Оморecu благословил его, и они заключили сделку. Путник обучится и станет оммедзи. Другие оммедзи не могли больше прогнать его, ведь Оморecu был его покровителем. Но это было не все. Шинигами лишил путника смертности, благословение или проклятие, зависело от взгляда. Он будет бродить по земле, служа Оморecu, пока призрак его жены еще был там.

Как вы понимаете, он все еще бродит по земле, ищет ёкая, каким стала его жена.

* * *

Наступила ночь, и Янмей с Кирой вышли из дома Сен и пошли подальше от стражей. Людей в деревне было уже больше. Фермеры вернулись с полей, катили телеги по грязным тропам. Женщины несли ведра воды от колодца, все молчали, отводя взгляды от стражей. Стражи — или бандиты, как понимала Янмей — ушли за стены дома магистрата, и из-за стен доносился шум.

Идо Кацуо вызвался пойти вместо Янмей, но она не доверяла принцу. В нем было двуличие, которое она видела во многих ранее, и он признался, что был убийцей. И она хотела сделать это. Ей нужно было доказать, что она была полезной даже без техники. Наследие ее отца многое ей давало годами, но отобрало у нее еще больше. Она гадала, знал ли он цену использования техники? Потому он так редко ее использовал? Она всегда думала, что он просто был слабее, чем она. Может, он был мудрее. От этой мысли она чуть не рассмеялась. Пылающий Кулак был бандитом, убийцей, тираном, отцом. Но вряд ли кто-то когда-то звал его мудрым. Но, когда Янмей была юной, она помнила, что стремилась стать такой, как он, думала, что он все знал. Он был сильным, не только физически, но и с силой решимости. Янмей много раз видела, как он ехал, чтобы убивать и грабить, и хотела поехать с ним. Хоть она знала, каким он был и что он делал, она все еще хотела быть рядом с ним. Хоть она страдала от его руки, она все еще хотела порадовать его. Притяжение семьи было сильным, но, как и огонь, оно могло согреть и обжигать. Янмей прогнала глупые мысли из головы.

Они обошли деревню и пошли к холму. Кира была мрачной тенью во тьме. Ее радостная энергия покинула ее, и девушка казалась ёкаем сильнее, чем раньше. Янмей теряла Киру,

проигрывала другой ее половине. Она ощущала потерю даже сильнее, чем огонь, который согревал ее все годы.

Подъем по холму был утомительным, и они шли в тишине. Ноги Янмей пылали, Кира шагала впереди нее. Когда они добрались до холма с видом на дом магистрата, они ждали, притаившись во мраке, пока Харуто не отвлечет стражей.

— Вестник Костей сказал, что ты сдерживала меня, — прошептала Кира. Янмей видела знакомую тьму в ее глазах. — Он сказал, что ты и все в Хэйве пытались сделать меня той, кем я не являюсь. Вы заставляли меня быть человеком, подавлять ёкая во мне.

Янмей открыла рот, но Кира продолжила:

— Он сказал, что я могу быть сильной, как Шин, но мне нужно принять унгайкьо и перестать позволять тебе сдерживать меня, — она вдохнула с дрожью. — Я видела ее. Каждый раз, когда я смотрю в зеркало, я вижу ее. Унгайкьо. Меня, — Кира повернулась к Янмей, ее глаза блестели от слез. — Я не хочу быть ею. Я не хочу быть ёкаем. Я хочу быть хорошей.

Янмей приблизилась и обвила Киру руками, притянула ее к себе.

— Ты не обязана быть ёкаем.

— Но она ждет меня. Я чувствую ее. Она пыталась убить Харуто, — Кира шмыгала носом. — Только ты останавливаешь меня. Не бросай меня. Прошу, не дай ей выйти снова.

Янмей обнимала Киру, не зная, кто из них дрожал сильнее. Конечно, она останется с Кирой. Янмей будет там... сколько сможет.

Кира напряглась в ее руках и отпрянула. Она вытерла глаза рукавом и нахмурилась.

— Ты холодная, — сказала она. — Почему? Ты никогда не была холодной.

Янмей покачала головой, улыбнулась своей дочери и соврала ей:

— Эффект от использования моей техники в Кодачи. Мудрец говорил, что такое могло произойти. Я в порядке.

Кира сжала ее ладони и посмотрела на повязки.

— Мудрец сказал, что твоя техника вредила тебе.

Янмей убрала руки.

— Да. И он был прав. Но я в порядке. Я просто не могу сейчас использовать много ци.

— И твоя нагината, — сказала Кира. Она только сейчас заметила, что случилось в Кодачи. Ее так отвлекла борьба с ёкаем в себе, что она не замечала больше ничего.

— Я потеряла ее, — печально сказала Янмей. — Я билась со стражем. Он был сильнее чем я ожидала. Но ты одолела много таких, — она прижала ладонь к щеке Киры. — Я так тобой горжусь. Ты выросла такой сильной.

Кира покачала головой.

— Я не сильная. Я боюсь.

Они услышали крик из дома. Кто-то устроил шум. Отвлечение началось, пора было проникнуть и украсть еду. Она опустила перевязанную ладонь на шею Киры и притянула ее ближе, их лбы соприкоснулись.

— Бояться — это хорошо. Страх не делает тебя слабой, он делает тебя человеком, — она сглотнула ком в горле. — Теперь нам пора двигаться.

Они пошли ближе к краю, соскользнули по склону. Луна была на севере, почти скрылась за облаками, и они были в тени. Пока они молчали, их вряд ли заметят. Склон был невысоким, всего сорок футов, но путь был утомительным. Кире было легко двигаться, ее ловкие пальцы находили выступы, ее ци придавала ей сил. Янмей не была такой одаренной.

Ее пальцы болели, ногти ломались об камень. Пот стекал по ее голове и в глаза, ее мышцы пылали. Ладонь за ладонью, она спускалась, ноги с трудом находили опору в рушащемся камне. Ее мир стал склоном холма перед ней, спуском, полным боли.

— Прыгай, — прошипела Кира.

Янмей рискнула посмотреть вниз. До дна было десять футов. Кира стояла под ней, махала ей отпустить, протягивала к ней руки. Янмей уже не была грациозной, так что могла позволить Кире поймать ее. Она оттолкнулась от склона и упала, затаив дыхание, пока гравитация притягивала ее.

Кира поймала ее, охнув, и опустила. Янмей почти смеялась. Она помнила, как носила Киру на плечах, когда она была ребенком, и они бегали кругами по землям академии. Девочка смеялась и требовала, чтобы Янмей бежала быстрее. А потом Кире надоедало быть пассажиром, она спрыгивала с плеч Янмей и бежала рядом, ее ножки пытались не отставать, и она смеялась, словно это было веселее всего. Прошло десять лет, а ощущалось как жизнь. Она так быстро выросла, а тело Янмей быстро сдалось из-за ее техники.

Они стояли в маленьком ухоженном саду. Хотя была зима, зеленая трава приминалась под их ногами, и Янмей слышала журчание текущей воды, небольшой ручей вился по саду. Тут было несколько деревьев-бонсай, несколько камней, деревянный мостик над ручьем. Казалось, кто-то создал сад, подражая определенной сцене пейзажа в миниатюре. Два каменных постамента стояли по краям сада, отмечая вход на дорожку, ведущую к дому. На постаментах стояли свечи, горели в маленьких подставках, открытых со всех сторон, но закрытые сверху. Забота и внимание были заметны в этом саду.

Кира подобрала что-то и посмотрела, потом показала Янмей. Это была деревянная фигурка лошади, и она была не одна. Тут была дюжина других в разных позах. Она бросила игрушку, и они пошли к зданиям, надеясь, что Харуто отвлечет стражу надолго, и они успеют зайти и выйти. Судя по шуму, доносящемуся от ворот, он привлек внимание всех стражей в деревне.

Они дошли до двери главного дома, двухэтажного здания, занимающего большую часть двора. Янмей сдвинула дверь, и Кира ворвалась. Янмей прошла за ней, задвинула за собой дверь. Было приятно делать это с Кирой, хотя расстояние между ними росло с каждым проведенным вместе мгновением.

Янмей ожидала, что внутри будет некрасиво, как и в других домах в деревне, но тут было далеко не так. Поместье было чистым внутри, стены были недавно выкрашены, и запах лимона покалывал ее нос. Они были в вестибюле, слева от Янмей была полка, где обуви хватило бы для маленькой армии. Кира приподняла бровь с вопросом, но Янмей махнула ей идти. Они пришли не проверять чистоту бандитов. И все же Янмей схватила обувь с полки и проверила размер на своих ногах. Она открыла сумку на груди и убрала обувь туда, последовала за Кирой.

Крики снаружи стали громким смехом. Янмей гадала, был ли там и Гуан, рассказывал шутки. Еще один запах донесся поверх запаха лимона: жарилась рыба. Они пошли на запах, крались мимо пустых комнат, многие выглядели так, будто там жило по два-три человека, судя по футонам. Они пошли за запахом рыбы налево на развилке коридоров, услышали удивленный звук. В двадцати шагах от них страж прислонился к стене. Он вздрогнул при виде них и открыл рот. Кира бросилась, как змея, и оказалась на нем. Она вонзила кулак в его живот, и он согнулся. Она создала кинжал и потянулась к его шее.

— Нет! — выдохнула Янмей так громко, как только осмелилась.

Кира застыла, зеркальный кинжал был у шеи мужчины. Сон покинул его, и он смотрел на Киру огромными глазами. Янмей увидела, как Кира посмотрела в зеркальную поверхность своего кинжала, сжалась в ужасе. Оружие разбилось в ее руке. Страж попытался сжать ее горло ладонями. Янмей шагнула ближе и ударила его кулаком по челюсти. Она была старой, не могла использовать ци, но она выросла среди бандитов, и она знала, как бить руками. Мужчина рухнул кучей и не встал. Боль ударила Янмей через миг. Она будто ударила по камню.

Янмей тянулась к двери, когда ладонь схватила ее. Она оглянулась, увидела напуганную Киру, вместо одного глаза была жуткая темная пустота. Она сжала ладонь Киры, но у них не было времени на паузы. Кира кивнула, и Янмей отпустила ее и открыла дверь.

Кухня была большой, полной запаха рыбы, риса и трав. Молодая женщина в фартуке стояла за котелком, в ее ладони была веточка с листьями. Она застыла, увидев Янмей в дверях. Женщина была единственным поваром, а еды готовилось много, так что ей не хватало рук. Янмей смотрела на женщину, прижала палец к губам и прошла на кухню, Кира — за ней.

— Нам не нужно много, — сказала Янмей. — Мы не за едой для всей деревни, только для одного ребенка.

Женщина не двигалась с прутиком в руке. Она взглянула на огонь, там жарилась рыба. Янмей кивнула ей, и женщина подбежала к рыбе, перевернула ее, чтобы рыба не сгорела.

— Прости за это, — сказала Янмей. — Если они спросят, скажи, что я прижимала меч к твоей шее, — женщина кивнула и продолжила работу.

Кира подошла с сумкой, полной риса, парой яиц и горстью овощей. Этого хватило бы маленькой семье. Или голодному ребенку и ее матери. Янмей улыбнулась ей, и они вышли из комнаты тише, чем вошли. Подъем по склону холма был хуже, чем спуск. Кира справилась с относительной легкостью, но Янмей было трудно. Она вспотела, была в агонии, когда Кира вытянула ее на вершину. Она лежала там минуту, тяжело дыша, слушая звуки ночи, глядя, как снежинки лениво падают вокруг нее. Ее дыхание обжигало, как огонь в легких. Поместье оживало, они обнаружили мужчину, которого она вырубил. Им нужно было собраться и готовиться к возмездию. Янмей хорошо знала бандитов, они не позволяли воровать у них.

Глава 43

Сен не спала и суежилась. Она хотела увидеть Шиори, убедить дочь, что все будет хорошо. Но ее ложь не услышал бы тот ёкай. От девочки почти ничего не осталось. Только душа, которую нужно было отправить в следующую жизнь. Гуан развел огонь, принц принес воду из колодца. Сначала он заявил, что носить воду ему не подходит, но Харуто предложил ему проверить Шиори вместо этого, и один взгляд на нуппеппо убедил принца, что носить воду — хорошее занятие.

Отвлечение сработало. Ему отказали во встрече с магистратом, но Шики привлекла внимание почти двадцати человек у поместья. Она прыгала из предмета в предмет, захватила метлу, камень, факел, даже наплечник женщины. Последнее было гениальным поступком, и все смотрели, как у брони женщины появились глаза и рот, и раздался звук, будто кто-то влажно пукнул. Часть стражей рассмеялась, другие ругались, что это было плохим знаком. Важно было, что они были далеко от главного дома. Харуто вернулся после этого в дом Сен, помолился Оморецу. Но без храма шинигами его молитвы остались без ответа.

Дверь открылась, Гуан вздрогнул и пролил горячую воду на пол. Кира вошла первой, и она улыбалась, чего Харуто не видел днями.

— Морковка! — рявкнул Гуан. — Чуть не напугала меня.

Кира захихикала.

— Прости, — она подбежала к нему и разложила украденную еду на столе.

Янмей вошла следующей и закрыла за собой дверь. Она выглядела хуже, но и лучше. Ее щеки уже не были бледными, но она вспотела и опустилась на колени.

— Вот, — она сняла свою сумку через голову и опустила обувь перед Сен. — Я заметила, что твои разваливаются. Думаю, эти подойдут.

Сен смотрела на сандалии в потрясении.

— Времени мало, — продолжила Янмей. — Они уже обнаружили стража. Думаю, мы все-таки увидим магистрата.

— Мастер оммедзи, — позвала женщина снаружи. В ее словах была насмешка. — Выходи, выходи, выходи. Или я сожгу твой дом.

Сен пискнула в тревоге.

Идо Кацуо появился между плохо подходящих досок на стене.

— Думаю, она привела всех, — он повернулся, немного бледный. — Там будто парад бандитов.

Гуан хмыкнул, добавил рис в воду в котелке.

— Это займет время. Будет сложнее, если дом загорится.

— Я пойду на переговоры, — Харуто пожал плечами.

— Конечно, — сказал Гуан. — Если так ты зовешь убийство группы людей.

— Я не поэтому...

Гуан отмахнулся.

Харуто подошел к принцу.

— Останься тут и не пускай Сен вниз.

— Нянчиться? — спросил Идо Кацуо. — Чудесно. Это важнее боя. Я же не должен идти вниз и снова смотреть на это?

Харуто хмуро посмотрел на принца и пошел к двери. Кира тут же оказалась за ним, и Янмей встала со стоном и присоединилась к ним.

— Вы не обязаны идти, — сказал он. — Я не буду биться. Если вы не заметили, они вооружены, а мы — нет.

— У тебя есть Шики, — сказала Кира. Маленький дух пискнула и встряхнулась, как мокрая собака.

— Шики нельзя использовать против смертных, — сказал Харуто. — Это часть соглашения шикигами. И их там много.

— Ты, может, и не идешь биться, — сказала Янмей. — Но у них может быть другая идея. Я знаю этих людей, Харуто. Я была одной из них.

— Послушай ее, старик, — сказал Гуан, не отворачиваясь от котелка.

Харуто знал, что спор не поможет. Он пожал плечами, открыл дверь и вышел к магистрату.

Стражи в разномастной броне стояли на улице. Многие держали факелы, у всех были оружие и шрамы — они не боялись боя. Во главе группы стояла поразительная женщина. У нее была красная накидка поверх белой туники и коричневых штанов. Она была из Нэш, судя по ее темной коже, ее живот выпирал, в нем был ребенок. Ее волосы были собраны в высокий хвост, который был разделен на две толстые косы за ее спиной, мода Нэш для женщин, и каждый палец на ее левой ладони заканчивался блестящим металлическим когтем.

— Мастер оммедзи, — женщина чуть поклонилась. Ее глаза были синими, как у Морского народа, и она глядела на него пугающе пристально.

— Магистрат, — Харуто ответил поклоном. — Вижу, вы все-таки решили встретить меня в вашей деревне.

Магистрат молчала пару секунд, улыбка изогнула ее губы.

— А те двое — мои воры, полагаю. Это они, Боко?

Страж шагнул вперед и пригляделся.

— Ага. Это они.

Несколько стражей рассмеялись, магистрат улыбнулась Боко.

— Ты сказал, что они были как пара тигров. Та старушка почти в могиле, а девушка такая худая, что может протиснуться меж моих ягодиц, — еще смех, и Боко пару раз сильно ткнули в ребра. — Отдай воров и мою еду, мастер оммедзи, — сказала магистрат. — И сможешь уйти из моей деревни, сохранив свои причиндалы.

Харуто оглянулся на Киру и Янмей. Он медлил, обдумывая предложение.

— Заманчиво. Боюсь, придется отказаться.

Магистрат пошевелила когтями.

— Я не против боя, — она кивнула на своих прихвостней. — Они в последнее время растолстели.

Харуто поднял ладони.

— Никакого боя. У нас даже оружия нет. Я не лезу в дела смертных, магистрат. Я просто разбираюсь с ёкаями.

— И потому нужно воровать у меня?

Харуто пожал плечами.

— Да. Слушайте, я не блуждающий герой, который хочет построить славу на убийстве несчастных бандитов.

— Мы — бандиты? — сказала магистрат. — Я — глава этой деревни, мне дала власть сама императрица. У меня где-то есть печать. Намика, где дурацкая печать?

— Я подложил ее под ножку стула в лагере, — Намика указал большим пальцем за плечо. Другие стражи рассмеялись.

— И у меня есть печать, — крикнул Харуто поверх смеха. Он порывлся внутри кимоно, вытащил деревянную табличку. — Моя говорит, что я — императорский оммедзи.

Магистрат посмотрела на печать в его руках. Она шагнула к нему и махнула одному из своих людей, уроду с одной бровью, поднять выше факел.

— Так ты на самом деле оммедзи.

Харуто думал, что мог закончить это мирно.

— Магистрат, — он поклонился еще раз, — я тут не для того, чтобы мешать вашей деревне или вашему правлению. Но я хотел бы, чтобы вы вошли внутрь и кое-что увидели.

Магистрат нахмурилась, пара ее стражей шагнула вперед. Она подняла руку и остановила их.

— Что ты хочешь показать мне?

— Правду, — сказал Харуто. — И причину, по которой я украл у вас еду. Обещаю, я не хочу навредить вам. Можете войти и уйти по своей воле.

— Что ты делаешь? — прошептала Янмей. — Это бандиты, как бы они себя ни звали, и они морят голодом жителей этой деревни.

Харуто посмотрел на нее, заговорил достаточно громко, чтобы все слышали:

— И если мы сразимся, они победят. Даже если мы их одолеем, императрица поставит кого-то другого, — он покачал головой. — Они тут по закону, и не мне спорить с законами смертных. Мои дела только в царстве духов. Вы можете подождать тут. Мы будем в порядке, — он повернулся, открыл дверь и придерживал ее для магистрата.

— Если я не вернусь через пять минут, убейте всех, — сказала магистрат своим воинам и прошла в дом.

Харуто прошел за ней, закрыл за собой дверь. Сен подняла голову и завывала:

— Ты! Ты это сделала! — она снова плакала. — Ты убила мою дочь.

Магистрат игнорировала ее. Она понюхала воздух и посмотрела на Гуана.

— Ты готовишь мою еду.

Гуан подмигнул ей.

— Должно немного остаться, если хотите поужинать с нами.

Харуто прошел мимо магистрата и отогнал Идо Кацуо от двери погребца.

— Внизу.

Магистрат прищурилась и пошевелила когтями.

— Обещаю, магистрат, там не опасно. Просто я хочу показать, почему я тут, — он открыл дверь и спустился по лестнице.

Шиори была такой, как и в прошлую встречу. Много плоти, точки вместо глаз на опухшем лице. Ее руки пропали в ее массе, она теряла облик. Вскоре в ней не будет видно

человека. Она зачерпнула горсть земли и сунула в рот.

— Фу! — сказала магистрат, спустившись в погреб. Она зажала ноздри и посмотрела на Шиори. — Что это?

— Из-за нее я тут, — сказал Харуто. — А она тут по вашей вине.

— Что?

Харуто вздохнул и сел на корточки возле ёкая. Шиори посмотрела на него. В темных глубинах глазок были боль и мольба, но не человеческая. Это был неутолимый голод нуппеппо.

— Вы приковали девочку тут.

— Она и ее мать воровали у меня!

— Нет. Они голодали, а вы приковали девочку в погреб, и она умерла от голода, — Харуто встал и повернулся к магистрату. — Она стала ёкаем, потому что вы убили ее.

Магистрат шагнула вперед и сжала шею Харуто ладонью с когтями. Харуто застыл. Она не могла убить его, но рана на горле приносила много боли. Шиори тяжело дышала за ним. Он мог умереть, если его съедят? Он не пробовал это и не хотел.

— Сколько раз мне говорить? — прохрипел Харуто. — Я имею дело только с духами. Я тут, чтобы очистить этого ёкая. Шиори, нуппеппо, которую вы создали. Я говорю это, потому что она не будет последней.

Магистрат вонзила когти в горло Харуто, кровь потекла по его шее за воротник.

— Мое убийство не остановит это. Люди голодают. Из-за вас голодают. Я не спорю, если так вы хотите править. Я тут не для того, чтобы вас свергнуть, — он вдохнул. — Но я скажу: эта нуппеппо — только начало. Будет больше ёкаев, может, и не такие пассивные. Люди будут умирать. Они будут умирать и становиться ёкаями. Я видел это не раз. Их привлекают страдания. Если продолжите морить своих людей городом, придётся разбираться с полчищами ёкаев, и оммедзи не помогут, — магистрат ослабила хватку, и Харуто потер окровавленную шею. Он снова жалел, что бессмертие не защищало от боли.

— Ты серьезно? — спросила она.

— Ясное дело! — рявкнул Харуто. — Бедняжка не заслуживает ее судьбы. Вы сделали это с ней, и это было жестоко и не справедливо. Иначе она не стала бы ёкаем.

Магистрат поджала губы.

— Зима была тяжелой.

— Это оправдание. И мне плевать, — он покачал головой и закрыл глаза, Тян улыбался ему острыми окровавленными зубами. — Моя работа — не мешать ёкаям рождаться, а облегчать их переход в следующую жизнь, насколько это возможно. Но их будет больше, их привлечёт ваша ненависть и страдания, которые вы причиняете. Это не угроза. Это предупреждение. Вы не хотите тут шичинин.

Магистрат скривилась.

— Что может быть хуже этого? — она указала на нуппеппо, кривя губы.

— Есть семь духов мучений. Они захватывают живых, несут с собой болезни. Когда они появляются, за ними следуют болезнь и разрушения. Вы этого не хотите.

Магистрат коснулась окровавленным когтем своего острого подбородка и прищурилась, глядя на Харуто.

— Да. Как это остановить?

— Накормите свой народ, — сказал он. — Хватит их убивать. Будьте магистратом, а не бандитом. Мне все равно. Я помогу этой девочке и уйду. Я не вернусь.

Магистрат расхаживала по маленькому погребу, шевеля когтями. Шиори смотрела на нее, зачерпывала грязь в рот. Магистрат спросила:

— А если я просто убью это? Убью те шуки, которые придут?

— Вы не можете, — сказал Харуто спокойно, словно объяснял ребенку, почему вода всегда была мокрой. — Тело можно убить, да. Но ёкай захватит другое. Эта нуппеппо родилась из-за вас, и она останется тут, если оммедзи не очистит ее. Они не привередливы. Голодающий старик, девушка на грани смерти, не рожденный ребенок.

Магистрат застыла и хмуро посмотрела на него. Харуто гадал, не перегнул ли.

— Ты разберешься с этим? Убьешь, чтобы оно не вернулось?

— Это моя работа.

— Потому вы украли мою еду?

Харуто пожал плечами.

— Она умерла от голода, прикованная тут, обвинённая в краже у вас. Ее можно было отослать мирно, только выполнив ее желание мести. Накормить ее украденной едой, — он не добавил, что не был уверен, что это сработает, потому что иначе придется убивать магистрата, надеясь, что это утолит месть Шиори.

Магистрат оскалилась, глядя на Шиори. Она повернулась и пошла по лестнице.

— Разберись с этим, оммедзи.

Харуто поднялся следом и вышел из дома. Снаружи атмосфера была напряженной. Бандиты достали оружие, некоторые осмелились подойти к дому. Янмей стояла перед ними, безоружная, дрожащая от усталости. Кира стояла за ней без кинжалов в руках.

Магистрат прошла мимо них, не взглянув.

— Назад, — крикнула она. — Все.

— Босс? — спросил однобровый бандит.

— Мы тут закончили, — сказала магистрат. — Оммедзи нужно убить призрака, а потом он уйдет и заберет с собой жалких простолюдинов.

Стражи заворчали, вздыхая и закатывая глаза. Они ждали боя, но не осмелились спорить с магистратом.

— И удвойте всем рационы, — сказала магистрат.

Раздалось больше ворчания и шипения, но магистрат провела когтем по руке того, кто жаловался, и все замолкли и пошли к их дому, оставив Харуто, Янмей и Киру у дома Сен.

Харуто выдохнул, его ноги дрожали.

— Это прошло лучше, чем я надеялся, — он выдавил улыбку Янмей и Кире.

— Это бандиты, — сказала Янмей. — Нужно было разобраться с ними правильно.

— Что это дало бы? — спросил Харуто. — Императрица послала бы сюда больше таких, может, кого-то хуже. Людей теперь будут кормить, и магистрат знает, что иначе придет больше ёкаев.

— Она убила девочку, — процедила Янмей. — Просто, чтобы показать пример. Такое зло...

Харуто топнул ногой по крыльцу, сжал ручку двери так, что костяшки хрустнули.

— А убийство магистрата было бы убийством еще одного ребенка. Это нужно остановить. Ты-то понимаешь, — он открыл дверь и прошел внутрь. Пора было отпустить Шиори.

* * *

Кира сидела на коленях на холодной земле погребца, смотрела, как ёкай пихал грязь в

рот и жалобно стонал. Никому не нужно было следить за девочкой, но Кире казалось, что она должна быть тут. Сколько их разделяло? Кира гадала, была ли она когда-то как Шиори? Она мало помнила о своем времени ёкая, запертого в зеркале. Янмей спасла Киру от того существования. Шиори можно было спасти? Или это обрекло бы ее на другие мучения, жизнь онрё, не знающей, кем она была, но понимающей, что часть нее пряталась в тенях, отражениях, выжидая момента, чтобы поглотить ее и стать ею.

Чем больше Кира думала о другой своей части, унгайкьо, тем больше знала, что она пыталась захватить ее. Она видела ее в своем отражении. Она ощущала ее под поверхностью, когда использовала свою технику. Порой она даже ощущала, как унгайкьо пыталась забрать контроль. Она не хотела терять контроль, становиться снова ёкаем, но ей не хватало сил, чтобы подавить унгайкьо. Только Янмей могла отогнать ёкая, вернуть унгайкьо в отражения.

Шиори подвинулась, розовая плоть сдвигалась, проливаясь на землю. Она потянулась к Кире, ее глазки-бусинки были полными голода, но Кира отодвинулась от опухшей ладони ёкая. Шиори посмотрела на нее, стала рыть землю вокруг колышка, держащего ее цепи, запихивать грязь в рот.

Кира ощутила что-то в ладони, увидела там зеркальный кинжал. Она не помнила, чтобы использовала технику. Она смотрела на отражение, унгайкьо глядела на нее. Ее глазницы — глаза Киры — были зияющими ямами. Ее зубы были сломанными клинками, она злобно улыбалась. Треск стекла зазвучал в погребке. Она ощущала трещины на своей коже. Унгайкьо смотрела на нее, трещины потянулись по ее шее.

Дверь погребка открылась. Харуто стоял там с горячей миской в руке. Кира спрятала кинжал, подвинула кимоно, чтобы не было видно трещины на коже, отодвинулась. Она не могла показывать Харуто, что теряла контроль. Ей нужна была Янмей, чтобы прогнать ёкая в ней.

— Тебе не нужно тут быть, — сказал Харуто, спускаясь в погреб.

— Нужно, — Сен следовала за ним.

— Ладно. Но не мешайся. Я разберусь.

— Мне нужно попрощаться с дочерью, — Сен проскользнула мимо Харуто и посмотрела на Шиори. Ёкай подвинулась, ее плоть свисала складками. Она потянулась к матери.

— Назад! — крикнул Харуто.

Янмей спустилась и встала рядом с Кирой. В погребке было тесно с четверыми и ёкаем, но Кира была рада обществу. Она встала и крепко обняла Янмей.

Шиори понюхала воздух, посмотрела глазками на миску в руках Харуто. Она потянулась туда жирными ладонями, скуля, гремя цепью.

Харуто склонился к Сен.

— Прощайся. И быстро.

Сен упала на колени перед дочерью и заговорила.

Янмей придвинулась ближе, гладила волосы Киры. Казалось, было как в старые времена. Когда Кира только прибыла в Хэйву, и ученики пугали ее, она липла к Янмей, прижималась к ее теплу. Но Янмей уже не была теплой. Она была холодной в руках Киры. Стекло снова трещало, трещина потянулась по ее щеке, почти до глаза. Она слышала далекое пение, но... она почти узнала песню.

— Посмотри на меня, Мирай, — прошептала Янмей. Кира поймала ее взгляд, поняла, что дышала слишком быстро, не могла перевести дыхание. Харуто смотрел на них поверх

плеча Янмей, хмурясь. — Вернись ко мне, Мирай, — сказала Янмей. Она прижала прохладную ладонь к треснувшей щеке Киры. — Это не ты.

Кира ощутила, как паника отступала, дыхание замедлилось. Она разбилась, осколки упали на землю вокруг нее. Трещины на ее коже пропали. Пение утихло, и она была этому рада. Было что-то в той песне, что она не хотела вспоминать.

— Пора, Сен, — сказал Харуто. Женщина всхлипнула и притихла, шепот утих на ее губах. Харуто опустился на колени перед Шиори, и девочка потянулась к миске с рисом. Он опустил миску на землю вне ее досягаемости. — Эта еда была украдена у магистрата, — сказал Харуто. Он придвинул миску к ней.

Шиори схватила миску и чуть не упала с ней, ее складки жира скрыли движения, пока она вылизывала миску.

— Оморецу, — произнес Харуто. — Я действую от твоего имени. Я служу от твоего имени. С твоим благословением я несу мертвым покой, — он прыгнул и опустил ладонь на голову Шиори. Ёкай зарычала и махнула на его пухлыми руками. — Я именую тебя Шиори, дочь Сен, обиженная, убитая. Я именую тебя Шиори и отпускаю, твоя месть исполнена!

Шиори перестала рычать и замерла. Зеленый огонек поднялся из нее и улетел сквозь потолок. Никто его не заметил. Шиори рухнула на бок и застыла.

* * *

Харуто почти всю ночь хоронил Шиори в погребе. Гуан думал помочь, но ненавидел копать. Кира взяла лопату. Сен создала храм для своей дочери, плакала возле него. Харуто отнес ее в кровать, и они все устроились на ночь. Утром пора было покидать деревню, но им нужно было сделать еще одно неприятное дело. Пока другие прощались с Сен и выходили на улицу, Гуан ткнул Харуто локтем в бок.

— Знаю, — сказал Харуто.

— Это нужно сделать, старик. Правила империи.

Сен растерянно смотрела на них.

— Есть, кхм, — Харуто кашлянул и посмотрел на пол, — небольшая проблема. Плата.

Сен нахмурилась.

— У меня нет денег.

— Это закон, — сказал Гуан. — Оммедзи нужно платить за услуги.

— О, — Сен кивнула. Она прошла к перекошенной тумбочке и порылась в выдвижном ящике. — У меня есть браслет. Он принадлежал Шиори. Мой муж дал это ей в тот день, когда ушел в армию.

Гуан ушел в другом. Было холодно, но в Ипии всегда было холодно. Хотя бы не шел снег. Янмей сжималась под еще одним одеялом, от этого она казалась еще меньше. Она дрожала. Кира была в паре шагов от нее, спорила с Идо Кацуо о чем-то, но они хотя бы улыбались.

Харуто вышел, поклонился Сен и задвинул за собой дверь.

— На северо-запад к Кладбищу Мечей, — бодро сказал он. — Там храм шинигами, я смогу благословить посохи.

В деревне были бандиты на страже, но никто ничего не сказал и не подошел к ним. Когда они дошли до края деревни, холодные холмы западной Ипии появились перед ними. Гуан громко кашлянул, привлекая внимание Харуто.

— Оплата?

— Конечно, — Харуто похлопал по кимоно. — Где-то тут. Ох, — он пожал плечами. —

Похоже, я ее потерял.

Глава 44

Через три дня после деревни пейзаж изменился. Холмы сменились мрачными зелеными лесами и холодными реками с чистой водой, как свиток, еще ждущий поэму Гуана. Снег продолжал падать, но покров снега не был таким глубоким, как в горах. Гуан был рад шагать почти без снега, а не брести в сугробах почти по пояс. Вскоре они вышли на протоптанную дорогу с гостиницами тут и там. На третью ночь бодрый хозяин гостиницы сообщил, что они попали в западную Ипию. Идо Кацуо просиял от новости и не унимался следующий день.

— Почему мы не идем на запад? — спросил принц.

— Потому что мы идем на север, — сказал Харуто.

— Да-да, — сказал Идо Кацуо. — Кладбище Мечей. Бескомпромиссно мрачное место. В городах моего отца много храмов. Думаю, Каньо немного южнее отсюда, не больше дня, и там больше храмов, чем мешков под глазами Янмей. Ай! — Кира ударила его по руке.

Утро было ясным, но немного туч осталось. Толстые белые снежинки падали, и замерзшая земля хрустела под ногами. Гуан дул на ладони и потирал их. Харуто шагал впереди них, Шики сидела на его плече, оживлённо указывала вперед, словно вела их. Кира и Идо Кацуо шли позади, все споря. Гуан взглянул на Янмей, она с пониманием улыбнулась ему.

— Почему ты еще тут? — спросила игриво Кира у принца. — Если хочешь пойти в Конья...

— Каньо, — исправил ее принц.

— Так иди! Никто тебя тут не держит, — они так делали днями. Все вызывало споры между ними, и они ни в чем не соглашались.

— Дорогая Кира, это не так, — сказал Идо Кацуо. — Ты держишь меня тут. Я очарован твоей красотой, тьмой твоих глаз, тем, как торчат в стороны твои волосы, отрицая обычаи.

— Фу! — Кира закатила глаза. Она не пыталась его отпугнуть, заметил Гуан. Она днями не пугала никого из них отражениями. Он пытался вспомнить, когда в последний раз видел ее с кинжалом в руке.

— У меня нет выбора, — сказал Идо Кацуо. — Тетушка Рьоко меня не любит.

— Потому что ты пытался ее убить.

— Как и ты, — сказал принц. — И ты подобралась ближе меня.

Кира провела ладонью по спутанным волосам.

— Я не пыталась ее убить. Я пыталась отвлечь Змеиную стражу.

— Искалечив императрицу?

Кира открыла рот для ответа, но закрыла его и пошла дальше.

— Я знаю, что тетюшка Рьоко обидчивая, так что она не будет рада, что я сбежал, — принц вздохнул и вскинул руки. — Она отправит кого-то за мной, и ты знаешь, что она работает с онрё. Так что хотя бы один из них придет за мной, а где для меня безопаснее, как не с мастером, кхм, борьбы с духами. Я не могу уйти, как видишь. Я застрял с Харуто, пока

он не доставит меня к моему отцу.

— Харуто не хочет это обсуждать, — буркнул Харуто впереди, не оборачиваясь.

— Тогда, — сказал Идо Кацуо, — моя дорогая Кира, меня снова пленила твоя красота.

— Как насчет истории? — спросил Гуан, чтобы Кира не выцарапала принцу глаза.

— Пожалуйста! — сказала Янмей с благодарной улыбкой.

— Есть одна, — сказал Гуан. — Эта называется «Король Камня и Неба и его бумажная армия».

* * *

Давным-давно, до того, как Хоса стала десятью королевствами, жил мужчина по имени Джун-лу в месте, которое мы теперь зовем провинцией Шин. Земля там полна гор и скал, каменных плато и обваливающихся троп. В Шин почти ничего не растет, только трава и козы, и люди там крепкие, как козы. Жизнь в Шин жестокая, но тем, кто там жил, было некуда идти. На западе — Долина Солнца, защищенная мастерами вушу. На севере за Бесконечными горами — Кохран, и никто из Хосы не стал бы жить там по своей воле. На юге от Шин лежит провинция Цинь, богатая, плодородная, с зелеными полями и широкими лесами, те земли защищают армии.

Джун-лу был фермером, выращивал траву на поле украденной земли. Каждый год он ходил по сломанным тропам в провинцию Цинь, воровал телегу, полную земли, и вез ее домой. Работа была тяжелой и опасной, но он делал это, чтобы дать жене и дочери, которых так сильно любил, жизнь.

Но он хотел дать им куда больше. Он хотел, чтобы они знали не только украденную землю и травы, не только жесткое козье мясо и тяжелый труд. Он хотел дать им свободу от бесконечных мучений.

К счастью для Джун-лу, проходящий торговец продал ему то, что было нужно: свиток, который содержал сильную технику и в правильных руках мог дать немислимую власть и богатство. Джун-лу отдал свои сбережения за свиток, поставил все ради процветания дочери. Свиток научил его наделять бумагу ци и оживлять ее. Полезная техника. Взмах кисти, и полоска бумаги становилась лестницей, плугом, даже мечом. Полезно, но это не могло обеспечить Джун-лу нужное процветание. Но Джун-лу поставил цель, хотел исполнить мечту. Он без устали экспериментировал, каждый свободный миг посвящал изучению и овладению техникой. Он брался за дополнительную работу у соседей, чтобы получить деньги на припасы. Он сделал прорыв, который изменил Хосу навеки. Он создал бумажного человека. Первый был маленьким гомункулом, размером с ребенка, но он двигался и слушался простых указаний. Он работал без устали, не нуждался в еде или отдыхе. Он был ловким и достаточно сильным, чтобы работать за двоих.

Соседи Джун-лу вскоре увидели, что он делал, и попросили его о бумажных рабочих. Он был рад помочь, но за цену. И все же Джун-лу было мало. Он хотел большего для жены и дочери. Он хотел дать им жизнь вдали от оков гор Шин. И он пошел к народу Шин, собрал совет фермеров, солдат и магистратов. Он показал им, что умел, изложил свой план. Они согласились и дали ему нужные бумагу и чернила. Джун-лу каждый миг дня и ночи создавал бумажных людей. Он забыл о своей маленькой ферме, о семье, которую так старался поддержать. Он пропустил день, когда его дочь потеряла первый зуб, пропустил годовщину брака. Он даже пропустил рождение сына, как и смерть сына от болезни.

Джун-лу так много пропустил, но создал бумажную армию. Сначала несколько солдат, а потом сотни, тысячи. За годы работы бумажная армия стала насчитывать десять тысяч

воинов. Народ Шина прятал их в погребках, пещерах как статуи в их домах. Бумажным солдатам не нужны были еда или отдых, они стояли, пока Джун-лу не приказывал им другое.

Но его армия была слабостью. Они были бумагой и чернилами. Если чернила размазать, солдат падал. Им нужно было защищать бумагу. Одного у народа Шин было много. Коз. А еще было много камней. И они умели работать по камню. Еще два года народ Шин создавал нагрудные пластины и шлемы из камня. Они были слишком тяжелыми для человека, но бумажной армии было плевать на вес, у каждого солдата была сила нескольких человек.

Через восемь лет после того, как Джун-лу купил свиток, его армия была готова идти. Все десять тысяч солдат были в броне из камня, вооруженные бамбуковыми копьями. Они вышли из пещер, погребов и домов, обрушились на соседний Цинь как бумажная волна. Десять тысяч солдат маршировали в унисон. Мечи не могли их остановить, стрелы не могли их убить. Армии Цинь пали от бумажных солдат, их герои были растоптаны бумажными ногами.

Провинция Цинь была завоёвана, народ Шина дал Джун-лу корону из камня. Они назвали его Королем камня и неба. Наконец, он получил зеленые и плодородные земли, место, где его жена и дочь могли жить счастливо, вдали от каменных шахт, сорняков и коз.

Джун-лу должен был проводить больше времени с семьей, которую он игнорировал почти восемь лет, но ему было мало успеха. Завоеватели всегда найдут причину продолжить завоевание. Провинция Цинь была богатой, но Ву на востоке была с отличными виноградниками. Ганси на юге была с богатыми шахтами серебра, а Сихай на западе славилась могучими буйволами. Джун-лу говорил себе, что его окружали враги, которые заберут то, что он завоевал для его семьи, что они завоюют его, как он завоевал Цинь. И он ударил первым.

Джун-лу вел бумажных солдат по всей Хосе от Ву до Луны, бросая вызов всем, кто был против него. Жители Хосы никогда не сдавались тихо, они отбивались. Но никто не мог одолеть бумажную армию. Провинции завоевывались одна за другой, Король камня и неба завоевал всю Хосу. Он первым это смог, задолго до Императора десяти королей.

Но история тут не заканчивается. Как мы знаем, Хоса вскоре развалилась снова на воюющие части. Хоть армии Хосы проиграли бумажным солдатам, на завоевание ушло несколько лет. За это время дочь Джун-лу, Вей-лу, стала женщиной. У нее был муж, мужчина из Цинь, и у них был сын. Они жили в Цинь, но она хотела вернуться в Шин, чтобы ее сын увидел ее родину, показать им чудо каменных плато, величие коз, забирающихся по скалам над огромными пропастями. Когда Джун-лу привел армию в Цинь, Вей-лу думала, что все закончилось. Она надеялась, что они все вернуться к своим жизням, в их настоящий дом. Но Король камня и неба все еще не унимался. Он направил взгляд дальше. Он уже встречался с советниками и строил планы по вторжению в Нэш.

Вей-лу не хотела больше кровопролития, ей не нравилось, что ее отцом стал монстром, жадным до власти. И она знала главную слабость бумажных солдат. Она сидела ребенком рядом с отцом, пока он изучал технику. С их каменной броней солдаты были почти непобедимыми, но они были бумагой, а бумага горела. Вей-лу прошла в зал, где ее отец хранил бумажную армию. Только те, кому он доверял, могли войти, и солдаты на страже впустили ее без вопросов. Она зажгла факел и побежала вдоль рядов солдат, поджигая их. Бумажная армия горела десять ночей, это видели боги на горе Луны. Вей-лу не смогла сбежать от огня. Она сгорела с бумажной армией, которую так ненавидела.

Король камня и неба был разбит смертью дочери, был безутешен. Другие провинции

уже подняли мятеж. Он отослал советников, не хотел видеть жену. В его горе он надел каменную броню его бумажных солдат, прошел к Озеру туманов. Джун-лу больше не видели. Но порой чернила прибывает к берегу Озера туманов.

* * *

Янмей казалось, что она уже слышала историю или читала ее. Она провела какое-то время у Стоячих камней Хосы, где была записана история на сотни лет назад. Янмей нравилось ходить к Камням, но не ради истории, а чтобы сбежать от внимания отца и брата. Им не было дела до истории, и они решили, что она была такой же, так что не искали ее там. Когда ее брат стал слишком жестоким, и она не могла терпеть ожоги, которые оставлял ей отец, она убежала к Стоячим Камням и пряталась там, читала историю Хосы и Десяти королевств. Казалось, это было в другой жизни, может, в чьей-то жизни, словно ей это все рассказали.

— У тебя нет историй Ипии? — спросил Идо Кацуо.

— Конечно, есть, — сказал Гуан.

— Так расскажи их. Мы же в Ипии. Я — принц Ипии. Ты не получишь благосклонности лорда Ипии, рассказывая истории о Хосе. Я бы тебя не нанял.

Гуан вздохнул.

— Мне понравилось, — сказала Кира. — Это было на самом деле?

Гуан почесал бороду.

— Не важно. Это наши истории, истории нашего народа.

— Истории твоего народа, — сказал Идо Кацуо.

Гуан покачал головой.

— Нашего народа. Всего народа. Ипия, Хоса, Нэш, Кохран. Тебя удивит, сколько у нас общих историй. И, может, больше удивит, что в них скрываются одни и те же выводы.

Гуан зашагал рядом с Кирой.

— Не важно, произошли ли они сотни или тысячи лет назад. Их передавали, это истории, которые рассказывают люди, как я.

— Ужасные поэты? — сказал Идо Кацуо.

— Точно, — сказал Гуан. — Множество историй и множество ужасных поэтов, как я, которые передают их поколениями. Уже не важно, произошло ли это на самом деле. Они стали настоящими, став историей, — он порылся в сумке, вытащил кусочек бумаги размером с ладонь и обломок угля. — Может, это было выдумкой, чтобы объяснить, как один человек собрал армию, чтобы завоевать Хосу. Может, эта история создана, чтобы показать слушателю опасности власти, — он нарисовал на бумаге пару линий. — Или, может, это все правда, и это рассказывают по сей день, потому что это хороший способ научить человека, что, если они захотят все, чего видят, они не будут ценить то, что у них есть, — он быстро нарисовал круг и соединил линии с кругом волнистой линией. Лист бумаги свернулся в человечка на ладони Гуана. Он взял человечка за голову и поставил его на ладонь Кире.

Кира улыбнулась бумажному мужчине, ткнула его пальцем. Он упал.

— Он двигается? — спросила она.

Гуан покачал головой.

— Если бы я знал, как это делать, думаешь, я был бы нищим поэтом, ходящим за старым дураком-оммедзи?

— Я это слышал, — сказал Харуто впереди.

— Хорошо, — громко ответил Гуан. — Не придется повторять.

Дорога поворачивала направо у каменного массива в сто футов высотой, который словно вырвался из плоской земли, чтобы стоять одиноко. Они обогнули массив и увидели Кладбище мечей. Его было невозможно пропустить, Тысячи мечей были вонзены в землю, стояли там, холодные и тихие, рукояти тянулись к небу. У некоторых были широкие клинки, у других — узкие. Некоторые были ржавыми, а другие сияли. В некоторых местах мечи стояли кучей, будто группой, в других они были одинокими. Некоторые были вонзены в землю ровно, другие торчали под углом. Между мечами были маленькие храмы, посвященные божествам. Одни были из дерева, другие — из камня. Они выглядели как домики, но с открытыми дверцами, и внутри были только статуи божеств. Перед многими лежали подношения, покрытые снегом. В дальнем конце кладбища стоял большой храм, пагода в десять этажей, деревянные стены были выкрашены в белый и оранжевый, а карнизы были зелеными. Пагода казалась ухоженной для храма посреди пустоты.

Они прошли под воротами тории, замерли у первого меча возле тропы. Янмей отстала от остальных. Это был одинокий дао с широким клинком и ржавым кольцом на рукояти.

— Впечатляет, — выдохнул Гуан, глядя на храм. — Думаешь, там кто-то живет?

— Дюжина священников, когда я проверял в последний раз, — сказал Идо Кацуо. — Не говорите, что вы ничего не знаете о Кладбище Мечей. О, хранитель историй.

Гуан хмуро посмотрел на принца краем глаза.

— Хватит вредничать, мальчишка. Ты портишь момент.

Идо Кацуо фыркнул и подошел к ржавому дао. Он ткнул его пальцем, меч закачался, с него слетел снег.

— Говорят, все известные мечи попадают сюда. Священники храма узнают историю каждого меча.

Янмей посмотрела на снежное поле. Тысячи, а то и десятки тысяч мечей тянулись, сколько было видно, среди снега. Один человек не мог знать историю всех мечей. Она прошла мимо первого, еще покачивающегося в земле, и увидела тонкий меч с серебряным клинком и зеленым отливом металла. Странные буквы покрывали клинок. Она увидела и катану с длинным клинком и резной цубой, сокол пикировал на змею. Рядом с катаной был меч, какого она никогда не видела, клинок был почти в фут шириной, толщиной с большой палец, он был из темного металла, с одним острым краем, без гарды. Он выглядел как тесак, а не меч, и она не представляла, какая сила нужна, чтобы им управлять. На мечах не было имен. Она стряхнула снег с земли у катаны, но там была лишь замерзшая почва. Десятки тысяч безымянных мечей. Может, она могла найти тут мечи, похожие на крюки, принадлежащие известному бандиту. Это была глупая надежда.

— Как они попадают сюда? — спросила Янмей. — Ты говорил, сюда попадают все известные мечи. Как?

Идо Кацуо подошел к тонкому вакидзаси и вытащил его из земли. Янмей затаила дыхание, отчасти ожидая, что мстительное божество ударит принца за такую наглость, но на кладбище все еще было тихо. Принц поднял меч, осмотрел край лезвия, цокнул языком, бросил меч и пошел прочь.

— Не знаю. Священники, наверное, собирают их. Может, это бред. Просто старые мечи собрали и воткнули, чтобы люди приходили, молились и оставляли льены.

Кира подняла вакидзаси и вонзила в холодную землю.

— Нужно больше уважения.

— Почему? — спросил Идо Кацуо. — Это просто старые мечи.

Кира покачала головой.

— Это не все. Там...

— Духи, — Харуто закончил мысль Киры. Шики свистела на его плече, хлопая ладонями. — Беспокойные духи, но не мстительные. Постараемся не тревожить их.

— Думаешь, они опасны? — спросила Янмей.

— Нет. Но они не заслуживают неуважения. Дай мне мои ритуальные посохи, мул.

— Ленивый лук, — буркнул Гуан. — Вовремя ты решил носить их сам. От этого веса у меня уже спина болит.

Харуто взял посохи и повернулся к храму. Он был в дальнем конце кладбища, туда нужно было еще добраться. Он ждал. Шики свистела.

— И мне не нравится это, — сказал Харуто. — Оморецу — неприятная компания, — он взглянул на Шики на своем плече, маленький дух заметно дрожала. Он взглянул на Киру. — Постарайся не попасть в беду, пока я там, — и он пошел к храму.

Глава 45

Харуто шел среди мечей, стараясь не задевать их. Он видел порой вспышки цвета или движений краем глаза, но когда поворачивался смотреть, там ничего не было. Духи ходили по кладбищу, но были безобидными. Шики прыгала с одного плеча на другое, переживая все сильнее, пока они приближались к храму. Оморецу подарил ее ему, но это не означало, что она любила шинигами, как не все люди любили своего императора. Правда была в том, что Шики боялась шинигами, и не зря.

Он видел несколько других людей среди мечей. Толстый священник со смешной высокой шапкой шел по кругу, благовония горели в его руке. Молодая женщина из Нэш в кожаном костюме для верховой езды стояла на коленях перед изогнутой саблей, две длинные косы лежали на ее спине. Может, кладбище было не таким загадочным, как

говорил принц. Казалось, тут вспоминали мертвых, скорбели по ним, даже когда не было тела.

Ступени вели к дверям храма, и Харуто поднялся по ним. Он открыл деревянные двери без скрипа и вошел, снег падал с его кимоно на отполированный деревянный пол. Он был в маленькой прихожей, дюжина каменных ниш для обуви была в стенах. Перед ним была бумажная дверь, и он видел, как тени двигались за ней. Харуто посмотрел на свои сандалии. Они разваливались, одна из лямок на левом полностью растрепалась, а в дыру на подошве правого попадал снег и пропитывал его носки. А он не любил мокрые ноги.

Шики тихо чирикнула.

— Знаю, — сказал Харуто, склонился, чтобы снять сандалии. Он опустил их в одну из пустых ниш. — Я получу новые, когда мне потребуется новое кимоно в следующий раз.

Шики тихо свистнула.

— Не начинай!

Харуто сдвинул бумажную дверь, увидел просторный зал на другой стороне. Женщина в одежде служительницы подметала деревянный пол. В дальнем конце зала стояла огромная статуя Нацуко, богини потерянных вещей. Тут она была как улыбающийся ребенок в кимоно. Вещи лежали у ног статуи, среди них был башмак, игрушечная лошадь, ложка. Подношения Нацуко всегда были странными. Стены зала были в бумажных дверях, почти все были закрытыми, но Харуто заметил открытую комнатку слева, пустой храм над ковриком для молитвы. По обе стороны от статуи Нацуко поднимались изогнутые лестницы, ведущие на следующий этаж.

Харуто подошел к служительнице, они поклонились друг другу.

— У вас тут есть храм шинигами? — спросил он.

Служительница посмотрела на него и охнула, ее большие глаза посмотрели на Шики на его плече. Она рьяно закивала и указала вверх.

— Этажом выше? — спросил Харуто.

Женщина снова кивнула. Харуто знал, что священники часто давали клятвы, как дал Гуан, но клятва молчания казалась почти такой же глупой, как клятва его друга не ругаться. И все же он предполагал, что клятва показывала верность делу, ведь ты отдавал то, что любил, в чем был хорош. Жертва должна быть важной. Он поклонился женщине и пошел на этаж выше.

На втором этаже он не обнаружил храма шинигами, и Харуто пришлось спросить у другого священника, где его найти. Этот священник не молчал, но старик мало говорил. Он кусал губу, смотрел на Харуто, шурясь. А потом он прогнал Харуто к открытой двери и казал спешить. Наверное, мужчина плохо принял его из-за Шики. Люди часто реагировали на духа или восторгом, или подозрениями. Священник выбрал второе. Харуто скрипнул зубами от глупости людей.

В комнатке было тесно, чуть больше шкафа. Коврик для молитв был мягким, красным, и храм был маленькой обветренной каменной статуей босого старика, сидящего за деревянными дверцами. Свеча мерцала у ног статуи, бросая тени на стены. Харуто опустил посохи перед храмом. Шики заворковала, спрыгнула с его плеча на колени, дрожа.

— Не знаю, почему ты так нервничаешь, — сказал Харуто. — Это на меня он будет злиться.

Харуто взял обеими руками статую шинигами.

— Оморecu, — прошептал он камню и опустил его на храм.

Комнатка потемнела, огонек свечи стал меньше, словно боялся, как Шики. Харуто услышал за собой шаги, ощутил присутствие за плечом. Едкий запах горящего можжевельника наполнил комнатку. Когда Оморецу заговорил, его голос был хрустом бумаги, брошенной в огонь.

— Ты сломал один из моих посохов.

Харуто пытался подавить покалывание на коже. Он не смог, поежился. Было что-то неправильное в близости к шинигами. Жнецы не принадлежали земле, и земля умирала вокруг них. Даже ароматный воздух ощущался затхло.

— Это был не я. Это... — Харуто пожал плечами, подавляя недовольство. — Не важно. Мне нужно, чтобы вы сделали их снова целыми.

Оморецу прошел по комнате и встал перед своим храмом, глядя на себя в миниатюре. Он был уродливым духом. Древняя морщинистая кожа, сгорбленная спина, выпирающий живот. Лохмотья. Голова была слишком большой для его тела.

— Иди сюда, моя маленькая шикигами, — Оморецу протянул кривую ладонь, ногти были желтыми и в трещинах.

Шики свистнула и сжала кимоно Харуто.

Оморецу смотрел на духа, улыбнулся желтыми зубами за обветренными губами.

— Живо.

Шики снова свистнула, но не могла перечить Оморецу, как и Харуто. Они оба принадлежали шинигами. Шики спрыгнула с плеча Харуто, как марионетка, за чьи нити потянули. Она опустилась на руку Оморецу. Она забралась на его плечо, и шинигами развернулся и сел перед Харуто, скрестив ноги. Его глаза были темно-карими, хитро блестели. Все шинигами были хитрыми духами, потому владыка небес запретил им носить обувь. Харуто был уверен, что пропустил часть истории, но это было не важно.

— У тебя тяжелое бремя, да? — спросил Оморецу. — Ёкай сильный, хочет вернуться. Он ищет на небе способ вернуться, но еще не понимает, что ему ничего не нужно делать. Я вижу нить между вами, она натягивается сильнее с каждым днем, — Оморецу коснулся кривой ладонью чего-то над головой Харуто. Харуто ощутил, как гнев вспыхнул в его венах, как и желание навредить кому-то. Он стиснул зубы и глубоко вдохнул, гнев угас. Оморецу рассмеялся над ним.

— Ты будешь чинить посохи ли нет? — спросил Харуто.

— Всегда такой напряженный, — сказал шинигами, махнул ладонью над посохами и вернул в них стихии. У шинигами это не отняло силы. — Готово, — Оморецу встал, суставы скрипели, но он не показывал боли. Он почесал кривой ладонью голову Шики. Маленький дух дрожала от отвращения. — Что случилось с онрё, за которыми ты следовал? Ты ни одного ко мне не отправил.

Харуто указал на ритуальные посохи.

— Я убил одного из них, но другие пытаются освободить Орочи из темницы.

Оморецу сел на корточки перед Харуто и посмотрел в его глаза. Шики с дрожью засвистела и сжалась в комок шерсти на его плече.

— Нужно их остановить. Орочи нельзя освобождать.

Харуто задумался. Он соглашался с Оморецу, но явно по другим причинам. Если Орочи будет свободен, он точно отомстит людям, и десятки тысяч умрут. Но Оморецу был шинигами, лордом смерти, ему было плевать на смерти сотен тысяч. Что-то еще было на кону, он что-то упускал.

— Это не так просто, как звучит, — сказал Харуто. — Лидер онрё — тэнгу.

Оморecu зарычал.

— Демоны! Что она затевает?

Харуто растерялся. Вестник Костей был мужчиной.

— Она? — спросил он. — Кто?

Оморecu взглянул на него, но не ответил. Он снял Шики с плеча и бросил на колени Харуто.

— Твой дух-спутник может убивать демонов, как и ёкаев, — буркнул шинигами. — Используй ее, но будь сторожен рядом с тэнгу. Демоны — не духи. Они не скованы теми же правилами.

Харуто слышал о демонах, но лишь неясные угрозы. Многие использовали, чтобы юные шинтеи вели себя честно. Выполняй клятвы, или боги проклянут тебя, и ты станешь демоном. Он не бился с демонами раньше. От мысли об этом он ощутил страх.

— Что такое, Оморecu? Что ты не говоришь мне?

Шинигами фыркнул.

— Многое, человек. Тэнгу — демоны. Они служат владыкам ада, понимают они это или нет. Демоны устраивают хаос и страдания там, куда идут. Существо, на которое ты охотишься, не остановится ни перед чем, чтобы разбить равновесие небес и земли, — он прошел мимо Харуто и пропал. — Останови онрё. Останови тэнгу. Убей их всех. И не дай им освободить Орочи, — его голос утих, в комнатке стало светлее. Харуто оглянулся, он снова был один. Он вздохнул, отклонился и лег на пол, смотрел на паутину в углах потолка.

Шики забралась на его грудь, под его кимоно. Она дрожала. Убить онрё, убить тэнгу и не дать им освободить Орочи. Это было его целью, но теперь нужно было не просто снять бремя Тяна. Это был приказ его покровителя-шинигами, единственный приказ, который дал ему Оморecu за все время. Приказ убить онрё. Приказ убить Изуми.

Он не мог ни игнорировать, ни перечить этому.

* * *

Мечи торчали из земли, как зубы на гребне. Кира шла за Янмей среди них. Янмей стала такой хрупкой, словно подавление ци позволило ее возрасту поглотить остатки ее бодрости. Кира обошла обоюдоострый клинок, стараясь не задевать его, увидела, как Янмей остановилась и опустилась перед храмом бога войны. Время было на исходе. Им нужно было найти Четвертого Мудреца под Небесами, чтобы он исцелил Янмей.

Не так давно Янмей была бодрой, кипела здоровой энергией. К Хэйве учили использовать техники и уважать силу, которую они давали, но это не означало, что наставники не показывали порой свои навыки. Каждый год проводился турнир, и каждый сенсей, кроме Мудреца, участвовал. У Киры было мало друзей в Хэйве, и она сидела одна и смотрела дуэли. Мастер Канг всегда был самым жестоким, быстрыми и мощными ударами побеждал своих противников — и друзей. Мастер Акнар, наставник из Морского народа со светлыми волосами и голубыми глазами, всегда проигрывал в первом раунде. Мастер Огава любил поражать учеников яркими техниками, но проигрывал в физическом поединке. Было увлекательно смотреть на то, как они щеголяли навыками.

Янмей побеждала три года подряд. Три года никто не мог одолеть комбинацию огня и боевых навыков. А потом она стала угасать, огонь тускнел, ожоги не заживали. Многие ученики не заметили, думая, что наставники стали лучше, но Кира знала правду и умоляла Янмей поговорить с Мудрецом об этом. Через год Янмей уже не была яркой печью силы. Ее

кожа стала морщинистой, спина сгорбилась, огонь угасал. Мудрец сказал, что техника вредила ей. Она закрыла ци, но это сделало ее слабой. Ее техника была в ее крови, часть ее ци, неотделима от нее, но и убивала ее.

Гуан и принц шли среди мечей. Гуан замер, осмотрел меч и тепло улыбнулся, словно вспомнил его, хотя Кира заметила, что он его не коснулся, как и других мечей. А вот Кацуо трогал все мечи, оставляя их дрожащими, словно играл.

Кира подошла к Янмей, тонкий покров снега хрустел под ее ногами.

— Нужно идти, — быстро сказала она, пока ее решимость не разбилась.

— Мы пойдем, — Янмей все еще была на коленях, поклонилась богу войны. — Как только Харуто закончит.

— Нам нужно уйти. Нам нужно найти Четвертого Мудреца под небесами, чтобы он исцелил тебя.

Янмей выпрямилась, кривясь от хруста в спине. Она улыбнулась Кире и указала на землю рядом с собой. Кира не хотела ждать. Она не хотела сидеть и молиться. У нее было слишком много энергии для этого. Но она подошла к храму, опустилась на колени рядом с Янмей и выразила уважение богу войны. Когда она выпрямилась, рука Янмей обвила ее плечи и притянула для объятий под тонким одеялом.

— Думаю, она была бы рада видеть нас тут вместе, — Янмей кивнула на храм.

Кира вздохнула и прильнула к Янмей. Она хотела плакать, кричать из-за несправедливости мира. Но это не помогло бы.

— Нам нужно найти Четвертого Мудреца.

— Знаю, — голос Янмей был тонким, как древняя бумага. — Может, наш общительный принц знает, где Мудрец, — она улыбнулась Кире. — Можно и спросить.

Кира чуть не подпрыгнула от радости. Ей нравились Гуан и Харуто, она была бы готова идти за ними до могилы Орочи, будь ситуация иной. Но если они могли найти Четвертого Мудреца и исцелить Янмей, это был важнее. Голосок в ее голове шептал, что это уведет ее подальше от онрё и ее проблем.

— Кацуо, — позвала Кира, выглядывая принца. Он стоял рядом с Гуаном, смотрел на юг в сторону входа на кладбище. Кира прищурилась, чтобы понять, что они увидели. Облако белого тумана поднималось от земли, темная фигура стояла в центре. Страх сдавил все внутри Киры, словно она съела что-то испорченное. Она услышала треск стекла.

Янмей с криком поднялась на ноги. Она укуталась плотнее в плащ, шагнула к Кире.

— Что это? Не могу разобраться.

Кира была близка к тому, чтобы разбиться, но держалась.

— Это один из моих братьев, — сказала она, зная, что это было правдой, ненавидя дрожь в своем голосе. — Это один из онрё.

Кацуо оглянулся на Киру, темные глаза искали.

— Мы не должны, кхм, позвать оммедзи?

Гуан покачал головой.

— Старик говорит там с шинигами. Туда нельзя лезть.

— Хорошо, что у нас есть свой жуткий призрак, — Кацуо посмотрел на Киру. — Одолей его.

Кира покачала головой и огляделась в поисках помощи, зная, что вряд ли ее найдет. Кацуо не хотел биться, а клятвы Гуана не давали ему брать оружие. Янмей была не в состоянии, а Харуто оставался в храме. Она закрыла глаза и увидела свое отражение с

темными глазами и зубами-зеркалами. Унгайкьо была там, ждала, чтобы забрать контроль. Мелодия песни унгайкьо доносилась откуда-то, тихая, как шепот в урагане. Она была рада, что не слышала слова. Она не хотела знать.

Она открыла глаза и посмотрела на приближавшегося брата. Теперь она видела его четко. Голова была лысой, кроме подковы черных волос, такие темные были раньше у Янмей. Он шел на деревянных высоких сандалиях, штаны были изорванными, подвязанными старой веревкой. Белая туника натянулась, была в дырах, живот торчал под ней. Пар окружал его, снег таял с каждым его шагом.

Янмей охнула и отпрянула на шаг.

— Невозможно.

Онрё замер в паре шагов от них, плюнул на снег, тот тут же растаял. Он сел на корточки и смотрел на них, челюсть двигалась, словно он что-то жевал.

— Кто из вас принц Идо Кацуо? — сказал он, огонь капал с губ.

Гуан и Кацуо переглянулись, и принц указал на Гуана.

— Он.

— Что? — рявкнул Гуан, повернувшись к Кацуо. — Морковка! Я похож на принца?

Онрё посмотрел на них, пока жевал.

— Я просто убью вас обоих, чтобы не ошибиться.

— Ох, помощи, Кира, — Кацуо отпрянул на шаг.

Онрё склонил голову и миг смотрел на Киру. Он широко улыбнулся.

— Ах, ты — моя новая сешгретка, — он окинул ее взглядом, и Кире казалось, что по ее коже ползали жуки. — Думаю, мастер переоценивает тебя. Ты еще не готова.

— Кто ты? — спросила Кира. Ее голос подрагивал.

Онрё ухмыльнулся.

— Что? Не говори, что гадкая Ворона даже не упоминала меня, — раздвоенный язык облизнул его губы. — Имя — Зен.

Кацуо кашлянул.

— Почему бы брату с сестрой не поговорить, — он отошел на шаг, встал перед Кирой.

— Забавно, что ты это сказал, — огненная слюна потекла изо рта онрё, упала на землю с паром. Он посмотрел на Киру. — Ты знаешь, что он убил швоих братьев? Убил их в их камерах в жамке.

Кира посмотрела на Кацуо.

— Ты сказал, императрица убила их.

Кацуо отпрянул на шаг, поднял руки, отгоняя обвинения.

— Я сказал, что они умерли в их камерах.

— Ты убил их?

— Нет... кхм... Я предпочитаю называть это агрессивной кампанией для повышения.

Зен рассмеялся.

— Я уважаю это.

— Достаточно, чтобы отпустить меня? — спросил Кацуо.

Онрё медленно покачал головой, улыбка появилась на облезших губах.

— Ты знаешь, что я — наследник трона Ипии? — сказал Кацуо. — Властный. Очень богатый, — он пытался улыбнуться, но выглядело как маска они. — Я заплачу, ели отпустишь.

Зен откинул голову и рассмеялся.

— Ты не знаешь, да? О, как жабавно. И я тебе шкажу. Прощи, принц, но ты не можешь быть наследником того, чего нет. Моя сештра, Сифэнь, убила твоего отца и остальных. Ты — пошлeдний Идо, принц. Пошлeдний.

— Что? Мой отец...

— Мертв, — Зен усмехнулся. — О, я надеялшя на это лицо. Люблю видеть таяние. Западная Ипия уже сдалась востоку. Никто даже не знает, что ты еще жив. Вешело, ведь ты жив ненадолго.

— Это не смешно! — закричал Кацуо.

— Нет? — сказал Зен. — Зависит от точки зрения, — он опустил ладони на колени, с кряхтением выпрямился. — Пора покончить с этим, — он размял шею, отклонился, и его спина хрустнула. — Не мешайся, сештрeнка, — и он бросился на них.

Глава 46

Янмей в ужасе смотрела на невысокого онрё. Это не мог быть он. Он был мертв. Ее брат был мертв.

Дайзен прошел вперед, направляясь к принцу.

— Помогите! — закричал Идо Кацуо.

Дайзен протянул руку, там загорелся черный огонь. Похоже, в смерти он получил технику, которую хотел при жизни. Он потянулся к принцу, но Кира создала кинжал в ладони и вонзила его в ладонь Дайзена. Она удерживала Дайзена, сжав кинжал обеими руками, его огонь лизал с=зеркальную поверхность, его кровь падала на землю между ними, шипя. Янмей смотрела, как глаза Киры темнеют, пропадают в пустой тьме ее глазниц. Ее дочь стала разбиваться, унгайкьо проявлялась.

Кира завизжала:

— Нет! — кинжал разбился в ее ладонях, и она отшатнулась и упала на колени в снегу. — Нет-нет-нет-нет, — трещины потянулись по ее коже, как изогнутые лозы.

Дайзен смотрел на Киру и скалился.

— Я ошибался. Ты ближе, чем я думал. Сдайся, дитя. Выпусти мою сештрeнку поиграть, — он пнул ее, и она рухнула на снег. Она не встала.

Идо Кацуо схватил дао с длинным клинком из земли рядом с ним. Он встал между Кирой и онрё. Его ладони дрожали.

— Что ты пытаешься сделать с той палкой, принц? — огненная слюна вылетала изо рта онрё. Он поманил принца горячей ладонью. — Иди сюда, прими свою судьбу как мужчина. Если сделаешь это, я буду убивать тебя медленно.

— Как это должно заманить? — проскулил Идо Кацуо.

Черный огонь Дайзена поднялся от ладони к локтю.

— Потому что, ешли будешь биться со мной, я сделаю это медленнее. Я растоплю твою кожу и...

Идо Кацуо взревел и прыгнул на онрё, взмахивая дао. Дайзен скользнул в сторону,

пригнулся под мечом принца и отпрянул на шаг. Принц перешел к другой атаке, опустил меч на голову Дайзена. Онрё рассмеялся, быстрым движением поймал клинок горящей ладонью. Он облизнул раздвоенным языком губы, и огонь вспыхнул вокруг его ладони и клинка. Дао принца засиял красным, металл гнулся. Он закричал, бросил меч и отскочил, схватил другой меч. Он бросил меч в Дайзена, но онрё спокойно шагнул в сторону, и клинок пролетел мимо него, не навредив.

— Серьезно, мальчик?

Идо Кацуо вырвал другой меч из земли, длинный цзя с черными буквами на серебряном клинке. Он закричал и снова напал на онрё.

Янмей поспешила к Кире. Девушка дышала слишком быстро, бормотала под нос. Трещины на ее ладонях и лице напоминали разбитое зеркало. Ее глаз был темнее ночи, зияющая пустота. Другой был большим и полным паники. Она едва держалась, с трудом отгоняла унгайкьо.

— Почему ты не умираешь? — закричал Идо Кацуо, направляя меч к Дайзену.

Онрё поймал клинок пылающей ладонью.

— Это мои слова, мальчишка, — металл размяк в его пылающей хватке. Идо Кацуо бросил меч, повернулся и схватил другой меч.

Янмей села на корточки перед Кирой.

— Посмотри на меня, Мирай. Посмотри на меня! — она сжала подбородок Киры и подняла ее голову, чтобы оставшийся глаз посмотрел в глаза Янмей. — Вот. Ты еще держишься. Ты крепкая. Ты можешь победить, — она улыбнулась и вытерла слезу из оставшегося глаза Киры. — Моя маленькая Мирай. Ты будешь такой сильной, — она встала, сглотнула ком в горле, обошла дочь и прошла к онрё. — Дайзен, хватит!

Онрё перестал гоняться за принцем и посмотрел на Янмей.

— Кто... погоди, Меймей? Это ты?

Янмей подошла к Гуану, опустила ладонь на его плечо и посмотрела на него.

— Не дай ей вмешаться. Что бы ни случилось.

Гуан нахмурился.

— Что ты...

Янмей пошла к Дайзену, не дав поэту остановить ее. Она ощущала жар черного огня онрё, он прогонял холод из ее костей.

— Ты постарела, Меймей, — прорычал Дайзен, горящая слюна слетала с его губ.

— Ты умер, Дайзен.

Он рассмеялся.

— Да.

Янмей сделала еще шаг вперед, приняла жар онрё.

— Ты убил себя. Сжег себя заживо, потому что не мог принять правду, — она увидела, как улыбка пропала с лица Дайзена. — Техника отца не передалась тебе, брат. Тебе не хватило для нее сил.

— Лучшее, что случилось со мной, Меймей. Техника отца была бесполезной. Пха! Посмотри на меня сейчас, Меймей. Смотри! — он закричал в конце и поднял руки по бокам. Черный огонь окутал его, ревя. Снег вокруг него таял, воздух мерцал от жара. Он захохотал. — Я сильнее, чем был отец. Сильнее тебя, самоуверенная тварь! — он мрачно посмотрел на нее, она ощущала его горящую ненависть. — Ты столько раз бегала по лагерю с видом, словно то место тебе принадлежало. Ты смотрела свысока на нас, даже на отца, за

то, что мы делали. Ты хватала меня и обжигала, показывая, что у тебя было то, что должно быть моим!

Янмей ощущала, как гнев гремел, словно монстр, в дверь, чтобы его впустили.

— Ты не думал, что я не пыталась тебя обжечь, Дайзен? Ты не думал, что я была девочкой, которая хотела утешить старшего брата, единственного в мире, кто знал, что я переживала, и как отец обращался со мной?! С нами! — гнев, который Янмей считала давно забытым, подступил к поверхности, и ей не хватало сил его остановить.

— Я должен был стать наследником отца! — взревел Дайзен. — Ты лишала меня этого, Меймей. Ты забрала у меня все. Мать, мой огонь. Даже отца. А потом сделала вид, что не хотела этого. Словно слишком хороша для этого.

— Я не хотела этого, Дайзен, — закричала Янмей брату. — Я ничего этого не хотела.

Дайзен оскалился, облизнул потрескавшиеся губы. Он указал пылающим пальцем на Янмей.

— Я нашел свой огонь, Меймей. И он жарче огня отца. Жарче твоего огня! Я тебе покажу, Меймей. Я превращу тебя в пепел!

Янмей знала, что ее брата не урезонить. Он был завистливым и до того, как умер. Она знала, что эта встреча могла кончиться только одним. Она оглянулась на Киру, она еще сидела на земле, боролась со своим ёкаем. Кира победит. Но только если у нее будет шанс. Только если Янмей даст ей шанс.

Янмей сбросила одеяло и плащ с плеч на снег. Она дрожала от холода, но не долго. Янмей отпустила ци, и она ожила в ней, обожгла вены. Ее техника вспыхнула, как лесной пожар, но было так приятно согреться снова.

— Гори! — завизжал Дайзен, направляя горящую ладонь вперед. Черный огонь полетел к Янмей. Она не уклонялась, не отходила в сторону. Она позволила его огню окутать ее, направила в огонь свою ци, сделала его ярко-оранжевым. Земля чернела вокруг нее, воздух обжигал от ее жара. Ее кожа дымилась и шипела, она знала, что вскоре ее техника поглотит ее. Было ужасно больно, но это ощущалось правильно.

— Янмей, нет! — завизжала Кира. — Отстань, Гуан!

Янмей пошла к Дайзену, огонь рос вокруг нее, буря из огня становилась ярче.

— Я не дам тебе навредить им, Дайзен. Давай посмотрим, кто из нас горит жарче!

Янмей дошла до Дайзена. Черный огонь онрё вспыхнул выше, его ладони встретились с ее. Их огонь взорвался потоком жара, который топил снег вокруг них, сжигал мертвую траву под ним. Воздух хлопал от жара, мечи таяли, становясь раскаленными лужами. Янмей влиwała всю себя в технику, открывая себя полностью, ци бушевала, как никогда раньше. Ее одежда сгорела, кожа чернела, трескалась, покрывалась волдырями.

* * *

Гуан с трудом смотрел на войну огня, Кира извивалась в его руках, ткнула его локтем в живот, ударила затылком по его челюсти, наступила на его ногу, кричала ему отпустить ее. Но он не мог. Гуан знал, что был бесполезен, но мог сделать хоть это. Он хотя бы мог исполнить желание Янмей и не пустить Киру в огонь. Было больно сдерживать ее, но он мог это сделать.

Два огня становились выше и горячее. Оранжевое пламя Янмей и черный огонь онрё смешивались, толкали друг друга, выжигая землю вокруг. Кожа на рукояти в паре шагов от них вспыхнула и сгорела. Все мечи вокруг пылающих противников сияли, как из печи.

Гуан смотрел, щурясь, на две фигуры в центре огня. Их ладони были соединены, огонь

вспыхивал вокруг них. Черный огонь становился сильнее, подавлял оранжевое пламя Янмей. Даже в десяти шагах от них жар был невыносимым, и Гуан оттащил Киру на несколько шагов. Она ослабла, обмякла в его руках и рыдала. Принц стоял за ним, молчал и смотрел, как Янмей спасает его, тратя все, что у нее было. Этого было мало. Янмей проигрывала.

Гуан услышал шаги, хрустящие по снегу за ним, Харуто остановился рядом с ним, поднял руку, прикрывая лицо от жара. Его посохи висели на спине. Шики цеплялась за его плечо, сбивчиво свистя.

— Что происходит? — спросил Харуто.

— Янмей бьется с онрё, — прорычал Гуан, обвивая руками Киру.

Кира перестала бороться и посмотрела на Харуто.

— Ты можешь что-нибудь сделать? — спросила она. — Пожалуйста.

Харуто перевел взгляд с Киры на два воюющих огня. Он пошел вперед, рукав его кимоно вспыхнул, и он отпрянул, стал тушить огонь ладонью, мотая головой. Кира обмякла, Гуан отпустил ее. Она сжалась на земле на коленях, смотрела на бой огня. Они услышали крик Янмей поверх рева огня.

* * *

Дайзен засмеялся из своего черного огня.

— Это все, что у тебя есть, Меймей? — закричал он, пылающая слюна слетала с его губ на лицо Янмей. — Это предел твоего праведного огня? Ты — ничто.

Ноги Янмей слабели. Она пошатнулась и упала на колено. Огонь Дайзена был слишком горячим. Ее кожа сгорала, кровь кипела в венах. Она закричала и вскочила на ноги, толкнула своим огнем.

— Ты был прав, Дайзен, — закричала она. — Ты должен был стать наследником отца. Ты и он всегда были похожи, — она нашла его лицо в огне, увидела, что он поежился при виде нее. — Он использовал огонь, только чтобы разрушать. Я огнем защищаю тех, кого люблю!

* * *

Гуан смотрел, как огонь бился, как два монстра, черный почти поглотил оранжевый, а потом оранжевый огонь стал желтым, и черный отпрянул. Крик Янмей стал сильнее. Земля вокруг них трескалась, каменный храм слева от Янмей развалился, кусочки сияли красным. Гуан отшатнулся еще на шаг, оттащил Киру за воротник кимоно. Желтый огонь Янмей стал белым, таким ярким, что Гуан уже не видел две фигуры, бьющиеся в огне. Он попытался прикрыть глаза ладонью, но огонь ослеплял. Два монстра бились, один белый, как полуденное солнце, другой — черный, как смола. Огонь Янмей стал голубым, как небо, подавил тьму, понемногу проглатывая ее. Дайзен закричал, голубой огонь Янмей рос, становился жарче, земля чернела, мечи вокруг них таяли. Дайзен перестал кричать, и его черный огонь стал угасать, поднялся черный дым. А потом голубой огонь Янмей полностью поглотил черное пламя Дайзена.

Огонь Янмей горел пару секунд и угас, оставив немного жара. Она стояла там, голая, в волдырях, черная, как трупы в Хэйве. Ее левая рука почернела, из обрубка сочилась кровь. Ее правая ладонь сжимала шею брата, пока он не рассыпался пеплом. Когда пепел онрё упал с пальцев Янмей, она рухнула на бок.

Кира смотрела на груды пепла на месте Дайзена, на голую и неподвижную Янмей на земле, ее тело было обгоревшими руинами. Земля шипела под ней, воздух над ней трепетал. Кира ощутила, как снова разбивается, зеркало трещало, зрение правого глаза потемнело. Она подбежала к Янмей и упала на колени рядом с ней. Хотя огонь пропал, жар от ее тела обжигал кожу Киры, трещины бежали по ее рукам, унгайкьо пыталась завладеть контролем.

— Янмей, — Кира пыталась выдавить слова, хотя горло сдавило. Она коснулась плеча Янмей, охнула от боли и отдернула обожженный палец. Но веки Янмей затрепетали. Кире было плевать на жар или боль, на унгайкьо, пытающуюся выбраться. Ей было плевать на все, важна была только Янмей. Она сжала плечи Янмей, обжигая ладони, усадила ее. Волосы Янмей обгорели, едва доставали до шеи, на концах сиял огонь, как на угасающей свече. — Янмей, — повторила Кира. Она прижала ладонь к щеке Янмей, чтобы ее голова не моталась. Почерневшая кожа трескалась и кровоточила под ее ладонью.

Веки Янмей задрожали и медленно поднялись. Один ее глаз был кроваво-красным, другой — мутным, как небо в бурю. Она обмякла в руках Киры, дыхание гремело в груди, из сотен волдырей сочилась жидкость. Ее левая рука пропала ниже локтя. Было ясно, что Янмей умирала, и Кира не могла это остановить. Она не могла спасти свою мать.

— Прости, — прошептала Кира, слезы лились из левого глаза. Она не ощущала правую сторону лица. Унгайкьо уже забрала ту часть нее.

Янмей посмотрела на нее и улыбнулась обгоревшими губами.

— Не за что... извиняться.

— Ты не должна была использовать свою технику, — Кира рыдала. — Мы должны были найти Мудреца и исцелить тебя. Все это моя вина. Мне не хватило сил защитить тебя.

— Нет времени... на это, — сказала Янмей. Она подняла левую руку к лицу Киры, посмотрела на обгоревший обрубок. Она откашляла кровь на подбородок и грудь. Она снова посмотрела на Киру, подняла правую ладонь и прижала ее к щеке Киры. Кира не ощущала прикосновения. Та ее сторона принадлежала унгайкьо. — Вернись... ко мне... Мирай, — прохрипела Янмей, и Кира разбилась. Осколки зеркала упали на обугленную землю вокруг нее. Унгайкьо убежала от голоса Янмей, и Кира снова видела обоими глазами, но зрение расплывалось от слез. — Вот так, — Янмей улыбнулась, но улыбка быстро стала гримасой боли. Она закашлялась снова, слабее, чем раньше, и больше крови потекло с ее губ. — Я должна... кое-что тебе сказать, Мирай. Ты должна знать... как ты умерла.

Кира покачала головой.

— Плевать!

Янмей шумно вдохнула.

— Зря я... скрывала это от тебя. Травма — это монстр, Мирай. От него... не избавиться. Его нельзя игнорировать. От него не скрыться. Если попытаться... он догонит. Ты должна... справиться. Должна принять это. Ёкай в тебе — часть тебя. Ты не можешь прятаться от него... или заперать его. Ты должна его принять... Разобраться с ним... Научиться жить с ним. Или однажды... он поглотит тебя, — она улыбнулась, но зубы были в крови. — Но ты — моя Мирай. У тебя есть силы победить. Твой дядя убил тебя, Мирай. Его чувства к тебе... были неправильными. Он убил тебя... а не принял... своих демонов, — кровавая слеза потекла из ее красного глаза. — Прости, что скрывала это от тебя.

Кира ощутила, как унгайкьо пошевелилась в ней, новая трещина появилась на груди. Она услышала мелодию вдаль, слова скрывал падающий снег.

— Все равно! — закричала она. — Ты не можешь меня бросить, Янмей. Я не знаю, как

быть хорошей без тебя. Прошу, не уходи!

Янмей хрипло вдохнула.

— Ты... знаешь, — сказала она. — Ты всегда... была доброй. Лучшее... что я сделала... в жизни... это ты, — ее ладонь упала со щеки Киры, и она смотрела на серое небо пустыми глазами.

* * *

Харуто, Гуан и принц смотрели, как Кира прощалась с Янмей. Харуто жалел, что не вернулся раньше, но он знал, что не смог бы помочь. Только у Янмей были силы одолеть этого онрё. Никто не мог противостоять огню, и никто не мог сравниться с ним по силе. Шики проворковала тихую ноту на плече Харуто, и он взглянул на маленького духа. Она выглядела печально и дрожала, черная шерсть тряслась. Он кивнул ей.

— Иди, — она спрыгнула с его плеча и прошла к Кире, замерла от звука рушащегося камня, на который все повернули головы.

Женщина появилась из треснувшего храма богу войны. На ней была накидка в заплатах, старая бамбуковая сугегаса, белая маска скрывала ее лицо. Она стряхнула пыль с плеч, хлопнула по своей одежде и громко вздохнула. Она взглянула на Харуто и других, прошла к Кире и Янмей и встала над ними.

Кира посмотрела на фигуру, ее лицо исказилось.

— Ты можешь ее спасти? Прошу. Она спасла тебя.

Женщина опустила ладонь на плечо Киры. А потом обошла девушку и села на корточки перед Янмей. Она что-то прошептала, но Харуто не расслышал. Губы Янмей двигались. Фигура в мантии повернула голову и посмотрела на Харуто. Он ничего не видел за маской, даже ее глаза были скрыты. Шики свистнула и спряталась за ногами Харуто.

Женщина повернулась к Янмей, сжала ее оставшуюся руку и подняла Янмей на ноги. А потом она отодвинулась, дав Янмей стоять самой, хоть она и пошатывалась.

Харуто смотрел, как женщина вытащила одеяло из ниоткуда, укутала им плечи Янмей. Она сжала обгоревшую ладонь Янмей и повела ее к разрушенному храму бога войны. Она обняла Янмей, они сели бок о бок, женщина все еще держала Янмей за ладонь. А потом обе застыли, краски пропали, они стали серым безжизненным камнем.

— Что произошло? — спросил Идо Кацуо.

Гуан сделал пару шагов к храму и посмотрел на него.

— Богиня войны появилась и забрала Янмей на небеса?

Харуто кивнул, лишенный слов от потрясения.

— Такое случается? — сказал Гуан. — Ты видел такое раньше?

Харуто покачал головой.

— Ни разу за триста лет.

— Ха, — выдохнул Гуан. — Это станет отличной поэмой!

— Это никого не пугает? — спросил принц. — Почему не пугает?

Харуто не слушал принца. Он прошел туда, где Кира сжалась на обугленной земле, глядя на свои ладони. Он сел на корточки перед ней, хлопнул ее колено.

— Ты... — он искал правильное слово, но не справился. — В порядке?

Кира подняла голову, ее глаза были красными, слезы еще лились по лицу. Она открыла рот, но слов не было. А потом она бросилась к нему, обвила его руками и зарыдала в его кимоно.

Глава 48

Харуто не знал, что делать. Кира рыдала в его кимоно и дрожала. Гуан стоял в паре шагов от них какое-то время, а потом отвернулся и ушел. Принц не мог помочь, он делал вид, что ничего не произошло. А в руках Харуто была девушка, горящая из-за потери ее матери, и он не знал слова, чтобы сделать ситуацию лучше. Янмей умерла. Им всем было плохо от этого. Сколько бы раз он ни страдал, потеря кого-то всегда ранила больше, чем любой клинок.

Он держал ее в тишине, пока ее всхлипы и дрожь не утихли. Она отодвинулась и вытерла нос рукавом. Ее глаза были красными, опухли. Шики соскользнула с плеча Харуто, тихо свистя, забралась на колени Киры. Кира обняла маленького духа. Это было хорошо. Шики утешит ее лучше, чем он. Когда он потерял Изуми годы назад, он был безутешен. Его горе длилось годами, довело его до нищеты. Теперь он покидал друзей до того, как они умирали. Так было проще.

Кира обняла Шики и смотрела на Харуто, словно ждала его слова.

— Она... кхм... больше никто... — он вздохнул. — Богиня войны?

Кира кивнула.

— Вот так поворот.

Кира вдохнула с дрожью. Харуто услышал треск стекла, трещина появилась на ее щеке. Она быстро накрыла ее ладонью.

— Это моя вина, — прошептала она. — Это все моя вина. Я не смогла с ним биться, и Янмей умерла, — она смотрела на него, лицо было красным, а глаза — мокрыми. — Она умерла, потому что...

— Хватит! — тон Харуто был резче, чем он хотел звучать, но он не позволил девушке винить себя. — Это не твоя вина, Кира, и твои слова только унижают ее память. Янмей умерла не из-за тебя. Она пожертвовала собой, чтобы спасти тебя, спасти всех нас. Она сделала это, потому что знала, что никто из нас не мог одолеть этого онрё, и мы умерли бы, если бы попытались. Она билась с ним, зная, какой будет цена, потому что больше никто не мог. Ты хочешь винить кого-то, так вини тех, кто это начал. Вини мерзавца, напавшего на нас, демона, который приказал ему сделать это. Ты не виновата. Виноваты онрё. Виноват Вестник Костей. Но ты — нет.

Харуто кивнул и вздохнул. Кира смотрела на него, словно ждала больше.

— И, кхм, все, — сказал он. — У меня кончились вдохновляющие речи. Твоя очередь. Скажи что-нибудь. Пожалуйста.

Шики свистнула.

Кира покачала головой и издала смешок. Она тоже устала, едва могла сидеть ровно. Горе лишало энергии, не только силы воли. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но

закрыла его. Харуто слышал треск зеркала, Кира схватилась за грудь. Она согнала Шики с колен, поднялась на ноги, шатаясь, держась за грудь одной рукой, прикрывая щеку другой. Харуто увидел черные тонкие трещины у кончиков ее пальцев, они тянулись к ее глазу. Она пошатнулась. Казалось, она потеряет сознание, но она глубоко вдохнула и выпрямилась.

— Я помолюсь, — сказала она, повернулась и пошла. Она замерла после пары шагов, оглянулась. — Спасибо, — она поспешила прочь.

Харуто смотрел ей вслед. Он думал, она замрет у храма богу войны, помолится статуе Янмей. Но она взглянула туда и побежала к святилищу.

* * *

— Думаешь, она будет в порядке? — спросил Идо Кацуо. Солнце угасало, сияние приглушали белые облака. Харуто сомневался, что священники позволят им остаться в храме на ночь, но он останется, пока Кира не будет готова, пока все они не будут готовы.

— Наверное, — Харуто пожал плечами. — На нее многое свалилось, и потеря Янмей — только часть, — Харуто признавал, что не одна Кира будет скучать по старушке. Было в ней что-то теплое, поддерживающее, и теперь ее не было. Харуто скучал по ее успокаивающему присутствию.

— Сложно представить, что она переживает, — сказал Гуан. Старый поэт порылся в сумке и вытащил чернильницу, заглянул в нее и скривился. — Если бы я потерял тебя, старик, я... был бы как без любимой кисти. Знаешь, потрепанной, которая не может уже нарисовать ровную линию и почему-то воняет гнилым яйцом.

— Как вы встретились? — спросил Идо Кацуо, заставив другой меч дрожать. — Бессмертный оммедзи и никудышный поэт кажутся странными друзьями.

Гуан рассмеялся, подошел к каменным статуям Янмей и бога войны.

— Старик спас мою жизнь.

Харуто пожал плечами.

— Я не смог избавиться от него с тех пор. Он ходит за мной, как тень, — Шики свистнула.

— Что она сказала? — спросил Гуан. Он стряхнул снег перед храмом и встал на колени.

— Предложила мне стараться сильнее.

— Хитрая, — Гуан почесал подбородок, опустил чернильницу на землю перед собой и вытащил маленький свиток бумаги из сумки.

Идо Кацуо сел на корточки рядом с Гуаном и кашлянул.

— Что? — спросил Гуан.

— Не надо так, — сказал Идо Кацуо. — Ты любишь рассказывать истории, так расскажи, — принц кивнул на храм. — Отвлеки меня, — Харуто думал, что, может, он переживал за Киру больше, чем показывал.

Старый поэт вздохнул и свернул бумагу.

— Это было в таверне. Не помню имя, где-то на севере у границы Хосы и Ипии. Я был... в плохом месте. Моя жена только умерла, и, хоть наши годы не были самыми счастливыми, я любил ее. Ее похороны были последним разом, когда я видел сына, и он сказал мне, что не хотел меня больше видеть. Его желание исполнилось. А тогда я был пьян, и дурак с шеей толщиной с лошадиную решил начать драку.

Харуто фыркнул.

— Ты забыл, что я был там, Гуан, — сказал он. — Ты начал драку. Ты прочёл стихотворение о том, какой уродливой была его мать, а потом назвал его несведущим луком.

Гуан усмехнулся и кивнул.

— Так и было. И он был таким. Он не оценил мое стихотворение.

— Оно было грубым.

— Такой и была задумка, — сказал Гуан, они оба рассмеялись. — Парень с большой шеей взмахнул кулаком. Старик шагнул вперед и принял кулак в лицо за меня. Парень разозлился и ударил его еще несколько раз, — он покачал головой и посмотрел на Харуто. Ты просто стоял и терпел побои, не отступал. Это разозлило парня, и он вытащил нож и вонзил его в грудь старика. Харуто вздохнул, вытащил нож и отдал ему. Он быстро отступил после этого.

— Ты не отбивался? — спросил Идо Кацуо у Харуто.

Харуто пожал плечами.

— А зачем? Я ударил бы его, а он меня. Другие могли влезть. Бессмысленная жестокость. И потом тот, кто не может выжить, получил бы ножом. Я пострадал немного, чтобы спасти других от худшего.

— Парень отстал, — продолжил Гуан, — и старик отвел меня в сторону и сказал: «Такие, как ты, не остаются мертвыми. Вокруг тебя слишком много горя и боли, слишком много осталось незавершенных дел. И я слишком устал и пьян, чтобы охотиться на тебя».

Харуто улыбнулся.

— Ты это помнишь?

— Каждое слово, — Гуан почесал бороду. — Ты спас мою жизнь в ту ночь, старик. Во многих смыслах.

— И ты решил отплатить мне, следуя за мной тенью пятнадцать лет? — Харуто усмехнулся.

— Капуста. Старик, если спас чью-то жизнь, готовься принять ответственность, — он подмигнул Харуто. — Вернемся к моей поэме. Это меньшее, что я могу сделать для нее, — Гуан развернул свиток, обмакнул кисть в чернила и замер, глядя на пустую бумагу. Они с Янмей не были близки, насколько знал Харуто, но между ними было странное родство. Два старых бандита пытались принести немного добра в мир. Харуто оставил его.

Принц Идо Кацуо встал и расхаживал между мечами, задевая их, а потом прошел к ступеням храма, сел и укутался в плащ.

Гуан поведал не всю историю о встрече с Харуто, потому что он не знал всей истории. Он не знал, что спас Харуто в ту ночь, как Харуто спас его. Годами до их встречи Харуто блуждал, как ёкай, на которого он охотился. За века Харуто увидел, как многие его друзья погибли или умерли, было слишком больно принимать это. Он решил, что проще быть одному. Если он не будет сблизжаться, он не будет страдать от боли из-за их смерти, пока он жил, не меняясь. Гуан не дал ему быть одному. Поэт впился в него и не отпускал. Старый поэт не знал этого, но он вытащил Харуто из бездны куда хуже смерти.

Шики засвистела тихо на замерзшей земле, глядя на Харуто. Он затерялся в печальных мыслях и не слушал.

— Что?

Она забралась по его ноге, устроилась в складках его кимоно и засвистела снова.

— Хорошо, — ему нужен был новый меч, чтобы бороться с онрё, и он был на кладбище, полном мечей. Он повернулся к угасающему солнцу, зашагал, разглядывая мечи. Тут было много дао и цзя из Хосы, много сабель из Нэши, несколько вакидзаси и нагамаки Ипии, даже несколько мечей, которые он не видел раньше и не мог назвать. Некоторые были острыми с

двух краев, у них были замысловатые гарды. Он слышал, что Морской народ использовал разные мечи, топоры и дубинки, но не был далеко на востоке в Нэш, чтобы увидеть такое оружие. Это было не важно, ему нужен был меч, которым он умел сражаться. Ему нужна была хорошая катана, с идеальным равновесием и хорошим клинком.

Многие мечи были старыми, время и заброшенность сделали их хрупкими и бесполезными. У некоторых были щербинки на клинках, они побывали в боях. Он нашел меч с множеством трещин на стали, словно клинок ломали и восстанавливали. Он нашел пару катан, одна была с красивым серебряным клинком, явно работа великого создателя мечей Мифунэ. Он был вонзен в землю, скрещен с напарником, мечом с черным, как оникс, клинком без цубы, защищающей ладонь. Мечи были хорошими, но ему нужен был один, казалось неправильным разделять их. Он заметил катану, которая подходила ему. Клинок нужно было заточить, а металл — отполировать, но у нее была хорошая рукоять и нужный размер. Квадратная цуба была из двух десятков завитков, похожих на бушующие волны.

— Что думаешь? — спросил Харуто у Шики. Маленький дух должна была одобрить меч, как и он. Он вытащил меч из заснеженной земли и поднял его. Шики подобралась по его руке и осторожно ступила на клинок, словно проверяла, была ли холодной вода. Она сделала шаг, другой, погрузилась в меч. Клинок засиял алым. Харуто пару раз взмахнул мечом, занял позу с мечом сбоку. Он шагнул вперед, сделал выпад и взмах. Шики одобрительно защебетала. — Отлично, — сказал Харуто. — Мы возьмем меч, — Шики выскочила из меча, поднялась по его плечу. — Поработаю над острием, и придется сделать ножны, — он убрал меч за пояс. Было приятно найти оружие. Так он ощущал, что мог дать отпор, если на них нападут снова. Никто не защитит их теперь. Янмей была мертва, Гуан не мог биться из-за клятв, Кира была не в состоянии использовать технику, не потеряв контроль над ёкаем, а принц... Харуто был уверен, что Идо Кацуо был бесполезен, как слепой козел. Харуто знал, что придут другие онрё. Если с ними будет тэнгу, бой будет тяжелым.

Оморецу сказал, тэнгу не был ёкаем. Это был демон, созданный проклятиями божеств, чтобы вызывать войну и смерть везде, где он шел. И он служил правителям ада.

Шики свистнула на его плече.

— Ты права, — сказал Харуто. — Мне нужно скорее разобраться. Нельзя позволить онрё освободить Орочи. Он погубит все, и у нас уже нет Векового Клинка, чтобы остановить его.

Снова щебет.

— Да, — согласился Харуто. — И это, — он не хотел знать, что Оморецу сделает с ними, если они провалятся.

Глава 49

Кира открыла дверь храма, запнулась об ступеньку и ворвалась в прихожую. Она ощутила еще одну трещину на спине. Она могла вот-вот разбиться, выпустить ёкая из себя. В стенах у входа были каменные ниши для обуви. У нее не было времени. Она сдвинула дверь храма, прошла внутрь, держась за грудь. Обычно не болело. Унгайкьо обычно не причиняла ей так много боли. Что-то изменилось в этот раз. Боль была как когти, терзающие ее живот, разрывающие ее дух изнутри.

Толстый священник с одной бровью замер посреди зала, его носки скрипели на отполированном дереве. Он посмотрел на ее ноги и покачал головой.

— Нельзя носить обувь в... — слова умерли на его губах, когда он посмотрел на ее лицо. Его ладонь закрыла рот. Трещины были видны и другим. Кира смотрела на него одним глазом, унгайкьо — другим.

— Мне нужна комната, — сказала Кира. Трещина потянулась по ее шее. Она едва удерживала кусочки себя вместе.

— К-к-какому б-богу х-хочешь помолиться? — пролепетал священник, глядя на нее.

— Пустая комната, — рявкнула Кира, глядя на пол, на темное отполированное дерево, капли воды, где снег растаял на ее обуви, жука, ползущего к ноге священника. Детали помогали удерживать осколки себя.

Священник поднял руку, длинный рукав свисал с нее. Он указал на открытую дверь. Комната была достаточно большой, чтобы расхаживать там. На полу был коврик для молитв, в дальнем конце — пустой храм. Сойдет. Кира пошла туда, хромая. Ее ноги болели, руки жгло, грудь могла взорваться. Каждая ее часть была в агонии, она разваливалась на части.

— Не входите, — сказала она, не глядя на священника. — Что бы ни услышали, никого не впускайте.

Он буркнул что-то, она не слушала.

Кира прошла в комнату и захлопнула за собой бумажную дверь. Она надеялась, что священник послушается, не пустит никого. Она не хотела вредить ему или кому-то еще, но не была уверена в том, что произойдет. Она даже не знала, покинет ли комнату. Кира глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться, но не справилась. Кожу покалывало, энергия внутри требовала действий и утомляла ее одновременно. Она прошла к пустому храму и оттолкнула его ногой. Он рухнул на бок, крыша и дверца отвалились. Трещина появилась на ее правой ладони, поползла по пальцам. Время было на исходе. Унгайкьо выбиралась из нее.

Она создала в ладони осколок зеркала — не кинжал, просто осколок — и посмотрела на отражение. Ее ёкай смотрел темными пустотами вместо глаз. Ёкай усмехнулась зубами, похожими на обломки ножей. Она опустила осколок на пол, прислонила его к стене, создала в ладони другой осколок. Он был другой формы, но подошел к первому. Она соединила его с первым осколком. Она как в тумане создавала осколок за осколком, пока не собрала из них зеркало высотой и шириной с себя. Она прицепила последний кусочек, и трещины пропали, зеркало стало целым. Унгайкьо смотрела на нее из зеркала.

Кира посмотрела на свои ладони. Трещины пропали. Она ощупала свое лицо — оно снова было гладким, ее лицом. Даже боль внутри стала слабой, пульсирующей. Она посмотрела в зеркало. Ее унгайкьо смотрела на нее, голова была склонена. Это была она. То же потрепанное кимоно, спутанные волосы, торчащие в стороны, те же веснушки на носу и щеках, те же красные ладони в волдырях от жара Янмей. Это была и она, и нет. Кожа унгайкьо была бледнее, нездоровый цвет свернувшегося молока. Ее глаза были зияющими воротами в пустоту. Ее зубы были осколками, из каких Кира построила зеркало.

Кира задрожала и обняла себя. Унгайкьо этого не сделала. Она просто смотрела на Киру из зеркала. Она впервые видела своего ёкая полностью. До этого она видела мельком отражения, почти думала, что ей это казалось. Но это не было сном, не было игрой света. Такой она была на самом деле. Или она была такой, пока была заперта в зеркале больше восьмидесяти лет.

— Убита моим дядей, — прошептала Кира. Он сделал ее духом зеркал и мести, или ее гнев на несправедливость этого сделал так?

Губы унгайкьо двигались, но Кира не слышала ни звука.

— Ты меня слышишь? — спросила она у зеркала.

Унгайкьо усмехнулась, губы двигались. Она пела, Кира была уверена в этом. Она почти слышала песню, почти помнила ее. Ее губы двигались одновременно с губами ёкая, пока она пела, Кира приблизилась к зеркалу. Слова. Она слышала слова, знала, что если услышит песню, если вспомнит песню, она вспомнит и все остальное. Разве не это имела в виду

Янмей, сказав, что ей нужно было принять травму и разобраться с ней? Как она могла сделать это, если не помнила ее? Кира прижала ладонь к зеркалу и услышала! Песня, слова. Детская песня, которой ее научила мама.

— Весна придет, растает лед. Новая жизнь из земли придет.

Бледная ладонь вырвалась из зеркала и сжала запястье Киры. Она вздрогнула и вскрикнула в тревоге, попыталась отпрянуть, но потеряла равновесие. Ладонь потянула ее к зеркалу. Ее сандалии поехали по полу, она пыталась упереться. Ее локоть пропал в зеркале, прошел сквозь поверхность, будто там была вода. Унгайкьо улыбнулась осколками зеркала на другой стороне и потянула сильнее.

— Пусти! — завизжала Кира. Ее лицо было на расстоянии ладони от поверхности зеркала. Она слышала песню, как рев водопада. *Летнее солнце осветит путь. Дни длинней, но о дожде не забудь.* Она уперлась ладонью в зеркало и толкала, уперлась ногой в опрокинутый храм, другой — в основание зеркала, отклонилась. Ее локоть медленно вырвался из зеркала, потом предплечье и запястье с ладонью унгайкьо, все еще сжимающей его. — Я не хочу туда, — закричала она. — Отпусти!

Унгайкьо сжала другое запястье Киры и потянула его в зеркало. Кира успела закричать, и ее утянуло в зеркало.

* * *

Осень краски принесет. Листва скоро упадет. Кира узнала свой голос, но она не пела. Она стояла, шатаясь, ее окружала крошечная тьма. Она стояла в темной бездне. Она подняла голову, сверху ничего не было. Она развернулась, но нигде ничего не было. Только тьма, черная пустота. И та же детская песня звенела в ней, ее голос, ее слова. *Зима принесет снег и лед. Небо ночью лишится звезд.*

Она знала песню, думала, что от нее придут воспоминания, но это не произошло. Она зажала руками уши, но песня стала только громче. *Весна придет, растает лед. Новая жизнь из земли придет.* Она снова развернулась, искала что-то, чтобы сосредоточиться. От тьмы кружилась голова. Она видела себя, руки, ноги и грудь, словно она стояла в свете, но ничего не было. Ничего. **НИЧЕГО!**

Кира упала на колени, зажмурилась. *Летнее солнце осветит путь. Дни длинней, но о дожде не забудь...*

— Осень краски принесет. Листва скоро упадет, — она зажала рот ладонью. Она пропела слова. Она не хотела, но спела, и она что-то увидела. Комнату, подсолнухи и облака на бумажных стенах, мятый футон и скомканное одеяло, куклы в углу. Она вспомнила комнату. Это была ее комната.

Слезы катились по ее щекам, она пела, прерываясь на дыхание.

— Зима принесет снег и лед. Небо ночью лишится звезд, — она сидела на коленях перед столиком с зеркалом. Она была в одежде для сна, кимоно было кучей на полу. Она глядела в зеркало, расчесывая волосы, пела песню, которой ее научила мама. — Весна придет, растает лед. Новая жизнь из земли придет, — дверь ее спальни открылась, и кто-то стоял там и смотрел на нее. Ее дядя. Он был высоким, широким, с длинным носом, щетина покрывала подбородок с ямочкой, подкова черных волос с проседью была вокруг его головы. Он выглядел недовольтно. Она смотрела на него в зеркале и не могла понять, почему он злился. Это был дядя Йошио. Он приносил сладкие булочки или игрушки каждый раз, когда приходил. Она хотела, чтобы он перестал хмуриться. Она хотела увидеть его улыбку, так что улыбнулась ему в зеркале.

Голос Киры дрогнул, она раскачивалась, пытаясь вдохнуть. Она знала, что будет дальше. Она знала, она не хотела это видеть. Она не хотела это чувствовать.

— Летнее солнце осветит путь. Дни длинней, но о дожде не забудь, — в зеркале дядя Йошио прошел в комнату. Он плакал. Почему он плакал? Она услышала шорох стали, он вытащил меч из деревянных ножен. Боль вспыхнула в ее спине, кровь брызнула на зеркало перед ней. В отражении она видела кончик вакидзаси, торчащий из ее груди. Она посмотрела на лицо рыдающего дяди Йошио в зеркале. И все пропало.

Песнь прекратилась. Кира слышала только тишину во тьме. Она вытерла слезы с глаз, обнаружила унгайкьо, стоящую перед ней. Кира медленно поднялась на ноги, встала перед своей другой половиной.

— Ты была тут заперта все время, да? — спросила у нее Кира. — Слушала песню, видела нашу смерть снова и снова, — унгайкьо смотрела на нее пустым черными глазами. — Прости. Я не знала.

Ее другая половина усмехнулась, зубы сияли, каждый отражал Киру.

— Так все для онрё? — спросила у себя Кира. — Потому они... такие?

Унгайкьо отвернулась от нее и зашагала. Кира увидела что-то во тьме впереди, сияющую поверхность, комнатка с опрокинутым храмом на полу. Унгайкьо шла туда. Она оглянулась на Киру.

— Теперь твоя темница. Не моя, — слова вырвались изо рта Киры, но это были не ее слова. Это были слова унгайкьо, и она знала, что ее другая половина хотела сбежать и бросить Киру в этой темнице-зеркале.

Кира побежала, спотыкаясь во тьме, не зная, как бежать по пустоте. Унгайкьо вышла одной ногой из зеркала в реальный мир. Кира прыгнула, схватила унгайкьо за руку и потянула к себе. Они обе на миг оказались наполовину в реальном мире, наполовину в зеркале. Голоса в храме донеслись до ее ушей, громкие после тишины в темноте. Голоса доносились снаружи комнатки, она видела силуэты фигур за бумажной дверью. А потом она вернулась в зеркало, утащила унгайкьо с собой. Ее другая половина ударила ее по лицу, царапала руки. Они рухнули, растянулись во тьме. Унгайкьо рычала, щелкала зеркальными зубами, тьма в глазницах была бесконечной пустотой. Кира ударила ее ногой по лицу, вскочила и прыгнула в зеркало. Ее руки вырвались в храм, она схватилась за стену, когда унгайкьо схватила ее за ноги и потянула. Кира вырывалась из зеркала в реальный мир. Она отбивалась яростно ногами, попала своей другой половине по челюсти. Унгайкьо отпустила ногу Киры, и Кира рухнула на коврик для молитв в комнатке.

Кира сидела там, тяжело дыша, потная, сердце гремело в ушах. Она оглянулась на зеркало. Унгайкьо смотрела на нее оттуда, прижав ладонь к зеркалу, запертая. Кира была в мире, а унгайкьо была заперта в зеркале. Кира задрожала, вскочила на ноги и прошла к двери. Когда она добралась до двери, ладонь замерла у края, и она замерла. Она слышала людей на другой стороне. Голоса были тревожными или спорили, она не знала. Это было не важно, голоса не помешали бы ей открыть дверь и уйти. Янмей остановила ее. Желание Янмей при смерти.

Кира повернулась к зеркалу. Унгайкьо еще была там, глядела на нее. Кира приблизилась к зеркалу.

— Ты — это я, — выдохнула она. Ее другая половина склонила голову, двигала губами, говорила то, что Кира не слышала. — А я — это ты, — сказала ей Кира. — Я не дам тебе быть мной, но я не буду тебя запираю. Ты достаточно страдала. Мы обе достаточно

страдали, — она протянула ладонь к зеркалу. — Идем со мной. Будь со мной, — она улыбнулась себе. — Прощу тебя.

Унгайкьо взмахнула рукой и сжала запястье Кире, а Кира сжала ее руку в ответ. Она взяла унгайкьо и за другую руку, отпрянула, потянув ее вторую половину из зеркала с собой, сначала руки, потом голову и плечи. Но что-то удерживало унгайкьо. Кира зарычала и потянула сильнее. Грудь ёкая появилась из зеркала, потом бедра. Кира отскочила, и они обе рухнули на пол храма. Зеркало разбилось, осыпало их осколками.

Кира села и огляделась. Унгайкьо пропала. Она была одна. Кира была одна. Дверь все еще была закрыта, и она была одна. Она создала кинжал в ладони и посмотрела на свое отражение. Это была просто она. Никакой пустоты в глазницах, никаких зеркальных зубов или бледной кожи. Это была просто она.

Она встала, стараясь не порезаться об осколки зеркала. Они не пропали. Обычно ее зеркала пропадали, разбиваясь, но эти осколки остались. Она пыталась услышать песню унгайкьо, но слышала только голоса из-за двери.

— Зима принесет снег и лед, — робко сказала Кира, проверяя, что произойдет. всплыло воспоминание, женщина стояла над ней, нежно гладила ее волосы и пела. Пела ту песню. У нее были черные волосы, собранные в пучок, веснушки на носу и щеках. Любящая улыбка. Это была ее мама. Она помнила свою маму... и не только. Она бегала по бамбуковому лесу с друзьями, Камейо и Хикару. Хикару споткнулась и ободрала колено. А потом она стояла под зонтом, снег падал вокруг, и она смотрела, как отец разбивал лед на пруду, чтобы покормить кои. Она все это помнила. Жизнь, смерть, годы в зеркале, где единственной надеждой на свободу было напугать кого-то до самоубийства. Она помнила все. Было больно. Хорошее, плохое, воспоминания ребенка и монстра. Она помнила все, и было так больно, что она не могла дышать. Она не могла быть в этой комнатке, полной осколков нее.

Кира сдвинула дверь и увидела четверых священников на другой стороне, толстяк с одной бровью был во главе. Жар прилил к ее щекам, пока они смотрели на нее.

— Простите за бардак, — сказала она, махнув на сломанный храм и осколки зеркала. — И обувь. И все стальное, — она улыбнулась им. — Простите, — она оббежала их и устремилась к двери храма.

Глава 50

Харуто увидел, как дверь храма открылась, и Кира вышла. Она посмотрела на небо и зашагала. Священник храма появился на пороге через пару секунд, смотрел девушке вслед. Судя по лицу священника, Харуто и другие точно не смогут переночевать в храме. Харуто вдохнул и продолжил точить новую катану. Он сидел на коленях в шести шагах от храма и статуй Янмей и бога войны, возле которых сидел Гуан, забыв о бумаге в руках. Он закрыл глаза, тихий храп вылетал с паром перед ним, лед появился на бороде. Он уснул пару минут назад, и Харуто не стал его будить. Принц расхаживал, но, когда увидел Киру, встретил ее на пути из храма.

— Вовремя, — сказал Идо Кацуо. — Я... кхм... я... — он кашлянул и отвел взгляд. — Нужно идти, пока другие онрё не пришли за мной.

Кира взглянула на принца и улыбнулась. Харуто заметил, что она стала спокойнее. Трещины на ее коже пропали, и она уже не была на грани паники.

— Никто больше не придет, Кацуо.

— Откуда ты можешь это знать? — возмутился принц.

Кира становилась перед статуями и опустила ладонь на плечо Гуана. Старый поэт вздрогнул, фыркнул и закашлялся. Она повернулась к Идо Кацуо.

— Потому что другие онрё доверили работу Дайзену. Как доверили ему освободить Мессимера, — она опустилась рядом с Гуаном и склонила голову перед статуями.

Идо Кацуо заламывал руки.

— Дайзен говорил правду? — тихо спросил он. Он вдруг показался моложе, его маска аристократа упала, и стало видно юношу чуть старше ребенка. — Мой отец мертв? — Кира не ответила ему, и принц принял это как подтверждение. Он отшатнулся, пошел среди мечей, рассеянно толкая их.

Кира склонила голову перед статуей своей матери.

— Я пытался написать стихотворение в ее честь, — прошептал ей Гуан. Харуто видел, как он нежно задел ее плечом. — Каждый герой заслуживает стихотворения.

— Оно лучше твоих обычных, вызывающих язвы в ушах? — спросила Кира с улыбкой.

— Неблагодарная морковка! Мои слова насыщенные как мед, гладкие как шелк. Люди платили мне хорошо за мои истории.

Кира рассмеялась.

— У меня нет денег, но я бы хотела услышать стихотворение, если ты не против рассказать.

Гуан кашлянул и вытер рукавом глаза.

— Только в этот раз, — он посмотрел на бумагу в руках, хмурясь. — Работа еще в процессе, пойми. Не закончена. И вряд ли у меня хватит умений воздать ей заслуженные

почести. Может, нам стоит найти настоящего поэта, который прославит ее.

Кира взяла Гуана за руку.

— Это может быть худшее стихотворение, но оно будет означать больше от тебя, чем от того, кого она никогда не встречала.

Гуан кивнул.

— Ты звучишь почти как она, девочка, — он глубоко вдохнул и посмотрел на бумагу снова. — Рождена в огне, не боялась его. Перед богами и героями рычит в лицо монстрам. Последний Цветок Лета.

Кира вытерла рукавом лицо.

— Мне нравится, — она всхлипнула. — Янмей тоже понравилось бы, — Гуан обвил рукой ее плечи и прижал к себе.

Шик тихо свистнула. Маленький дух стоял возле статуй, глядя на Гуана и Киру.

— Уверен, она не будет против, — сказал Харуто. Шики подошла и запрыгнула на колено Киры, девушка обняла духа.

Харуто дал им пару минут, потом встал, сунул новый меч за пояс и подошел к статуям. Гуан посмотрел на него и скривился.

— Поддай руку, старик. Вряд ли я смогу встать без помощи, — Харуто закинул его руку на плечи и поднял его на ноги. Колени Гуана щелкнули, спина захрустела, и он застонал. Он чуть не рухнул, повис на руке Харуто, чтобы они не упали. — О, капуста! — возмутился он. — Никогда не старейте. А если по несчастным обстоятельствам окажетесь седыми и в морщинах, не сидите на коленях в снегу несколько часов.

— Хватит жаловаться, иди уже, — Харуто пожал плечами.

— Я сброшу тебя со скалы, старый лук, — буркнул Гуан, хромя.

— А ты? — спросил Харуто у Киры. — Тоже примерзла к месту?

Кира вскочила, как кузнечик.

— Нет! — она улыбнулась им и вытерла непролитые слезы с глаз.

— Готова идти?

Кира повернулась к храму, посмотрела на статую Янмей. В смерти она вернула силу, которой ее лишила ее техника. Она была лишь в плаще, волосы были короткими, и рука осталась обрубком, но статуя Янмей выглядела величаво.

Кира смотрела на нее и хмурилась.

— Когда перестанет болеть?

— Никогда, — сказал Харуто. — Никогда не перестанет. Но так ты знаешь, что они что-то значили. Боль — напоминание о хороших временах, не плохих.

Кира опустила ладонь на голову Янмей и закрыла глаза. Она повернулась, открыла глаза и пошла прочь.

— Готова.

Харуто догнал ее.

— Ты кажешься другой, — сказал он. Шики прыгнула с его плеча на ее и заворковала, гладя ее щеку ручкой.

— Я другая, — сказала она.

— Знаешь, что это означает?

Она взглянула на него и пожала плечами.

— Еще нет.

— И я.

Гуан заметил, что они уходили, и похромал следом. Принц ждал впереди, расхаживал и что-то бормотал. У них стались лишь час или два солнца, и Харуто решил, что они вернуться в гостиницу на юге на ночь, а утром отправятся к могиле Орочи.

— Я поняла кое-что об онрё, — сказала Кира, пока они шли. — Дайзен говорил мне, что я была еще не готова, что мне нужно было выпустить его сестру поиграть. Я не понимала тогда, но теперь понимаю. Я не как они, другие онрё.

— Я и сам мог тебе это сказать, — сказал Гуан.

— Но я могла быть как они, — сказала Кира. Она посмотрела на Харуто. — Ты говорил, что онрё — ёкай, который вернул немного человечности. В моем случае, Янмей убила злодея, пока он смотрел в мое зеркало. Она освободила меня, поместив его на мое место. Тогда я перестала быть ёкаем, но я и не была человеком.

— Ты стала всем понемногу, — сказал Харуто. — Онрё.

Кира создала в ладони зеркальный кинжал и посмотрела в отражение. Она уже не вздрагивала от того, что видела там, и ее глаза не темнели.

— Это случилось и с другими? Дайзеном, Шином и Вороной?

Харуто пожал плечами.

— Не знаю. Изуми стала ёкаем-эненрой, когда задохнулась в пожаре, устроенном Тошинакой. Дайзен, судя по словам Гуана, был ёкаем-кийо. Они рождаются из гнева из зависти, часто когда кто-то убивает себя, чем из безответной любви. Но кийо выглядит как змей с ногами, руками и головой человека.

— Когда Дайзен стал онрё, он вернул облик человека, — сказала Кира. — Но это был не конец. Онрё — получеловек и полуёкай, но... — она вздохнула и покачала головой. — Это не так просто. Мы становимся двумя половинами в одном теле, но мы не едины. Думаю, другие онрё — то, что случается, когда ёкай ломает человека и захватывает власть. Они меняются и меньше напоминают людей. Это имел в виду Дайзен, когда сказал, что мне нужно выпустить его сестренку поиграть, и это имел в виду Вестник Костей, когда сказал, что Янмей и другие в Хэйве сдерживали меня.

Гуан подошел к ней с другой стороны.

— Но ты не сломлена ёкаем?

— Нет, — Кира покачала головой, волосы упали на лицо. — Я другая, потому что у меня была Янмей. У меня была та, кто не хотела, чтобы ёкай захватил меня. У других этого не было. Думаю, Вестник Костей нашел их и направил в нужную сторону, заставил ёкаев в них победить, — она убрала волосы за уши и посмотрела на Харуто. — Ворона — больше не Изуми. Той ее половины, думаю, больше нет. Я ощутила это в храме, когда боролась со своим ёкаем. Если бы он захватил меня, возврата не было бы. Я пропала бы, и остался бы только ёкай. Мне жаль.

Харуто знал, что так и было, но это все еще ощущалось как меч в животе. Он подвел Изуми уже три раза. Сначала — не остановив Тошинаку, потом — не найдя ее как ёкаю, не отправив ее, чтобы Оморецу забрал ее душу. И он подвел ее снова, когда она стала онрё. Может, если бы он был с ней, как Янмей с Кирой, ее можно было бы вернуть, как Киру. Но Вестник Костей нашел ее и сделал монстром. Он ощущал бремя на плечах. Ему нужно было подвести ее еще раз и убить. Он не показывал бурю эмоций, другим не нужно было разделять его боль, и он просто пожал плечами и шагнул, хотя ноги ощущались тяжелее, и каждый шаг давался сложнее.

— Так онрё осталось трое? — спросил Гуан. — Вестник Костей, Изуми...

— Ворона, — сказала Кира.

Гуан недовольно хмыкнул.

— Ворона. И йорогумо, убившая Тяна.

Харуто покачал головой.

— Осталось только два онрё, — сказал он. Пора им было узнать, с чем они боролись. —

Вестник Костей — тэнгу, демон, он хуже ёкаев, — Шики согласно чирикнула.

Идо Кацуо поравнялся с ними.

— Но вы можете убить это... его... да? У нас есть оммедзи и... — он указал на Киру, — то, какая ты теперь.

— Я другая, — Кира улыбнулась ему.

— Вот так, — радостно сказал принц. — Оммедзи и Кира. Мы не можем проиграть.

Они притихли. Харуто слышал, как ветер выл вдали, поднял голову и увидел, как мимо проносились тучи. Близилась буря, последний снегопад перед тем, как зима сменится весной.

Принц остановился, вздохнул и кашлянул. Харуто и другие повернулись к нему, остановившись. Идо Кацуо потер шею, открыл рот, чтобы заговорить, потом закрыл его.

— Говори, парень, — сказал Гуан.

Идо Кацуо скривился.

— Слушайте... тот огненный урод говорил... обо мне и моих братьях.

— Что ты убил их? — спросил Гуан. Харуто бросил на него взгляд, но поэт поднял руки. — Что? Я просто уточнил.

— Да, это, — сказал принц. Он глядел на Киру. — Я хочу, чтобы вы знали, я их не убивал. Мой старший брат, Аки, кхм, Акихико, уже был мертв в камере. Я пошел его освободить, как и говорил, но... — он покачал головой. — Тетушка Рьоко... сделала его едва узнаваемым, — он сглотнул. — Мой старший брат Нори напал на меня. Я открыл дверь, и он бросился на меня с ножом. Он напал на меня, и я... наверное, убил его. Но это была самозащита, обещаю.

Гуан буркнул.

— Зачем ты рассказываешь нам это, парень? Мне все равно. Харуто, тебе есть дело?

Харуто пожал плечами.

— Кира, тебе есть дело?

Кира усмехнулась.

— Вы о чем? Я не слушала.

— Видишь, парень, — сказал Гуан. Старый поэт подошел к принцу и закинул руку на его плечи. — Никому нет дела.

Принц Идо Кацуо рассмеялся и чуть обмяк от облегчения.

— Вы — странная группа.

— У меня вопрос, — сказала Кира. — Зачем ты врал? Когда Дайзен заявил, что ты их убил, почему ты сказал, что сделал это?

— Это Ипия, — сказал принц, будто это все объясняло. Кира продолжала глядеть на него и ждать. — Убийство родственников и путь по ним к трону — то, как все тут делается. Если не готов ударить родственника ножом в спину ради короны, ты ее не хочешь.

Кира нахмурилась.

— Какая-то глупая система.

— Согласен, — принц хлопнул в ладоши и прыгнул вперед, чтобы идти перед ними. Он

повернулся лицом к ним, зашагал спиной вперед. — И нам нужно изменить это! Когда вы убьете онрё и остальных, вы сможете помочь мне вернуть трон, — принц сделал паузу, другие глядели на него. — Что? Я — часть группы. Мы помогаем друг другу.

Кира почесала подбородок, как часто делал Гуан.

— Я пропустила твою помощь.

Принц снова ушел вперед, повернулся и посмотрел на нее, шагая лицом к ней, прижав ладонь к сердцу.

— Ты меня ранишь, Кира. Ты уже забыла, как я носил воду и не дал старушке идти в погреб?

— Он прав, — сказал Гуан. — Там он вел себя как герой.

Они прошли под тории на краю Кладбища Мечей, и Кира замерла и оглянулась. Они не видели отсюда храм или статую Янмей, но Харуто понимал, что это было не важно. Он остановился и ждал, пока она не будет готова. Гуан и принц шагали, споря, кто из них был больше похож на героя.

— Ты был прав, — сказала Кира через пару мгновений, — когда сказал, что виноват Вестник Костей, — она посмотрел на Харуто, ее глаза потемнели, но выглядели не так, как раньше. Кожа вокруг них была черной, но ее глаза были ясными. — Я убью его за то, что он сделал с Янмей, и за то, что он сделал с другими онрё.

— Справедливость? — сказал Харуто.

Кира покачала головой, повернулась и пошла мимо него.

— Не справедливость. Я — дух мести.

Глава 51

Таверна была полна людей, когда они пришли. Там было много путников, торговцы, движущиеся между восточной и западной Ипией, паломники, посещающие храмы, великан с громким голосом и гулким хохотом, который заявлял, что был бродячим героем, ищущим работу. Хозяин таверны удивился, когда Кира, Харуто, Гуан и Кацуо вошли из снежного мрака. Видимо, тут редко оставались на две ночи. Он ничего не сказал об отсутствии Янмей, хотя она болтала с ним прошлой ночью. Кире не нравилось, что Янмей так просто забыли.

Она села за стол со стульями, Гуан опустился напротив нее со стоном, потирая колени. Харуто пошел договориться о комнате и еде, и Кацуо отправился в уборную. Кире было приятно и грустно в громкой и теплой таверне. Мир продолжался, несмотря на потери.

— Она не хотела бы, чтобы ты дулась, — сказал Гуан. Он отклонился на стуле и зевнул, вытянув ноги под столом.

— Я не дулась, — мрачно сказала Кира.

— Да? — Гуан почесал подбородок. — Потому что я заметил, как дракон уже нацелился приземлиться на твою нижнюю губу.

Она хмуро посмотрела на него.

— Может, я немного дулась, но я кое-что поняла. Вот, — она создала в ладони зеркальный кинжал и бросила ему над столом. Гуан поймал его и выронил на стол, словно он обжигал. Кира отчасти ожидала услышать упрек Янмей и улыбнулась от мысли. — Прости.

— Был смысл? — спросил Гуан. — Или ты пыталась просто пронзить меня?

Кира усмехнулась и кивнула.

— Смотри на клинок.

Гуан нахмурился, наверное, ожидал, что другой кинжал прилетит в него, как только он опустит взгляд, но он взглянул на кинжал.

— Он со щербинкой! — сказал он. — Маленькая щербинка на острие, — он указал туда. — Но кинжал без трещины.

— Я зову его Момо, — сказала Кира. Она сделала другой кинжал и опустила на стол. — А это Блэр.

Гуан посмотрел на новый кинжал.

— Клинок чуть короче, — сказал он через миг. — И рукоять тоньше.

Кира создала в ладони другой кинжал и опустила рядом с двумя другими.

— Этот — Хаятэ.

Гуан тут же заметил разницу.

— У этого клинок немного другой формы, шире и более плоский.

Кира усмехнулась.

— Выбери один.

Гуан глядел на нее.

— Ладно... Блэр.

Кира прошептала имя кинжала и приказала ему разбиться. Блэр треснула, сотня осколков усыпала стол.

— Момо, — сказал Гуан. Кира приказала Момо разбиться, и кинжал разлетелся осколками, смешался с кусочками Блэр. Гуан кивнул. — Так ты разобралась?

— Ты был прав, — сказала Кира. Она сделала новую версию Момо и подняла, глядя на щербинку на клинке. — Мне нужен был способ выделить кинжал, и для этого их нужно было сделать разными, — она опустила Момо на стол рядом с Хаятэ, добавила к ним и новую Блэр. Она создала в ладони еще один кинжал. — Это Пабу, — сказала она. — У него кольцо на рукояти, — она опустила Пабу на стол и создала новый кинжал. — Это Мару, у него зубцы на острие. Это Джиджи, он острый с одной стороны, рукоять крупнее. Этот я зову Луной. Дыра тянется по клинку. Это Хин, на рукояти крючок, — она посмотрела на свою коллекцию кинжалов. Их было восемь, каждый был уникальным, чтобы она могла за ним следить. — Я пыталась сделать больше, но не могу. Почему-то я не могу создать девятый, чтобы один из этих не разбился.

— Впечатляет, — Гуан поднял голову, Харуто сел за стол.

Оммедзи сдвинул кинжалы, даже не удивившись им, и опустил на стол пару глиняных

бутылок. Он вытащил из складок кимоно пять чашек. Шики прыгнула на стол, прошла среди осколков Момо и схватила кинжал, пыталась поднять его тонкими ручками. Она подняла его, покачнулась, устояла и радостно защебетала.

— Опасное зрелище, — сказал Кацуо, садясь напротив Харуто и глядя на духа с ножом. Кира соткала в отражении клинка иллюзию несущегося медведя, и принц вздрогнул и обернулся, стул загремел по деревянному полу.

Гуан рассмеялся.

— Я стал мудрее, — сказал он. — Меня ты в этот раз не обманула.

Кацуо повернулся к столу.

— Это было не смешно.

— Не согласен, парень, — сказал Гуан.

— Не удивлен. Ты редко соглашаешься.

Харуто налил пять чашек вина, подвинул по одной к каждому, пятую оставил в центре стола. Шики бросила кинжал, подняла чашку. Харуто поднял чашку и замер, держа ее перед собой.

— За Янмей. За все, что она сделала для нас, и оставленные ею воспоминания, — они все выпили за это. Шики шумно хлебала вино. Кира скривилась от вкуса, надеясь, что они не ожидали, что она выпьет больше.

— Как далеко монастырь отсюда, Идо? — спросил Харуто.

— Восемь или девять дней, — сказал Кацуо. Он взял бутылку и налил себе еще. — Если старый поэт сможет не отставать.

— Я справлюсь, парень.

— Уверен? — Кацуо усмехнулся и налил старому поэту еще вина.

Кира отодвинула чашку. Шики была рада выпить еще, ее шерсть порозовела по краям. Харуто не выпивал. Он сидел у дальнего края стола, задумавшись. Кира видела, что его челюсть двигалась, он царапал ногтем стол, оставляя мелкие ямки в дереве, стряхивая стружку. Его глаза были мрачными. Она коснулась его ладони. Он вздрогнул и злобно посмотрел на нее.

— Ты в порядке? — спросила она.

Харуто скривился, словно ему было больно.

— Ты теперь все помнишь?

Кира быстро кивнула.

— Как ты умерла?

Кира хорошо это помнила. Все было свежим, полным боли в ее разуме. Она почти ощущала клинок в спине, думая об этом, почти видела лицо дяди в слезах. Она кивнула, но уже медленнее.

Харуто вздохнул и провел ладонью по лицу.

— Ты все еще хочешь мести? Твоему дяде?

Кира подумала об этом. Искала в глубине ответ. Она слышала в тишине смех Гуана, Кацуо и Шики, пьющих вино.

— Нет, — сказала она. Это казалось ложью. — Да. Возможно. Я его не простила. И не смогу. Он убил меня. Я доверяла ему, а он... — она притихла и дышала, подавляя боль. — Вряд ли я смогу не ненавидеть его. Часть меня хочет его пожалеть, но он этого не заслуживает. Он заслуживает только ненависть. Но он мертв, а я... нет. Это уже месть. Я пережила его, хотя он убил меня. Это мест, — она кивнула и провела дрожащей ладонью по

волосам. Было сложно говорить об этом, и тут не было Янмей, которая могла ее утешить.

Харуто молчал какое-то время, глядя пристально на стол, вонзаясь ногтями в дерево.

— Что такое? — спросила у него Кира.

Харуто взглянул на нее и отвел взгляд, словно не мог вынести ее взгляд.

— Тянь все еще хочет мести. Жажда... — он издал невеселый смешок. — Очень сильная. Его гнев притягивает его с небес. Я вижу его, когда закрываю глаза. Восемь дней — долго, — сказал он, и Кире показалось, что он выглядел напугано. — Надеюсь, это не слишком долго.

Глава 52

Монастырь тянулся высоко над ними, четыре уровня, построенные в склоне скалы. Ворона подняла взгляд. Ее шея болела бы, если бы была у нее. Верхний уровень был окутан снежной бурей, бушующей вокруг них. Скала немного закрывала их, но ветер был злым зверем, рычащим на них. Ворона ненавидела такой ветер, он пытался забрать ее дым, ее сущность. Когда-то ее полностью рассеял порыв ветра, и она три дня собирала дым, чтобы снова думать. Это было до того, как Мастер нашел ее и дал ей плащ, чтобы удерживать себя.

Мастер стоял с ней у подножия скалы, его тэнгай лежала на его плечах, скрывая все, кроме его поразительных глаз. Ни холод, ни ветер не беспокоили его. Перья согревали его, и ветер не мог одолеть его. Он был яростнее любой природной бури.

Первый уровень монастыря — изогнутая крыша пагоды была красной и с сугробами снега — был в пятидесяти футах над ними. Замерзший ручей спускался с плато, цепляясь за камни сосульками. Розовый лепесток спустился с одного из уровней, его подхватил и закружил ветер. Дураки часто садили сакуру, чтобы отогнать злых духов, хотя это не помогало. Чудом было то, что монахи в монастыре как-то заставили деревья цвести посреди зимы.

— Где твоя сестра? — спросил Мастер. Сифэнь должна была встретиться с ними тут, у монастыря. Они должны были подняться вместе, группой напасть на монахов, которые охраняли темницу Орочи. По словам императрицы Исэ Рьоко, монахи учились десятки лет, чтобы отгонять всех, кто приходил из мира смертных и духовного мира.

— Нам нужно ждать Зена? — спросила Ворона.

Мастер чуть повернулся и посмотрел на нее бушующими глазами. Многих его взгляд пугал, но не Ворону. Было что-то успокаивающее в нем. Взгляд утихомиривал ее разум, помогал ясно думать. Это был якорь среди бушующих бурь. Когда она смотрела в его глаза, она видела его путь, знала, что он был правильным.

— Твой брат не придет, — холодно сказал Мастер. — Оммедзи убил его.

Даже с успокаивающим взглядом Мастера дым Вороны кипел. Это не могло быть правдой. Техника Зена была самой сильной среди них. У каждого из них была своя сила. Физическая сила Шина, способность восстановить почти любую рану вместе с мощью и оружием в виде его волос были чудом. Но оммедзи убил его. Огонь Зена был жарким, и когда он расходился, даже Мастер не мог к нему приблизиться. Как мог кто-то, даже оммедзи, убить его? Что за бессмертный монстр охотился на них? Сифэнь была созданием теней и яда, ударяла без предупреждения, может, если бы она впиалась клыками в оммедзи, она могла его убить. Тело Вороны давало ей преимущество против многих противников: у нее не было четкой формы, было нечего вредить, и она не ощущала боли. Но это было не совсем так. Оммедзи порезал ее духовным мечом. Он срезал часть нее, и было больно. Если

он мог ее ранить, порезать, то мог и убить. Ворона начала ощущать что-то новое. Страх. Это ей не нравилось.

Мастер все еще смотрел на нее, его глаза меняли краски.

— Ты боишься, сестренка? — спросил он.

Дым вылетал из-под плаща Вороны. Она думала, что давно избавилась от этого рефлекса. Когда она была ёкаем, она... Воспоминание ускользнуло, не далось ей.

— Существо, охотящееся на нас...

— Человек, — сказал Мастер. — Просто человек.

Дым Вороны бурлил.

— Он убил Шина, а теперь Зена. Он не просто человек.

— И ты боишься его из-за этого? — спросил Мастер. Он сдвинул капюшон Вороны, словно мог открыть ее лицо, хотя у нее его не было. — О, сестренка, ты все еще не понимаешь. Ты сильнее всех твоих родственников. Физическая сила Шина бесполезна против твоей бесформенной силы. Огонь Зена никогда не смог бы опалить тебя. Даже яд Сифэнь — ничто для тебя, ведь у тебя нет крови. Ты сильнее всех онрё. Я знал это с момента, как спас тебя. Я видел, что в твоих мутных глубинах. Сила, какой ни у кого нет.

Он спас ее, нашел ее одну, разлетающуюся по кусочкам, и она не могла себя остановить. Ворона не знала, как стала онрё, кем она была. Она знала туманное безумие бесформенности. Взгляд Мастера успокоил ее, и он научил ее держаться за свой дым вокруг ядра. Он дал ей плащ, ее якорь, не дал ей растаять в саже на ветру. Мастер был другим ветром, но он не рвал Ворону, он вел ее по своей дороге. Он дал ей цель.

Лепесток вишни опускался, кружась на ветру, и Ворона поймала его ладонью из дыма. Она улыбнулась, поняв, что у нее снова были пальцы. Она потерла лепесток, и он стал черным. А потом она поняла, что Мастер смотрел на нее, щуря глаза за тэнгай. Ворона сжала лепесток в кулаке, останки упали на заснеженную землю. Она скрыла ладони в плаще.

— Мы не можем больше ждать твою сестру, — сказал Мастер. Он повернулся и пошел к склону скалы.

В камне были вырезаны ступени, ведущие к первому плато, и Мастер стал перешагивать по две за раз. Ворона парила над ступенями на облаке дыма и сажи. Она вела ладонью по скале, пока они поднимались, пальцы искали вмятины и трещины. Она почти ощущала их под ладонью. Почти могла снова чувствовать. Она не помнила, как это было, но когда-то точно знала.

Что-то белое и липкое пыталось прилипнуть к ее пальцам, но не могло удержаться за дым. Она знала, что это было. Паутина. Шелк, прочный, как сталь. Она подняла взгляд, увидела три сияющих черных глаза, глядящих на нее. Сифэнь сидела над ними в бреши в скале. Ее толстое тело выпирало под кимоно. Ее волосы были маслянисто-черными, а лицо было кошмаром. Ее правый глаз был сияющей сферой, левый был уродливым шрамом зеленой приподнятой плоти. Два новых паучьих глаза появились над и под испорченным глазом. Сифэнь широко улыбнулась, клыки щелкали и терлись друг о друга за ее губами.

— Мастер, — сказала Ворона. Он замер и посмотрел на Сифэнь, устроившуюся над ними в паутине.

— Вы поздно, — сказала Сифэнь, ее голос звучал как шорох тысяч лапок. — Я так голодна, что чуть не начала без вас.

— Монахи? — спросил Мастер.

— Не знают, что мы идем, — сказала Сифэнь. Она захихикала, прижимая ладонь

человека ко рту. — Они будут легкой добычей.

— Не будут. Их тренировали бороться с такими, как мы, — сказала Ворона.

— Они вскоре поймут, что их тренировки их не спасут, — сказал Мастер.

Сифэнь снова рассмеялась. Она потянула себя за волосы, провела пальцам сквозь пряди.

В руке осталась прядь, и она завопила и бросила ее, словно волосы могли ее укусить.

— Я ждала достаточно долго, — ее лапы царапали камень. — Я хочу их убить.

Мастер посмотрел на нее.

— Так иди, сестренка. Устрой хаос, расставь ловушки. Но никого не съедай. Мы с Вороной пройдем к темнице.

Сифэнь надулась.

— Почему нельзя? Я голодна.

— Оммедзи скоро будет тут, — продолжил Мастер. — И тебе нужно быть сильной, сестренка, а не спящей, набив желудок. Как только разобьешь его товарищей, сможешь съесть кого-то из них.

Сифэнь хлопнула человеческими ладонями, повернулась и направилась вверх по склону скалы. Ворона смотрела ей вслед. Даже Сифэнь помнила, кем была раньше. Ворона была рядом с Мастером в тот день, когда он нашел Сифэнь, новую онрё, еще пытающуюся понять, кем она была. Она построила огромное логово из паутины в храме — она любила осквернять храмы — и питалась монахами, которых поймала в коконы. Мастер прошел в логово, не переживая, что он задевал паутину, которую она повесила для охраны, и Ворона парила за ним. А потом Сифэнь напала. Тогда она была даже красивой, большие карие глаза блестели слезами. Она попыталась укусить Мастера, но его плащ из перьев был прочным, как сталь, и он легко ее сбросил. С порывом ветра и острыми перьями Мастер разгромил ее логово и сломил ее дух. Она сжалась перед ним, молила о пощаде, ее паучьи лапы били по воздуху, все еще плели паутину. Мастер прошел в ловушку, порвал паутину, которую никто не мог разрезать, и опустился на колени перед Сифэнь.

Он говорил с ней мягко, заботливо. Он откуда-то знал Сифэнь. Он рассказал ей, кем она была раньше. Сифэнь, повитуха из Бан Пиня. Все богатые семьи хотели, чтобы она помогла их детям родиться, и ее радовало помогать новой жизни появляться на свет. Но у Сифэнь была тайна: сколько бы они с ее мужем ни пытались, они не могли зачать ребенка. За годы ее муж стал злиться, обвинял Сифэнь в бесплодии. Они скрывали это на публике за улыбками и поцелуями, держались за руки, но наедине муж кричал и угрожал, а Сифэнь сжималась от страха.

Боясь за жизнь, виня себя в том, что она не могла родить ребенка мужу, Сифэнь убежала ночью. Она знала, что ее муж погонится, ведь, хоть ему было больно без детей, позор из-за сбежавшей жены был бы куда большим. И Сифэнь пряталась в амбарах, купальнях, а потом нашла холодный погреб заброшенного дома. Ее муж выследил ее. Она слышала, как он ходил по дому над ней, искал ее, звал ее. Сифэнь нашла плохо держащуюся половицу, заползла в яму под ней. Она накрыла себя половицей и ждала, тихая, из шума было только дыхание. Ее муж осветил лампой в погреб, свет проник в трещинки между половицами, но он не увидел ее. Даже когда он остановился над ней, стоял на половице, под которой она пряталась, он не увидел ее.

Сифэнь смотрела в брешь, как ее муж искал, и ощутила боль в шее. Она стиснула зубы, чтобы не закричать. Кожа на ее шее будто пылала. Она не могла пошевелиться, чтобы не раскрыть себя мужу. Агония побежала по ее венам, руки немели, но она не кричала. Он

ушел, ругаясь, поднялся по лестнице и покинул дом. Сифэнь попыталась пошевелиться, но не могла. Ее руки были как камень, а ноги — как дерево. Она слишком быстро дышала, а потом дыхание замедлилось. И она перестала дышать. Она умерла там, под полом погребца, одна и напуганная.

Когда мастер рассказал Сифэнь ее историю, историю ее смерти, Ворона увидела, как онрё изменилась. Ее красивые карие глаза стали темными и паучьими, и она улыбнулась, два больших черных клыка торчали среди пушистых коричневых хелицеров за ее губами.

Ворона всегда завидовала Сифэнь. Мастер рассказал ей, кем она была, и как она умерла. Он посмотрел в ее глаза, увидел ее прошлое и дал его ей. Но он не сделал этого для Вороны. Он говорил, что онрё нужно было знать, как они умерли, чтобы понимать, на что они были способны. Но он не рассказал Вороне о ее смерти.

— Идем, — сказал Мастер, отвлекая Ворону от мыслей.

Ворона нахмурилась, брови из дыма сдвинулись во тьме капюшона.

— Нам не нужны монахи, мастер? — спросила она. — Темница Секирю в Небесной лощине была кохранской. Нужна была кровь, чтобы ее открыть.

Мастер посмотрел на лестницу.

— Темницу Орочи открыть не так просто. Нам понадобится ключ.

— Ключ? — спросила Ворона.

Мастер кивнул.

— Нужно подождать, сестренка. Он идет к нам.

Глава 53

Буря ударила, как цунами, пару дней назад, и с тех пор был только бело-серый хаос и жалобы Гуана. Даже Харуто замерз. Он не помнил такой суровой зимы в Ипии, а Харуто жил очень долго.

Принц вел их, заявляя, что мог найти монастырь с закрытыми глазами и носом. Он был в хорошем настроении, или изображал это, хотя узнал, что вся его семья была убита. Может, он решил видеть в этом шанс, ведь он был последним наследником западной Ипии, последним Идо. Это было глупой мечтой, это не подходило принцу. Запад сдался, и война длиной в поколения закончилась. Семья Исэ победила с помощью онрё. Вся Ипия теперь принадлежала императрице Исэ Рьоко. Она недавно заточила Харуто и Идо Кацуо, Кира испортила ее глаз, и мстительная императрица не была высоко в списке недавних достижении Харуто.

— Капуста, Идо, — крикнул Гуан поверх воющего ветра. — Ты сказал, мы близко. Что мы дойдем сегодня до монастыря, — старый поэт смотрел на снегопад. — Я даже не пойму, который час, — он укутался сильнее в новый плащ. Принц купил им всем накидки из волчьей шкуры в городе Куриецу пару дней назад.

— Час после полудня, — крикнул принц. — И мы почти на месте.

— Как ты понял? — сказал Гуан.

— Инстинкт, дорогой мой, — сказал принц. — Я, кхм, чую такое, — он вытащил из кармана кохранские часы и проверил. — Как я и сказал, немного за полдень!

Кира шла по снегу безмолвно. Она уже не была беспечной девушкой, какой они ее встретили, но она и не была на грани того, чтобы выпустить опасного ёкая, вооруженного жуткими отражениями. Смерть Янмей изменила ее. Изменила их всех. Или дело было из-за приближения к монастырю, могиле Орочи и другим онрё. Харуто спешил, бремя Тяна было грузом на его душе, гнев сжимал его сердце так сильно, что было сложно дышать, он был раздражен. Снег, постоянные жалобы Гуана, рассказы принца действовали Харуто на нервы, и он скрипел зубами, чтобы не напасть. Изуми была близко, и Харуто нужно было увидеть ее снова. Ему нужно было знать, что она ушла, что осталась только Ворона. Снежок попал ему по лицу, он пошатнулся и выругался. Кира склонилась к снегу в паре футов от него, хихикая. Шики была на ее плече, тоже смеялась. Харуто очень медленно выдохнул и передумал. Немного беспечной девушки в ней еще осталось.

— Прости, — Кира указала на Шику. — Она меня заставила, — Шику зачирикала указывая на Киру. Харуто казалось, что они обе это придумали. Он зачерпнул горсть снега и бросил в них. Кира рассмеялась, ловко отскакивая в сторону.

— Я же говорил, что мы почти там, — крикнул Идо Кацуо. — А вы мне не верили.

— Я не говорил, что не верил, — крикнул Гуан. — Просто твое «скоро» было недостаточно быстрым.

Скала появилась темным пятном среди снегопада. Они приблизились, и снег утих, скала укрыла их и превратила вой ветра в далекий рев. Харуто стряхнул лед с бровей, поднял взгляд. Как и сказал принц, над ними было четыре уровня плато. Ступени были вырезаны в камне, вели наверх. На первом плато жили монахи, там были дома и кухни, купальни и хранилища. На втором они тренировались, там были пять разных додзе, открытая площадь для сражений. На третьем плато монахи молились, там были храмы и благовония. Но до четвертого уровня принц не дошел, хотя много лет провел в монастыре. Он охранялся днем и ночью, только старших монахов пускали туда. Харуто догадывался, что там была темница Орочи.

Они замерли и смотрели на скалы, греясь в укрытии от бури.

— Думаю, мы пришли первыми, — сказал Гуан. — Другой дракон устроил погром в Небесной лощине, а тут, видимо, ками еще не выпустили.

— Монахи нападут на нас? — спросил Харуто у Идо Кацуо.

— О, нет, — сказал принц. — Я же поручусь за вас. Надеюсь. Думаю, это возможно. Они не любят чужаков. И они, если честно, не очень дружелюбны со мной, — он пошел впереди них, развернулся и поднял ладони в мольбе. — Думаю, стоит сразу все раскрыть. Они, кхм, выгнали меня из ордена, сказали не возвращаться, иначе меня убьют.

Гуан закатил глаза.

— Какой сюрприз.

— И я так думал, Ворчун, — сказал Идо Кацуо. — Они обвинили меня в попытке украсть их тайны.

Кира склонила голову.

— А ты пытался?

— Не в том дело, — сказал Идо Кацуо. — Я думал, что вам нужно знать, что они могут быть мне не рады... или вам... или кому угодно.

Шику свистнула, Кира захихикала.

— Что? — спросил Идо Кацуо. — Что она сказала?

Харуто пошел вперед, похлопал принца по плечу и покачал головой. Он пошел к

ступеням, ведущим к первому плато. Шики была права, от принца были только проблемы, но он подозревал, что так было с каждым из них.

— Что она сказала? — повторил принц. — Ты не можешь просто рассмеяться и уйти. Гуан?

— Не знаю, парень, — сказал Гуан. — Я никогда не мог понять комок шерсти. Думаю, это все пучок петрушки, и Харуто только изображает, что понимает ее.

Кира подошла к замёрзшему водопаду, ниспадающему с первого плато. Теперь это были просто сосульки, вода застыла посреди течения. Она блестела, была красивой, хоть небо и было серым, а снег усыпал их. Она отломил сосульку и смотрела на нее. А потом подняла взгляд, проследила за течением воды.

— Думаю, онрё нас опередили, — сказала она. Она бросила сосульку Харуто, и он поймал ее и посмотрел. На кончике замерзла алая капля. — Она свежая, — продолжила Кира. — Все еще течет сверху, видимо.

— Если они уже там, они вскоре освободят Орочи, старик, — сказал Гуан.

— Тогда лучше поспешить, — сказал Харуто. — Я поведу. Остальные — за мной. Будьте настороже и не отставайте, — он перепрыгнул первые две ступеньки, чуть не поскользнулся на участке черного льда. — Шики, со мной, — дух прыгнула с плеча Киры, пробежала по земле и забралась по его ноге. — Вперед!

* * *

Гуан поднимался по ступеням за Харуто, держась за стену для поддержки. Было больно ногам, ныла спина, и мысль о подъеме еще на три уровня пугала. Если он никогда не увидит другую лестницу, его колени будут счастливее. Они болели, он ощущал, как щелкало в левом колене, и ему казалось, что он вот-вот рухнет и скатится по лестнице кубарем.

Харуто поднимался по ступеням, ладонь лежала на новой катане, Шики щебетала на его плече, махала ручкой, словно управляла оркестром. Принц шел за Гуаном, странно тихий. Это тревожило Гуана. Идо Кацуо было сложно заткнуть, но теперь он притих. Кира шла последней. Девушка изменилась после смерти Янмей. Она казалась задумчивой, стала взрослее, но не это впечатляло Гуана. Раньше девушка казалась нестабильной, но теперь она была надежной. Гуан доверял ей свою спину. Он никому другому такое не доверил бы.

Ладонь Гуана на спине задела что-то липкое. Оно прилипло к его ладони, и он вытер руку об штаны, чтобы избавиться от этого. С холодом, подъемом и всеми в Ипии, кто пытался их убить, Гуан просто хотел убежать в Хосу и несколько месяцев провести в теплой таверне, рассказывать истории за выпивкой. Милая мечта, но он скорее окажется в холодной могиле без надгробия где-то в глубинах Ипии.

Харуто замер на вершине лестницы, и Гуан увидел, как он сжал рукоять катаны.

— Она тут, — прорычал он сквозь зубы. Гун добрался до вершины лестницы через пару мгновений, его сердце забило быстрее. Плато было огромным, полным зданий. Некоторые были одним этажом, другие — пагоды, тянущиеся к небу. Тонкие переулки между зданиями напоминали Гуану лабиринт. Снег падал большими ленивым снежинками, опускался на крыши и соскальзывал на землю. Но Гуану было не по себе из-за блестящей шелковой паутины, сплетенной в замысловатые узоры между зданиями. Убийца Тяна ждала их.

Гуан сунул руку в сумку и сжал свои клятвы. Напомнил себе. Четыре свитка бумаги, каждый был подписан и запечатан его ци. Он не возьмет оружие. Он не будет использовать старую технику. Он не будет убивать. И не будет ругаться. Шум крови в его ушах чуть ослабел, и он ощутил немного спокойствия. Клятвы напомнили ему, кем он был и кем он

стал. Это было не его сражение. Харуто сделает то, что было нужно. Он отомстит за Тяна и упокоит его душу.

— Пауки, — пролепетал Идо Кацуо. — Чудесно.

— Тебе не нравятся пауки? — спросила Кира.

— Ужасные штуки, — сказал Идо Кацуо. — Лапы, глаза и пушистые клыки. И почему ни всегда лезут к тебе, а не убегают? Они не понимают, что я больше них?

Кира отодвинула его, прошла на плато.

— Если тебе будет лучше, этот паук больше тебя.

— Фу! Как это должно было меня успокоить?

Смех донесся из мрачных переулков перед ними. Гуан ощутил, как кожу на руках и шее покалывало.

— Мне нравится, когда добыча приходит ко мне, — сказал женский голос, с ним звучало шелканье. — Найдите меня, маленькие мухи.

Гуан заметил, что ладонь Харуто дрожала на катане. Шики гладила волосатой ручкой его щеку и свистела. Он посмотрел на нее большими глазами, и она спряталась в его кимоно.

— Старик? — Гуан понял, что гнев Тяна сотрясал оммедзи. Он был близко к убийце Тяна, гнев поглощал его. Или Тян тянулся с небес, чтобы поглотить его?

Идо Кацуо кашлянул.

— Ступени на следующий уровень в дальнем конце плато. Боюсь, пройти можно только по переулкам. Я помнил путь, но... это было очень давно.

Харуто вытащил катану и прошел в узкий переулок между пагодой и низким зданием, похожим на склад. Он разрезал паутину, натянутую там. Нити падали комьям, Харуто пришлось вытаскивать катану из липкой гадости.

— Не отставайте, — прошипел он и пошел сквозь паутину. Гуан поспешил за ним, другие следовали, принц жаловался Кире на то, как страшно тут было.

Переулки были затхлыми и давящими. Стонущий ветер был странно приглушен, и снежинки не падали вокруг них, но было темно и холодно, снег хрустел под ногами. Харуто рассекал паутину в переулке, но нити свисали с крыш, и когда они липли к плащу Гуана, они не хотели отпускать. Он много раз высвобождал плечо, нити были почти невидимыми, но прочными. Первый переулок закончился стеной высокого здания, разделился на переулки слева и справа. Харуто пошел налево, прорезая путь, Гуан и другие следовали. Переулок обогнул другое здание и разделился на три пути. Харуто выбрал левый и продолжил идти без колебаний, даже не проверяя, шли ли за ним остальные. Гнев, который вел его, беспокоил Гуана, особенно, если он принадлежал Тяну. У следующей развилки Харуто повернул направо, рубил паутину, словно армию врага. Его катана запуталась в липких нитях, и он дернул ею в сторону так сильно, что клинок ударил по каменной стене с дождем искр. Харуто едва замечал.

Тень мелькнула сверху, смех как тысяча колокольчиков, звенящих не в такт, задрожал на паутине. Харуто взмахнул мечом, и Гуану пришлось отшатнуться, чтобы дикий удар не попал по нему. Он врезался в Идо Кацуо, который отлетел в паутину на стене. Харуто сел на корточки, готовый прыгнуть к крыше, но Гуан опустил ладонь на плечо друга и остановил его.

— Слушай, старик, — тихо сказал ему Гуан. — Я хочу смерти этого монстра не меньше тебя, но ты не можешь просто убежать. Нельзя так разделяться. Этого она и хочет.

Насмешливый хохот звучал вокруг них.

— Трусливая маленькая муха, приди ко мне.

— Прошу, помогите, — Идо Кацуо дрожал. — Я застрял. Застрял! Помогите! Не бросайте меня! — Гуан оглянулся, парень все еще был приклеен к стене, спину и руку покрывали шелковые нити. Кира создала в ладони зеркальный кинжал и стала резать нити, удерживающие принца. Он извивался, хотя она пыталась остановить его. Когда она освободила его, он дышал быстро, глаза были дикими, как у паникующего зверя. Он посмотрел туда, откуда они пришли, но Кира поймала его за руку. Она прижала ладонь к его щеке и посмотрела ему в глаза. Гуан видел, как Янмей делала так с Кирой, и теперь девушка использовала уловку на другом. — Все хорошо, — сказала она. — Ты в безопасности. Ты в порядке.

Идо Кацуо моргнул и замотал головой.

— Прости, — сказал он. — Я, кхм, боюсь пауков. И паутины. И быть пойманным в паутину. Я уже жалею, что ты освободила меня из моей камеры.

Кира кивнула.

— И я. Но тогда ты был бы мертв, и жаловался бы Гуан.

— Я не жалею. Я ворчу, — сказал Гуан. — Есть разница.

— Хватит! — рявкнул Харуто. Он все еще стоял на развилке, смотрел в переулок справа. — Шевелитесь, — он ушел в переулок.

— Не отставайте, дети, — Гуан поспешил за ним. Он завернул за угол, увидел, как старик повернул налево на следующей развилке лабиринта. Гуан устремился туда, повернул налево. Впереди поднималась стена здания, и он проехал по снегу, тормозя, чтобы не врезаться в нее. Справа был еще один переулок, Харуто рубил паутину в дальнем конце. Гуан побежал за ним, игнорируя боль в коленях. — Помедленнее, старик, — резко сказал он. — Это гнев Тяна, не твой. Не давай ему управлять тобой.

— Думаешь, я этого не знаю? — рявкнул Харуто, повернувшись к Гуану с оскалом. Он с трудом управлял дыханием. — Я сдерживал бремя Тяна слишком долго, Гуан. Твой сын был на небесах слишком долго, — он покачал головой и зажал переносицу. — Если я не отправлю его в Оморецу в скором времени, он станет возвращаться на землю. Смертные души не могут так долго оставаться на небесах. Моя близость к йорогумо притягивает его.

Гуан сжал плечо Харуто.

— Думаешь, я не хочу ее смерти? Ради его спасения и моего отмщения? Давай найдем этого паука и раздавим!

Харуто моргнул и поднял голову.

— Где остальные?

Глава 54

— Мы заблудились, да? — проскулил Кацуо.

Они дошли до конца переулка, перед ними была каменная стена, тупик. Кира вздохнула и посмотрела туда, откуда они пришли. Переулок был длинным, усеянным ящиками, покрытыми снегом. Они прошли два узких переулка по бокам. Она думала, если они продолжат идти прямо, найдут со временем выход. Она ошиблась. Она проклинала того, кто строил монастырь.

— Да, — она прошла мимо Кацуо. Кира пошла обратно. — Мы заблудились. Харуто и Гуан, наверное, тоже. И самая большая проблема в том, что мы заблудились не вместе.

— Это, кхм, не очень успокаивает, — сказал Кацуо вблизи за ней.

— А лучше бы я врала?

Принц обдумал это.

— Да. Я предпочел бы милую уютную кровать сейчас.

Кира замерла на развилке и склонила голову, слушая. Откуда-то донесся голос.

— Что ж, — она все еще прислушивалась. — Мы заблудились. Но помогло бы, если бы кто-то помнил переулки, — это заткнуло принца на время. Кира решила, что голоса доносились не из этого переулка, поспешила к следующему. Она посмотрела на крыши. Паутина тут была гуще, серая, усыпанная снегом. Они могли забраться на крыши и найти путь, но там они быстро запутаются в паутине.

Кира замерла у входа в следующий переулок и слушала. Она снова услышала голос, в этот раз громче. Она не узнала его. Это вызвало воспоминания о ее времени в зеркале. Молодая женщина нашла ее зеркало в магазине антиквариата. Она была красивой, с длинными темными волосами, нежной кожей, карими глазами, полными улыбок и смеха. Кира показала ее страх, заставила ее смотреть, как ее отражение режет лицо ножом, вонзает иглы в ее язык. Женщина бросила зеркало, визжа, и убежала из магазина. И Кира снова была одна. Она покачала головой, чтобы прогнать воспоминание. Теперь она помнила, и воспоминания бросались на нее из-за вида, запахов или звуков. Это отвлекало.

— Быстрее, — она пошла, веря, что Кацуо последует за ней. Она побежала, взмахивая кинжалом на шелковые нити, висящие с крыш. Ее кинжал запутался в паутине, она пыталась вырвать его, но нож запутался сильнее. Она бросила кинжал там, создала новый в ладони. Переулок заканчивался маленькой площадью, куда выходили пять переулков. У стены старик без волос и с темными венами на лице и женщина с раздвоенным подбородком были приклеены к стене паутиной. Женщина металась, бормоча под нос, пытаясь вырваться. Мужчина не двигался. Кира была уверена, что темные вены подбирались по его щеке к глазу.

Женщина заметила Киру и Кацуо.

— Помогите! — закричала она. — Быстрее, пока паучиха не вернулась. Вытащите меня.

Кира подбежала к женщине, стала резать паутину маленьким кинжалом. Было трудно, шелк был прочным, как веревка. Женщина умоляла ее работать быстрее. Кацуо подошел к мужчине и потыкал его лицо пальцем. Он не пошевелился.

— Что с ним такое? — спросил принц.

— Паучиха укусила его, — сказала женщина. — Мы думали, что сможем их одолеть. Нас учили биться с такими монстрами, но... мы ошибались. Та штука опасна. Нужно

убираться отсюда.

Кира срезала достаточно паутины, чтобы освободить руку женщины. Она вручила ей кинжал.

— Продолжай с этой стороны. Я сделаю дыру для другой руки, — она сделала еще один кинжал в ладони и стала резать, потея, несмотря на холод.

— Думаю, он еще жив, — Кацуо склонился, сжал подбородок мужчины. Мужчина открыл глаза, вдохнул и завизжал. Кацуо отшатнулся и зажал руками уши.

Женщина скривилась, пока пилила кокон.

— Убейте его. Я уже видела, как один друг умер от этого. Его не спасти. Он уже мертв, и его крики привлекут паучиху.

Кира взглянула на кричащего мужчину, темные вены ползли по его щеке. Его глаз стал черным и лопнул, как раздавленный виноград, кровь и черная жижа потекли по его лицу. Кира бросила кинжал Кацуо и создала новый в ладони, чтобы дальше резать кокон женщины.

— Сделай это!

— Прости, — крикнул Кацуо визжащему мужчине. Он сжал кинжал, дрожа перед мужчиной, взглянул на Киру. — О, ладно, — он поменял хватку, поднял ладонь и вонзил кинжал в голову мужчины. Клинок вошел глубоко в его череп, и мужчина утих, его тело обмякло, поддерживаемое паутиной.

— Ох, — сказал хриплый голос сверху. Кира повернулась с кинжалом наготове. На крыше над ними сидела йорогумо Сифэнь. Ее пухлое тело легко отдыхало на паутине, ее лапы согнулись над плечами, трогали нити шелка. У нее были два новых глаза над и под тем, который выколола Кира, и они смотрели на нее, черные сферы отражали серое небо сверху. — Мне нравятся, когда они кричат.

— Я не умру, как он! — завизжала женщина. Кира не успела ее остановить, она ударила кинжалом Киры по своей шее. Кровь брызнула на кокон паутины и снег под их ногами. Она металась и повисла у земли, свисая с паутины, мертвая.

Кацуо потянул за кинжал в черепе мужчины, ругаясь, дергая голову трупа в стороны. Кинжал не поддавался. Он сдался и встал за Кирой. Она создала еще один кинжал, назвала его мысленно Пабу и вложила в его ладонь.

Сифэнь легко проскользнула через паутину, несмотря на свой размер, и спрыгнула на корточки на землю. Ее лапы трогали воздух, словно не могли замереть ни на миг. Три глаза на бледном лице двигались, глядя то на Киру, то на Кацуо.

— Кто из вас...

Кира не дала ей закончить. Она метнула кинжал в глаза Сифэнь. Кинжал замер на расстоянии ладони от черных глаз, повис за рукоять. Сифэнь протянула лапу над плечом и ткнула клинок.

— Это не повторится, сестренка, — прошипела Сифэнь. Она прижала лапы к кинжалу и резким движением разбила его, тысяча мерцающих кусочков повисла на паутине, как звезды. Кира поймала отражения в осколках и показала Сифэнь огонь вокруг нее, Дайзена в переулке, но Сифэнь игнорировала это. Она усмехнулась, щелкая клыками, словно цокала языком. — Твои детские трюки со светом не сработают на мне, сестренка. Я вижу больше, чем ты знаешь.

Кира отпрянула на шаг, врезалась в Кацуо за собой.

— Я ненавижу пауков, — прошептал он.

Сифэнь выпрямила ноги и покачнулась на человеческих ногах. Ее паучьи лапы не могли делать все сразу, и у нее было всего четыре лапы. Она не могла плести паутину и бегать одновременно. Это было слабостью, но Кира не знала, как ее использовать. Сифэнь сделала еще пару шагов к Кире и остановилась. Ее лапы потянули за паутину сверху.

— Я не обязана тебя убивать, сестренка, — она склонила голову. — Я хочу, ведь ты испортила мне глаз. Но мне нужно просто помешать тебе добраться до темницы раньше наших родственников. Может, я сплету тебе кокон, — она хлопнула человеческими ладонями. — Да, отличная идея. Я сплету тебе кокон, и ты сможешь смотреть, как твой друг медленно умирает. Интересно, какой он на вкус.

Кира медленно повернула голову и прошептала:

— Беги, — Кацуо сорвался с места. Она ожидала, что он будет спорить. Она повернулась и побежала за ним.

Сифэнь засмеялась за ней.

— О, да, бегите. Охота на вас — это так весело.

* * *

Харуто перестал рубить паутину и вытер пот со лба.

— Слышишь это? — спросил он.

Гуан перестал рыться в сумке и прищурился.

— Нет.

— Я вроде бы слышал крики, но голос пропал.

Старый поэт расхаживал. В узком переулке почти не было места на это, но он хотя бы пытался.

— Думаешь, это Кира и принц?

— Кира не из тех, кто кричит, — сказал Харуто, рубя паутину. Ему вскоре придется точить меч, если это продолжится.

— А принц?

Харуто задумался на миг.

— Понадеемся, что это не они.

— Да, понадеемся, что в опасности кто-то другой.

Харуто повернулся к другу и покачал головой. Они шли вслепую, охотились на онрё в лабиринте, укрытом паутиной. Он не мог спасти всех, особенно, монахов, которые хотели ему смерти. Он знал, что это была не его злость. Чувства Тяна проникали в него. Он носил бремя Тяна слишком долго. Тянь приближался к нему, пытался захватить его, и он мог не пережить это, хоть и был бессмертным.

— А огонь? — сказал Гуан. Он опустился на землю, застонав от боли, вытащил из сумки кусочек бумаги и кремень. — Готова, Шики?

Маленький дух выглянула из кимоно Харуто, ее жесткая шерсть щекотала его грудь. Она посмотрела на него, и он кивнул, и она спрыгнула на землю и прошла к Гуану, глядя на бумагу в его руке.

— Я высеку искру и подожгу бумагу, — медленно объяснил Гуан. — Тыхватишь огонь, и мы сожжем луковую паутину.

Шики свистнула.

— Что она сказала, старик?

— Она хочет знать, почему ты говоришь так медленно, — ответил Харуто сквозь зубы.

Гуан вздохнул.

— Редиска! — он ударил кремнем, искра прыгнула на бумагу. Еще пара ударов, и бумага стала гореть и чернеть. Шики с хлопком прыгнула в огонь. Огонь стал жарче, стал оранжевым, Шики радостно проглотила кусочек бумаги. Яркие глаза посмотрели на Гуана из огня. — Это всегда так пугает.

Шики затрещала.

— Она хочет знать, что теперь? — перевел Харуто.

— Сожги паутину, — сказал Гуан, указывая на паутину в переулке.

Шики полетела по воздуху, искры сыпались за ней. Она прыгнула в паутину с радостным трепетом. Нити задрожали, но они не горели. Шики прищурилась, огонь вспыхнул во все стороны. Но паутина не горела.

Харуто вздохнул.

— Плохая идея.

— Я хотя бы предложил идею, старик.

Харуто подавил ответ и скрипнул зубами.

— С дороги, Шики.

Маленький дух дрожала на паутине. Ее огонь трепетал, угасал. Она трещала, как влажная палочка благовоний.

— Что теперь? — спросил Гуан.

— Она прилипла, — сказал Харуто.

— Прилипла? Как огонь может прилипнуть к паутине?

Харуто горбился. Гнев всегда делал его утомленным. Шики металась в паутине. Ее треск становился громче и настойчивее.

— Просто покинь огонь, Шики!

Шики застыла с огромными глазами. А потом вылетела из огня и прыгнула к Харуто, ее тонкие ручки впились в его кимоно. Она поднялась на его плечо. Огонь угас, оставив черное пятнышко на шелковой паутине.

Харуто повернулся к Гуану.

— Есть еще гениальные идеи?

Старый поэт со стоном поднялся на ноги, пошатнулся и вернул равновесие. Он прижал ладонь к стене, чтобы не упасть, и потер колени.

— Холод — капуста!

— Ты всегда жалуешься на холод, — сказал Харуто.

Гуан ударил кулаком по стене.

— Мы в Ипии, — прорычал он. — Тут всегда холодно! — он ударил по стене во второй раз и перестал хмуриться. Он стукнул в третий раз. — Эй, старик, стены из дерева.

— И что?

— Может, стену сломать проще, чем резать паутину?

Харуто открыл рот для ответа и закрыл его. Он подбежал к стене, ударил ногой раз, другой, третий. Доска треснула и сломалась внутрь. Он вытащил куски доски и бросил их в переулок. А потом вытащил еще доску, сделал дыру, куда они могли пролезть, и заглянул внутрь. Там была комнатка с деревянной койкой и соломенным матрасом, а еще тумбочка с выдвигаемыми ящиками. Пол был чистым, кроме щепок от разбитых досок, на тумбочке стояла половинка свечи. Это был чей-то дом, но монахов не было видно. Харуто повернулся боком, придерживал ритуальные посохи, пока пролезал в брешь.

— Не все такие тощие, как ты, старик, — сказал Гуан.

Харуто вздохнул и выбил еще доску. Гуан уклонился, хотя она летела к его ноющим коленям.

— Прости, — буркнул Харуто. Гуан что-то буркнул, но Харуто не слушал.

Харуто прошел во вторую комнату домика. Шкаф стоял в углу, дверца была приоткрыта, несколько кимоно висели внутри. Из других вещей в комнате был только низкий столик на мягком зеленом ковре. Монахи жили без излишеств, или их дома были только для сна. Он открыл входную дверь в другом переулке. Паутина тянулась на крышах, но конец переулка был чистым. Скала должна была оставаться справа, им нужно было идти вперед.

Харуто повел их. Когда они заходили в тупик, они ломали деревянные здания. В конце концов, они добрались до дальней стороны плато и лестницы, ведущей на второй уровень.

— Думаешь, они поймут, как выйти? — спросил Гуан.

Харуто пожал плечами. Ему казалось, что йорогумо играла с ними, задерживая их. Изуми и Вестник Костей уже могли быть у могилы Орочи, и это означало, что у них было мало времени.

* * *

Тень мелькнула сверху, Кира метнула туда кинжал. Он застрял в паутине, и она услышала смех Сифэнь.

— Те же старые трюки. Слабая сестрénка.

Кацуо повернул направо в конце переулка и застыл так резко, что Кира чуть не врезалась в него. Путь вперед был перекрыт блестящими белыми нитями. Труп мужчины был опутан липким шелком, голова свисала, с лица капала темная жижа. Кацуо повернулся и побежал туда, откуда они пришли, задев Киру и чуть не сбив ее с ног. Кира поскользнулась на льду и уперлась ладонью в землю, ободрав кожу. Она игнорировала боль, вскочила и побежала за принцем. Она видела панику в его глазах, когда он пронесся мимо нее. Она хорошо знала этот взгляд. Он проиграл страху. Она много раз пугала людей так за время в зеркале, они переставали соображать от страха. Она отогнала воспоминания, закричала принцу, пока бежала:

— Кацуо!

Он не оглянулся, повернул направо на развилке и продолжил бежать.

Сифэнь прыгнула сверху, тень мелькнула, паутина дрожала.

— Ты идешь не туда, сестрénка.

Кира уже это поняла. Она видела, что за паутиной скала была слева. Они бежали к лестнице, ведущей вниз.

— Как ты остановишь брата, — оскалилась Сифэнь, — если не можешь до него добраться?

— О, умолкни!

Кацуо повернул налево и пропал. Кира следовала. Напыщенный принц быстро бегал. Он был уже в дальнем конце переулка.

— Кацуо, стой! Она гоняет нас, — если он ее слышал, он не подал виду. Он снова повернул налево. Кира бежала за ним, застыла, попав на еще одну маленькую площадь, где соединялись несколько переулков. Два человека висели на стене в паутине: мужчина с зеркальным кинжалом в черепе и женщина с перерезанным горлом. Сифэнь заставила их пробежать круг. — Нам нужно... — начала Кира и поняла, что была одна. Кацуо не было видно. Она заглянула по очереди в переулки, которые уходили от площади. Она не видела его там. Следы на снегу вели в одну сторону, но это были ее следы. Он пропал, и Кира

осталась одна с онрё.

Что-то рухнуло на пол в переулке за Кирой.

— Ой, — сказала Сифэнь приторным голосом. — Он тебя бросил. Бедняжка. Осталась одна.

Кира посмотрела на паучиху. Сифэнь стояла, сцепив ладони перед ртом. Она выглядела бы невинно, если бы не жуткие глаза и волосатые лапы, трогающие воздух, острые, как копыя, и ловкие, как хлыст.

— Они тебя бросят. Ты не как они. Они не смогут тебя терпеть, не поймут, чем ты стала, — она сделала шаг, две длинные лапы тянули за паутину над ней. — Они оттолкнут тебя, будут обзывать, — она рассмеялась, хохот звучал как ненастроенный гучжэн. — Они назовут тебя злой, монстром. Будут считать себя лучше тебя, — онрё сделала еще шаг вперед, и Кира увидела, как что-то двигалось за ней, ее кинжал поблёскивал в тени стены пагоды, двигался в ней. Пабу, кинжал, который она дала Кацуо. — Они не поймут, какой ты стала, — продолжила Сифэнь. — И попытаются тебя убить, сестрёнка. Они попытаются тебя убить, и теперь придется их съесть. Только так. И они довольно вкусные.

Кира отвела взгляд от сияющего кинжала за Сифэнь. Ей нужно было дать Кацуо время, она надеялась, что ему хватит смелости ударить по онрё сзади.

— Но не ты, — сказала Кира. — Ты не убьешь меня. Ты и другие онрё понимаете меня, да?

— Да, — Сифэнь кивнула, подбираясь ближе. Ее лапы уже почти могли ударить Киру. — Только мы можем тебя понять.

— Так я должна присоединиться к вам?

Сифэнь захихикала, открыла рот, чтобы Кира видела пушистые хелицеры и черные клыки.

— Ах, сестрёнка, это было бы мило, да? Но, думаешь, я позволила бы тебе уйти после того, как ты вонзила свой жалкий ножик в мой глаз? — она взревела и бросилась на Киру. Кира сжала человеческие ладони Сифэнь, ощутила боль в бедре от удара паучьей лапы. Сифэнь повернула запястья Киры, заставила ее упасть на колени. Она была слишком сильной. Кира едва могла держать ее ладони подальше от своего горла. Сифэнь подняла паучьи лапы над головой Киры. — Думаю, я начну, выколочу тебе глаз, — кончик ее лапы провел тонкую царапину на щеке Киры и замер над ее глазом.

Кинжал вспыхнул за онрё, Сифэнь завизжала, размахивая паучьими лапами. Онрё вскочила на человеческих ногах, повернулась и врезалась в Кацуо. Одна паучья лапа ударила Киру по лицу и отбросила ее в снег, она врезалась в стену. Она тряхнула головой, прогоняя точки перед глазами.

Сифэнь прижала принца к земле переулка, человеческие ладони сжали его плечи. Она пробила его бедро лапой, он закричал, кровь брызнула на снег. Она склонила голову и укусила его за шею.

Мир Киры сузился, она смотрела на толстую паучиху, придавившую Кацуо к земле, вонзившую клыки в его плоть. Она видела, как ее кинжал блестел в спине Сифэнь, между паучьими лапами, растущими из человеческой плоти. Это был ее кинжал. Она создала его. У нее была связь с ним. Она назвала его Пабу. Мир вернулся, Кира стояла за Сифэнь, сжимая рукоять. Что-то разбилось за ней, картинка, которую она оставила после себя, но не было времени раздираться. Она повернула кинжал в спине Сифэнь и вырвала его с черными брызгами. Сифэнь закричала, вытащила клыки из шеи Кацуо, повернулась к Кире. Кира

вонзила кинжал в правый глаз паучихи.

Сифэнь завизжала и отшатнулась. Ее лапа ударила Киру по плечу и оттолкнула, но Кира удержалась на ногах и попятилась. Сифэнь размахивала лапами, терзала лицо ладонями. Кинжал Киры, Пабу, еще торчал в ее глазу. Кира одной мыслью разбила кинжал. Тысячи осколков наполнили кровоточащую рану, вонзились в лицо Сифэнь. Паучиха шаталась, вопила, кровь капала на снег. Она подняла лапы, впилась в паутину над ними и поднялась на крышу пагоды, пропал из виду, ее вой утих вдали.

Кира согнулась, уперев ладони в ноги, тяжело дыша, грохот сердца заглушил другие звуки. Щеку жгло от пореза, кровь капала с ее щеки и подбородка. Она прижала рукав кимоно к ране, чтобы замедлить кровотечение, и побежала к Кацуо. Он извивался на земле, руки и ноги содрогались. Кира проехала на коленях рядом с ним, сжала его ладонь, пытаясь держать его на месте. Его глаза крутились в глазницах. Он сжал ее ладонь так сильно, что ее кости хрустели, он бил другим кулаком по земле. Темные вены тянулись от раны на его шее, поднимались по подбородку и спускались к ладони. Он сжал челюсти так сильно, что зубы хрустели, а потом открыл рот и закричал. Она держала его за руку, не зная, что делать. Она не могла спасти его, не дать яду Сифэнь течь по его венам. Она была беспомощна. Слезы мешали видеть, она сжимала его руку и смотрела, как яд сжирает его заживо.

Темные вены добрались до его губ, они потеряли цвет. Он престал кричать, чернильная кровь потекла из его рта. Огромные глаза посмотрели в ее на миг, и он кивнул ей, а потом снова содрогнулся и закричал. Кровь брызнула из его рта. Кира убрала руку от него и создала кинжал. Она подняла его над грудью Кацуо, сморгнула слезы и попыталась снова посмотреть в его глаза, но он был не в себе. Она склонилась, надавила весом на кинжал и вонзила в его сердце.

Безумное дыхание Кацуо утихло. Его лицо расслабилось, тело замерло под ней.

Кира отпустила кинжал, сжала его ладонь снова. Она сидела на коленях рядом с ним, онемев. Она хотела бушевать, бежать, кричать, сражаться. Онрё, которые звали себя семьей, забрали у нее еще одного друга. Сначала Янмей, теперь Кацуо. Она заставит свою семью заплатить. Они все должны были умереть.

Кира вытерла глаза и медленно встала, глядя на принца. Какая-то ее часть надеялась, что он сядет, что это все шутка. Она тряхнула головой от своей глупости. Он был мертв и не вернется. У нее не было времени хоронить его тело. Она не могла помочь ему молитвами. Она могла теперь дать Кацуо только месть.

Глава 55

Гуан был так рад покинуть первый уровень, что почти прыгал по ступеням, ведущим на второй, хотя колени болели. В лабиринте переулков с паутиной и смехом паучихи он ощущал себя хуже, чем с ранами живота. Они ждали какое-то время у лестницы, глядя на здания на первом плато. Дома, мастерские и склады собрались так, что между ними почти не осталось

места. Они не видели Киру или принца. Порой откуда-то доносился крик, но он звучал со странным эхом, как вой волка в долине. Харуто видел пару раз тень паучихи на крышах, но они не могли добраться до нее, и она всегда пропадала в лабиринте. Они уже не могли ждать. Если йорогумо была тут, то и Вестник Костей был, им нужно было помешать ему освободить дракона. Они не могли тратить время на йорогумо.

— Она догонит, — Харуто повернулся и стал перешагивать по две ступени за шаг. Гуан не знал, говорил он о Кире или йорогумо, но поспешил за другом.

Воздух на втором плато был холоднее. В переулках он был ледяным, но тут холод в воздухе кусал Гуана за лицо. Дыхание вылетало перед ним, пар замерзал и оседал на бороде, холод проникал под одежду, мороза его кожу и пронзая позвоночник.

Второе плато было куда меньше первого, но было покрыто большими участками черных перьев. Гуан и Харуто замерли на краю площади, полной следов ног на снегу, вокруг стояли пять больших зданий, додзе, где монахи обучались боевым искусствам, на каждом был свой символ, вырезанный на дереве над дверью. Гуан смотрел на подрагивающую тьму, ворон поднял голову из кишачей массы, клюв был в крови. У птицы не было глаз, только шрамы на их месте.

— Это мрачно, — сказал Гуан. Его мутило от вида. Тут были тысячи птиц, собрались группами вокруг куч трупов.

— Они тут, — прорычал Харуто. Хищный тон в его голосе напугал Гуана, и он невольно отпрянул от старого друга.

Они пошли вперед, темный силуэт поднялся по склону справа от них с первого плато. Йорогумо была в сотне шагов от них. Она пошатнулась, держась за лицо, а потом понюхала воздух и посмотрела на них. Ее правый глаз истекал жижей, в нем блестели осколки стекла.

— Ты умрешь тут! — взревел Харуто, вытащил катану и пошел вперед.

Йорогумо попятилась, хохоча.

— Еще нет, оммедзи, — сказала она. — Мне нужно сначала еще больше сократить ваши ряды, — она прыгнула в воздух с нитью шелка, пролетела над крышами додзе и попала на склон скалы слева от них, поднялась и пропала на третьем плато. Харуто зарычал и пошел дальше, брел по лодыжки в снегу, еще сжимая катану в кулаке. Гуан поспешил за ним.

Вороны хором завопили и взлетели, туча черных крыльев. Гуан побледнел от вида, который они оставили. Сотни трупов валялись кровавыми кучами на площади. В некоторых местах были три-четыре слоя тел, в других одинокие трупы лежали в красных лужах на белом снегу.

— Как думаешь, что она имела в виду под сокращением рядов еще больше? — спросил Гуан.

Харуто оглянулся, скалясь. Он покачал головой, развернулся и зашагал.

Одна из дверей додзе гремела на ветру, и Харуто с Гуаном замерли и смотрели на нее. Харуто выдохнул с шипением сквозь зубы, злобно хмурясь. Гуан переживал за него. Старик нес бремя Тяна слишком долго. Если Харуто не убьет вскоре паучиху, дух сына Гуана вернется с небес и захватит своего друга, и он потеряет их обоих.

— Посмотри на оружие, — Харуто указал на трупы вокруг них.

Гуан огляделся, ругая себя за то, как пропустил это. Некоторые тела были разорваны, руки, ноги и головы валялись отдельно. Другие были пронзены копьями или мечами, избиты кулаками или дубинами. Но одно было ясно: йорогумо не убивала этих монахов, они убили друг друга.

— Это сделал Вестник Костей, — сказал Гуан. — Заставил их напасть друг на друга. Это он делает во всех историях. Сеет безумие, устраивает войны. Настраивает брата против брата.

Харуто медленно кивнул. Шики свистнула. Дверь додзе сдвинулась, и Харуто повернул голову. Крупная женщина в одежде монаха стояла там, заполнила дверной проем. Она сжимала копьё в каждой руке, кровавый символ был вырезан на ее лбу. Такой же символ был над дверью додзе. Она вышла из додзе, дюжина монахов вырвалась за ней, все были вооружены и с тем же символом, вырезанным на их истекающих кровью лбах.

Еще одна дверь додзе открылась, больше вооруженных монахов с символами выбежали, но на лбах этих воинов был другой символ. Они махали оружием, кричали требования и оскорбления монахам из других додзе. Третья дверь открылась, четвертая и последняя. Сотни монахов выбежали во двор, кричали о ненависти.

— За меня! — прорычал Харуто, встав перед Гуаном. Первый монах добрался до них — худой старик, кровь стекала со лба по носу. Он взмахнул дико саблей из Нэш. Харуто шагнул в сторону и рассёк мужчину от паха до шеи катаной. Мужчина упал на землю, извиваясь, кровь лилась на снег.

— Ты видел его глаза? — спросил Гуан.

Харуто не ответил. Женщина с двумя копьями напала на него. Ее глаза метались, как у птицы. Она закричала и сделала выпад в сторону Харуто. Он уклонился и пригнулся, но она ударила древком другого копья по его плечу, сбила его на землю. Харуто охнул и попытался откатиться, но крупная женщина вонзила копьё в его плечо и прибила его к земле. Она подняла другое копьё и пробила грудь Харуто. Он застонал, кашлял кровью на кимоно. Женщина отошла, подняла кулаки и взревела в вопле победы. Харуто стиснул зубы, вытащил копьё из плеча и сел. Женщина смотрела на него, склонив голову, а потом пнула Харуто в лицо, сбила его.

Женщина снова подняла руки, но вопль победы оборвался, копьё пробило ее горло с брызгами крови. Она пошатнулась, сжала древко копья, а потом рухнула, проливая кровь на снег.

Харуто вытащил копьё из груди, Гуан помог ему встать. Он схватил свою катану, и они смотрели на бой на маленькой площади. Воины не наступали рядами, никто не отдавал приказы. Монахи били монахов в хаосе. Гуан смотрел, как бородатый монах с топором убил женщину с нагинатой и другим символом на ее лбу. Толстый монах пронзил бородатого копьем. Местами сражение было яростным, кровавым и быстрым. В других местах монахи обменивались ударами, не сдвигаясь. Гуан и Харуто стояли на краю, пока раны Харуто заживали. К сожалению, ступени на третий уровень были посреди боя. Им нужно было или ждать, пока монахи убьют друг друга, надеясь, что Вестник Костей не спешил воскрешать Орочи, или идти в бой и пытаться пробиться.

— Опять медлим, — прорычал Харуто. Он повернулся к Гуану, скалясь. — Мне надоело медлить. Или не отставай, или убеги и спрячься, — он пошел вперед с катаной в руке, направился к бою.

Харуто отрубил руку худого монаха раньше, чем многие его заметили. Рука упала на примятый снег, мужчина, которому она до этого принадлежала, взвыл и отшатнулся, кровь лилась из обрубка. Харуто обошел летящее копьё, разбил древко локтем, ударил катаной по шее женщины, отдернул руку с мечом и пошел дальше в бой. Гуан следовал.

Старый монах прыгнул перед Харуто с кинжалом в руке. Харуто запнулся об

отрубленную ногу трупа и получил удар по груди, который убил бы другого. Харуто поймал запястье старика, повернул его до хруста костей, ударил мужчину в живот катаной. Старик упал, держась за живот. Гуан шел вплотную за Харуто, кривясь от резни и запаха крови и внутренностей. Гуан был не просто ошеломлен тем, что монахи убивали друг друга в странном боевом запале, но его потрясло участие Харуто. Старик всегда старался спасти людей, не вредить им. Но тут он сам вступил в резню... это был не он. Не мог быть. Это был Тянь, но даже это было предательством духа его сына. Тянь ненавидел бессмысленные убийства, потому Гуан и мальчик рассорились годы назад. Его друг и дух его сына так смешались, что это пронзало сердце Гуана ржавыми кинжалами.

Женщина с кровью на лице отпрянула в Гуана, и он пошатнулся. Она повернулась с дао наготове, чтобы разрезать его пополам. Гуан отмахнулся от меча рукой, другой рукой толкнул женщину в грудь. Она отлетела, споткнулась об безголовый труп и упала. Харуто повернулся и прыгнул на нее, вонзил катану ей в грудь.

— Не отставай! — прорычал он, направился к лестнице.

Гуан хотел крикнуть другу, что не обязательно было убивать женщину, но времени не было. Она все равно умерла бы. Все из-за Вестника Костей и его техники, которая свела монахов с ума. Тэнгу, демон, создавал хаос и смерть, он мог питаться этим, становиться сильнее, пока люди монастыря убивали друг друга.

Харуто принял удар копьем в живот. Он схватился за древко и повернул тело, лишив воина с копьем равновесия, притянув женщину ближе. Он оставил на ее груди два широких пореза, и она упала, умерла до того, как рухнула на землю. Гуан пригнулся, катана пролетела над его головой, он оттолкнул меч ладонью. Монах взревел и прыгнул на него. Харуто сделал выпад катаной над плечом Гуана, пронзил глаз монаха. Монах пошатнулся, держась за кровавый глаз, упал на колени. Харуто обошел Гуана и пнул монаха. Он толкнул Гуана к лестнице.

— Шевелись, старый дурак!

Гуан запнулся носком об первую ступень и взвыл от боли, шипя названия всех овощей, которые ел. Харуто стряхнул кровь с катаны, стал шагать по лестнице, минуя по две ступеньки за раз. Гуан оглянулся на бой монахов, убивающих друг друга. Это было ужасно, но Гуан знал, что это было лишь началом. Если они не остановят Вестника Костей, эта бойня станет пустяком по сравнению с тем, что устроит Орочи.

Глава 56

Гнев Харуто был весом на его плечах, давил, делая его шариком, желающим взорваться. Он делал каждый шаг быстрее, почти бежал. Гуан с трудом поднимался за ним, пытаясь, со стонами. Урчание в животе Гуана действовало Харуто на нервы, он скрипел зубами, чтобы не ругать старого друга. Проклятая бойня монахов помешала ему добраться до йорогумо, отомстить. Он сделает ее мертвой, разорванной, с головой на копье. А потом он нападет на Вестника Костей и посмотрит, насколько сложно было убить тэнгу.

Шики с дрожью засвистела на его плече, и он хмуро посмотрел на нее.

— Тихо! — рявкнул он. Маленький дух вздрогнула и чуть не упала с его плеча.

На вершине лестницы он замер на миг, осмотрел третье плато. Там было почти пусто, плоскую землю покрывал снег высотой до лодыжек. В дальнем конце возвышался большой храм, бросая длинную серую тень на белый простор. Дверь храма висла на петле, и старый монах лежал на крыльце, мертвый. В центре плато стояла огромная сакура, которую монахи как-то заставили цвести в холодную погоду. Глупая попытка отогнать злых духов. Розовые лепестки цеплялись за ветки, многие лежали на снегу. Толстые нити паутины свисали с ветвей. Харуто увидел движение среди цветов. Он сжал меч, рук дрожали.

Йорогумо медленно спустилась на толстой нити, плюхнулась на снег, согнув человеческие ноги, паучьи лапы трогали воздух. Темная кровь сочилась из плоти на месте правого глаза, два левых глаза — над и под первым шрамом — были темными и бездонными.

Харуто шагнул к онрё, нога провалилась в снег, ладонь замерла над рукоятью катаны. Он ощутил ладонь Гуана на своем плече. Поэт покачал головой и указал на другие ступени в камни, они вели к последнему плато. К темнице Орочи.

— Она — только отвлечение, старик, — сказал Гуан. — Она хочет задержать нас, чтобы ее мастер успел освободить дракона.

— Тогда мне нужно быстро с ней разобраться, — прорычал Харуто, сжимая челюсти до боли в мышцах.

— Она хитрая, — сказал Гуан. — Подумай. Ты бьёшься на ее земле. Она успела подготовиться. Тебе нужно идти. Сейчас.

— Я не могу бросить ее за нами, — сказал Харуто. — Она ударит со спины, — он

разминал шею, пытаясь прогнать напряжение.

— Знаю...

Что-то сверкнуло в угасающем свете слева от них. Кинжал прилетел с плато ниже. Он замер в воздухе на миг, а потом появилась Кира, сжимая нож в ладони. Она упала на снег плато, покачнувшись на краю утеса и наклонилась подальше от пропасти.

Йорогумо зашипела на нее.

— Впечатляет, девчушка, — сказал Гуан.

Кира прошла к ним, хмурясь, глаза были красными и опухшими. Рана на ее щеке выглядела как мазок кистью, красные чернила капали с ее подбородка.

— Я поняла технику, которой меня учила Янмей. Она звала это шагом сквозь мир.

— Где принц? — спросил Гуан.

Кожа вокруг глаз Кира потемнела, но треска стекла не было. Она повернулась и хмуро посмотрела на йорогумо.

— Она убила его, — сказала тихо Кира.

Йорогумо рассмеялась и скрылась за стволом дерева.

— Последний из Идо умер в криках? Или ты спасла его от страданий, сестра?

Кира зарычала и метнула кинжал в онрё. Он попал в едва заметные шелковые нити, свисающие с дерева. Кира создала другой кинжал. Харуто кивнул ей.

— Иди влево, а я — вправо. Ударим вместе, и она не сможет сбежать.

Кира поджала губы. Тьма вокруг ее глаз стала почти черной, но ее глаза были ясными.

— Ее яд убивает. Не попадись.

Гуан вздохнул.

— Хватит! — он указал на ступени, ведущие к четвертому плато. — Идите, оба. Не дайте им освободить Орочи. Это мой бой, — он издал невеселый смешок. — Так и должно было случиться.

Харуто смотрел на заснеженную землю, мотая головой.

— Гуан...

— Ты еще не понял, старик? — рявкнул Гуан, сверля его взглядом. — Ты не можешь защищать нас все время. Ты не можешь все время биться за других. Твое луковое бессмертие не поможет во всех боях, и ты не можешь этим укрывать нас. Это мой бой. Тянь был моим сыном. Моим! Я всю жизнь подводил его. Я не подведу его теперь. Если я не сделал больше ничего для него, я помогу ему упокоиться. Любой ценой.

— Твои клятвы...

— Не смей сомневаться в моей решимости, — взревел Гуан. — Не ты, старик. Только не ты.

Харуто выдержал взгляд друга, увидел там решимость. Гуан вел не гнев или ненависть, а сострадание. Но этого было мало против онрё. Шики тихо прошептала. Харуто знал, что его победили. Когда Шики и Гуан соглашались, ему нужно было признать, что они были правы.

— Что она сказала? — спросил Гуан.

Харуто опустил ладонь на плечо Гуана.

— Сказала: не смей умирать!

Гуан печально улыбнулся.

— И не планирую, маленькая редиска.

Харуто похлопал Гуана по плечу и пошел к ступеням, ведущим к четвертому плато.

Кира пошла за ним, но замерла перед Гуаном.

— Она убила Кацуо.

Гуан хмыкнул.

— Я сделаю так, чтобы у него не было причины вернуться.

Кира кивнула и обняла старого поэта. Он обнял ее в ответ, и она отодвинулась и побежала за Харуто.

— О, нет, — йорогумо заскулила. — Не уходи, оммедзи. Я хочу, чтобы моя еда была вызовом.

Харуто замер и хмуро посмотрел на паучиху.

— Ты не знаешь, с кем столкнешься, — он подавил гнев и напряженно улыбнулся. — Бой со мной был бы простым, — он повернулся и продолжил подниматься. Он надеялся, что не ошибся, что не бросал друга умирать, но ему нужно было довериться Гуану. Ему нужно было верить, что старый поэт знал, что делал, ради его сына. И у Харуто был свой бой. Он пошел по последней лестнице, Кира была в паре шагов за ним.

* * *

Гуан смотрел, как Харуто и Кира поднимались к четвертому плато, следя за йорогумо. Она не двигалась. Она пряталась за деревом, человеческая ладонь прижималась к стволу, паучьи лапы трогали воздух, плели шелковую паутину. Она точно оставила ловушки на плато. Ему нужно быть осторожным.

Харуто и Кира пропали из виду, и он немного расслабился. Он мог сделать то, что нужно было, не переживая о том, что увидят его друзья. Он пошел к дереву, хрустя снегом, повернул сумку и полез в нее.

— Я думал, ты будешь расторопнее, ёкай, — сказал Гуан, задел свитки клятв ладонью. Он отдернулся от них, словно они обжигали. Обычно они утешали, но теперь... он носил их так долго, свитки и бремя клятв на душе.

Паучиха склонила голову и смотрела на него нечеловеческими глазами.

— Думаешь, я тут, чтобы остановить тебя? — она рассмеялась, царапая кору дерева острыми ногтями. — Глупая муха. Моей работой было сократить количество. Оммедзи не был моей добычей.

Гуан замер и взглянул на ступени, ведущие к четвертому плато. Если паучиха говорила правду, то Вестник Костей знал, что они шли. Это была ловушка. И они в нее не просто вошли, а вбежали. Ему нужно было предупредить Харуто.

— Думаешь убежать, мушка? — сказала йорогумо, скрываясь за стволом. — Вверх по ступеням, чтобы предупредить друзей? Думаешь, ты справишься? Это долгий путь, и спина будет открыта.

Гуан знал, что не сможет. С его коленями подъем будет медленным. Паучиха поднимется по склону и поймает его с легкостью. Нет, лучше было одолеть ее тут. Не дать ей присоединиться к атаке на Харуто и Киру.

Гуан продолжил медленно идти к сакуре. Снег был по лодыжки, усеянный розовыми лепестками. У нее было преимущество. Это было ее логово. Он полез в сумку, вытащил свиток бумаги и поднял его в паре шагов от дерева. Среди цветов вишни и паутины он не видел йорогумо, но был уверен, что она вдела его.

— Ты знаешь, что это? — спросил Гуан. Ответом было молчание. Он развернул свиток и посмотрел на слова там, подпись его кровью. — Это моя первая клятва, — продолжил Гуан. — Я принял эту клятву и три других годы назад. Это мое обещание быть лучше. Ради

моего сына, я пообещал не быть монстром, каким был раньше, — он смотрел на дерево с укором. Онрё была где-то там. — Ты убила моего сына! — взревел он. — Из-за тебя он вернулся ёкаем и не может упокоиться. Как я могу быть лучше, если позволяю ему оставаться полным ненависти? Он никогда таким не был. Я был таким, но не он. Я отдал это за него. За своего сына... За Тяна я снова все отдам! — он медленно выдохнул, готовя себя к тому, что должен был сделать. — Я стану монстром в последний раз.

Паучиха рассмеялась за сакурой или среди паутины на ветках.

— Твой сын умер в муках. Я помню ту мушку. Как он кричал. Его кровь была как сладкие сливы на вкус. Может, и твоя такая.

Гуан скрипнул зубами и взял клятву обеими руками.

— Моя первая клятва. Больше не брать в руки оружие, — он порвал свиток надвое. Его клятвы были не просто обещаниями, они были замками, каждый висел на его ци, физический барьер и духовный. Та ци вернулась к нему потоком, прогнавшим холод, усталость и боли возраста. Снег и лепестки поднялись вокруг него, кружились от его энергии. Он ощущал себя моложе, сильнее, гнев бушевал в его крови рекой.

Паучиха медленно отвернулась от дерева и опустилась на землю на человеческие ноги. Ее паучьи лапы двигались на сотне шелковых нитей.

— И все, мушка? Я ожидала больше.

Гуан полез в сумку и вытащил полоску бумаги и чернила. Он опустил кисть в чернила и начертил одно слово на бумаге: дао. Бумага сложилась и стала мечом, чуть изогнутым, одна сторона была острой. Он сунул чернильницу в сумку и сжал рукоять дао обеими руками. Он был с таким мечом в юности. Было приятно снова держать оружие. Это ощущалось правильно. И он ненавидел эту правильность.

Гуан хмуро смотрел на паучиху, приближаясь.

— Это за тебя, Тян.

Глава 57

Гуан побежал, взмахнул рукой, плохо подражая приемам, которые когда-то знал. Он давно не делал этого, и это замедляло его движения, суставы болели. Он издал боевой клич, который раньше вдохновлял его и бандитов, которые шли за ним, но даже это звучало постарому. В нескольких шагах от дерева его нога за что-то зацепилась, и он упал на четвереньки. Что-то потянуло его ногу вверх, и он закричал. Паучиха хихикала, все еще была у ствола, тянула за нить шелка человеческими руками. Она подняла Гуана за ногу к спутанным липким нитям. Он размахивал бумажным дао, его край был острым, как сталь, рассекал шелк. Гуан упал на заснеженную землю. Йорогумо шагнула к нему на человеческих ногах.

Гуан вскочил, взмахнул дао, бросил снег в лицо паучихи. Он ударил по ней мечом, но она остановила атаку паучьей лапой со звоном металла по фарфору. Она оттолкнула его меч,

ударил его по бедру лапой. Боль пронзила Гуана, он отшатнулся, ударяя мечом по ее лапам с обеих сторон.

Он не мог с ней сравниться. Она была сильнее и быстрее. Он был вялым, двигался криво, а она была быстро. У нее были четыре острые лапы и полный рот клыков, о которых он не хотел думать. Он хотел бы свою старую керамическую броню, хоть она была во вмятинах, трещинах и крови. Это было лучше, чем биться в потрепанных штанах и плаще.

Йорогумо потянула за нить лапой, и бумажный меч Гуана дернулся в сторону. Он повернул меч, клинок рассек паутину, но йорогумо уже напала. Она направила к нему лапу, пробила дыру в его плаще. Он поднял меч, чтобы отбить другую атаку, но лапа проехала по клинку и ударила его по голове, оттолкнула его и оставила порез на лбу. Кровь полилась в его глаза и рот, он закричал. Он сплюнул металлический вкус с губ, остановил еще одну лапу и надавил на нее бумажным мечом. Паучья лапа йорогумо гнулась под его дао, она отшатнулась, но отыскивала опору и ударила по нему двумя лапами. Он попытался отскочить, но она вонзила лапу в его бедро над коленом, кровь потекла по его ноге под штанами.

Гуан упал на колени, паучиха прыгнула на него, ударяя тремя лапами. Он прокатился по снегу, оставляя кровавые пятна, вскочил, взмахивая бумажным мечом. Клинок пронзил человеческую ладонь йорогумо, рассекая плоть и ломая кость. Она завизжала, отбежала, прижимая к себе руку, скрылась за деревом. Ее всхлипы были музыкой для ушей Гуана, он рассмеялся, поднимаясь на ноги, хрустя коленями, опираясь на меч.

— Все начинает ко мне возвращаться, — сказал Гуан, тяжело дыша. Когда он так потерял форму? Он размял плечи и сделал выпады ногами. Кровь капала с него на снег. Если он не добьет ее вскоре, йорогумо просто дождетя, пока он упадет. Она все еще пряталась за сакурой, крича от боли и баюкая пострадавшую ладонь. — Что, уродливый лучок, не можешь исцеляться как твой друг Шин? Думаю, теперь мы знаем, кто самый слабый онрё.

Дерево задрожало, розовые лепестки и снег сыпались вокруг Гуана. Он отпрянул и поднял меч. Паучиха перестала рыдать, но он нигде ее не видел. А потом она спрыгнула с веток за ним, две лапы устремились к нему. Он отбил одну, но другая вонзилась глубоко в его бок. Он закричал и ударил клинком, пытаясь отрубить ее ногу, но край попал по прочной паучьей лапе, и меч застыл. Йорогумо дернулась вперед, ударила всеми паучьими лапами. Гуан повернулся, лапа в его боку вырвалась с брызгами крови. Он пригнулся под другими ее лапами, взмахнул мечом в сторону ее живота. Бумажный меч застыл, клинок был в дюймах от ее плоти. Он потянул за рукоять, но меч не двигался. Он запутался в коконе блестящей паутины. Она потянула на нить оставшейся человеческой ладонью. Меч вылетел из его ладони и проехал по снегу. Она прыгнула на него.

Лапа стукнула его по плечу. Он пытался кричать, но ее ладони сжали его лицо, она прижала его голову к стволу дерева. Краем глаза он видел, как ее рот открылся, блестящие черные клыки подрагивали за ее губами. Гуан поднял левую руку, чтобы остановить ее, и она погрузила клыки в его руку.

Боль была такой сильной, что он не мог даже кричать. Ему конец. Он не мог двигаться под ней, а ее яд убивал. Он не справился, и Тянь с Харуто пострадают из-за этого.

Йорогумо подвинулась, вытащила клыки из его плоти и отступила. Гуан застонал, вставая на ноги, ощущая все уставшее старое тело. Он стоял, шатаясь, агония парализовала его руку. Он сдвинул рукав плаща, черные вены тянулись от двух ран к его ладони.

Онрё захихикала.

— Кричи, мушка. Кричи и кричи, пока не умрешь!

Четвертое плато было самым маленьким. На вершине лестницы был выступ в скале. Деревянная хижина стояла в дальнем конце между обрывом с одной стороны и скалой с другой. Большие двойные двери были приоткрыты, пещера за ними вела в скалу. Снег тут лежал почти по колено, и следы вели от лестницы к двери, рядом была сажа, серая из-за слоя свежего снега. Тэнгу и Изуми уже были внутри. Харуто нужно было поспешить.

Кира укуталась в плащ сильнее, обошла Харуто, устремилась к двери. Тут дул ветер, снег слетал с вершины скалы в сотне футов выше, бил их по лицам. Они пошли по следам Вестника Костей к пещере. Кира шагала поверх снега, Харуто брел сквозь сугробы. Двери были вырезаны — история в картинках о Вековом Клинке и героях, победивших короля драконов. Может, там было послание, подсказка, как совершить невозможный подвиг, но у них не было времени изучать рисунки, и Харуто не мог на них сосредоточиться, когда враги были так близко. Кира прошла в брешь между дверями, и Харуто последовал.

После воющего ветра и снегопада снаружи в пещере было почти уютно. Камень вокруг приглушал ветер, приятное тепло ощущалось как воздух на кухне, нагретый печью. Пещера была огромной, в пять раз выше Харуто, шириной в шесть телег. На стенах висели железные лампы, озаряющие пространство. Харуто ощущал в воздухе запах крови, видел на полу вдали темные силуэты. Монахи, защищавшие темницу. Кира взглянула на него, и он пожал плечами.

— Не отходи, — прошептал он.

Они шли бок о бок, напряженные и готовые. Харуто держал катану одной рукой. Шики ехала на его плече, щебетала ему постоянно. Она всегда докучала ему, когда боялась, и она была в ужасе. Он не отвечал ей, но тайно был благодарен маленькому духу за болтовню. Это придавало ему смелости.

Первое тело, на которое они наткнулись, было с пятнами сажи на лице. Глаза были огромными, шея — разорвана его же руками. Это была грязная работа Изуми. Она задушила мужчину дымом, как сама задохнулась века назад. Это было в природе онрё и всех ёкаев — они всегда передавали свою боль другим. Харуто взглянул на Киру.

Харуто услышал дыхание в воздухе, низкое и медленное, громкое, будто от великана. Кира тоже услышала это и потянула Харуто за рукав.

— Они уже это сделали? — прошептала она. — Орочи свободен?

Харуто задумался. Когда онрё освободили Секирю, дракон вырвался из Небесной Лощины, разгромив камни и тех, кто стоял на пути. Свобода Орочи точно принесла бы еще больше разрушений. Харуто пожал плечами.

— Можно узнать только одним образом, — они пошли глубже в пещеру.

Пещера вскоре стала ещё просторнее, тянулась во тьму. Пол, стены и потолок были вырезаны из скалы. Колонны с факелами тянулись от пола до потолка, и весь зал был увешан длинными красными знаменами, висящими от потолка почти до пола. Трупы монахов валялись всюду. Это было нужное место. Многие монахи выглядели так, словно они разрубили друг друга на куски, другие были разорваны или лежали в пятнах темной сажи, и запах крови пропитал воздух. Слева в дальнем конце пещеры, в бреши между висящими знаменами, был огромный круглый рельеф с языком, который Харуто не узнавал. Большая статуя дракона стояла по бокам рельефа, а ниже сидел мужчина в пернатом плаще и с тэнгай на голове. Харуто все-таки встретил Вестника Костей.

— Ты вовремя явился, — сказал Вестник Костей. Он не двигался, но под бамбуковым

ведром на голове явно смотрел на него.

Харуто огляделся, искал Изуми, но ее не было ни следа. Но она могла быть где угодно, прятаться за висящими знаменами. Он постучал Киру по плечу и указал направо от Вестника Костей. Она кивнула и скользнула за красную ткань. Харуто кивнул Шики. Маленький дух пожал плечами. Он кивнул ей и поднял катану. Она прыгнула в меч, клинок стал алым.

— Должен тебе похлопать, сестренка, — продолжил Вестник Костей, повернув тэнгай. Кира застыла посреди шага, словно прикованная к месту, смотрела на тэнгу. — Ты сдержала свою часть уговора и доставила оммедзи, как и обежала.

— Что? — сказала Кира. — Я... я не... — она покачала головой и посмотрела на Харуто. — Нет. Это была не я. Это ложь... — Харуто обошел знамя с золотой вышивкой, взглянул на Киру, а потом на тэнгу.

Вестник Костей подвинулся и встал, высокий и широкий, как медведь. Его плащ был мириадами черных перьев, которые путали взгляд. Его ладони были тонкими и морщинистыми, каждый палец заканчивался темным когтем. И под тэнгаем глаза кружились красками, Харуто не все мог даже назвать. Глядя в те глаза, Харуто ощущал, как в нем закипает жажда крови, желание затеряться в жестокости боя. Он взглянул на Киру и ощутил желание ударить ее, пока она не напала на него. Конечно, она работала против него. Одна из онрё. Его враг.

— Она убедительна, да? — сказал тэнгу. Он широко раскрыл руки, и Харуто увидел на его бедре черную катану с зубцами. — Я долго этого ждал, Ночная Песнь.

Он знал старое имя Харуто. Откуда...

— Я не знала, Харуто, — завопила Кира, шагая к нему, сдвинув в сторону знамя. Онс закружилось. — Он врет.

— Умолкни! — крикнул Харуто. Ярость гремела в его ушах. Кира предала его. Она была все это время одной из онрё, шпионила за ними и вела их. Но это было неправильно. Янмей умерла, чтобы защитить их, защитить Киру. Кира не стала бы работать с монстром, убившим ее мать. Да?

— У тебя тут нет друзей, Ночная Песнь, — сказал Вестник Костей, впиваясь в глаза Харуто взглядом. Его глаза были зелеными, потом желтыми, потом золотыми. Вихрь в глазах сводил с ума, топил его. — Никаких союзников. Никакой надежды. Ты уже проиграл. Ты всегда проигрывал. Ты такой, всегда таким был. Поражением.

Слова тэнгу кричали в его голове. Уродливая правда. Гнев поглощал его, кипел в нем. Это был не его гнев, но он не мог отделить себя от него. Шики свистела, но он не мог понять ее слова. Кира шла к нему, поднимая ладони, готовая ударить его в спину. Она тоже говорила. Все говорили, какофония слов ничего не означала. Харуто закрыл глаза, пытаясь скрыться от безумия в газах тэнгу и очистить голову, но Тянь ждал его во тьме, искаженное лицо рычало и требовало мести.

Харуто снова открыл глаза. Кира стояла перед ним, тянулась к нему. Она могла мгновенно создать кинжал в ладони. Харуто отшатнулся на шаг, поднял катану и ударил по ее шее.

Глава 58

Гуан кряхтел, развернул сумку и порылся в ней. Его меч лежал в снегу, промокший от его крови.

— Знаешь, — сказал он, кривясь, агония пульсировала в его венах. — Я не всегда был поэтом. Я был бандитом, и у меня была чудесная репутация бандита, — укушенная рука содрогнулась, пальцы дергались. Он вытащил еще один свиток. — Это моя четвертая клятва: больше не использовать мою технику, — он порвал свиток пополам, кусочки улетели на землю. Поток ци хлынул в него, река грозила вырваться из берегов. Его кровь кипела, старая техника, которая долгое время была заперта, просила, чтобы ее использовали снова.

Йорогумо была готова прыгнуть от дерева.

— Ты создал меч своей техникой.

Гуан выдавил смешок сквозь боль.

— То была простая техника, глупый лук! — он опустил правую ладонь на укус на руке, сосредоточился на яде в себе. — Раньше, — процедил он, вытягивая из руки отравленную кровь, — меня знали как Кровавого Танцора, — он вытащил всю зараженную кровь из руки и создал с помощью своей техники алое копьё. — Я дам тебе подсказку о своей технике, — он расставил ноги и бросил копьё в йорогумо.

Паучиха закричала и отскочила. Копьё пронеслось мимо нее и вонзилось в землю, разбилось и забрызгало снег. Гуан вытянул еще кровь из тела, она лилась по его ладоням из дюжины порезов. Он создал из нее алый дао. А потом закрыл своей техникой раны, заставляя кровь засохнуть. Сделав это, он встал, держа дао, тяжело дыша от усилий. Когда-то было просто так управлять кровью, но теперь она будто сопротивлялась. Возраст или годы без техники замедлили его.

Гуан повернул кровавый меч в руке, напоминая себе его ощущение. Все вернулось, как любая зависимость: вес, баланс, приятное продолжение руки. Техника кипела в его венах, пульсировала с его сердцем. Сила его ци, всегда такой мощной, но не постоянной. Ци Киры была бушующей рекой, текущей всегда, но у Гуана ци была как потоп, который сметал все на своем пути, а потом отступал, оставляя только руины.

Онрё сжималась за деревом, смотрела на него нечеловеческими глазами, паучьи лапы задевали друг друга голодно. Ее четыре оружия против его одного были проблемой. Гуан решил, что ему нужно было что-то сделать с этим.

Он побежал, колени болели, но ци не давала ему упасть. Йорогумо завопила и схватилась за нить паутины сверху, но Гуан ударил кровавым дао. Он звякнул об ее лапу. Он развернулся и ударил снова, но и этот удар отлетел от бронированной лапы. Она подняла нижние лапы и ударила по нему, но Гуан отпрянул, кружась среди снега, кровь капала с его клинка на землю. Он снова напал, направил дао к ее выпирающему животу, остановил лапу, сделал финт, повернулся направо и махнул мечом в сторону ее горла. Кровавый меч снова попал по бронированной лапе, оставляя только след крови Гуана на ее волосатом экзоскелете. Гуан снова отпрянул, кружась, ствол дерева теперь был между ними. Кровь капала с его меча, оставляя след на снегу. Он едва мог удерживать меч, давно не практиковался.

Паучиха ударила лапой по веткам, цветок опустился к Гуану. Он отскочил, взмахнул

мечом и рассек шелковые нити, которые летели к нему. Он начинал понимать, как она работала, предпочитая уловки и ловушки прямому бою, всегда пытаясь обездвигнуть врага.

Он обошел дерево, направляясь к ней, меч оставлял кровавую линию в снегу. Он взмахнул мечом, но она отскочила. Он следовал, крутя меч, ударил снова справа. Она остановила удар. Он повернул налево, сделал выпад к ее животу. Кровавый клинок скользнул по лапе, зацепил сустав, и она зашипела и отступила за дерево.

Гуан сделал выпад мечом рядом с деревом, паучиха отдернулась, он повернулся к другой стороне дерева, меч описал кровавую дугу. Паучиха ударила лапой и остановила его, и Гуан шагнул к ней, вонзил меч в сустав ее лапы. Она ударила другой лапой по его плечу. Боль вспыхнула в его левой руке, но кровавый меч отсек ее лапу. Йорогумо завизжала и отпрянула, сжала лапы вокруг себя, обрубок лапы дергался. Гуан пошатнулся и схватился за дерево, оставил кровавый отпечаток ладони на серой коре. Он тяжело дышал, ему было холодно, кружилась голова от потери крови, но на это не было времени. Он сморгнул белые точки перед глазами, увидел, как паучиха прыгнула на него, рыча. Она рухнула на него всем весом, придавила его к стволу дерева, сжала его горло человеческими ладонями, целой и искалеченной. Она сжала его шею, ударила всеми лапами, пронзая его руки, ноги и грудь. Ослепительная боль взорвалась в нем. Кровь текла из ран, несмотря на его технику и ци, пытающихся остановить поток. Он не мог дышать, ладони сдавили шею.

Он не помнил, как упал, но был на коленях в снегу, затылок был прижат к грубой коре сакуры. Онрё ударила лапой по его лицу, промазала и срезала кусочек его уха. Он не мог дышать, ему было все равно. Он не умрет так. Он не умрет, не отомстив за сына. Не освободив Харуто от бремени Тяна.

Гуан сжал горло паучихи одной ладонью, ее плоть была мягкой и влажной в его хватке. Он уперся ногой в снег, вскочил, поднимая паучиху над землей, хотя ее лапы вонзились в его грудь, бок и спину. Он вонзил кровавый меч в живот йорогумо. Черная кровь пролилась на снег за ней, она завизжала. Ее лапы содрогались, сжимались. Она отпустила его шею, схватилась за меч в животе человеческими ладонями. Гуан отбросил ее, оставив меч торчать из ее живота. Она прокатилась по снегу, отползая от него.

Гуан отвернулся от йорогумо, прошел к сакуре, хромая, кровь тянулась за ним. Он полез кровавой ладонью в сумку за третьей клятвой. Левая нога подкосилась, и он упал на колени, крича от боли. За ним йорогумо перестала кричать, и он услышал хруст шагов по снегу. Он оглянулся, она протягивала к нему окровавленные лапы.

Он повернулся к ней и закричал:

— Кровавая Роцца! — и вся кровь, которую он пролил на снег, поднялась роццей кровавых шипов, тонких, как иглы. Они пронзили грудь, живот и человеческие ноги онрё, остановив ее. Гуан мрачно улыбнулся. — Не ты одна можешь устраивать ловушки, ёкай.

Йорогумо визжала и извивалась, шипы царапали ее кожу, резали плоть, черная жижа капала на снег, но она не умирала. Она не могла умереть от его рук.

— Прости, — визжала она. — Больно! Прощу, отпусти меня! Не убивай, прошу! Ты больше меня не увидишь.

Гуан нашел свиток и вытащил из сумки. Он смотрел на него миг, потом развернул, оставляя на нем кровавые отпечатки пальцев.

— Это моя третья клятва, — сказал он. — Самая важная. Никогда не забирать жизнь, — он медленно выдохнул, пытаясь унять дрожь в руках. — За Тяна! — он порвал клятву надвое кровавыми ладонями.

Новая сила пульсировала в нем, больше ци возвращалось к нему, обрушилось на него, река вырвалась из берегов и сметала все на пути. Снег двигался вокруг него, его сбивали круги энергии, которые он отвык сдерживать. Он поднялся и вытянул руку. Кровь текла из его ран, закружилась в воздухе и стала новым кровавым дао. Он сжал меч обеими руками, одним ударом отрубил голову йорогумо. Ее тело обмякло на шипах из крови, отрубленная голова покатила по снегу. Черные паучьи глаза смотрели безжизненно на ветки сакуры.

Гуан выронил дао и пошатнулся, прижал ладонь к стволу дерева, опустился на колени рядом с отрубленной головой. Поток утихал, река становилась тонким ручьем. Он так устал. Так замерз. Он потерял слишком много крови, едва мог закрыть раны своей техникой. Он был покрыт ранами в сотне разных мест, но это было не важно. Он сделал это. Он убил монстра, который убил его сына. Тянь мог теперь двигаться дальше, его душа уже не была привязана к небесам или земле. Он мог переродиться не как ёкай, а как человек.

Гуан смотрел на участки неба между веток с розовыми цветами.

— Готово, сын, — сказал Гуан. — Прости, что так долго. Прости.

Вишневый цветок падал, и он смотрел, как цветок кружится на ветру. За ним вдали были ступени, ведущие к четвертому плато. Где-то там Харуто и Кира шли в ловушку. Он должен был предупредить их, помочь им. Он попытался встать, но ноги не двигались. Не было сил. Его ци бушевала в нем бурей, но так же быстро угасла, оставив его замерзшим, уставшим и старым.

— Вставай, старый дурак, — упрекнул он себя. Было бы куда проще закрыть глаза и немного отдохнуть, хотя бы пару минут, пока не хватит сил снова встать. Он понял, что все было темным. Его глаза были закрытыми, но он не помнил, как закрыл их. Его лицо было мокрым, кровь высыхала. Струйка крови текла из пореза на брови на щеку. Все в нем болело. Он вызвал последние капли воли и сил и открыл глаза.

Снег падал на плато сильнее, чем раньше. Сакура укрывала его от худшего, но метель завывала. Он с трудом видел за снегопадом каменные ступени. Они были так далеко.

— Может... — он вздохнул и прислонился к стволу дерева. — Может, когда я отдохну. Немного, — он закрыл глаза.

* * *

Харуто ощущал, как Тянь пропал, как дыхание на ветру. Яд, жажда мести пропали с ним, оставив Харуто дрожащим. Он остановил меч на расстоянии пальца от шеи Киры. Она не пыталась остановить его или уклониться, а стояла и смотрела в его глаза, чуть не погибла.

— Это была не я, Харуто, — сказала Кира. — Я никогда так не поступила бы с тобой.

Харуто выдохнул с дрожью и убрал катану от ее шеи. Тянь пропал. Он будто тонул, вода окружила его, душила и заглушала мир, сокрушая его. Но теперь это пропало. Он пробил поверхность и мог дышать. Он тонул неделями, но теперь снова был на суше.

Кира глядела на него, глаза были огромными и честными. Он улыбнулся ей, повернул лицо к тэнгу, посмотрел в его жуткие глаза, но гипноз уже не задевал его.

— Твоя паучиха мертва, Вестник Костей, — сказал Харуто.

— Я к тебе не присоединюсь! — закричала Кира, встав рядом с Харуто.

Харуто усмехнулся.

— Похоже, у тебя кончаются приспешники.

Вестник Костей молчал пару секунд. Харуто вдел, как кружащиеся глаза под тэнгаем посмотрели на него, потом на Киру. Он вздохнул.

— Как жаль. Ворона.

Харуто услышал шорох ткани за ними, оглянулся. Белый плащ с дымом полетел вокруг знамени и опустился на каменный пол у входа в пещеру. В глубинах капюшона Харуто увидел очертания острого носа и подбородка. Дым развеялся под ней, щупальца тянулись по земле, как змеи, ползущие к ним.

— Ты можешь одолеть Ворону? — спросила Кира.

— Что?

Кира повернулась к нему. Ее глаза были яркими, кожа вокруг них стала темной.

— Мне нужно, чтобы ты разобрался с Вороной.

Харуто перевел взгляд с Вестника Костей на Изуми, она была уже ближе между знаменами. Они не могли одолеть обоих одновременно.

— Ты будешь биться с Вестником Костей одна?

Кира яростно кивнула.

— Я говорила на Кладбище Мечей, — ее голос дрожал. — Вестник Костей послал Дайзена убить Янмей. Я убью Вестника Костей.

— Ты не можешь биться с ним одна. Он — тэнгу.

Глаза Киры сверкали, как угли.

— Смотри сам, — она повернулась к Вестнику Костей, шагнула вперед и метнула в него зеркальный кинжал.

Тэнгу отклонился беспечно, и кинжал пролетел мимо.

— Тебе нужно попытаться лучше...

— Момо, — шепнула она. Кира разбилась и упала на землю миллионом сияющих осколков зеркала. Вестник Костей дернулся вперед. Кира стояла за ним, уже сжимала другой кинжал в руке.

Глава 59

Оммедзи отвернулся от Мастера и новой сестренки. Девушка выбрала не тот путь, человеческий путь. Мастер убьет ее. Жаль, но это не волновало Ворону. Ее работой было остановить оммедзи, поймать его, чтобы с его помощью освободить дракона. Они почти исполнили желания Мастера — уничтожить смертных, которые убили их и преследовали их. Пора было онрё, ёкаям и всем духам занять свое место на земле.

Оммедзи пожал плечами и улыбнулся Вороне... а потом побежал к ней. Ворона подняла щупальца из дыма, но оммедзи уклонился, обогнул одно из знамен и направился к выходу. Это была уловка. Она не даст ему запутать ее. Ворона развернулась, поймала щупальцем ногу оммедзи и остановила его. Он с криком рухнул на землю, ухватился за знамя и сорвал его, оно упало вокруг него. Ворона потянула его щупальцем. Порез на его щеке кровоточил, но уже заживал, плоть соединялась.

— Почему ты это делаешь, Изуми? — спросил оммедзи. Он встал и высвободил ногу из хватки ее дыма.

— Это не мое имя! — прошипела Ворона. Она бросила в него копье из дыма, и он прыгнул в сторону, рассек ее дым алым мечом и шагнул за висящее знамя. Боль пронзила Ворону. Она закричала и устремилась к нему. Почему она могла ощущать боль рядом с этим оммедзи? Она подняла обрезанный дым и посмотрела на него. Он не восстанавливался. Щупальце просто пропало. Работа его духовного меча. Она ненавидела его. Ненавидела его за боль, за то, что он уничтожал их, за то, что как-то раскрывал, кем она была. Она ненавидела его за то, что чувствовала снова что-то.

Оммедзи прошел мимо висящего знамени, смотрел на нее, сжимая обеими руками алый

меч, а потом скользнул за другое алое знамя.

— Что ты со мной сделал? — прорычала она, махнув обрубком щупальца. Она бросилась к нему на облаке дыма, сорвала знамя, чтобы добраться до него. — Что ты сделал?

Оммедзи медленно пятился, держа перед собой алый меч.

— Я тоже не понимаю, Изуми.

— Я — Ворона! — завизжала она. Она бросила в него три клинка из дыма. Он откатился, развернул меч и отсек еще одно ее щупальце. Она взвыла от боли. Она обвила хлыстом из дыма его руку, другим щупальцем ударила его в бок, как ножом. Оммедзи охнул и посмотрел на нее, кривясь. Он повернул меч, отсек хлыст вокруг его руки, тем же ударом погрузил алый клинок в нож в его боку. Ворона зашипела и отпрянула от него. Боль была... мучительной, но у нее было много дыма. Она была безграничной, но он отрезал ее кусочки, и она будто теряла частички себя.

Оммедзи побежал прочь от нее, и она побежала за ним. На ногах. У нее были ноги! Она отогнала шок, ударила копьем из дыма, пронзила его спину, копьё вырвалось из груди с брызгами крови. Это должно было сразу же убить его, но оммедзи только закричал и попытался бежать дальше. Ворона потащила его к себе, подняла над землей и встряхнула, дым двигался внутри него, она пыталась вытащить его внутренности. Оммедзи как-то извернулся, поменял хватку на мече и обрубил копьё за спиной. Он упал на ноги, встал на упавшем знамени. Он повернулся к ней. Рана на его груди уже заживала, но он тяжело дышал, держался за ее рукой, сжимая меч в другой руке. Он смотрел на нее почти с жалостью.

— Хватит так на меня смотреть, — закричала она.

— Тебя звали Изуми, — сказал оммедзи, его голос пронзал ее уши иглами. Он переложил меч в другую руку и вытащил посох из-за спины. Новое оружие, но она не дала ему времени использовать его. Она полетела к нему, взмахнув десятью хлыстами из дыма. Даже если он разрежет половину, ей хватит хлыстов, чтобы порвать его. Он отскочил, отбил один посохом, вонзал металлический посох в камень и оставил его там.

Оммедзи вытащил еще посох из-за спины.

— Ты родилась в Кодачи.

Ворона завизжала.

* * *

Кира отпрянула, оставив Момо торчать в спине тэнгу, создала в ладони новый кинжал, Блэр. Она бросила его на землю за Вестником Костей. Он повернулся к ней, вырывая Момо из спины. Он сжал кинжал в ладони с когтями. Кира приказала Момо разбиться, осыпать Вестника Костей зеркальными осколками. Она вызвала в правую ладонь новый кинжал, Джиджи.

— Блэр, — прошептала она и шагнула сквозь мир, оставив картинку себя. Вестник Костей ударил ладонью с когтями по ее картинке, и она разбилась на тысячу мерцающих осколков. Кира появилась за тэнгу, сжимая рукоять Блэр, вонзила кинжал в его бедро сзади. — Джиджи, — шепнула она и снова шагнула сквозь мир, появилась опять за тэнгу, хотя он повернулся и разбил еще одну ее копию.

Кира создала еще один кинжал в ладони, Луну, бросила его над головой тэнгу и устремилась вперед, чтобы ударить его, но он повернулся и пнул ее в грудь. Джиджи выпал из ладони Киры, она рухнула на землю. Она вскочила на ноги, кривясь от боли в ребрах.

— Блэр, — прошептала она, снова шагнула сквозь мир. Ее картинка задержалась на миг

и разбилась, этого хватило, чтобы отвлечь Вестника. Она появилась за ним, вырвала Блэр из его бедра и вонзила кинжал сквозь пернатый плащ под руку, целясь в сердце. Вестник Костей взревел от боли и ударил локтем, попал по лицу Киры, и она отлетела. Он вырвал кинжал из бока, бросил его на каменный пол пещеры.

— У тебя был шанс стать одной из нас, Кира, — сказал Вестник Костей, бросился к ней. Он замахнулся когтями на ее лицо. Кира отвернулась, но его когти задела ее плечо, порвали плащ, кимоно и плоть со вспышкой боли. — Ты могла быть сестрой, а не врагом!

— Блэр, — шепнула Кеира. Она появилась, сжимая рукоять ножа, который тэнгу бросил, метнула кинжал в Вестника, пока он разбивал картинку, которую она оставила после себя. Кинжал вонзился в его плечо сзади. Кира создала Пабу в одной ладони, а Мару — в другой. Она бросила оба на пол. — Джиджи, — Кира появилась перед тэнгу, стояла среди осколков своей картинке. Он тянулся к кинжалу в плече, Кира вонзила Джиджи в его живот. Он махнул ладонью с когтями в сторону ее головы, но она снова пропала. Она появилась, выдернула Блэр из его плеча и отскочила, бросила кинжал над его головой. Она приземлилась на ноги и отшатнулась на пару шагов. Гуан говорил, что у нее было много ци, но она начала уставать, новая техника брала много сил. Ей нужно было добить тэнгу, пока она не исчерпала запас ци.

Вестник Костей повернулся, взглянул на ее кинжалы. Он рассмеялся.

— Это милый трюк, Кира, но это не победа.

Кири создала Хаятэ и Хин в руках, бросила их, сделала еще одних Момо и Луну в ладонях. Она тяжело дышала, пот капал в глаза. Ее руки дрожали. Она метнула Момо по каменному полу, оставила Луну в руке. Ловушка была установлена, оставалось, чтобы Вестник Костей шагнул в нее.

Кири посмотрела в его глаза, увидела смерть. Ее смерть. Смерть Харуто. Смерти тысяч миллионов смертных из-за гнева дракона и войны тэнгу. Она видела правду, которую он скрыл ото всех, даже от своих союзников. Он не хотел просто освободить духа из темницы. Это было его заданием, приказом от тех, кому он служил в аду. Он должен был принести разрушение в мир. Пошатнуть хрупкое равновесие между небесами и землей.

Кири ощутила когти на шее, они подняли ее над землей, сжали горло и пронзили кожу. Он показал ей видение, чтобы отвлечь. И она повелась. Она не могла дышать, не могла бежать. Она попалась, не могла говорить, даже использовать технику.

Вестник Костей сдавил ее шею сильнее, остатки воздуха обжигали грудь. Кири думала, что ее шея сломается, ощущала, как ее глаза выпучились, лицо немело. Он притянул ее ближе, его переливающиеся глаза проглотили ее.

— Ты — разочарование.

Кири не могла дышать. Зрение тускнело по краям. Она царапала его ладонь, но ее пальцы были слабыми. Даже боль в шее стала далекой. Она теряла сознание. Она проигрывала. Она пыталась вдохнуть, открыла рот. В отчаянии она ударила Вестника Костей по лицу... и промазала, едва задела тэнгай и сбила с его головы. Он смотрел на нее с презрением, лицо было сморщенным, нос — крючковатым. Лицо демона.

* * *

Харуто отбил копьё из дыма четвертым посохом и вонзил в камень за собой.

— Ты любила смотреть на насекомых, — крикнул он, вытаскивая из-за спины посох Дерева. — На одном из наших полей был муравейник, и ты не давала работникам выкопать его, потому что любила сидеть и смотреть, как муравьи спешат по делам, носят листья,

личинок и мертвых жуков в дом на крохотных спинах. Их рисунки были по всему дому.

Изуми закричала снова и ударила по нему, но ее дым редел, рассеивался. Он пригнулся под серым клинком и ударил ее посохом, попал по плащу и сбил ее. А потом отпрянул и вонзил посох в землю, завершая барьер... не вокруг Изуми, а вокруг себя.

— Я именую тебя Исо Изуми, — закричал он.

Она бросилась, десятки щупалец из дыма появились из ее плаща, окружили его. Они врезались в барьер его посохов и отлетели в нее. Она бросилась на него, ударилась об барьер и отлетела, дым рассеивался. Она завизжала, снова напала на барьер, но это только разгоняло дым по пещере. Она завизжала:

— Это не мое имя. Не мое имя! — и ударила щупальцами по барьеру.

Харуто стоял за барьером, дым рассеивался вокруг него. Он хорошо защищал оммедзи, но не будет держаться долго. Уже немного дыма пробралось у посоха воды, словно лоза поползла по земле, желай поймать его. Шики чирикнула из алого клинка. Харуто поднял меч и посмотрел на него.

— Да, она сильна, — сказал он. Шики свистнула снова. — Знаю. То, что в том плаще... Это еще она. Еще Изуми. Я не могу... — еще свист, и Харуто вздохнул. Он не хотел этого делать, но заключил сделку с Оморецу века назад. Бессмертие, чтобы найти призрак жены и предложить ей покой, которого ее лишили.

Изуми все била по его барьеру. Почти весь ее дым отлетал, но уже достаточно проникло, щекотало кожу Харуто, проникало в нос, сушило горло. Вскоре барьер рухнет. Он посмотрел мимо нее. В бою с Изуми он забыл о Кире. В брешь между знаменами он увидел что Вестник Костей схватил Киру за шею и поднял над землей, выжимал из нее жизнь. Кира слабо ударила его по лицу и промазала, сбила шляпу тэнгу, обмякла в его хватке. Харуто смотрел на лицо тэнгу, крючковатый нос, острый подбородок. Он узнал мужчину, знал, что ярость, горящая в нем, принадлежала не Тяну.

— ТОШИНАКА! — взревел он.

* * *

Тэнгу повернул голову и посмотрел на Харуто, его хватка чуть ослабла. Кира с хрипом вдохнула.

— Момо, — прошептала она. Кинжал забрал ее из хватки тэнгу, она появилась с ним в дрожащей ладони. Картинка разбилась в хватке тэнгу. Она пошатнулась на пару шагов, рухнула на колени у каменной колонны, хватая ртом воздух.

Харуто что-то кричал. Она оглянулась на Вестника Костей. Он стоял среди ее кинжалов, там, где она хотела. Она глубоко вдохнула и метнула Момо в него. Кинжал вонзился глубоко в его бок, над бедром. Он схватил кинжал, ожидая, что Кира появится, сжимая его, но она сказала кинжалу разбиться, и он осыпал Вестника осколками. Она создала нового Момо в ладони, подбросила в воздух над Вестником Костей и прошептала его имя. Она появилась над ним, сжимая кинжал. Он поднял ладонь и ударил по ее ноге когтями.

Она видела сверху все свои кинжалы, слышала гул мелодий ци, соединяющих ее с ними. Она направила себя в семь сразу, на миг оказалась в семи местах, каждый был ее отражением, вонзающим кинжал в Вестника Костей. Семь смертельных ударов попали, как один, разделяя кожу, пронзая плоть, разрывая органы. Тэнгу охнул и рухнул на колени, кровь брызнула из его рта.

Кира не могла понять, какая она была настоящей. Она застыла в семи пересекающихся

картинках, а потом разбилась на миллион осколков и осталась лишь одна. Она стояла перед тэнгу, упавшем на колени, создала еще одного Момо в ладони, вонзила в его горло. Кровь полилась на ее ладонь. Она поменяла хватку и вырвала кинжал из его шеи.

Вестник Костей взревел и вскочил на ноги, плащ развевался, как крылья. Воющий ветер появился из ниоткуда и оттолкнул Киру. Она пролетела сквозь висящее знамя, рухнула на землю, врезавшись в колонну. Точки плясали перед глазами, она щурилась, глядя на Вестника Костей. Она поняла, что он был не в плаще из перьев, это были его крылья. Он широко раскрыл их, словно стервятник слетел с насеста.

— Мне надоело, — рявкнул Вестник Костей, кровь лилась из раны на шее на его грудь. — Умри! — он махнул крыльями на Киру. Она сжалась в комок, закрывая лицо, дюжина острых перьев полетела к ней, вонзилась в ее руки, ноги и каменную колонну за ней.

* * *

Харуто смотрел, как Кира сжалась в комок, острые перья Тошинаки попали по ней, оставляя раны на руках и ногах, вонзаясь в плоть. Он должен был как-то помочь ей, но не мог, пока Изуми пыталась его убить. Ее дым обретал облик, поднимался ладонями, рвал невидимый барьер. Она просунула ладонь в брешь, схватила его кимоно, и он ударил Шики. Изуми завизжала, ладонь из дыма рассеялась. Шики свистнула. Она была права. Они не могли остановить Тошинаку и спасти Киру. Ему нужно было убить Изуми.

Шики свистнула снова, и Харуто увидел, как Кира пошевелилась. Она уперла окровавленную ладонь в камень, медленно поднялась, шатаясь. Ее глаза были темнее, чем раньше, зрачки пропали, белки было почти не видно среди тьмы.

— Ты убил Янмей! — закричала Кира.

— Кого? — сказал Тошинака.

— Ты послал Дайзена за нами, — продолжила Кира, голос разбивался на каждом слове. — Ты убил Янмей. И я отомщу за нее, — она глубоко вдохнула и завизжала. — Клянусь, я убью тебя! — она разбилась. Перья Тошинаки упали на пол среди миллиона осколков. Она оказалась за ним, вонзила кинжал в его спину. Тошинака повернулся, сделал пару шагов, вытащил черный зубчатый меч и остановил клинок Киры. Они замерли на миг, рыча друг на друга, кровь текла у обоих из множества ран.

Ладонь из дыма сжала шею Харуто. Он отвернулся от Киры и Тошинаки, ударил по ладони. Ему нужно было довериться Кире. Если она сможет отвлечь Тошинаку, может, он справится. Может, Изуми не нужно было умирать сейчас.

— Ты знаешь, как ты умерла, Ворона? — крикнул Харуто дыму, бьющему по барьеру.

— Я была убита, — рявкнула она.

Харуто кивнул.

— Ты знаешь, *кто* убил тебя?

Она молчала, царапала щупальцами барьер, пытаясь найти вход.

— Тебя звали Исо Изуми. Ты была кузиной императора. Ты любила искусство и насекомых, думала, что я был лучше, чем на самом деле, — Харуто скрипнул зубами и вытер слезы рукавом. Он думал, что горе по Изуми угасло, и он не помнил, как оно ощущалось, но она была тут, и боль терзала его сердце. — Тошинака Хейру убил тебя, чтобы ранить меня. Он бросил меня раненым, но живым, и сжег наш дом с тобой в нем, потому что ненавидел меня.

Ворона смотрела на него, дым скрылся под плащом. Она хмурилась, и между глазами

была та же морщинка. Он хорошо ее помнил. Он дразнил ее, что у нее будут морщины раньше времени. Ей это не нравилось, и она шлепала его, когда он так говорил, но всегда улыбалась. Но то лицо пропало, осталось воспоминание в развевающемся дыму.

— Существо, за которым ты следуешь, — рявкнул Харуто. — Которого ты хочешь «мастером». Это не онрё. Он — тэнгу, демон, и когда-то его звали Тошинака Хейру, — Харуто указал на Киру и Тошинаку, бьющихся кинжалом и мечом. — *Он* убил тебя, Ворона. Ты хочешь отомстить смертному, который убил тебя. Вот он. Он уже не смертный, но вот он! Ты путешествовала с ним, помогала ему, убивала для него, — Харуто шагнул к ней, Шики громко чирикнула. Он игнорировал ее, миновал свой барьер. Ворона смотрела на него, дым полз по земле к нему, приближался снизу и сверху. Харуто держал Шики в руке. Он мог вонзить клинок в ее тело. Он мог все закончить, но не стал. Он прошел мимо нее, игнорируя дым, извивающийся у его ног. Дым не схватил его. Ворона не двигалась. Она застыла, все еще хмурясь.

Харуто медленно пошел к Тошинаке. Вестник Костей поднял руки, ветер окружил его, поднял шесть перьев с земли, и они летали вокруг него. Кира бросила в него кинжал, но ветер подхватил его и завертел с перьями. Кира отшатнулась. Кровь капала с ее пальцев, стекала струйками из пореза над глазом. Она исцелялась быстрее смертной, но недостаточно быстро.

— Тошинака, — позвал Харуто, шагая к нему. Вестник Костей посмотрел на него с уродливой улыбкой на жутком лице. — Пора нам закончить это.

Глава 60

Кира отшатнулась и чуть не рухнула. Она увидела острое перо, торчащее из ее ноги. Боль ударила через миг, и она закричала, вырвала перо и отбросила. Еще одно перо вылетело из крыльев тэнгу к ней. Она прыгнула в сторону, и перо вонзилось в каменистый пол за ней. Он уже не смотрел на нее, все его внимание было приковано к Харуто. После всего, что сделала Кира, после всех нанесённых ран она не смогла его одолеть. Она даже не могла отвлечь его. Она поклялась, что отомстит за Янмей, но это было ей не по силам. Вестник Костей был слишком сильным, умелым, и он понял ее технику. И теперь он закончил с ней. Он игнорировал ее из-за опасности крупнее. Кира сплюнула кровь на каменный пол и оглянулась на Ворону. Харуто оставил онрё застывшей на месте, дым бесцельно покачивался вокруг нее, сажа пачкала землю под ней. Харуто подошел к Вестнику Костей, встал перед ним, сжимая рукоять Шики.

Харуто хмуро глядел на тэнгу. Он прорычал:

— Какого бога ты разозлил, раз получил такое проклятие, Тошинака?

Вестник Костей рассмеялся.

— Всех, — ветер вокруг него усилился, тянул за крылья, вырвал пару перьев. Знамена в пещере крутились, путались. Некоторые упали на землю, другие хлопали красной тканью. — Не всем дают все, чего мы хотим, Ночная Песнь. Не всем подают мир на блюде, потому что ты родился под правильной звездой. Ты жил с привилегиями, а я жертвовал всем, чего хотел. Ты не знаешь, сколько я страдал, чтобы стать...

— Все та же история, Тошинака, — Харуто потрянул головой. — Ты всегда винил меня во всем, что у меня было. Всегда винил меня в том, что ты переживал. Ты винил меня в своей жизни, а я даже не знал, кто ты. И это почему-то моя вина?

Улыбка медленно проступила на уродливом лице Вестника Костей.

— Ты узнал, кем я был, когда я побил тебя. Когда я все забрал у тебя.

— Да, — сказал Харуто. Он бросился, направил Шики в сердце тэнгу. Тошинака остановил удар черным клинком, вызвав дождь искр, они улетели в торнадо вокруг него. Перья летали с ветром Тошинаки, задевали руки и ноги Харуто, но он игнорировал их, взмахнул Шики в сторону паха тэнгу. Тошинака остановил алый клинок еще раз, отпрянул на шаг. Харуто следовал за ним с бурей ударов, но Вестник Костей отражал их черным клинком. Ветер трепал кимоно Харуто, расплел его косу, но он давил на огромного тэнгу. Он замахнулся на голову Тошинаки, остановил удар, шагнул в сторону и сделал выпад к его ноге, остановил удар, развернулся и ударил по его телу, снова остановил атаку. Тошинака тяжело дышал, кривился и отступал. Харуто вышел из кружащегося ветра, вытащил из руки острые перья. Его раны закрылись. Кира заметила пару щербинок на красном клинке Шики.

Вестник Костей зарычал.

— Хоть ты получил бессмертие, Ночная Песнь. Мне не так повезло. Мне пришлось отдать все, что у меня было, чтобы получить это.

Харуто вырвал перо из ноги и вытер кровь об кимоно.

— Ты сделал это с собой? Сколько клятв ты нарушил?

— Все! — взревел Тошинака. — Все данные клятвы я сам нарушил. Кого бы ни нужно было убить, что бы ни нужно было делать, я их нарушил. Я совершал ужасные поступки, даже боги меня заметили, — он снова уродливо улыбнулся, морща крючковатый нос. — Они дали мне проклятие, подходящее моим поступкам. Сам Бату вырвал из меня человечность и бросил меня в ад, — он широко раскрыл крылья, перья трепетали от его ветра. — И я выбрался оттуда.

Харуто покачал головой.

— Ты сделал себя демоном назло мне? Что я тебе сделал, Тошинака? Чем я заслужил такую ненависть, такого мстительного духа?

Тошинака оскалился.

— Думаешь, дело в тебе? Ясное дело, — Вестник Костей бросился на Харуто, взмахнул зубчатым мечом, он от этого превратился в черное пятно. Харуто отшатнулся в сторону и поднял Шики, отразил удар на расстоянии ладони от своей головы. Меч Тошинаки обрушился на землю, разбивая камень. Он шагнул в сторону и ударил рукоятью по ребрам Харуто, тот отшатнулся среди обломков камня. Харуто вскочил на ноги, держась рукой за ребра. Тошинака вскочил в воздух, пересек расстояние между ними с одним ударом черных крыльев, зубчатый меч опускался из-за его головы. Харуто откатился, черный меч разбил землю, осколки камня взлетели. Вестник рухнул рядом с ним, Харуто взмахнул Шики в сторону его живота. Кира увидела только искры, тэнгу остановил удар.

Кира потрясенно смотрела, застыв. Как она наделась победить Вестника Костей? Он двигался быстро, его удары ломали камень. Он играл с ней. У нее не было шанса. Даже после всего, что она преодолела, хоть она стала сильной, даже после тренировок с Харуто, Гуаном и Янмей она все еще была слишком слабой для боя с ним.

Тошинака ударил влево, потом вправо, избивал Харуто, ведь был сильнее и доставал дальше. Оммедзи шатался от ударов, едва отбивался Шики. Каждый раз, когда мечи сталкивались, клинок Шики получал щербинки. Харуто не справлялся с защитой, меч Тошинаки ударил по его телу, рассекая ткань и плоть, кровь брызнула на землю. Харуто завизжал от боли и отшатнулся. Эта рана убила бы смертного, но бессмертие Харуто уже исцеляло его. Тошинака снова наступал, обрушивал удар за ударом на Харуто, отгоняя его к статуям драконов в дальнем конце пещеры.

Кира оглянулась на Ворону. Онрё все еще была на месте, дым клубился у ее плаща. Кира повернулась к бою. Харуто упал на колени. Тошинака ударил мечом по ведущей руке Харуто, отрубил его ладонь у запястья. Харуто взвыл, его ладонь, сжимая Шики, проехала по полу. Он прижал обрубок к груди. Тошинака поднял меч для последнего удара.

Кира создала кинжал и бросила его в грудь Харуто. Он охнул от боли. Кира прошептала имя кинжала и появилась между мечниками.

— Прост, — она вырвала кинжал из груди Харуто. Она развернулась и вонзила его в живот Тошинаки. Тэнгу отшатнулся, держась за рукоять, торчащую из его живота. Кира шепнула кинжалу, и он разбился, осколки пронзили живот Тошинаки. Но Кира знала, что этого не хватит, чтобы убить его. Она не знала, могло ли его хоть что-то убить.

— Спасибо, — прохрипел Харуто, вставая на ноги.

Кира создала кинжалы в ладонях, вложила один в руку Харуто.

— Бери, — сказала она. — Другая ладонь...

— Уже... прирастает, но я не... вряд ли я смогу... победить его.

Кира оглянулась и улыбнулась.

— Я тоже. Одна. Придется сделать это вместе.

* * *

Ворона оказалась в купальне, промасленный деревянный пол был под ней, каменные стены с трех сторон и бумажная — с четвертой стороны. За бумагой мерцал оранжевый огонь, лизал потолок, силуэты людей бегали, крича, другие махали мечами, кровь брызгала на бумажные шоджи. Купальня была почти пустой, кроме пары ведер мерцающей воды, столика с ароматными маслами и круглой деревянной кадки для купания в центре комнаты. Ворона подлетела к кадке. Она была пустой, недавно там еще была вода, теперь лишь пара капель упрямо держалась за стенки.

Она отлетела от кадки, проверила комнату, уже зная, что найдет. Кого найдет. В углу на деревянном полу сжалась женщина, смотрела без эмоций на бумажную дверь. Она обняла колени у груди и застыла. Ворона глядела на нее. Женщина казалась знакомой. Форма ее носа, ямочка на подбородке, форма глаз, кудри, которые отказывались быть в пучке или косе. Ворона знала женщину, хоть не помнила ее. Она подлетела к ней, оставляя за собой пятна сажи, и посмотрела в глаза женщины. Это была она. Женщина, которую оммедзи звал Изуми.

Ворона взглянула на бумажную дверь. Огонь еще мерцал, хаос еще бушевал. Силуэт пронесся мимо, крича, кровь брызнула на бумагу. Так умерла Ворона? Она должна была помнить — все онрё должны были помнить свои смерти, но раньше она не могла. Мастер сказал, что со временем это придет, и когда это случится, она будет сильнее ее родни. Но Ворона не помнила смерть, как и не помнила свое лицо. Она повернулась к женщине, которой когда-то была. Ее лицо.

Ворона попыталась изобразить лицо, заставить дым принять эти черты, но ничего не произошло. Она оставалась без черт, облика, темное пятно, едкий запах на ветру. Ничего.

Женщина сунула ладонь под капюшон Вороны. Ворона пыталась отодвинуться, но женщина как-то держалась. Ворона ощутила на себе давление пальцев. Она паниковала, дым метался, но женщина игнорировала ее щупальца и держалась, ее глубокие глаза без эмоций впились в Вороны.

— Я не дам тебе забрать его, — завизжала Ворона. — Я не отдам тебе контроль! — она была уверена, что это женщина пыталась сделать. Изуми, ее человеческая сторона, как-то притянула ее сюда, и она поглотит Вороны, от нее ничего не останется. Ворона не хотела снова быть ничем.

Слезы лились по лицу Изуми, она смотрела в капюшон Вороны. Ворона перестала бороться. Что-то было ужасно сломлено внутри этой женщины. Внутри них обеих. Ваза разбилась, но кусочков не хватало, чтобы собрать ее снова, и она уже не держала воду.

— Я этого не хочу, — сказала Изуми хриплым шепотом, Ворона знала этот голос, горло было повреждено дымом.

Еще крик снаружи. Ворона пыталась повернуться и посмотреть, но Изуми крепко ее держала, сжимая ее дым человеческими ладонями.

— Я не хочу этого, — прохрипела она, слезы катились из ее мертвых глаз. — Я не хочу ничего этого. Все воспоминания. Кем я была, какая ты, что ты сделала. Я не хочу этого. Отпусти меня. Прошу... дай мне умереть, — ладонь Изуми отпустила лицо Вороны, и она рухнула на плащ Вороны.

Ворона не знала, что делать. Этого от нее всегда хотел Мастер, да? Вспомнить все, знать, как она умерла, и стать настоящей онрё? Она обвила женщину дымом. Изуми прижалась к ней, пропала в ней. Она посмотрела на свои ладони из дыма, тонкие серые пальцы, коснулась лица из дыма, носа, щек и подбородка, потянула за кудрявую прядь волос, лежащую на ее лбу. Ворона улыбнулась.

— Спасибо, — прохрипела Изуми откуда-то. А потом она пропала, осталась только Ворона.

Воспоминания тянули Ворону. Не хлынули потоком, но маленькие нити вели ее, как тропы в лесу. Оммедзи, Ночная Песнь, говорил, что она любила смотреть на муравьев, и воспоминание всплыло в ее мыслях. Стекланный ящик с деревянными краями, подарок от императора, ее кузена. Наверное, подарок был ужасно дорогим, но ее кузен только улыбнулся, когда его слуги принесли это ей. Она сидела на коленях перед ним в замке в Кодачи. Он сидел на Змеином троне, улыбался ей. Он не улыбался так годами, помнила она, с тех пор, как занял трон. С тех пор, как они уже не играли в саду, бегая за Эос, черным котенком, проникающим постоянно в замок. Слуги принесли стекланный ящик на маленьком паланкине. Он был наполовину заполнен землей. Сотни муравьев двигались в земле. Она смотрела на них через стекло. У дна был муравейник, королева откладывала яйца, пока ее работники трудились над ней.

Ворона пошатнулась, воспоминание угасло, она прижала ладонь из дыма к каменной стене. Она слышала крик из-за бумажной стены, вспомнила кое-что еще. Мужчина сжимался перед ней, поднимая ладони, защищаясь, налитые кровью глаза выпучились, Ворона направила черный дым в его нос и горло. Он боролся, махал на ее дым, пытался сбежать, но его попытки были бесполезными. Он давился, а она смотрела с — она искала эмоцию — не радостью, но возмездием. Это было правильно. Она не знала мужчину. Не знала никого, она была безразличным ёкаем, летала с места на место, мстила другим, потому что... так она поступала. Такой она была, это ощущалось правильно. Ворона вырвалась из воспоминания, кривясь от ощущения ее дыма, движущегося по горлу мужчины. Это было неправильно. Это было не мстью. Мести нужна была цель, ее строили на совершенном ужасном поступке. Мужчина ничего ей не сделал, не знал ее, но она убила его. Это не было мстью, это было убийством, злобой и гневом.

Ворона сдвинула капюшон и глубоко вдохнула, пытаясь сосредоточиться. Воздух смешался с ее дымом. Ей не нужно было дышать, но она глубоко вдыхала. Она помнила теперь, кем она была, ее лицо, тело, но у нее не было тела. Она все еще была дымом. Еще нить воспоминания пронеслась мимо нее, обещала ответы и открытия, но Ворона игнорировала ее. Ворона уже была в воспоминании о дне, когда Изуми умерла. Когда она умерла.

Ворона подлетела к бумажной двери. Там были нарисованы облака и бабочки, но теперь там были пятна крови. Она сжала край двери ладонью из дыма и сдвинула ее. Мужчина стоял перед ней, высокий и широкий, темные волосы и глаза еще темнее, кровь капала с его черного меча.

* * *

Кира стояла рядом с Харуто, они оба сжимали зеркальные кинжалы. Маленькие ножи казались жалким оружием, по сравнению с черной катаной Тошинаки. Бессмертие Харуто исцеляло его, но медленно. Его ведущая ладонь росла, плоть, мышцы и кожа соединялись вокруг новых костей, кровь капала из дюжины других порезов. Кира была не в лучшем

состоянии. Острые перья Вестника Костей порезали ее руки и лицо. Она исцелялась, но не была бессмертной. Процесс был медленным, и ей было больно. Она надеялась, что и тэнгу слабеет — они оба ранили его несколько раз — но он все еще стоял прямо, двигался очень быстро и сильно. Вестник Костей был ни смертным, ни духом. Он был тэнгу, демоном. Сомнения рушили силу Киры.

Тошинака бросился вперед, хлопая черными крыльями. Кира бросилась, чтобы ударить кинжалом, но он отбил ее кинжал зубчатым мечом и ударил ее рукоятью по лицу. Кира отшатнулась, держась за лицо. Кровь лилась из носа. Нога с когтями ударила ее по животу. Она отлетела, рухнула на пол и прокатилась до каменной колонны. Она открыла глаза и увидела, как тэнгу бросился на Харуто, ударил его ладонью по лицу и сжал пальцами с когтями его шею. Харуто вонзил кинжал Киры в грудь тэнгу раз, другой, вытащил клинок для третьего раза. Тошинака рассмеялся и отбросил Харуто к каменному дракону у дальней стены. Харуто схватился за лапу дракона и поднялся на ноги, все еще сжимая кинжал Киры. Каменный рельеф за ним сиял, буквы на нем пылали изнутри.

Вестник Костей полетел к Харуто, крутя в руках меч. Харуто поднял кинжал, но Кира знала, что ее маленькие ножи были бесполезны против тэнгу. Им нужно было что-то еще. Кира заметила катану Харуто на разбитом полу, отрубленная ладонь все еще сжимала рукоять. Шики ждала у меча, крутилась тревожно, как собака, гоняющаяся за хвостом. Кира поднялась на ноги, пошла к маленькому духу, хромя. Вестник Костей забыл о Кире, ведь она была слаба против него. Она прошла за ним незаметно. Она была в паре шагов от меча, когда крик заполнил пещеру, такой громкий, что Кира закрыла уши, кривясь.

Визг утих. Кира заметила, что Ворона двигалась, поднялась на волне дыма, щупальца металась под ней, каждое было толщиной с ее талию, било по воздуху, срывало с потолка знамена. Белый плащ Вороны раздуло от дыма, ее капюшон слетел. Лицо женщины из серо-черной сажи рычало, она неслась по пещере к ним.

Тошинака повернулся и смотрел на чудовищную онрё. Ворона указала тонким пальцем из дыма на него.

— Ты убил меня! — прокричала она.

Тошинака вздохнул и закатил разноцветные глаза.

— Проклятье!

Ворона бросилась цунами щупалец дыма и врезалась в тэнгу.

Глава 61

Изуми, или Ворона, врезалась в Тошинаку, подняла его в облаке дыма и унесла. Харуто рухнул на колени, пока смотрел, его плоть соединялась, новая ладонь все еще росла из обрубка.

Ворона ударила Тошинаку об колонну, разбила ее, куски камня разлетелись по полу пещеры. Тошинака рухнул, покрытый кровью и сажей. Он поднялся на ноги, знамена хлопали вокруг него, он взмахнул зубчатым мечом, Ворона налетела на него снова. Ее дым разделился вокруг клинка, она снова ударила по нему, но Тошинака устоял, держался за каменный пол когтями на ступнях.

— Убийца! — завизжала Ворона, пока била тэнгу своим дымом, рассекая его кожу, кровь брызгала на знамена на полу.

— Я создал твой якорь, Ворона, — Тошинака кашлял от ее дыма. — Я могу его уничтожить. Я могу уничтожить тебя! — он сунул ладонь с когтями в сердце дыма и оторвал

капюшон от плаща Вороны. Ворона отпрянула, раскрытая. Харуто видел ее черты в дыму, но ее лицо искажал оскал, который он никогда в жизни не видел у нее. Тошинака улыбался, его морщинистая кожа делала его древним, крючковатый нос был таким большим, что не выглядел как человеческий. Он бросил капюшон Вороны. Ветер подхватил белую ткань и унес его.

Ворона снова завопила, развернулась над воющим ветром, спикировала к Тошинаке. Тэнгу раскрыл крылья над своей головой, и Ворона врезалась в его перья, дым проливался вокруг них, как вода, льющаяся на камень. Ветер поднялся вокруг Тошинаки, окутал его, тянул за дым Вороны, рвал его. Она тянулась к нему, но ее дым уносило. Тошинака схватился за белую ткань и порвал ее.

Ворона взвыла и отпрянула от Тошинаки. Он держал белую ткань лишь миг, а потом отдал ее своему ветру.

— Я порву твой якорь на кусочки. Ты будешь такой, как до того, как я тебя спас, лишь дымом и бесформенным гневом.

Ворона отступала, упала и рухнула на облако дыма. Она смотрела свои ноги, подняла к лицу ладони из дыма. Она потянула за дыру в плаще, и Харуто увидел через нее колено.

— Мне уже не нужна твоя темница из ткани, Мас... — Ворона сделала паузу. — Убийца! Я помню, кто я и кем была. И я помню свое лицо!

Тошинака вздохнул и опустил плечи. Когда он поднял голову, он посмотрел на Харуто.

— Почему нужно все портить? — взревел он. Тошинака хлопнул черными крыльями и полетел к Харуто. Ворона устремилась к нему, но ее дым попался в его бурю, закружился и бросил ее за ним в одно из еще висящих знамен. Тошинака игнорировал ее, приближался к Харуто.

Харуто поднял зеркальный кинжал, готовый остановить меч Тошинаки, но тэнгу не ударил его. Он схватил Харуто за шею ладонью с когтями, прижал его к основанию рельефа на стене за ним. Харуто захрипел, но стоял, и Тошинака пронзил зубчатым мечом грудь Харуто и рельеф за ним.

Агония взорвалась в груди Харуто. Он посмотрел на черный клинок, торчащий из его груди, с него капала его кровь. Он кашлянул кровью на ветер Тошинаки. Тэнгу улыбнулся ему.

— Я снова победил, Ночная Песнь.

* * *

Кира беспомощно смотрела, Тошинака прижимал Харуто к стене, пригвоздив его черным мечом. Она взглянула на Ворону, но онрѐ лежала посреди упавшего знамени, дым развеивался вокруг нее. Шики пронзительно и громко свистела, и Кира помнила, что маленький дух ждала у катаны Харуто.

— Он не может умереть, — закричала она духу. — Он бессмертный.

— Да? — Тошинака отвернулся от Харуто, оставив его прибитым к сияющему рельефу. Кира опустила на корточки и отвела ладонь, чтобы метнуть кинжал в тэнгу, но Тошинака закричал. — СТОЙ! Ночная Песнь не обязан умирать тут, — сказал тэнгу. — Но если вы сделаете еще хоть шаг, я убью его сейчас.

Кира взглянула на Ворону, но онрѐ все еще лежала на знамени, дым окружал ее. Кира не знала, что происходило, но Харуто был в беде, и ей нужно было как-то его спасти.

— Ты не знаешь, сколько времени это заняло, Ночная Песнь, — сказал Тошинака. — Поиск способа лишить кого-то бессмертия, — он повернулся и протянул руки к рельефу,

руны на нем пульсировали и сияли. Пыль сыпалась с него на пол. Кира увидела тусклый металл под поверхностью. — Кохранцы поразительны в создании такого.

Харуто опустил выросшую ладонь на меч, прибивший его к рельефу. Он вяло потянул за меч. Он не сдвигался. Харуто закашлялся, его подбородок стал красным.

— Кровавый Двигатель?

— Да, — сказал Тошинака, отходя от сияющего рельефа. — Когда Вековой Клинок победил драконов, его товарищ-кохранец, Тикающие Часы, создал Кровавый Двигатель, чтобы удерживать каждого из них, самые сильные темницы в мире. Для всех, кроме Орочи, они построили механизм, чтобы крови смертного хватало, чтобы удерживать замок на месте, но для короля драконов нужна была темница прочнее, — Тошинака рассмеялся и указал на старые кости возле одной из статуй драконов. — Чтобы запечатать эту темницу, они использовали кровь бессмертного, бога Морского народа. Механизм лишил его бессмертия и запер Орочи тут. Только кровь другого бессмертного может открыть ее и освободить Орочи, — он рассмеялся. — Я этой чудесной победой лишу тебя бессмертия и освобожу Орочи.

Харуто боролся с мечом, прижимающим его к рельефу, но он не мог освободиться. Его кровь капала на рельеф, впитывалась в металл. Где-то за стенами пещеры Кира слышала движение, металл гремел, скрипел. Дверь темницы Орочи открывалась.

— Хватит, — закашлялся Харуто. — Орочи погубит мир.

Тошинака снова улыбнулся.

— Да. Он погубит твой мир, Ночная Песнь. Людей. Орочи и другие драконы уничтожат жалкое равновесие между небесами и землей, пробьют путь для духов вернуть их место в мире смертных. Потерянное возвращается. Я — лишь вестник. А ты, Ночная Песнь, просто ключ, — Харуто ударил слабо кинжалом Киры, но тэнгу отпрянул, хохоча.

Шики свистнула.

— Уверена? — спросила Кира у маленького духа. Шики глядела на Харуто, подпрыгивая, тревожно щебетала. Кира взяла меч Харуто, убрала пальцы отрубленной ладони с него, бросила мертвую ладонь на пол. Клинок пострадал, был в крови, затупился от боя. Шики бегала кругами, глядя на нее. Кира подняла взгляд и поймала блуждающий взгляд Харуто. Он улыбнулся.

— Чего улыбаешься, дурак? — прорычал Тошинака. — Ты проиграл, — тэнгу повернулся и увидел меч в руках Киры. — Ни шагу, сестренка.

Кира игнорировала его, смотрела на Шики. Маленький дух дрожал от страха.

— Мы можем это сделать.

Шики прыгнула в меч, клинок засиял алым. Боль опалила руки Киры, пронзила ее грудь. Шики кричала в ее разуме. Только Харуто мог ею управлять. Харуто поднял ладонь и бросил ее кинжал. Кира прошептала имя кинжала и шагнула сквозь мир, унося Шики с собой.

Кира появилась перед Харуто с кинжалом в одной ладони и Шики в другой. Оставленная ею картинка разбилась. Она повернулась, крича, и махнула Шики на шею тэнгу.

Клинок разбился в ее хватке, металл упал кусками на пол пещеры. Шики упала на землю, закрыв глаза, не двигаясь. Кира смотрела на рукоять катаны в обожженных ладонях. Так близко. Она была так близко.

Вестник Костей хмуро смотрел на нее, краски кружились в глазах. Он пошатнулся и рухнул вперед, упал на пол со стуком, его голова покатила. Кира смотрела на него, не веря

глазам. Она сделала это. Вестник Костей был мертв. Ее желудок трепетал, она зажала рот ладонью, чтобы не захихикать.

— Шики! — сказала Кира. — Ты в порядке? — она ощутила, как маленький дух сломалась от напряжения, что ею управлял не Харуто. Кира ощутила, как Шики разбилась. Она опустилась на мокрый от крови пол рядом с духом. Она подняла комочек шерсти в ладонях. Шики тихо свистнула, ее глаза приоткрылись, и Кира прижала ее к груди. — Прости. Знаю, тебе больно. Но мы сделали это. Получилось. Ты смогла, Шики! — ладони Киры были в волдырях от духовного меча, она могла лишь представлять, чего это стоило духу.

Харуто кашлянул за Кирой.

— Поможешь?

Кира нежно опустила Шики на пол и повернулась к Харуто. Он вяло пытался вытащить зубчатый меч из груди. Рельеф за ним сиял ярко, как костер, и щелканье из пещеры становилось громче. Кира схватила меч Тошинаки и потянула. Клинок не двигался, но Харуто кривился, кровь капала с его подбородка.

— Прости, — Кира скривилась. Она сжала рукоять обеими руками. — Мне очень жаль.

— Живее, — прорычал Харуто.

Кира уперлась ногой в стену рядом с Харуто и потянула изо всех сил. Меч вырвался из груди Харуто со скрежетом камня, брызгами крови и воем агонии. Она отбросила черный зубчатый меч на пол и поймала Харуто, он обмяк в ее руках. Она оттащила его от сияющего рельефа. Шики следовала, тихо щебеча. Ворона смотрела издали, тихая, дым клубился у каменного пола. Кира оттащила Харуто мимо тела Тошинаки, помогла ему сесть на колени на земле. Он держался за рану в груди, дрожа, шипя сквозь зубы. Он не исцелялся. Рана не закрывалась. Шики забралась на его колени, смотрела на него, тихо свистя.

— Ты молодец, Шики, — Харуто похлопал духа дрожащей рукой. — Вы обе молодцы.

Кира заерзала, не зная, что делать, снова взглянула на Ворону. Онрё приближалась. Она обвила щупальцем из дыма катану Тошинаки, потянула ее по полу со скрежетом.

Шики свистнула. Харуто улыбнулся ей и покачал головой.

— Вряд ли. Кровавый Двигатель забрал слишком много... моего бессмертия, — он убрал руку от груди. Рана все еще зияла, кровь текла, пропитывая кимоно. — Вряд ли... я оправлюсь от этого.

Шики горестно завопила, уткнулась в грязное кимоно Харуто.

— Я могу как-то помочь? — спросила Кира. После всего, что они прошли, она не хотела терять Харуто. Она не хотела больше никого терять.

— Надейся, — сказал Харуто. — Надейся, что меня не хватило, чтобы освободить Орочи.

— Дурак! — рявкнула Ворона.

Харуто поднял голову и посмотрел на нее. Его лицо уже было бледным, как у трупа.

— Ты... Изуми?

— Твоя жена мертва, — сказала Ворона. — Но я... помню ее.

Харуто нахмурился и взглянул на Киру.

Кира покачала головой.

— Она не как я. В ней победил ёкай, но она при этом не как другие онрё.

Харуто пожал плечами и утомленно рассмеялся.

— Думаю, вы обе — нечто новое.

Металл загремел громче в стене пещеры. Кира посмотрела поверх плеча Харуто. Рельеф рушился, металл за ним сдвигался. Пыль сыпалась на землю, и части стены падали, за ними было видно тьму.

— Мы опоздали? — спросила Кира.

Ворона бросила меч Тошинаки на землю перед Харуто.

— Темнице не нужна была твоя жизнь, только твое бессмертие.

Харуто застонал.

— Даже в смерти он побеждает, — он взял меч Тошинаки за рукоять, с его помощью поднялся на ноги. Кровь текла из дыры в груди. Он дрожал, пошатнулся, и Кира вскочила, чтобы помочь ему. Они вместе смотрели, как стена рушилась.

Глава 62

Харуто встал перед Кирой, пошел к зияющей дыре в стене. Ему нужно было стоять на своих ногах, если они собирались... биться с драконом? Это казалось безумием. Кира и Ворона стояли за ним, ждали появления Орочи.

Харуто оглянулся на Ворону. Черты Изуми были в дыму, но это была не Изуми.

— Теперь ты помогаешь? — спросил Харуто.

Ворона глядела на него, лицо в дыму казалось почти плотным.

— Освободить дракона мечтал Тошинака, а не я. Дракон... Орочи убьёт всех без разбора. Без цели это не месть. Это убийство. Я... — она смотрела на землю. — Я этого не хочу.

— Поздно менять мнение, — сказала Кира. Ворона посмотрела на нее так яростно, что она отпрянула на шаг. — Прости, — сказала девушка.

Харуто пожал плечами и скривился от боли в груди.

— Я не уверен, что это важно. Даже Вековой Клинок не смог убить дракона. Им пришлось заточить их. Так что, если вы не из Кохрана и не умеете строить новые темницы, мы обречены.

— Не глупи, оммедзи, — сказала Ворона. — У нас есть то, чего не было у Векового Клинка. У нас есть она.

Кира отпрянула на шаг и подняла ладони.

— Я? — спросила она у Харуто. — Я не могу убить дракона.

Ворона вздохнула.

— Не ты. Она, — она указала ладонью из дыма на Шики.

Шики чирикнула и спряталась за ногой Харуто, выглядывая на Ворону.

— Она — духовный клинок, — положила Ворона. — Я ощутила ее порез. Больше ничто меня так не ранило. Если она может убивать духов и демонов, может убить дракона.

Харуто посмотрел на Шики, сжавшуюся за его ногой.

— Что думаешь?

Шики жалобно чирикнула.

— Я знаю, что ты не убивала драконов раньше, — сказал Харуто. — Никто этого не делал. Хочешь попробовать?

Шики встряхнулась пушистым телом.

— Ты хочешь сказать Оморецу, что мы не справились?

Шики прищурилась.

Харуто рассмеялся.

— Полежай, — сказал он, подняв катану Тошинаки. Шики с дрожью свистнула, но залезла в меч. Черный клинок стал темно-алым, и Харуто ощутил через рукоять дрожь Шики. Ей не нравился зубчатый меч.

Харуто повернулся к дыре. Орочи был где-то там. Он прижал ладонь к дыре в груди. Она не заживала. Он не умер, но бессмертие разрывалось, как потрепанная веревка.

— Я не в лучшем состоянии, — сказал он. — Вам нужно меня защитить, чтобы я смог приблизиться.

— Переживай за свою роль, — рывкнула Ворона сзади. — Я знаю, что должна сделать.

Кира нервно захихикала.

— Что мы ожидаем? — спросила она, голос дрожал. — Дверь темницы ненамного выше меня, так насколько большой Орочи?

Трещина побежала по стене пещеры, началась у двери темницы и расколола стену до потолка. Пещера дрожала, камни и пыль сыпались вокруг них.

— Вековой Клинок заточил Орочи, когда он был в облике человека, — сказал Харуто. — Вряд ли он сейчас в облике человека.

Стена пещеры взорвалась, осыпав их камнем.

Камень размером с коня полетел к Харуто. Он пытался отшатнуться, но был слишком слабым и медленным. Ворона полетела к нему, дым закрыл Харуто щитом. Мелкие камешки погрузились в ее чернильную тьму, и когда большой камень ударил, она закричала и оттолкнула его. Он рухнул на пол в паре шагов от них. Еще часть стены попала по Кире, она разбилась. Харуто надеялся, что она отошла с помощью своей техники.

Огромная тень двигалась в дыре, длинная изогнутая шея извивалась во мраке и пыли. Еще одна присоединилась, потом еще. Чешуя шуршала в темных глубинах, и восьмиглавый Орочи появился в поле зрения.

Зеркальный кинжал ударил по земле рядом с Харуто, и Кира появилась, подхватила его с пола и закашлялась от пыли. Она посмотрела на короля драконов и прошептала:

— Думаю, нам нужен новый план.

Ворона уменьшилась до человеческого размера, собрала под собой дым.

— Это единственный план.

Кира покачала головой.

— Это плохой план.

Харуто прошел мимо них, глядя на Орочи. Король драконов был огромным и ужасал больше других драконов, он ничего подобного не видел. Восемь громадных змеиных голов, каждая размером с дом и увенчанная шестью рогами. Зубы блестели в его пастьях, и бугорки свисали с челюстей, как усы из плоти. Каждая шея была не меньше сотни футов длиной, чешуя, как броня, покрывала их, и тонкие складки кожи трепыхались, пока головы драконов двигались. Его тело было вдвое длиннее, чем шеи, лежало на камне под ним, маленькие лапы беспомощно двигались на земле, когти ломали камень. Его хвост был еще длиннее, извивался, поднимал ударами пыль, разбивал стены пещеры. Его чешуя переливалась радугой, даже во мраке краски плясали. Харуто видел шрамы на некоторых головах, отсутствующую чешую и следы заживших ран — доказательства боя Орочи с Вековым Клинком больше сотни лет назад были видны, словно это было вчера.

Орочи открыл глаза, повернул к ним головы. Харуто открыл рот, чтобы заговорить, но король драконов взревел, все восемь голов прокричали имя так громко, что Харуто пошатнулся от веса звука: Ямасачи, муж-человек Орочи.

Орочи стал метаться, сотрясая камень своим телом и хвостом, но понял, что ему не хватало места в каменной темнице.

— Нужно остановить его, пока он не сбежал, — сказал Харуто.

Орочи посмотрел на Харуто большим змеиным глазом. Голова с одним сломанным рогом открыла большую пасть, и голос, похожий по силе на хор из сотни голосов, сказал:

— Сбежал? Я не убегаю от тебя, человек. Ты — ничто! — Орочи вырвался из туннеля, восемь огромных голов устремились к Харуто.

Ворона полетела к королю драконов, дым врзался в ведущую голову Орочи, слепляя его, вонзая клинки из дыма в его чешую. Орочи зашипел и отдернул голову от Вороны. Она окружила одну из его шей. Голова с одним глазом щелкнула пастью в сторону Харуто, он дернулся в сторону, ударил Шики по большому носу. Одноглазая голова завизжала, большие капли крови упали на каменный пол. Еще одна голова с оборками на шее поднялась на Харуто и опустилась, чтобы прибить его к каменному полу. Зеркальный кинжал пролетел по воздуху, вонзился в глаз дракона. Он взревел, метался, и Кира появилась, впиалась в его голову, сжимая кинжал. Она вырвала его из глаза Орочи, бросилась на мечущуюся голову, прыгнула на другую, подняв кинжал для удара. Третья голова с длинными клыками повернулась, чтобы встретить ее, щелкнула пастью вокруг нее. Кира разбилась на тысячу мерцающих осколков.

Харуто собрал ци во вспышку скорости и взмахнул Шики, ударил по сияющей шее дракона, разбивая чешую и проливая кровь. Одноглазая голова бросилась к нему справа, и он прыгнул, приземлился на приближающуюся шею. Он вонзил Шики в плоть и держался, пока Орочи метался, пытаясь сбросить его. Рана в груди Харуто болела, из дыры текла кровь. Он знал, что должен был уже умереть, остатки бессмертия поддерживали его. Зрение уже темнело. Шики взвыла, выскользнула из головы Орочи, и дракон сбросил Харуто со своей шеи. Харуто рухнул с тридцати футов на землю. Левая рука громко хрустнула.

Харуто вдохнул и поднялся на ноги. Ворона летела с головы с оборками, напала на голову с короной из рогов. Ее белый плащ порвался и хлопал, дым тянулся за ней. Кира появилась на вершине однорогой головы, вонзил кинжал в чешую Орочи, но клинок разбился, и Кира разбилась через миг. Она появилась на земле, бросила еще кинжал в глаз существа, а потом разбилась снова так быстро, что Харуто не мог уследить. Он споткнулся, чуть не рухнул, побежал к голове с волосатой губой, которая пронеслась мимо входа в туннель. Он ударил по чешуе на ее горле. А потом откатился, голова рухнула на каменный пол, пытаясь раздавить его. Он прыгнул и вонзил зубчатый клинок Шики в нос, задел кость. Орочи взревел, поднялся и унес Харуто от земли. Он карабкался на нос, отталкиваясь от оскаленных зубов. Голова с волосатой губой перестала метаться, орочи посмотрел на него глазом, шурясь. Харуто смотрел в глаз, видел отражение головы с короной из рогов за собой. Ее пасть открылась, огонь вылетел из горла. Харуто отскочил от носа, и огонь из пасти дракона окутал его. Он завизжал, падая, волосы горели, кимоно сгорало, кожа покрывалась волдырями от жара. Земля появилась под ним. Он стиснул зубы и приготовился стать лужей на полу пещеры. Дым окружил его, окутал и замедлил его падение, а потом опустил его на его задницу на землю.

Ворона приземлилась рядом с ним, взглянула на его сломанную руку и кожу в волдырях.
— Хватит пытаться погибнуть, убей эту штуку, — она взлетела на гейзере дыма. Дракон повернул голову с одним рогом, щелкну пастью, дым вылетел из его рта по бокам. Лохмотья ее белого плаща опустились на землю.

Кира прыгнула над ним, приземлилась на голову с короной из рогов и вонзила кинжал в нос. Кинжал разбился об чешую, и голова повернулась и щелкнула пастью вокруг Киры. Она разбилась и появилась с кинжалом на шее головы с оборками. Еще одна голова — эта была с

треснувшей чешуей вокруг глаз — подвинулась к ней, ползла на шее, на которой она стояла. Она врезалась в нее, отбросила ее в колонну, камень разбился. Голова с оборками, на которой она стояла, выдохнула в нее молнию. Она закричала, разбилась и появилась на полу ниже монстра, ее волосы дымились, в руке был другой кинжал. Она упала на колени.

Это не работало. Шики резала чешую, но шеи Орочи были слишком толстыми, чтобы отрубить его головы. Им нужен был другой план, вариант лучше. И время было на исходе. Харуто было холодно, тело немело. Дыра в груди пульсировала кровью, сломанная рука не заживала. Он ускользал, умирал.

Шики тихо свистнула, и он поднял меч и посмотрел на нее.

— Мы не можем победить, — сказал он, вес правды давил, как надгробие. Шики пропела короткую мелодию, но фальшивый оптимизм не мог одолеть короля драконов. Они не могли победить. У них не было шансов. Может, они еще могли убежать? Он взглянул на вход в пещеру. Гуан стоял там, прислоняясь к стене пещеры, покрытый кровью. Он глядел на дракона, открыв рот. Харуто вздохнул. Они не могли убежать. Было некуда убегать. От гнева Орочи не скрыться. Если они тут не справятся, десятки тысяч людей умрут. И Гуан будет первым. Харуто не допустит этого. Он не даст другу умереть. — Последняя попытка. Шики, — сказал Харуто. Шики свистнула.

Харуто собрал остатки ци, побежал к королю драконов. Голова Орочи с короной из рогов скользнула вдоль пола и бросилась к нему. Харуто прыгнул в сторону, потом заскочил на шею дракона. Одноглазая голова напала слева, он пригнулся, ощутил свист воздуха, челюсти закрылись над ним. Он вскочил на ноги и на напавшую шею. Одноглазая голова металась, но Харуто пригнулся и вел сломанной рукой по чешуе для равновесия. Голова с клыками справа от него выпустила из пасти кипящую воду, Ворона вырвалась из того рта, разбивая два зуба. Ее плащ пропал, все ее тело теперь было черным дымом. Дракон отпрянул, отодвинул голову. Голова с одним рогом напала, щелкая зубами в сторону Вороны, и оторвала половину ее тела. Она закричала и упала, дым опустился на землю. Голова с оборками напала и подхватила ее. Харуто пошатнулся, но не мог ей помочь.

Пятки Харуто были порваны об чешую, кровоточили. Его легкие болели от бега, прыжков и карабканья. Дыра в груди болела, оттуда текла кровь, ци угасала. Голова с волосами на губе напала на него. Он пытался уклониться, но острые зубы поймали его сломанную руку и оторвали от его плеча. Шея под ним металась, пытаясь сбросить его, но Харуто прыгнул на голову, которая жевала его руку. Он хотел добраться до места, где шеи встречались с телом монстра.

Харуто пошел по шее, волоча ноги по чешуе, кровь из плеча и дыры в груди текла по нему. Он направлялся к огромному телу. Пещера угасала вокруг него, свет тускнел. Шики свисала сбоку, Харуто не мог найти силы, чтобы поднять ее. Дыхание вырывалось с хрипом, каждый вдох причинял больше боли, чем прошлый. Голова с короной рогов поднялась слева, кривя губы почти в человеческом выражении отвращения. Справа была голова со сломанным зубом. Они замерли и смотрели на него. Харуто шатался, едва переставлял ноги.

Голова со сломанным зубом открыла огромную пасть.

— Ты умираешь, смертный.

— Все бывает... в первый раз, — сказал Харуто. Шики пронзительно свистнула из меча, но он игнорировал ее. Он уже не мог спасти себя, а если бы остановился, он подвел бы других. Подвел бы всех людей.

Две головы смотрели на него, другие развернулись, пока все восемь не стали глядеть на

него. Он упал на четвереньки, полз последние футы от шеи дракона к огромному телу. Голова с короной из рогов нависала над головой со сломанным зубом. Она прорычала:

— Чего ты пытаешься достичь?

Харуто прополз еще десять футов и замер. Он пытался глубоко вдохнуть, закашлялся, кровь брызнула на переливающуюся чешую дракона. Он медленно встал и выпрямился. Из последних сил он поднял Шик одной рукой.

— Смертный клинок не может меня убить, дурак, — прогремели восемь голов Орочи.

Шики с дрожью свистнула.

Харуто пытался смеяться, но лишь откашлял больше крови.

— Шики — не смертный клинок. Она — духовный клинок.

Одноглазая голова Орочи со шрамами приблизилась, глядя на него желтым глазом.

— Никакой разницы, смертный. Меня нельзя убить.

Харуто смотрел на голову дракона, гадая, когда его зрение стало так расплываться.

— То, что это еще не случилось... не значит... что не может, — он повернул Шики и глубоко вдохнул, а потом взревел. — ПОДАВИ СВОЙ ГНЕВ, ДРАКОН! — он бросил Шик на спину дракона у своих кровоточащих ног, поднял ногу и наступил на меч. Катана Тошинаки разбилась под его пяткой, и Шики вылетела на спину Орочи, посмотрела на Харуто, моргая. Харуто сгорбился. — Я не хочу тебя убивать.

Харуто рухнул на спину, растянулся на чешуе в шрамах боя, который был древней историей для всех, кроме змея.

— Я не... хочу убивать... вас, — сказал он. — Мир будет... куда беднее... без... драконов.

Восемь голов Орочи покачивались над ним.

— Думаешь, сломанный меч помешает мне убить всех вас?

Харуто пожал плечами, хотя на это ушло много сил.

— Это был... символический... жест, — сказал он, голос был невнятным и далёким.

Шики забралась на его колени, жесткая шерсть щекотала его кожу. Он опустил на нее ладонь, посмотрел на головы дракона, пытаясь сосредоточиться на каждой по очереди. Каждая была другой, уникальной. Некоторые со шрамами, другие — с иной формой рогов или чешуи. Каждая была чудесной. — Я знаю твою историю, Орочи. Я знаю... что с тобой сделал Ямасачи, как он предал тебя.

Орочи поёжился, его головы зарычали по-разному.

— Ямасачи заплатит, — сказала голова с оборками, подтверждая подозрения Харуто. — Вы все заплатите. Ямасачи и сошки, которые запечатали меня в этой каменной темнице. Вы все умрете. Человечество сгорит.

Харуто выдохнул, было сложно вдохнуть снова.

— Они все мертвы, Орочи, — сказал он. — Ямасачи, который предал тебя и уничтожил твой луг, мертв. Он... мертв сто лет. Вековой клинок и... другие, которые заточили тебя... они все мертвы. Ты уже... отомстил. Ты пережил их всех. Они все мертвы, а ты свободен.

— Человечество заплатит за них! — закричали восемь голов Орочи. — Я не удовлетворен.

Харуто пытался пошевелить ладонью, погладить Шики, но не мог. Маленький дух глядел на него, дрожа.

— Твое удовлетворение... ничего не значит, король драконов, — он хотел смеяться от глупости этого, но сил не было. Он не мог шевелиться, только говорил. — Все... кто тебя

подвел... давно мертвы. Если нападешь на людей сейчас, это не будет мезтью. Это будет убийством. Убийством невинных, — пещера стала темной, головы дракона стали пятнами.

Одно пятно приблизилось.

— Зови это, как хочешь, смертный. Я обрушу свой гнев на весь твой вид.

— Ты проиграешь, — тихо сказал Харуто. Что-то в воздухе жгло его ноздри.

— Ты сказал, смертный, который заточил меня, мертв.

— Вековой Клинок мертв, но если ты... пойдёшь воевать с людьми, появится... другой Вековой Клинок. Люди соберутся... для боя с тобой. Духи умрут... люди умрут. Ненужные смерти. Бессмысленно. Они найдут способ... заточить тебя снова, или другой оммедзи... с другим духовным клинком... одолеет тебя. Не все мы смотрим на духов так, как я. Не все мы... хотим мира между небесами и землей.

— Они не могут меня убить, — прорычал Орочи. Голова приблизилась к Харуто, так близко, что он ощущал жар слов на коже. — Я бессмертный.

Харуто смотрел на размытого короля драконов.

— Как и я.

Орочи промолчал. Они оба знали, что он умирал.

Харуто повернул голову, искал вход в пещеру за темницей. Он едва его видел, но серое пятно у стены явно было Гуаном. Улыбка растянула губы Харуто.

— Ты победил, Орочи, — прошептал он. — Они все мертвы. Ты... отомстил... Если будешь биться сейчас... больше никогда не найдешь это.

— Что не найду? — прогремел Орочи.

— Любовь, — сказал Харуто. — Просто отстраниться... когда ты живешь... так долго, как мы. Несмотря на то, что с тобой сделал Ямасачи... он дал тебе то, что не могут... бессмертные. Он дал тебе любовь... — пещера была такой темной, что Харуто не видел Гуана или вход. Шики свистнула, но он не видел ее, больше не чувствовал ее. — Если будешь биться с ними, если убьешь их, ты никогда не найдешь... это снова. Они... смогут дать тебе... только ненависть.

Глава 63

Дракон поднял огромное тело над землей. Голова со шрамами и одним глазом открыла пасть, и Гуан подумал, что она съест Харуто. Но она нежно подняла его челюстями и опустила на камень у стены пещеры. А потом голова повернулась к Гуану и подлетела к нему. Он отшатнулся у входа в пещеру. Дракон замедлился и повернул все восемь голов к нему.

Сияющая голова с короной из рогов открыла рот:

— Он умирает.

— Ох... — Гуан покачал головой. Голова была мутной от потери крови или вида

огромного дракона. — Его м-можно спасти? Ты — ками. Ты можешь...

Вторая голова — со сломанным зубом — сказала:

— Нечего спасать. Его бессмертие пропало, — головы утихли, все восемь покачивались, глядя на него.

Гуан пошатнулся, схватился за стену пещеры ладонью. Он не мог дать Харуто умереть. Он не мог жить без старого друга.

— А если ты отдашь ему то, что случилось от моей жизни? — спросил Гуан. — Знаю, там мало, но...

Голова с одним глазом приблизилась к нему, запах змеиного мускуса ударил по его ноздрям. Глаз моргнул, глядя на него, голова сказала:

— Может, он был прав.

Орочи отвернулся от него и вылетел из пещеры, его тело задевало камень по пути. Гуан смотрел, как сверху извивается хвост дракона, ударяет по части стены. От этого рухнули камни размером с лошадей. И Орочи пропал. Гуан смотрел вслед ему мгновение, а потом встряхнулся и прошел к Харуто, хромя.

Кира с трудом поднялась на ноги на горе обломков колонны. Ее кимоно было в крови и саже. Она прошла к Харуто, шатаясь и хромя хуже Гуана. Тонкая струйка дыма парила над Харуто, пока он лежал на каменном полу у стены пещеры, но он улетел, пока Гуан шел туда.

Гуан упал на колени рядом с павшим другом, хрустя суставами. Харуто был изорван, в крови. Его левое плечо было криво разорвано. В груди была дыра размером с кулак Гуана. Правый бок был в волдырях, обгоревшей плоти и красной кожи. Его лицо было бледным, губы посинели. Шики дрожала, сидя между его правой рукой и телом, тихо свистела снова и снова.

— Старик? — Гуан опустил ладонь на грудь Харуто. Кожа была холодно, кровь все еще текла.

— Гуан? Это ты? — Харуто открыл глаза, но они были как белые облака в зимний день. Зрачков и радужки не было.

— Да, старик, — сказал Гуан. — Я тут, — он вытер рукавом глаза. — Ты снова испортил кимоно.

Уголки губ Харуто дрогнули.

— Тебе придется... купить мне новое.

— Как всегда.

— Ты победил, — сказал Харуто. — Я ощутил... как Тянь ушел. Тебе пришлось... нарушить все... клятвы?

Гуан покачал головой.

— Все, кроме одной.

— Какую... ты оставил?

Гуан рассмеялся и снова протер глаза.

— Капуста, старик. Как думаешь?

Харуто тихо захрипел, кровь брызнула на его посиневшие губы.

— Я... ненавижу... эту клятву.

Гуан порылся в сумке.

— У меня есть для тебя кое-что, стрик. Купил в Кодачи и поберег для, кхм, этого момента, — он вытащил длинную трубку, вырезанную из белого дерева с узором дракона на мундштуке. Он вложил ее в ладонь Харуто, сжал пальцы вокруг трубки. — Это хороший

способ отпраздновать, — он отпустил ладонь Харуто, и пальцы старика разжались.

Харуто молчал так долго, что Гуан опустил ладонь на его грудь, проверяя, дышал ли он.

— Что... это? — спросил Харуто.

— Трубка, — сказал Гуан. — Я купил тебе новую трубку.

— Спасибо, — прохрипел Харуто, кровь булькала в уголке его рта.

— Ты не исцеляешься, старик, — сказал Гуан. — Почему?

Веки Харуто трепетали.

— У меня... забрали это.

Гуан оглянулся на Киру. Девушка стояла в паре шагов за ними, заламывая руки и кусая губу. Гуан посмотрел на Харуто и покачал головой.

— Не понимаю, старик.

Харуто молчал, сделал пару вдохов с трудом.

— Прощай, Гуан. Спасибо.

Гуано опустил голову, стряхивая слезы с глаз. Это не могло так закончиться. Харуто не мог умереть. Он должен быть бессмертным.

— Нет. Спасибо тебе. За то, что позволил старому дураку ходить с тобой, за то, что защищал меня от бед все эти годы. За все.

Харуто захрипел, белые глаза закрылись.

— Ты помог мне... куда сильнее... чем я... тебе, — дыхание вылетело из его горла с шипением, его голова упала.

— Старик? — Гуан сжал ладонь Харуто. — Проснись, старик. Не бросай меня, Харуто. Ты не можешь... не уходи.

Глава 64

Гуан уснул рядом с телом Харуто, голова лежала на его груди, слезы смешивалась с кровью. Кира не знала, что делать. Она дала ему горевать, отползла и рухнула у колонны, подавляя желание кричать.

Со временем она встала, вытерла слезы и занялась в пещере, собрала припасы с мертвых монахов под обломками. Она нашла старую деревянную скамью в углу пещеры, разбила ее и развела маленький костер близко к Харуто и Гуану. Старый поэт проснулся и подполз ближе к костру. Он молчал, просто лежал, закрыв глаза, и засыпал. Кира собрала посохи Харуто и уложила на него, потом стала собирать камни и укладывать вокруг него. Камень за камнем, она строила могилу Харуто. Она редко молилась, едва знала имена божеств, но помолилась над его могилой, закончив, направляя молитву к единственному божееству, которое могло услышать. К божееству войны.

Она села у костра напротив Гуана, который храпел как горный козел, бросила в огонь еще пару кусков скамьи и легла спать. Шики подобралась к ней, тихо свистя, забралась в кимоно Киры.

Когда Кира проснулась утром, костер стал пеплом и углями. Гуан сидел у могилы Харуто, склонив голову.

— Спасибо, — сказал он. Она встала рядом с ним, взяла его за руки, и он сжал ее ладони. Его глаза были красными, и он будто постарел на десять лет за ночь.

Через какое-то время Гуан сказал:

— Пора идти, — он посмотрел на могилу Харуто в последний раз, повернулся, надел сумку через голову и пошел к выходу из пещеры, хромая. Кира поспешила за ним. Тело все еще болело, но почти все ее раны зажили. Это ощущалось неправильно — то, что она так быстро исцелилась от боя, который забрал жизнь Харуто.

Всюду были следы побега Орочи. Стены туннеля были ободраны, дверь, ведущая наружу, пропала, ее сорвало с петель и отбросило на плато. Было утро, солнце висело низко, светило тускло за серыми облаками, но, удивительно, снег не шел. Деревянная хижина разбилась, ее раздавил дракон, и на четвертом плато не осталось ничего, кроме дыма в облике женщины, парящего у обрыва, ее лицо было поднято к небу.

— Ты Изуми? — спросил Гуан, пока они шли в снегу к ней.

Рябь пробежала по дыму Вороны, она оглянулась на них.

— Я — Ворона. Я... когда-то была Изуми.

Гуан кивнул, хотя скорее себе, чем ей. Он подошел к краю утеса рядом с ней.

— Он любил тебя. Не переставал тебя искать, хотя знал, что ему нужно было сделать, и чего это будет ему стоить. Он хотел дать тебе покой.

Ворона повернула лицо к небу.

— Я не просила этого, — резко сказала она.

— Ха! Такова жизнь, да? Многое из того, что получаешь, ты не просил, но это нужно принимать или как подарок, или как проклятие, а потом разбираться.

Дым Вороны клубился под ней, окружал ее ноги и пачкал снег вокруг них черной сажой.

— Ты тоже омедзи? — спросила она. Кира шагнула ближе, создав кинжал, но Гуан

рассмеялся и поднял руки.

— Не я, — сказал он. — Я просто... думаю, я просто старый поэт, который порвал последний шанс на искупление. И мужчина, который потерял лучшего друга, — он вздохнул. — Надеюсь, ты найдешь покой, которого он хотел для тебя, Изу... прости, Ворона.

Ворона кивнула Гуану, повернулась и прыгнула с края, сажа тянулась за ней. Кира проводила ее взглядом. Ей казалось, что она еще увидит Ворону. Нравилось ей это или нет, они были семьей, и связь между онрё была глубже того, что пытался создать Вестник Костей.

Шики свистнула из кимоно Киры, забралась на ее плечо. Она пару раз подпрыгнула, потерлась об щеку Киры, пискнула и спрыгнула на землю, а потом пошла к пещере. Слезы обжигали глаза Киры.

— Что она сказала? — спросил Гуан, глядя маленькому духу вслед.

Кира вытерла глаза рукавом.

— Она сказала: прощай.

— Скатертью дорога, морковка! — сказал Гуан.

Шики громко чирикнула и пропала в пещере.

— Она сказала, что тоже будет скучать, — сказала Кира. Она знала Шику мало времени, но прощание разрывало сердце Киры. Но Шику была духом-спутником, Харуто был мертв, и у нее больше не было спутника. Кира подозревала, что она скоро вернется на небеса. Она шагнула к Гуану, обвила его руками, обняла его. Через миг он ее обнял.

Они отвернулись от пещеры и пошли к лестнице, ведущей вниз. Снег был тут тоньше. Цветы сакуры и пятна крови покрывали землю. Под деревом лежало тело Сифэнь, пронзенное красными шипами. Голова онрё лежала под раздувшимся телом. Гуан намеренно не смотрел туда, пока они шли к следующей лестнице.

— Что теперь делать? — спросила Кира, пока они спускались к монастырю.

— Хм? — отозвался Гуан.

— Академии Хэйва нет. Янмей нет. Харуто... онрё побеждены, — Кира вздохнула, пиная снег. — Что мне делать?

— Ты умеешь петь? — спросил Гуан.

Кира кивнула. Она обожала петь, пока была жива, и она теперь это помнила. Хотя это был почти сто лет назад.

— Певцы хорошо зарабатывают, — продолжил Гуан. — Хорошая профессия. И хорошо сочетается со старыми поэтами.

— Но я должна быть мстительным духом.

— О? Это отличается от ёкая?

— Не знаю.

Они в тишине спустились ко второму плато. Снег выпал за ночь, превратив тела монахов в белые сугробы.

— Эй, — сказал Гуан. — Я придумал название своего шедевра. «Ночная Песнь, герой времен». Эпическая поэма в трех частях.

Кира покачала головой, огибая сугробы.

— Тебе не нравится? — спросил Гуан.

— Слишком типичное название.

— Хм, — буркнул Гуан. — Как насчет «Оммедзи и дракон»?

Кира снова покачала головой.

— Нужно больше действия. Как насчёт «Ночная Песнь против Вестника Костей»?

Гуан рассмеялся.

— Мы что-нибудь придумаем.

— Там будет Янмей? — спросила Кира.

— Конечно! У нее будет главная роль в третьей части, когда Ночная Песнь и его красивый друг-герой сжалились над старушкой и ее ужасно искаженной дочерью, — он засмеялся, Кира присоединилась.

На первом плато здания все еще были в паутине, напоминали об ужасах прошлого дня, и Кира сильнее куталась в плащ. Но она дрожала не от холода. Ей нужно было кое-что проверить. Они прошли по своему пути среди заброшенных домов, попал на маленькую площадь, где пересекались переулки. У стены в коконе были два монаха. Женщина, которая перерезала себе горло, и мужчина, чье лицо испортили темные вены яда. На заснеженной земле было пятно крови посреди площади. Кира встала рядом.

— Что такое? — спросил Гуан.

— Он ушел, — горе снова поднялось в ней, но она ощущала теперь и новую решимость. — Кацуо ушел.

Гуан вздохнул.

— О, Кира, мне жаль.

Кира покачала головой и посмотрела на Гуана.

— Харуто как-то сказал, что я не смогу быть оммедзи. Но, может, я могу быть духом, который помогает другим духам? Если я могу находить ёкаев, может, я могу помогать им с отпущением. Если я смогу помогать им перейти дальше, как ты сделал для Тяна, как Харуто сделал для Шиори, может, этим станет дух мести. Я могу делать такое, могу такой быть. Той, кто мстит, чтобы помочь другим?

Гуан почесал бороду и кивнул.

— Почему нет? — он шагнул ближе и обвил рукой ее плечи, она прильнула к нему. — Думаю, Харуто гордился бы, да и Янмей тоже. Дух, который помогает другим духам пойти дальше. Вряд ли такое было раньше, но ты не можешь не быть уникальной, да? — он рассмеялся.

— И у меня уже есть первое задание, — сказала Кира. Она надеялась, что Янмей гордилась бы. — Я не могу оставить его ёкаем, Гуан. Я должна помочь Кацуо упокоиться.

Они услышали сверху рев и подняли головы. Орочи летел по небу на фоне серых облаков. Он был огромным, хотя был высоко над ними. Дракон поменьше, оранжевый и с одной головой, присоединился к нему, и они извивались вместе, будто завязывались в узел. Другой дракон присоединился, потом еще. Шесть драконов летели по небу над монастырём, рыча. Драконы вернулись в мир смертных. Кира сомневалась, что что-то будет прежним, но Харуто хотя бы убедил их не воевать с людьми. Она гадала, будут ли люди такими терпимыми.

Эпилог

Шики вышла из пещеры на снег, мягкие снежинки падали и липли к ее жесткой шерсти. Она посмотрела по сторонам и чирикнула.

— Они ушли?

Шики нетерпеливо свистнула.

Харуто вышел из пещеры. Небо было темным, крупные снежинки летали с легким ветром. Высоко над ними ветер выл за скалой, но не добирался до него так близко к камню. Это было хорошо, потому что его кимоно было изорвано, и он уже замерз. Деревянная хижина была разбита, и Киры с Гуаном не было видно.

— Ушли, — сказал Харуто. Горло болело, голос был хриплым. Левая рука ныла, он хорошо знал это ощущение. Новые конечности всегда ныли, пока не вставали правильно на место. У него все еще была дыра в груди. Плоть вокруг нее зажила, но дыра осталась. Чем больше он думал об этом, тем страннее она ощущалась. Ему нужно было найти одежду вскоре, иначе люди будут задавать вопросы. Он подавил желание потрогать себя там ладонью из жуткого любопытства.

Он проснулся один под грудой камней. Кто-то, Гуан или Кира, оставил на нем его ритуальные посохи. Когда он ощутил силы, чтобы сдвинуть камни и сесть, он обнаружил, что Шики ждала его. Она бросилась в его лицо, не переставала щебетать с тех пр. Даже сейчас, вне пещеры, она свистела о том, как будут рады другие, увидев его.

— Мы не обязаны идти за ними, — сказал Харуто. Она притихла, хмуро посмотрела на него, и он пожал плечами. — Эй, я умер. Бессмертию конец. Я не знаю, почему я жив, но я умер. Может, мое время вышло. Может, теперь я могу уйти на покой, найти где-то хороший дом и стареть в тишине. Может, смогу выспаться, — он не помнил, когда в последний раз

спал больше пары часов, этого не было уже сто лет.

Шики резко засвистела, поднялась по его ноге. Он поднял ее за шерсть, опустил на свое плечо. Она прищурилась, глядя на него.

— Да, ты права. Думаю, нам лучше догнать их, — он сунул в рот трубку, которую ему купил Гуан. — Гадкий поэт мог бы оставить мне и немного листьев.

Харуто повернулся к ступеням и остановился. Ворона парила над снегом, покрытым сажей, впереди. Она скрестила руки на груди, сжала локти, как любила делать Изуми.

— Я думал, ты ушла, — сказал Харуто с трубкой во рту. Шики с дрожью свистнула.

— Ушла, — сказала Ворона. — Она попросила меня вернуться, — онрë указала ладонью из дыма за Харуто. Он повернулся, к склону скалы у входа в пещеру прислонялось божество. На ней было одеяние с разноцветными заплатами, старая соломенная сугегаса и белая маска без черт, кроме черной пустоты на месте глаз, трещина тянулась по щеке, как слеза.

Харуто пожал плечами.

— Вряд ли ты пришла увести меня на небо ради покоя, как сделал с Янмей?

— Покоя? — бог войны рассмеялась. Шики чирикнула и попыталась спрятаться за головой Харуто, суетясь на его плече. — Боюсь, нет, оммедзи. Как видишь, грядет война, и мне нужны союзники.

— Поищи в другом месте, — сказал Харуто. — Я только что умер. Это дало мне свежий взгляд на все. Я закончил.

Смех донесся из мрака пещеры.

— Закончил? — прохрипел древний голос. Харуто ощутил запах жженого можжевельника на ветру. — Закончил? Ты же не думаешь, что я дал тебе умереть, потому что ты выполнил свою часть нашей сделки, да, Ночная Песнь? «Бессмертие, пока дух твоей жены в мире смертных», — сутулый старик с морщинистым лицом вышел из пещеры. Оморецу усмехнулся Харуто и рассмеялся. — Как видишь, она еще живет. Отчасти, — улыбка пропала с его кривого лица. — Как и Орочи. Так что ты в долгу передо мной, Ночная Песнь. Дважды.

Шики заскулила. Харуто вздохнул и покачал головой. Похоже, он все-таки не догонит Киру и Гуана.

— Капуста!

Больше книг на сайте - Knigoed.net